АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д. И. ГУЛИА

О. В. МААН

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ

АбИГИ
Сухум – 2014

ББК 63521 (=602.1) - 529
М 12

Рецензент – канд. ист. наук, проф. **Ю. Г. Аргун**
Редактор – докт. ист. наук, проф. **Т. А. Ачугба**

МААН О. В.
Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов.
РУП «Дом печати». Сухум, 2014. – 324 с.

В предлагаемую работу О.В. Маан вошли научные статьи по различным вопросам истории и этнологии абхазов, как неопубликованные, так и печатавшиеся в различных изданиях, начиная с 1990-х годов до настоящего времени. Кажущиеся на первый взгляд разнообразными, темы книги объединены одной основной – это история, культура абхазов и Абхазии по данным археологии, этнологии и письменных источников.

Рассчитана на широкий круг читателей.

© АбИГИ, 2014
© Маан О., 2014

ОТ АВТОРА

В настоящую работу включены публикации, которые издавались начиная с 1990-х годов до настоящего времени в разных газетах, тематических сборниках, материалах научных конференций и сессий и т. д. как на абхазском, так и на русском языках, а также новые, которые впервые увидят свет. В первом разделе настоящей работы рассматриваются древние культурно-исторические взаимосвязи, хозяйственно-обменные отношения, этнокультурная характеристика древнеабхазских племен в ранне античный период, взаимоотношения абхазов и лазов, а также вопросы мореходства в древней и средневековой Абхазии.

Важное место в сборнике занимают проблемы этнокультурного развития населения Юго-Восточной Абхазии. Это вопросы локализации «племен» на этой территории с первого по пятый века нашей эры, особое внимание уделено этническим (ассимиляционным, миграционным) процессам, имевшим место в этой части страны в Средневековье и в эпоху Нового времени. Здесь же приводятся материалы по вопросам семейного быта, антропонимии и др.

Следующий блок вопросов посвящен проблемам этносоциального развития абхазов; он охватывает такие темы, как становление человека в традиционно-бытовой культуре абхазов, состязательные игры абхазов, фамильные сходы, общественный строй и социальные отношения абхазов периода феодализма и Нового времени, проявление «Апсуара»

(букв. «абхазство») в сословном взаимодействии позднефеодального абхазского общества.

В четвертой части собраны сведения о зарубежных деятелях абхазского происхождения, в частности, рассматриваются вопросы, связанные с военно-политической деятельностью ряда выдающихся личностей абхазского происхождения в странах Передней Азии, Ближнего Востока и Северной Африки с раннесредневекового времени вплоть до XIX столетия.

Определенное место в работе заняли вопросы, в которых освещены социально-экономическое, политико-культурное развитие абхазского общества в XIX начале XX вв. и другие вопросы.

Кажущиеся на первый взгляд разнообразными, темы книги объединены одной основной – это история, культура абхазов и Абхазии по данным археологии, этнологии и письменных источников. Стиль изложения уже печатавшихся материалов в настоящей книге оставлен без изменения.

ЧАСТЬ I.

О РАННИХ ЭТАПАХ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ АБХАЗОВ

Древние культурно-исторические взаимосвязи Северо-Западного Кавказа

На протяжении всей своей истории Кавказ играл роль своеобразного моста, связывавшего Переднюю Азию[1] с причерноморскими степями и всей Юго-Восточной Европой[2]. Открытость Кавказского перешейка к северу и югу и смежность Закавказья с Передней Азией, частью которой оно является, сыграли важную роль в первоначальном заселении Кавказа человеком и связях его древнейшего населения с сопредельными территориями[3].

Исследователи предполагают что, территория Передней Азии была обитаема уже в эпоху нижнего (раннего) палеолита. Палеолитическая культура этого региона имела много общего с аналогичной культурой Кавказа, Средней Азии и даже некоторых других территорий[4] постсоветского пространства, вместе взятых которые можно было бы объединить в единую палеолитическую историко-культурную провинцию. Однако, полагать существование на этой обширной территории одной монолитной культуры вряд-ли допустимо. Поскольку определенные сходства памятников Кавказа, Загроса, могут свидетельствовать только о конкретных культурно-исторических взаимосвязях[5]. Сказанное подтверждается и тем, что археологические, этнографические и другие культурно-исторические соприкосновения нижнего и верхнего палеолита допускают возможность взаимных контактов на довольно большие расстояния.

Известным английским исследователем Древнего Востока Г. Чайлдом, в свете археологических раскопок, установлено, что начало развития торгово-обменных связей между отдельными обществами, расположенными друг от друга на огромном расстоянии Евразийского континента, восходят ко времени верхнего палеолита[6]. В своей работе «Прогресс и археология» он приводит множество ценных и конкретных сведений о торговых связях населения Европы и Азии от первобытной эпохи вплоть до периода поздней античности[7].

К указываемому Г. Чайлдом периоду, как известно, относится прогресс индустрии каменного инвентаря первобытных людей. На смену трем-четырем основным формам мустьерского времени приходит разнообразный набор каменных инструментов. В позднем палеолите этнокультурные различия становятся все более четко выраженными, нежели в ранние этапы каменного века.

В связи с прогрессом взаимообмена техническим опытом происходило развитие теснейших контактов между группами людей, число и густота которых все более увеличивались на указанном географическом пространстве[8].

Совершенствование орудий и разновидные способы охоты стимулировались и применением привозного материала, в частности, – вулканического стекла-обсидиана, как более качественный материал для изготовления ножей и наконечников дротиков или стрел, нежели кремня, в связи с чем, возможно, возрастал его спрос[9]. В естественных условиях обсидиан, как отмечено Г. Чайлдом, встречается в Абиссинии, Армении, в Таврских горах, на Мелосе в Эгейском море, на Липарских островах у побережья Италии и близ Токая, в Венгрии. Но орудия из обсидиана были найдены в наиболее древних могилах додинастического Египта, в древнейших поселениях дельты Тигра и Евфрата, и в неолитических деревнях Ассирии, Крита, Фессалии, Сербии, Моравии и Силезии[10], что указывает на широкий экспорт обсидиана из мест его разработок.

При этом в литературе неоднократно высказывалась точка зрения о закавказском происхождении обсидиана, представленного во многих древнейших памятниках Ближнего Востока[11]. Относительно территории Абхазии в эпоху позднего этапа верхнего палеолита (40 тыс. лет до н. э.) и мезолита, нужно сказать, что в культурных слоях известного грота Хупынипшахуа, близ Цебельды, также были выявлены довольно многочисленные орудия из обсидиана, выходов которого здесь пока не обнаружено. Это сырье, по мнению некоторых археологов, поступало путем межплеменного обмена из более южных районов Закавказья (Армянское нагорье)[12]. Изготовление же орудий из обсидиана производилось на месте. Приведенный факт, в свою очередь, рассматривается как показатель «довольно высокого развития обмена» и «уже регулярных и хорошо налаженных торговых связей древнейших племен Абхазии с более южными районами Закавказья…[13].

Для рассматриваемой эпохи наличие межплеменного обмена, на наш взгляд, не мог носить регулярный характер из-за далекого расстояния. В подтверждение сказанного предположения по отношению к первобытным и даже более развитым обществам, приведем пример о том, что в Передней Азии, торговля на далекие расстояния вообще играла «не столь важную для существования роль, как локальный обмен продуктами питания и некоторыми видами сырья», поэтому его следы с трудом улавливаются в археологических остатках[14].

Следовательно, для возможных контактов древнейшего населения Абхазии с жителями далекого Армянского нагорья, следует, очевидно, говорить о наличии в рассматриваемый период обменных отношений не систематического характера, хотя это положение и требует дальнейшего более углубленного изучения.

Вместе с тем, нам уже приходилось отмечать, что Армянское нагорье не является единственным на Кавказе, где имеются выходы обсидиана[15]. Эта горная порода, как известно, распространена в области вулканической деятельности и является не раскристализовавшимся продуктом быстро остывшей лавы. Вулканическая же деятельность сотни тысяч лет назад была широко развита при образовании Кавказских гор не только на Армянском и Джавахетском нагорьях (Южная Грузия), но и в Эльбрусской и Казбекской областях. Следовательно, вулканическое стекло, как наилучший

материал для изготовления орудий, должно было использоваться древнейшим населением обитавшим, например, на территории современной Кабардино-Балкарии. И действительно, изучения следов деятельности человека эпохи среднего палеолита в окрестностях сел. Заюково показали, что древнейшие орудия труда были изготовлены из обсидиан[16]. Ножевидные пластинки, скребла, резцы, наконечники дротика и различные вкладыши от обсидиана, кремния и кости были найдены и в мезолитических культурных слоях пещерной стоянки грота Сосруко[17]. Сходные материалы из кремня и обсидиана были обнаружены и на правом берегу р. Баксан, напротив грота Сосруко, а также в гроте Кала – Тюбю на левом берегу р. Чегем, близ сел. Верхний Чегем[18].

Таким образом, палеолитические люди, обитавшие на территории Кабардино-Балкарии, для изготовления орудий труда, чаще, чем кремень и другие осадочные породы, использовали обильный материал более качественных лавовых пород, в частности, обсидиан местного происхождения. А это значит, что указанный район Северного Кавказа (Баксанское ущелье), где имеются выходы обсидиана, расположенный к Абхазии гораздо ближе, нежели Армянское нагорье, вероятнее всего, могло быть местом, откуда вулканическое стекло путем регулярных обменных связей поступало на нашу территорию[19].

При этом самый близкий и доступный путь к вулкану Эльбрус проходит через Клухорский перевал. От Клухора же до горы Эльбрус по высокогорью расстояние составляет порядка 200 км[20]. Причем, Главный Кавказский хребет по мнению Н. О. Бадера, не мог быть непроходимым барьером для подвижных групп первобытных охотников[21]. Можно отметить и то, что один охотник мог переносить до 5 кг обсидиана. Возможно указанием на то, что в Абхазию поступал именно северокавказский обсидиан, являются отмеченные выше находки большого количества орудий из вулканического стекла в мезолитических слоях грота Хупынипшахуа в Кодорском ущелье, расположенного вблизи к Клухорскому перевальному пути. Можно полагать, что в Хупынипшахуа шел основной поток северокавказского обсидиана, который мог затем распределяться по другим стоянкам, расположенным в окрестностях Цебельды, – пещеру Апианча, поселение Лемса. Позже обсидиан встречается и на крупнейшем неолитическом поселении Кавказа – Кистрикском селище, – вблизи г. Гудаута, а так же на Апсарском энеолитическом поселении в г. Новый Афон.

Таким образом, обсидиан являлся первым археологическим зафиксированным материалом обмена не только южно-кавказских, но и восточно-анатолийских племен[22]. При этом, несомненно, что обсидиан меняли на другие товары, хотя и трудно сейчас сказать, какие именно это были предметы труда. Вместе с обменом товарами ширились экономические и культурные взаимосвязи[23].

В то же время, исследователи, особо подчеркивая большую роль обмена и архаических форм торговли вообще в первобытном обществе, отмечают, что вряд ли речь может идти об излишках, это был обмен жизненной необходимости. Все это свидетельствует о существовавшей культурной интеграции между первобытными людьми[24].

Как свидетельствуют археологические раскопки на территории Абхазии, в конце ледникового периода охотничье хозяйство мезолитических обитателей Черноморского побережья переживало кризис вследствие истребления дичи. Кризис был преодолен благодаря переходу от хищнического, по своей сути, охотничьего хозяйства к первым росткам земледелия и скотоводства[25]. Иными словами, в рассматриваемое время на территории Абхазии, как и в масштабах всего человечества, происходит один из важнейших технических прогрессов древности – постепенный переход от присваивающего характера к производящему хозяйству. Эту смену исследователи называют первой экономической революцией (неолитической). Нам видится, что такая формулировка не может соответствовать действительному положению вещей, так как этот длительный хронологический процесс осуществляется постепенным эволюционным путем, переходящий в новокаменный век, при котором сохранаются традиции предшествующих эпох[26]. Если большинство ученых последний этап каменного века относит к периоду VII – V тыс. до н. э., то в Абхазии, по необоснованному

мнению некоторых ученых, неолит продолжался в течение VI – IV тыс. до н. э. [27], хотя в условиях прогрессивного развития каменного века Абхазии, вряд ли допустимо омолаживание возраста раннеземледельческой эпохи.

Тем более Кавказ на юге, примыкая к Передней Азии, находится в непосредственной близости от территории т. н. плодородного полумесяца, в первую очередь Загроса, которая, считается одним из самых ранних очагов возникновения и развития мирового земледелия[28] и древнейшей цивилизации.

Известные археологи Р. М. Мунчаев и Н. О. Бадер, исследовавшие становление производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства на Переднем Востоке, на основании археологических материалов собственных раскопок утверждают: «Еще в X – IX тыс. до н. э. охотники Ближнего Востока начали систематически собирать дикие злаки, а в VIII – VII тыс. до н. э. появились первые земледельческие поселения в районах естественного распространения злаков»[29]. Таким образом, современная наука позволяет сделать вывод о том, что древнейшее злаковое земледелие возникло именно в Передней Азии[30], которое позволяет, на наш взгляд, допустить вхождение в этот ареал и Кавказа.

Такой важный и стимулирующий фактор, как соседство и постоянно усиливавшиеся связи древней Абхазии с Передней Азией, способствовали синхронное развитие раннеземледельческого хозяйства VIII – V тыс. до н. э. в связи с чем, на территории Западного Закавказья появляются первые зерновые культуры[31]. Распространение зерновых культур из Передней Азии в Закавказье и, наоборот, могло происходить путем культурно-экономического взаимосочетания земледельческо-скотоводческого населения этих крупных соседствующих регионов древнейшей цивилизации.

Развитие производящих форм экономики в неолите стимулировали взаимосвязи племен, проживавших на территориях, вошедших в раннем бронзовом веке в состав циркумпонтийской зоны[32]. Важное место в этих связях занимал торговый обмен. При этом, уже в неолите Кавказ был связан и с таким европейским регионом, как балкано-дунайский и смежными с ним областями

Восточной и Центральной Европы южным – анатолийским и северным – степными путями[33].

Что касается неолитического населения Абхазии, то оно, как и прежде вело самостоятельные операции, связанные с изготовлением части орудий из обсидиана. На неолитических поселениях Абхазии встречается значительное число обсидиановых орудий и обломков, предполагающее, по мнению Ю. Н. Воронова, сохранение в качестве основного пока еще юго-восточного направления экономических и культурных связей с соседними регионами[34]. Но, как уже отмечалось, более вероятным является поступление обсидиана в Абхазию из сырьевых источников Главного Кавказского хребта[35].

Нужно сказать, что особенность интенсивного развития обмена у ранних земледельцев объясняется оседлым образом их жизни, ограничивавшим доступ к ресурсам, рост потребностей в сырье, а также наличие годного для обмена избыточного продукта[36]. Товарообмен был условием и одновременно следствием наметившейся хозяйственной дифференциации[37], в частности формирования специализированного в большей или меньшей степени скотоводческого хозяйства. Отсюда следует естественный вывод о существовании (сначала спорадически, а затем все более и более регулярно) обмена продуктами земледельческого и скотоводческого хозяйства[38]. Постепенно стабильный характер начинает приобретать не «естественный» и «престижный»[39], а подлинно экономический обмен[40]. А это в свою очередь, уже в медно-бронзовом веке способствовало складыванию в обществе представлений об эквивалентности обмениваемых предметов, возникновению мерил стоимости и средств обмена[41]. Ими становились меха, скот и другие самые различные товары. Позднее для этих целей стали использоваться металлы в виде слитков[42], а так же предметы украшения и др.

У древнего населения Абхазии с развитием скотоводства одним из ведущих объектов обмена также, очевидно становится животноводческий товар, приобретавший постепенно функции денег. Еще в XVII – XVIII вв. скот зачастую выполнял в абхазской

общине роль всеобщего эквивалента при обмене товаров. В глубокой же древности, по мнению А. В. Фадеева, значение скота в процессе обмена было гораздо выше[43].

Развитию экономического обмена и установлению более тесного контакта между береговыми поселениями Черноморского бассейна и жителями окружающих других территорий способствовало, надо полагать, и открытое морское пространство. В конце неолитической эпохи происходит заметная регрессия Черного моря, бухты постепенно заполняются выносами рек, и берег существенно выравнивается. Это способствовало развитию сухопутного сообщения по единственно возможной в тех условиях естественной дороге побережья – морскому пляжу[44].

В следующий энеолитический период, т. е. в V – первой половине IV тыс. до н. э. ученые отмечают наличие обширных хозяйственно-культурных контактов населения Закавказского Причерноморья с Малой и Передней Азией, с цивилизациями Древнего Востока.

Расширение экономических взаимоотношений раннеземледельческих культур Северо-Западного Кавказа не только с Передней Азией, но и древним населением Юго-Западной Европы, южноазиатского региона и Северной Африки в эпоху энеолита, признано большинством ученых-кавказоведов[45].

Исключительным фактом, подтверждающим ранние связи населения Абхазии с переднеазиатским миром, в том числе и Малой Азией, являются материалы, выявленные археологом И. И. Цвинария на поселении, известном как Апсарское (у подножия Анакопийской горы в Новом Афоне). Здесь изучается многослойный, перемешанный памятник, где жизнь проходила, начиная с палеолита-мезолита до эпохи ранней бронзы включительно. На Апсарском поселении выявлены многочисленные фрагменты крашенной (расписной) керамики в сочетании разноцветных красок (красной, желтой, серой, коричневой) на поверхности черепков[46]. Варианты росписи на сосудах довольно просты – широколенточные, чередующиеся в разные краски полосы. Насыщенность Апсарского поселения расписной посудой, – указывает И. И. Цвинария, – впервые встречается на территории Западного Кавказа, что делает этот памятник уникальным в данном регионе[47]. Варианты росписи находят аналогии в памятниках нижних слоев Хассунской культуры, в частности, в слое Тель Хассуны и в XII – XI горизонтах пос. Яримтепе 1[48], только с той отличительной особенностью, которую оставляет обособленным Апсарское поселение (технология производства)[49].

Простая бытовая керамика, представленная на поселении, – отмечает И. И. Цвинария, – по форме круглодонная, шаровидная и сравнительно грубоватая, что дает возможность, по мнению автора, увязать ее с самыми ранними очагами формирования майкопской культуры, распространившимися в последствии на северные регионы Большого Кавказа[50].

При всей оригинальности и новизне, высказанной выше мысли, необходимы дополнительные аргументы, говорящие в пользу правомерности заключения о том, что древняя Абхазия явилась первичным очагом сложения майкопской культуры. А это возможно на основе дальнейшего изучения Апсарского и других поселений. Для всестороннего и четкого освещения такого сложного вопроса, памятники энеолита и ранней бронзы Абхазии, к сожалению все еще остаются исследованными в явно недостаточной степени.

Прежде чем непосредственно перейти к изложению конкретных сведений, характеризующие экономические связи Западного Кавказа в период энеолита и ранней бронзы, отметим, что для эпохи древности в процессе культурных взаимоотношений преобладающим фактором служил обмен сырьем, пищевыми продуктами, украшениями, предметами роскоши и в целом изделиями высокой стоимости и их меновыми эквивалентами, реже – производственными навыками. При большой разнице в хозяйственной специализации обменивавшихся обществ, интенсивность обменных связей (одним из выражений которого зачастую выступал торговый обмен) была высокой[51]. Выше цитированный Г. Чайлд, отмечая большое количество импортных изделий в Египте в III тыс., допускает, что регулярные торговые сношения начались с

торговли металлом, и, что почти за 2000 лет до н. э. глиняную посуду с Крита вывозили не только в континентальную Грецию, но также на Кипр, в Сирию и Египет[52].

Ему же принадлежит первая попытка установления факта наличия торговых связей между Северной Индией, Средней Азией, Месопотамией и Египтом. По его мнению, «мы имеем конкретные свидетельства о существовании к 2500 г. до н. э. обширной торговой сети, охватывавшей всю территорию от Тигра до Инда и на запад – от Евфрата до самого Нила»[53].

Эти обстоятельства дают возможность выявить те черты сходства, которые позволяют сближать отдельные памятники материальной культуры, исследованные на большой территории между Индом и Нилом.

В научной литературе уже отмечалось, что появление и распространение металлургии меди и различных типов бронз имело важное значение для появления обмена и развития торговли[54]. При этом руда или металл (медь), очевидно, являлись одним из самых дорогих, ценных и стратегически важных объектов в межплеменном обмене. Характеризуя эпоху энеолита на территории Абхазии М. М. Трапш, отмечал: «Следов металла в культурном слое Очамчирской стоянки и других поселений, хотя и не обнаружено, но его обработка уже была известна человеку»[55]. Базируясь на этом тезисе, М. М. Трапш считал возможным достаточно уверенно далее писать: «в конце IV тыс. до н. э. в Ассиро-Вавилонии развивается металлургия, и изделия из меди скоро проникают на территорию Кавказа в результате межобщинного обмена и торговли»[56].

На заре III-го тыс. до н. э. в древней Абхазии, видимо, начинают использоваться местные источники сырья. Об этом могут свидетельствовать Башкапсарские медные рудники в верховьях р. Бзыбь (2200 м. над уровнем моря), функционировавшие предположительно с III тыс. до н. э. до VIII в. до н. э. [57]. Древнеабхазские рудокопы из Башкапсары, как установили исследования, применяли огневой способ добычи руды[58].

В то же время, на наш взгляд, наличие на территории Абхазии дубового угля – наилучшего топлива для выплавки из руды

металла способствовало тому, что сырье, металлические слитки и готовые изделия отсюда (в отличие, например, от Южного Урала, где согласно Е. И. Черных, отсутствуют леса, и поэтому вывозилась преимущественно руда)[59] вывозились на экспорт. В дополнении к сказанному появление в этот период на территории Абхазии первых кладов из палеометалла также свидетельствует о расширении производства, рассчитанного на обмен.

Исходя из неоднократно проводившегося сопоставления различных археологических памятников Кавказа с находками из бассейна Дуная и Балканского полуострова[60], Г. Е. Арешян, например, утверждает, что торговый обмен или передача производственных навыков, отчетливо прослеживается в том влиянии, которое оказывала кавказская металлургия, в частности, на металлообработку Восточной Европы в III тысячелетии до н. э. Металл Армянского нагорья и Кавказа завоевывает в ту эпоху обширные пространства между Волгой и Днепром[61].

Таким образом, рассматриваемый период характеризуется археологическими памятниками, у которых выражено усиление обменных взаимоотношений. В данной связи весьма показательны наиболее яркие памятники III – II тыс. до н. э., изученные в Абхазии (Очамчира, Кистрик) – стоянки земледельцев со значительным количеством тяпкообразных мотыжек т. н. «сочи - адлерского» и дисковидными «сухумского» типов. Эти сегментовидные каменные мотыжки и иные изделия по форме обнаруживают наиболее близкие аналогии в каменных мотыжках раннеземледельческой эпохи из некоторых памятников Передней Азии (Хассуна)[62], что указывает на несомненные связи Кавказа со странами Древнего Востока в ту отдаленную эпоху. Стало быть, хронологические рамки появления этих орудий должны синхронизироваться с последними.

Традиционно же принято считать, что их появление в Кавказском Причерноморье было результатом влияния Древнего Востока[63]. Материалы вместе с тем сближают культуру тогдашних земледельцев горных долин Абхазии с одной из выдающихся культур Кавказа III тыс. до н. э. – Майкопской, которая, в свою

очередь, по мнению ученых, сформировалась в итоге широких культурно-экономических взаимосвязей с Малой и Передней Азией[64].

Основной же вывод, к которому приходят исследователи, применительно к эпохе ранней бронзы состоит в том, что столь значительных и активных связей с Передней Азией, в частности, Месопотамии с Закавказьем и Северным Кавказом, не наблюдается ни в предшествующую эпоху, ни тем более в последующую[65]. Эти связи, по мнению Р. М. Мунчаева, не были односторонними. Безусловно, и то, пишет исследователь, что с Северного Кавказа по налаженным торговым путям поступали в Переднюю Азию какие-то товары, прежде всего золото. Месопотамия нуждалась, очевидно, в материальном сырье с Северного Кавказа. Здесь она сбывала и некоторую свою продукцию, в частности великолепные изделия своих ювелиров[66]. Эти взаимосвязи, констатирует Р. М. Мунчаев, послужили определенным и важным стимулом в общем культурно-историческом прогрессе, который наблюдается на Северном Кавказе. При всем том, считает автор, в экономическом развитии Закавказье опережало Северный Кавказ[67].

Значительным фактом торговых сношений, осуществлявшихся иноземными купцами с Кавказским Причерноморьем в раннебронзовую эпоху, являются материалы, найденные в 1950 - х гг. в Воронцовской пещере Адлерского района Краснодарского края РФ[68]. Как полагают, стоянки Воронцовской пещеры в значительной мере являлись временными поселениями и убежищами торговцев, шедших с побережья к горным перевалам на Северный Кавказ, а также торговцев-посредников между прибрежным и горным населением Северо-Западного Кавказа[69].

Основными контрагентами в перевальной торговле к середине III тыс. до н. э., – пишет М. М. Трапш со ссылкой на Л. Н. Соловьева, – все более и более делаются с одной стороны, майкопские племена Прикубанья, с другой стороны – страны Восточного Средиземноморья, доставлявшие через перевал (Псеашхо и Клухорский) на Кавказ металлические изделия, предметы роскоши и прочие товары[70]. Посредниками в этой торговле, полагает М. М.

Трапш, мнение которого мы разделяем, являлись не только южные мореплаватели, но в какой-то мере и причерноморские племена[71].

Свидетельством дальних торговых связей являются импортные металлические изделия из Воронцовской пещеры, в том числе полированные браслеты (изготовленные из серпентинита (змеевика) – горной породы, ближайшие выходы которой имеются на Северном Кавказе в верховьях рр. Лаба и Кяфар), а также золотой завиток[72], довольно большое количество фрагментов малоазийской керамики, и что наиболее показательно, большое количество створок, съеденных морских моллюсков – мидий и дрейссензий[73]. А так как подобная пища не свойственна жителям Кавказа, то их, очевидно, съедали иноземные купцы, находившие здесь свой ночлег. Можно предполагать, пишет Л. Н. Соловьев, что этими иноземными купцами вполне могли быть финикийцы или карийцы[74]. Последующие изыскания подтвердили мысль о плавании, в частности, финикийцев к Кавказскому побережью и их торговых и военных контактах с местным населением[75]. Один из библейских пророков Иезеккиль, упоминает, что финикийский город Тир вел меновую торговлю с кавказскими племенами, выменивая товары…. . на души человеческие, т. е. рабов[76].

Приведенное сообщение датируется VI в. до н. э., однако, несомненно, что спорадические торговые связи финикийцев с западным побережьем Кавказа имели место и в более ранние периоды истории. Финикийцы, по очень точному замечанию Э. Курциуса, были первыми от которых узнали, что девочки и мальчики, захваченные где-нибудь в поле, доставляют больше дохода, чем все другие товары[77].

Примечания

[1]Рассматриваемый регион встречается в исторической литературе под разными названиями. Прежде было распространено название Ближний и Средний Восток, теперь он известен чаще как Юго-Западная, или Передняя Азия и в настоящее время включает следующие страны: Афганистан, Иран, все арабские стра-

ны Восточного Средиземноморья и Аравии, Израиль и Турцию. В историко-этнографическом отношении эта территория рассматривается как Переднеазиатская историко-этнографическая провинция (т. е. как область высшего таксономического порядка) (См.: Народы Передней Азии. – М., 1957; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. – М., 1985. С. 223).

[2] Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. – М., 1975. С. 8; Энеолит СССР. – М., 1982. С. 94; Мезолит СССР. – М., 1983. С. 93. О культурно-исторических взаимосвязях Малой и Передней Азии с Кавказом подробно см. также: Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976. С. 65–71, 122 и сл. ; Анчабадзе Ю. Д. Введение // Абхазы. – М., 2007. С. 7–8.

[3] Палеолит СССР. – М., 1984. С. 47.

[4] Подробнее см.: Палеолит Ближнего и Среднего Востока. – Л., 1978; Палеолит СССР… С. 287.

[5] Там же.

[6] Чайлд Г. Прогресс и археология. – М., 1945. С. 110. См. также: Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах // СА, №3. 1974. С. 306.

[7] Там же. С. 110–127.

[8] См.: Палеолит СССР… С. 349.

[9] Чайлд Г. Прогресс и археология… С. 112.

[10] Там же.

[11] См.: Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века… С. 78.

[12] Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. // Труды АИЯЛИ. Т. XXXII. – Сухуми. 1960. С. 191. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми. 1969. С. 72; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века… С. 77–78; Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар. 1979. С. 25; Соловьев Л. Н. Памятники каменного века Абхазии. – Тб., 1987. С. 46–56; История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 21. Нужно сказать, что наиболее важный по своему значению памятник древнего палеолита Армении, известная стоянка Сатани-Дар находится в районе горы Богутлу, на юго-западном склоне Арагаца. Богутлу, как и вся система Арагаца, вулканического происхождения. Породы из которых сложена Богутлу, в основном базальты и диориты, содержащие многочисленные включения высококачественного обсидиана, который, по видимому, и привлекал сюда первобытного человека. Обилием и хорошим качеством обсидиана и базальта обусловлены также крупные размеры выявленных там орудий шелльско-ашельского времени. Там же на Богутлу известна мастерская по добыче и обработке обсидиана, начало разработки которого относится, как считают специалисты, к ранненеолитическому времени, но использовавшегося и в более поздние эпохи (Паничкина М. З. Древнепалеолитическая стоянка Сатани-Дар в Армении // КСИА. Вып. XXXV. 1950. С. 66–73)

[13] Бжания В. В. К вопросу об условиях обитания первобытного человека в гроте Хупын-Ипшахва. Материалы научной сессии. Тезисы докладов. – Сухуми. 1961. С. 24–26; История Абхазии…Там же. То, что общество жившее в верховьях Кодора, уже в период мезолита не было изолировано от обменных связей с внешним миром, свидетельствуют и находки в нижнем культурном слое грота Хупынипшахуа шейных украшений – ожерелья из просверленных раковин (Соловьев Л. Н. Памятники каменного века Абхазии… С. 56).

[14] Wright G. A. Obsidian Analyses and Protohistoric Near Eastern Trade: 7500 to 3500. AnnArbor. 1969. P. 68–69; Антонова Е. В. Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ, № 2. 1991. С. 3–17.

[15] Маан О. В. Гулрыпшский район Абхазии. История, этнография. – Сухум. 2013. С. 16.

[16] Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. С. 60.

[17] Там же. С. 61.

[18] Там же.

[19] Маан О. В. Гулрыпшский район Абхазии. История, этнография… С. 16.

[20] Для сравнения: расстояние от Сухума до Армении составляет порядка 600–700 км.

[21] Палеолит СССР … С. 287.

[22] Гаглойти Р. Х. Античный мир и Южная Осетия (I–IV вв. д. н. э.). – Владикавказ. 2003. С. 86.

[23] Кушнарева К. Х. Обмен и торговля в Закавказье в древности // КСИА. № 138. – М., 1974. С. 27.

[24] См.: Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах … С. 312.

[25] Соловьев Л. Н. Многослойное поселение Кистрик близ г. Гудаута // XVI Научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. – Сухуми. 1965. С. 27.

[26] Так, например, в XI в. н. э. новгородцы писали о меновой торговле с неолитическими (по типу хозяйства) племенами Севера, а в XVIII в. русский этнограф С. Крашенинников описал типич-

но неолитический быт местных жителей Камчатки (Всемирная история. Под ред. акад. Г. Б. Поляка, проф. А. Н. Марковой. – М., 2000. С. 27).

[27] Бгажба О. Х., Лакоба З. С. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. – Сухум. 2006. С. 22.

[28] Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века… С. 8, 77, 78.

[29] Мунчаев Р. М., Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии // Вестник АН СССР. № 2. 1979. С. 107; Мунчаев Р. М. Новейшие археологические исследования в Месопотамии // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 65.

[30] См.: Решетов А. М. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. – Л., 1980. С. 34–38. См. также. Массон В. М. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии // ВИ, № 6. 1970. Его же. Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики. – Л., 1971; Мерперт Н. Я. Древнейшее земледелие на Ближнем Востоке // Природа, № 11. 1981. Его же. «Неолитическая революция» на Ближнем Востоке (некоторые моменты разработки проблемы в зарубежной науке) // КСИА. № 180. 1984; Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. – М., 1989; Мунчаев Р. М. Новейшие археологические исследования в Месопотамии… С. 65.

[31] Энеолит СССР. – М., 1982. С. 95–96; История Абхазии … С. 23.

[32] Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. – М., 1988. С. 13.

[33] Там же. С. 19.

[34] Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар. 1979. С. 27; История Абхазии… С. 24–25.

[35] Торговля обсидианом в указанную эпоху прослеживается и в отдельных областях Центральной и Юго-Восточной Европы (племена Северной Венгрии, Австрии и Восточной Моравии) (БСЭ. Т. 30. – М., 1954. С. 394).

[36] История первобытного общества. Эпоха классообразования. – М., 1986. С. 341.

[37] Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964. С. 49.

[38] Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах … С. 306.

[39] Престижная экономика, подчеркивают А. И. Першиц и др., существовала только в системе избыточного продукта и проявлялась главным образом в обмене дарами, или в дарообмене. Этот обычай зародился еще в конце эпохи раннеродовой общины, но получил развитие лишь в последующую эпоху в связи с появлением избыточного продукта и трудового распределения. Обмен дарами совершался преимущественно не внутри общины, а за ее пределами, связывая между собой много соседних общин. Даритель приобретал общественный престиж – тем больший, чем щедрее был дар, и в то же время ничего не терял, так как действовал принцип эквивалентности дачи и отдачи, так называемая взаимность, или рециприкация (Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. – М., 1982. С. 160).

[40] Там же.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 161.

[43] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. – Сухум. 1934. С. 51.

[44] Анчабадзе З. В. История и культура… С. 49.

[45] Цвинария И. И. Поселение Гуандра. – Тб., 1978. С. 3, 42, 50. Его же. Взаимоотношения культур энеолита и ранней бронзы Западного Кавказа. – Сухуми. 1990. С. 7, 9–12, 17–18 (со ссылками на работы ученых - кавказоведов); Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы. – Стоянки Воронцовской пещеры // Труды АИЯЛИ. Т. 29. – Сухуми. 1958. Его же. Многослойное поселение Кистрик близ г. Гудаута… С. 28; Крупнов Е. И. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность(к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // XXVI Международный конгресс востоковедов. – М., 1963. С. 5; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре… С. 367–368; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов… С. 64–65, 66, 67, 71, 73, 74, 76 и сл.: Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик. 1991; Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум. 2005. С. 14, 36. На основании изучения в 30-х гг. XX в. Л. Н. Соловьевым Очамчирского энеолитического селища, где почти не было найдено предметов, которые бесспорно можно было бы признать за привозные, автор делает вывод о том, что в рассматриваемую эпоху межплеменный обмен не был значительным (Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии// Материалы по истории Абхазии. 1. – Сухуми. 1939. С. 52–54). Между тем, накопление новых археологических материалов на

территории Абхазии и сопредельных областей, по которым имеется обширная литература, позволили исследователям сделать безусловно правильный вывод о том, что эпоха энеолита, характеризующаяся широким использованием медных изделий, приводит к интенсивному развитию производящей экономики, что, в свою очередь, вело к широкому кругу связей и взаимодействий с соседними племенами. Об этом, кстати, свидетельствует последующая работа Л. Н. Соловьева «Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита…».

[46]Цвинария И. И. Археологические раскопки на поселении Апсар в 2000 году // XLV Итоговая научная сессия АБИГИ (24–26 апреля). Тезисы докладов. – Сухум. 2001. С. 19. Его же. Результаты раскопок Апсарского поселения в Новом Афоне // XLVIII итоговая научная сессия АБИГИ (11–13 мая). Тезисы докладов. – Сухум. 2004. С. 23.

[47]Цвинария И. И. Указ. Раб. Там же.

[48]См. также: Мунчаев Р. М. Новейшие археологические исследования в Месопотамии… С. 66–68.

[49]Цвинария И. И. Результаты раскопок Апсарского поселения… С. 23.

[50]Цвинария И. И. Указ. раб. Там же.

[51]См. напр.: Арешян Г. Е. К обоснованию методов исследования культурных и этнических контактов в древности (этнокультурные связи Юго-Восточной и Центральной Европы с Армянским нагорьем и Южным Кавказом) // СЭ, № 2. 1989. С. 45–55.

[52]Чайлд Г. Прогресс и археология… С. 114, 118.

[53]Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. – М., 1956. С. 258.

[54]Массон В. М. Развитие торговли и обмена в древних обществах // КСИА. Вып. 138. 1974. С. 8; Безруков А. В. Импортные изделия в археологических комплексах Урала и Прикамья второй половины I тыс. до н. э. – первых веках н. э. (к проблеме развития обмена и торговли) // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск. Вып. XI. 2001. С. 145.

[55]Трапш М. М. Труды. Т. I. – Сухуми. 1970. С. 60.

[56]Там же.

[57]Бгажба О. Х., Лакоба З. С. История Абхазии… С. 29. О том, что в Башкапсарских рудниках производством меди занимались именно древние абхазы, говорит и соответствующая терминология, например, шахта по абхазски называется «ацлашәкуара», мешок, с помощью которого вытаскивали руду из шахты – «аҳата» и т. д.

[58]Бгажба О. Х., Аргун Ю. Г. Ремесла // Абхазы. – М., 2007. С. 160–161.

[59]Цит. по: Безруков А. В. Импортные изделия… С. 145.

[60]Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV-III тысячелетий до н. э. в циркумпонтийской зоне… С. 10, 11, 14, 15, 18; Арешян Г. Е. К обоснованию методов исследования… С. 45–46.

[61]Указывая на общность культур Армянского нагорья, Южного Кавказа и Балканского полуострова, Г. Е. Арешян в то же время предполагает, что «во второй и третьей четвертях III тысячелетия до н. в развитие местных культур Армянского нагорья и Кавказа внезапно вклинивается ряд сложившихся археологических типов, характерных не только для Балкан, но и для Центральной и даже Западной Европы». В ту же эпоху наблюдается появление на Армянском нагорье и Южном Кавказе характерного для Юго-Восточной Европы и Западной Малой Азии типа металлических предметов (плоские, очень вытянутые тесла) (Арешян Г. Е. К обоснованию методов исследования… С. 52–53). Объяснением этого обстоятельства автор считает их принесение на Кавказ вместе с мигрировавшей группой населения с запада на восток через Малую Азию. При этом, «передвижению типов миграционным путем, по-видимому, сопутствовала трансмиссия артефактов из Малой Азии на Армянское нагорье путем торгового обмена» (Там же. С. 53. См. также: Иессен А. А. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом // КСИА. Вып. XLVI. 1952. С. 48–53; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века… С. 10, 14, 407).

[62]Марковин В. И., Мунчаев Р. М. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // КСИА. Вып. 84. 1961. С. 27–29; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века…С. 71–72, 376; Энеолит СССР… С. 127–128; Воронов Ю. Н. Древности Сочи… С. 33–37; Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории // Абхазы. – М., 2007. С. 59. Подобные орудия, прикрепленные к рукояти с помощью битума, по Г. Чайлду, могли употребляться не только как наконечники мотыг для возделывания почвы, но и как тесла для обработки дерева. Возможно, каменные мотыжки являются прототипом бронзовых орудий аналогичных форм и назначения, часто встречаемых на памятниках Колхиды эпохи поздней бронзы (Марковин В. И., Мунчаев Р. М. О двух типах каменных орудий… С. 28).

[63]Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. – М., 1965. С. 61.

[64]Формозов А. А. Новое о южных связях Майкопской культуры // КСИА. Вып. 93. 1963. С. 34–37;Мунчаев Р. М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа – М., 1994. С. 170; Кореневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. – М., 2004. С. 9.

[65]Мунчаев Р. М. Кавказ на заре… С. 377, 392, 396 и сл.
[66]Там же. С. 376.
[67]Там же. С. 377–378.
[68]Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей… С. 157–158; Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей… С. 43; Резван В. Результаты и перспективы палеонтологических и археологических исследований в Воронцовской пещере // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 308, 310, 312.
[69]Воронов Ю. Н. Древности Сочи… С. 43.
[70]Трапш М. М. Труды. Т. I … С. 35–36.
[71]Там же.
[72]Воронов Ю. Н. Древности Сочи… С. 43; Резван В. Результаты и перспективы… Там же.
[73]Соловьев Л. Н. Новый памятник… С. 157.
[74]Соловьев Л. Н. Новый памятник… С. 158.
[75]Виноградов В. Б. «Тайны минувших времен». – М., 1966. С. 81; Нойкирхен Г. Мореплавание вчера и сегодня. – Л., 1977. С. 14; Сниса-ренко А. Б. Властители античных морей. – М., 1986. С. 65.
[76]Цит. по: Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. – Сухум. 2006. С. 150.
[77]Курциус Э. История Греции. Т. I. – М., 1876. С. 49.

О хозяйственно-обменных отношениях древней Абхазии

На заре эпохи металла, согласно археологическим данным, имеет место расширение культурно-экономических взаимоотношений местных племен с населением сопредельных районов Передней Азии; повышению же уровня их благосостояния должно было способствовать то обстоятельство, что они находились на стадии усиленного развития производящего, многоотраслевого хозяйства (занятия мотыжным земледелием, скотоводством, солеварением, рыбным промыслом, деревообработкой, металлообрабатывающим ремеслом и др.)[1], ничем не уступавшее другим синхронным культурам Закавказья.

Говоря о традиционных и систематических взаимных связях населения Абхазии с Малой и Передней Азией, в том числе в эпоху ранней и средней бронзы, не следует, очевидно, приуменьшать роль этнокультурных связей древней Абхазии в тот период с сопредельными регионами Северного Кавказа. К сожалению, эти связи пока еще также остаются слабо изученными, хотя, их наличие, несомненно. В этом отношении в качестве примера, можно отметить находку навершия с тремя бараньими головками в дольмене 5 в Эшере, полные аналогии, которому известны из Дигорского ущелья (2 экз.) и Тлийского могильника (раскопки В. И. Долбежева), а также навершия в виде топорика из сел. Бармыш, особенно многочисленные аналогии которому известны опять же в Дигорском ущелье. Явно к эшерским восходят и кабанские подвески в виде птичек[2].

В свете исследований последних десятилетий, ряд ученых считает, что в период наивысшего расцвета колхидской бронзы, на всей территории ее распространения наблюдается бурный рост производительных сил, демографические сдвиги и экономический прогресс[3].

Самыми характерными, ведущими археологическими памятниками этой эпохи являются, как известно, своеобразные бо-

евые топоры, употреблявшиеся, надо полагать, и в качестве орудий труда и атрибута власти, а также бронзовые мотыги, серпы, постепенно заменившие собой деревянные орудия земледелия, ставшего уже, в основном, делом мужчин. Слитки олова своеобразной формы, использовавшиеся в этот период для производства оловянистой бронзы, находимые в слоях этого периода, вероятно, ввозились в порядке обмена из Малой Азии, так как олово в Закавказье имелось в незначительном количестве. Данное обстоятельство, т. е. вытеснение камня из производства орудий труда, оружия, украшений оказало благотворное влияние на развитие отраслей хозяйства, в том числе земледелия. Усложнилось специализация членов общины, обмен сырья и изделий[4]. Как раз в эту эпоху международные связи древней Абхазии достигают высшей ступени развития. Так, влияние Малой Азии (Анатолии) просматривается в выявленных на территории Абхазии глиняной и бронзовой посуде, а также в топорах и браслетах; воздействие культуры Урарту хорошо видно в кинжалах, шлемах, бляхах и поясах; Ирана – в пекторалях; островной Греции через Малую Азию – в фибулах, и т. д. Отмеченные характерные импорты, по мнению специалистов, могли однако, проникнуть в древнюю Абхазию не только в результате межплеменного обмена, но и вместе с их носителями, обнаруживая, таким образом, процессы единичных миграций с юга[5].

К VIII в. до н. э. относится и появление на территории Абхазии первых железных изделий, в распространении которых в Закавказье решающую роль сыграло опять же государство Урарту[6], близко расположенное от страны халибов (проживавших между Самсуном и Трапезунтом, – в бассейне р. Галис – совр. Кызыл-Ирмак), кому легенда приписывает открытие железа[7].

В связи с экономическим прогрессом, достигнутым древними абхазами в ту эпоху, нельзя пройти мимо факта существования в районе греческой Диоскуриады в эпоху поздней бронзы и раннего железа достаточно развитого общества[8]. По мнению исследователей этого района (В. И. Чернявский, Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш, В. В. Бжания, М. В. Барамидзе, Ю. Н. Воронов, И. И. Цвинария, А.

И. Джопуа, Г. К. Шамба), в районе Сухума и его окрестностях целые поселки того времени еще до прихода греков носили характер протогородских[9], с их неизбежным спутником – торговлей. Выявленные на Сухумской горе медеплавильная печь эпохи бронзы, а также развалины сыродутной печи близ Сухум ГЭСа и другие факты, по мнению Г. К. Шамба, свидетельствуют о том, что такие жизненно важные производственные очаги могли возникнуть только там, где жили и работали высококвалифицированные мастера со своими вековыми традициями, изделия которых имели спрос не только внутри страны, но и далеко за ее пределами[10].

Таким образом, делают вывод эти исследователи, еще в догреческий период, на месте современного Сухума и его окрестностях было «сосредоточено множество поселений, могильников и производственных центров», которые квалифицированы как крупные поселения с могильниками догородского типа[11].

Для ведения строительства и для функционирования ремесленных мастерских необходимо было иметь сырье. Поэтому в эпоху развитой бронзы, на территории Абхазии должна была резко возрасти добыча полезных ископаемых. Объем добычи полезных ископаемых определялся, прежде всего, внутренними потребностями и лишь отчасти стимулировался экспортом. Действительно, в Абхазии имеется, например, множество древних рудников, где добывалось сырье для металлургии. Сырье из этих месторождений, пишут М. М. Гунба и Г. К. Шамба, употребляли как внутри страны, так и за ее пределами, включая Северный Кавказ[12]. Еще ранее, Р. М. Мунчаев пришел к выводу о том, что металлообработка на Северном Кавказе базировалась на импортном сырье, поступавшем сюда, главным образом из Закавказья. Часть его шла на нужды своего металлообрабатывающего производства, а остальное сбывалось северным соседям[13].

Помимо извлечения из недр земли металлических ископаемых, строительных материалов, полудрагоценных и драгоценных камней и т. д., в древней Абхазии в больших масштабах, надо полагать, производилось и золотодобыча. Проявления золота, изученные еще, к сожалению, очень слабо, как известно, имеются в вер-

ховьях рр. Кодора и Джампала[14]. Учитывая то обстоятельство, что некоторые авторы[15] основной причиной появления древнейших греков в Восточном Причерноморье считают поиски ими золота и вообще металлов, то о наличии в этих краях полезных ископаемых должно было известно и в других регионах Причерноморья, задолго до появления греков. С этой точки зрения правдоподобным выглядит предложение Д. Г. Капанадзе о том, что еще до появления греков на Черноморском побережье Кавказа могли существовать «прочные торгово-экономические взаимоотношения с боспорскими правителями, которые могли иметь более реальные источники золота, чем Урал и Сибирь»[16].

Выше упоминалось о функционировании в эпоху развитой бронзы на территории Сухума ремесленных мастерских, где применялся труд людей, обладавших профессиональными навыками (возможно, изготовлявшие коричнево-глиняные амфоры). Среди них вполне мог находиться и определенный контингент ремесленников, выходцев из других регионов Восточного Причерноморья.

В связи с чем заслуживает внимания точка зрения Г. К. Шамба о том что, мастера-кузнецы из Эшерского городища рубежа I в. до н. э. ковали цалды, прототипы которых нужно искать в начале I тыс. до н. э. [17]. Эти железные цалды из Эшеры копируют форму бронзовых изделий Юго-Восточного Причерноморья (ближе к совр. Аджарии, включая северную Турцию)[18]. Данное обстоятельство исследователь объясняет тем, что среди жителей Эшеры жила группа ремесленников, вышедшая из земель Юго-Восточного Причерноморья[19]. Пришлые мастера, знакомые с технологией изготовления заморских амфор работали и в мастерских самой эллинистической Диоскурии[20]. Приведенные данные дают основание полагать, что квалифицированные мастера на протяжении длительного исторического времени являлись одной из наиболее подвижных групп населения (наряду с наемниками, прорицателями, врачами), что, в частности, было характерно как для Черноморского бассейна, так и Восточного Средиземноморья.

В свете изложенного, не должна вызвать возражений точка зрения В. Р. Эрлиха, о том, что в VIII в. до н. э. подобные квалифи-

цированные закавказские, в том числе абхазские мастера, могли находиться, например, в предгорьях Северо-Западного Кавказа и обслуживать протомеотское вождество[21].

При этом вполне можно полагать, что закавказские и абхазские ремесленники не просто обслуживали протомеотское вождество; их перемещения в предгорья Северо-Западного Кавказа, могли носить форму «свободного предпринимательства».

В тот же период Абхазия поставляла на Северо-Западный Кавказ бронзовые предметы (наконечники копий, конская бляха, фибулы), древнейшую сталь (полосовые заготовки или целые стальные вещи)[22]. Основываясь на бронзовые предметы, происходящие из Бзыбской Абхазии, исследователи предполагают, что именно этот регион Абхазии мог быть центром вывоза высококачественной стали на Северо-Западный Кавказ[23]. Наряду с этим В. Р. Эрлих считает, что пока не ясно, какой продукт мог быть эквивалентом подобного обмена, поскольку протомеотские импорты этого времени в Закавказье не найдены[24]. Но, очевидно, что подобное взаимодействие должно было иметь вид обоюдовыгодного обмена. В этой связи вспомним, что для этого периода характерно господство конской узды «классического» новочеркасского типа, оружия и орудий труда (ножи) из железа (наряду с сохранением бронзового и биметаллического оружия). Поэтому, можно полагать, что «протомеотское» население взамен железа снабжало Бзыбскую Абхазию, так же как, например, Степи и Лесостепи юга Восточной Европы, металлической уздой и оружием. В целом же, анализ материалов, характеризующих связи с древней Абхазией, а конкретно с районом Бзыбской Абхазии, которые прослеживаются на материалах предгорных протомеотских памятников первой половины VIII в. до н. э., привели В. Р. Эрлиха к выводу о том, что они сыграли важную роль в переходе к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе и формировании меотской культуры[25]. Эти связи не прекращались и в эпоху раннего железа. В то же время во второй половине VIII – первой половине VII в., по мнению А. Ю. Скакова, прослеживается обратный процесс интенсивного проникновения элементов

материальной культуры из региона Северного и Центрального Кавказа в Колхиду[26].

С точки зрения взаимодействия колхидской и кобанской культур интерес представляют выявленные в Куланырхуском могильнике различные виды украшений[27]. Среди них отметим массивный бронзовый браслет с глубокими наружными разрезами, концы браслета у переднего разреза заканчиваются маленькими выступами, сходящимися своими концами. Такие браслеты обнаружены в различных пунктах Закавказья и в Кобанском могильнике на Северном Кавказе. Среди других украшений Куланырхуского могильника имеется замкнутый браслет с восьмью наружными выступами, аналогии которому имеются в некоторых могильниках Армении. Некоторые браслеты погребения аналогичны изделиям, найденным в Бамборах и в могильнике Брили в Западной Грузии[28].

Население Абхазии позднебронзового времени поддерживало реальные контакты с Прикубаньем, что также можно продемонстрировать некоторыми конкретными примерами. Так, ввозными с территории Кубани (и связанной с ней в позднюю бронзу зоны части Пятигорья), являются, по мнению ряда исследователей, найденные в Закавказье, в том числе и в Абхазии немногочисленные серпы кубанских типов и топоры–кельты[29]. Серпы кубанских типов отличаются от традиционных колхидских серпов поздней бронзы по следующим чертам. Кубанские серпы имеют изогнутое лезвие или практически одинаковой ширины, или сужающееся к носку, длинный кованый стержень для крепления рукояти, являющейся продолжением лезвия со стороны спинки[30]. Для Южного Кавказа конца эпохи бронзы серпы с черенками для крепления рукояти не были характерны – здесь были распространены, в первую очередь, серпы, рукоять которых, крепилась к лезвию двумя штифтами[31].

Серпы же близкие кобанским на территории Абхазии были обнаружены в кладе на северо-западной окраине г. Очамчира[32]. Они имели отверстие для дополнительного крепления рукояти. Такие же отверстия фиксируются на кубанских серпах поздней бронзы[33].

С большей долей вероятности считают археологи прямым импортом из Закавказья в Прикубанье два тесла из Краснодарского музея[34]. По классификации ученых, они относятся к 1 типу плоских колхидских топоров и датируются концом поздней бронзы и началом раннего железа[35].

На основании некоторых археологических находок, можно предполагать, что в позднебронзовое время могли возникнуть более тесные связи между древним населением Кавказа и Среднего Поволжья. На это как будто указывают, например, шейные гривны, сделанные по описанию М. М. Трапш, из крученой круглой в сечении бронзовой проволоки с петлей и крючковидной застежкой на концах, найденные в некрополях Алраху (Цебельда)[36]. Гривны эти, – указывает М. М. Трапш, – имеют глубокую местную традицию и генетически связаны с ранними подобными гривнами из Красного маяка и Гуадиху XII – IV вв. до н. э. [37]. Шейные гривны, близкие типологически к ранним и поздним гривнам Абхазии, пишет далее М. М. Трапш, со ссылками на Е. И. Крупнова и А. Х. Халикова, известны в северокавказских могильниках, а также в погребениях Среднего Поволжья VIII – VII вв. до н. э. [38].

В VII–VI вв. до н. э. определенные связи с древними абхазами имели скифы [39]. Исследователями выявлены некоторые связи в материальной и духовной культуре древних абхазов и скифов. Например, обряд приношения коня в жертву умершему хозяину, обычай хоронить коней со сбруей, налобниками, масками и другими атрибутами. Сказанное подтверждается находками в сс. Адзюбжа, Куланырхуа, Эшера, Цебельда, Очамчира. Традиционные связи древних абхазов и скифов обнаруживаются также в похоронных обычаях, (царапание лица, обстригание волос и др.).

По мнению исследователей, найденные в ряде пунктов Абхазии Гуад-иху, Красный маяк, Эшера, Сухумская гора, Куланырхуа, Мархьаул скифо-сарматские боевые оружия и другие предметы свидетельствуют о торговых связях этих племен с предками абхазов[40]. Об этом свидетельствуют археологические предметы, (мечи-акинаки[41], бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовые

удила со стремячковидными концами и др.)[42], обнаруженные в различных местах Абхазии.

Находки скифского типа в Абхазии свидетельствуют не только о торговых и культурных связях местного населения. Но и служат показателями присутствия в данном регионе собственно скифского элемента, о чем было отмечено еще М. М. Иващенко[43]. Набор вещей скифских типов и характер погребений на территории Абхазии, с учетом их определенного числа свидетельствует, о том, что этот компонент составляли преимущественно воины, пришедшие сюда без семей, усвоившие местную культуру, но сохранившие самобытность[44]. Кроме того, выявленные факты взаимодействия местной и скифской культур в зоне распространения архаических скифских древностей неоспоримо свидетельствуют о вполне мирном сосуществовании первых и местных[45].

Вместе с тем имеются археологические данные, которые подтверждают, что Абхазия являлась одним из очагов, откуда бронзовые изделия (например, боевые топоры) вывозились в Центральное и Восточное Закавказье (Армения, Грузия). К примеру, известное распространение получила, как видно, металлическая продукция, изготовлявшаяся в районе Сухума[46]. Бронзовая продукция из Абхазии, как показывают открытия последних лет, имела повышенный спрос не только на кавказском рынке, но она поступала также в отдельные районы Украины, Поволжья и Прикамья[47].

Население Абхазии позднебронзовой эпохи продолжало поддерживать торговые связи со странами Средиземноморья. На это указывают, в частности, импортные янтарные и сердоликовые бусы, украшения из гагата, выявленные в с. Куланырхуа и на Бамборском поселении, а также оригинальный бронзовый щит – нагрудник, обнаруженный в пос. Красный маяк и пр. [48].

К эпохе расцвета поздней бронзы и начала широкого освоения железа, в основном в первой половине I тыс. до н. э. по всему Восточному побережью Черного моря имели распространение т. н. «селища с текстильной керамикой». Эти памятники известны от междуречья Псоу–Хашпса до р. Апсар в совр. Аджарии. При этом

важно, что некоторые абхазские «селища с текстильной керамикой» имеют своеобразное схематическое расположение по отношению к берегу моря. Так, «селище с текстильной керамикой» в районе с. Адзюбжа (Скурча), представляющее наиболее крупное из известных памятников (занимает несколько гектаров), тянется не вдоль морского берега, как обычно, а углубляется в село, и, полностью покрыт лесом, в связи с чем до настоящего времени остается вне поля зрения археологических исследований[49].

По мнению открывателя на побережье Абхазии поселений с «текстильной» керамикой Л. Н. Соловьева, они принадлежали солеварам, где с помощью корытообразных сосудов выпаривали морскую воду и получали соль[50]. Считают, что эти «поселения солеваров» оставило крупное племенное объединение или союз племен с единой культурно-религиозной общностью[51]. Судя по всему, на Абхазском побережье существовали крупные поселения древнеабхазских солеваров, а их продукция показывает, что жители этих поселений являлись профессиональными ремесленниками, пользовавшимися гончарным кругом. Это означает, что их продукция, бесспорно, носила товарный характер и, как пишут М. М. Гунба и Г. К. Шамба, активно экспортировалась в страны Средиземноморья.

Кроме того, торговля солью, крайне необходимой для засолки мясных и рыбных заготовок, в период развитой бронзы, надо полагать, достигла значительного объема. Показательно, что период расцвета солеварения в Колхиде (VIII – VII вв. до н. э.) совпадает с интенсивным развитием скотоводства и освоения горных пастбищ Большого Кавказа, когда потребность в соли должна была резко возрасти[52]. Помимо соли население горных районов приобретало у жителей равнин некоторые виды ремесленной продукции, особенно продукцию городского ремесла и металлургии, рыбий жир, зерновые и т. д. Со своей стороны горные районы снабжали долину, особенно городские центры и рынки продуктами животноводства (мясо, масло, сыр, кожа), охоты, некоторыми видами ремесленных изделий (вязаные ткани, продукция металлообработки и деревообработки и т. д.). В то же время на основе подоб-

ного эйлажного скотоводства, несомненно, развивались взаимоотношения между отдельными племенными группами Абхазии и Центрального Кавказа. Это обстоятельство должно было способствовать развитию тесных культурно-исторических связей между населением указанных территорий. Если до эпохи раннего железа обменные взаимоотношения между населением приморской Абхазии и горных районов, в том числе и племенами Центрального Кавказа, оставались спорадическими, то в конце эпохи, между названными регионами усиливаются, а затем и устанавливаются стабильные торгово-экономические связи. Об этом свидетельствует и абхазский фольклор (например, нартский эпос).

Как было отмечено, в эпоху поздней бронзы важное экономическое значение приобретает солеварный промысел. Дороговизна и дефицитность соли нашло свое отражение, например, в характерном абхазском вопросительном выражении пережиточного характера – «куплено на соль?!» (цьыкала иаахәоума?!), которая употребляется, когда хотят отметить драгоценность чего-либо. Местная соль, известная под абхазским же названием «аджика», в отличие от греческого «алс» (что говорит за его догреческую древность) в отмеченное время не только делается, по словам Л. Н. Соловьева, предметом оживленного торга: она, кроме того, что играла существенную роль в обмене, служила еще меновой единицей. По сообщению автора XVII в. Арк. Ламберти, в его время в Абхазии недорогие товары оценивались на соль[53], свидетельствующее и о том, что в XVII, а также в XVIII в. соль не имела высокой стоимости, ибо она завозилась в страну в достаточном для населения количестве (дороговизна соли вновь возрастает в начале XIX в.).

Из вышеизложенных данных о развитии солеварения на территории Абхазии в указанный период, следует заключить, что для общества древнеабхазских ремесленников, уже отделившегося от земледелия и занимавшегося производством соли, основным занятием становится обмен и торговля солью[54].

Все это свидетельствует о том, что население Абхазии, давно вышедшее из состояния первобытнообщинного строя, в связи с

высоким подъемом обменно-торговой сети в эпоху поздней бронзы и раннего железа, переходит в раннеклассовое общество[55].

В рассматриваемую эпоху межплеменные связи не всегда носили мирный характер. Показательно, что при крупных поселениях с «текстильной» керамикой» на территории Абхазии кое-где встречаются и оборонительные сооружения в виде т. н. жилых холмов (напр. в Бчара, Пичора, Мыку (Моква), по Гуандра и т. д.), окруженных рвами, соединенных между собой каналами[56]. Их строительство, очевидно, также было связано с нарастанием межплеменных (пока еще локальных) конфликтов и военных столкновений. Однако военные столкновения между отдельными племенами, а позднее и между большими союзами племен систематический характер стали принимать в период поздней бронзы и раннего железа[57]. Более того, в этот период, обмен часто заменялся насильственным захватом и «грабеж» становился своеобразной формой «производства»[58].

«Милитаризация» культур эпохи палеометалла, отмеченная В. М. Массоном[59], была связана с внедрением новых форм скотоводства, особенно в конце позднебронзового периода (В. М. Шамиладзе), и усиление военных столкновений «в борьбе за насильственное перераспределение, как самих богатств, так и условий их воспроизводства (пастбищ)…вооруженное насилие в данном случае, по словам В. М. Массона, «не только выполняло определенные экономические функции, но являлось непосредственным экономическим фактором»[60].

Весь облик позднебронзового и раннежелезного инвентаря, обнаруженного на территории Абхазии указывает, говоря словами Б. А. Куфтина, на заметное имущественное расслоение при возрастающей роли золота, на основе широких торговых сношений прибрежного населения[61].

В литературе имеется указание на то, что к концу эпохи бронзы на территории Абхазии начинают входить в употребление отдельные предметы, которые играли роль всеобщего эквивалента при обмене. К таковым, по мнению З. В. Анчабадзе и других авторов, относятся бронзовые сегментовидные орудия, приблизи-

тельно одинакового размера и веса (найденные в виде клада, например, в районе Сухума)[62], а также т. н. ножные кольца, пока что характерные только для Абхазии[63]. Позднее ту же функцию, как полагает З. В. Анчабадзе, выполняли стандартизированные слитки из золота и серебра[64]. Эти слитки найдены, в частности, в сел. Чубурхиндж Галского района Абхазии[65].

Следует подчеркнуть, что если указанные выше изделия выполняли роль деньги-товар-деньги, то они должны были, очевидно, положить начало собственной монетной системе. Как показывают археологические и письменные источники, деньги в виде слитков серебра действительно заложили основу чеканки древнеабхазских денег в дальнейшем. Появление эквивалента в обменных операциях служит важным признаком перерастания обмена в торговлю и стимулирует формирование «первобытных денег», на что исследователями неоднократно обращалось внимание[66].

Примечания

[1]Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. – М., 1975. С. 367; Цвинария И. И. Взаимоотношения культур энеолита и ранней бронзы Западного Кавказа. – Сухуми. 1990. С. 12. См. также: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987. С. 7.

[2]Скаков А. Ю. Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА. 28–31 мая 2001 г. – Сухум. 2004. С. 194.

[3]Апакидзе Д. Б. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы - раннего железа. – Тб., 1991. С. 63; Кушнарева К. Х. Обмен и торговля в Закавказье в древности // КСИА. № 138. – М., 1974. С. 35.

[4]Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. – Сухум. 2006. С. 40.

[5]История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 34. Необходимо в то же время подчеркнуть, что все археологические свидетельства указывающие на связи, например, Передней Азии вообще с Закавказьем в доскифское время, относятся к воинской паноплии и конскому снаряжению. Однако, если панцири и шлемы из Передней Азии появляются в Закавказье в результате обмена, то появление в кавказской среде удил с жесткоскрепленными псалиями, пекторалей, колесниц и колесничной упряжи скорее всего было связано со знакомством местного населения с войском Ассирии и Урарту. А такое знакомство, как справедливо полагает В. Р. Эрлих, могло произойти в результате военных походов и предполагает достаточно широкое участие местного населения в них (Эрлих В. Р. В защиту традиции о причерноморском происхождении киммерийцев // ВДИ, № 3. 1994. С. 168–176).

[6]Пиотровский Б. Б. Ванское царство. – М., 1959. С. 244. «Урарту, – отмечает Р. Плейнер, – это ключ к раннему железному веку Ирана и Кавказа. В Урарту существовала железная цивилизация… В X–IX вв. железо встречается в культурах Закавказья крайне редко. Некоторые изменения можно отметить в VIII в. до. н. э. Период, охватывающий примерно 750–500 гг. до н. э. соответствует здесь началу железного века или раннему железному веку» (Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый… С. 52). Первые железные изделия, –полагает в свою очередь О. Х. Бгажба,– могли попасть в Колхиду после походов урартского царя Сардури II в Закавказье не ранее 750–742 / 41 гг. до н. э. (упоминание «страны Кулха» и «железные печати» (Бгажба О. Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н. э. –середина II тыс. н. э.) Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1994. С. 6).

[7]Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (XV – IV вв. до н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Тб., 1969. С. 46–51; Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде. – Тб., 1987. С. 28; Бгажба О. Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье… С. 16.

[8]Это обстоятельство наглядно прослеживается в героическом нартском эпосе абхазов, наиболее ранние части которого восходят к VIII – VII вв. до н. э. В эпосе в целом отражены представления народа о достаточно высоком уровне уклада жизни абхазов в те времена (См.: Инал-Ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми. 1977. С. 96–102).

[9]Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира // ТАГМ. Вып. 1. – Сухуми. 1947. С. 47; Трапш М. М. Труды. Т. II… С. 214, 215, 216; Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 91.

[10]Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 73.

[11]Там же. С. 90–91.

[12]Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии. С древнейших времен до XX века. – Сухум. 2001. С. 25.

[13]Мунчаев Р. М. Кавказ на заре… С. 400, 407.
[14]Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975. С. 70.
[15]Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Восточное Причерноморье / Колхида, Иберия // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980. С. 6. Его же. «Колхида златообильная» / миф и археология // Древний Восток и мировая культура. – М., 1981. С. 61.
[16]Капанадзе Д. Г. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху. – М., 1959. С. 142.
[17]Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 40–42.
[18]Там же.
[19]Там же.
[20]Там же. С. 73.
[21]Эрлих В. Р. Связи древней Абхазии с протомеотскими памятниками // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА. 28–31 мая 2001 г. – Сухум. 2004. С. 213.
[22]Эрлих В. Р. Связи древней Абхазии с протомеотскими памятниками… С. 207–214. Его же. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 2005. С. 41.
[23]Там же. С. 213.
[24]Там же.
[25]Там же. См. также: Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. Вып. 120. – М. – Л., 1935; Трапш М. М. Труды. Т. I… С. 95.
[26]Скаков А. Ю. Протокубанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки… С. 194–195. См. также: Скаков А. Ю. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // «Восток», № 4. 2006. С. 148–149. В качестве примера воздействия кобанской культуры на колхидскую можно сослаться на уникальный бронзовый котел из села Анхуа Гудаутского района, долгое время хранившийся в запасниках Ново-Афонского монастыря и в начале 2005 г. исследованный археологами Д. С. Бжания и Б. М. Гунба (Бжания Д. С., Гунба Б. М. Бронзовый котел из фондов Гудаутского музея «Абазгия» // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 115–116). Котел имеет яйцевидную форму, горловина усечена, венчик отогнут наружу и свернут в трубочку, в полость которой вставлен железный прут сечением 3,0 мм. Дно сосуда плоское. У горловины, под венчиком, к котлу

прикреплены две массивные бронзовые зооморфные ручки. Высота котла 38 см, диаметр корпуса 35 см, диаметр дна 14,5 см, диаметр горловину 18 см. Бронзовые ручки котла (диаметр 7 см, сечение ствола 2 см) скреплены со стенкой путем их отливки на уже готовый сосуд. Особенности их скрепления с сосудом совпадают с прикреплением ручек к вазе Жемталинского клада в Кабардино-Балкарии. Хотя, котел из Анхуа по своей форме несколько отличается от таких же изделий Северного Кавказа, но по технологии изготовления близок с ними (Там же). Бронзовые сосуды кобанской культуры с зооморфными ручками датируются их исследователями второй половиной VIII – началом VII вв. до н. э. (Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В. 2–5. Т. 5. – М., 1998. С. 109 –110).
[27]Трапш М. М. Труды. Т. I… С. 62–63.
[28]Трапш М. М. Там же.
[29]См.: Пелих А. Л. Некоторые примеры контактов населения Закавказья и Прикубанья в позднебронзовое время // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 275.
[30]Пелих А. Л. Некоторые примеры контактов. Там же.
[31] Пелих А. Л. Указ. раб. Там же.
[32]Воронов Ю. Н. Археологическая карта… С. 40.
[33]Пелих А. Л. Некоторые примеры контактов… С. 276.
[34]Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА, № 23. – М. – Л., 1951. С. 84.
[35]Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии // СА, № 18. 1953. С. 292.
[36]Трапш М. М. Труды. Т. III. – Тб., 1971. С. 170.
[37]Там же.
[38]Там же.
[39]Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланырхва Абхазской АССР. – Сухуми. 1962. С. 26, 42–43, 50–57, 80–81. Его же. Труды. Т. I… С. 62; Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. – М., 1985. С. 35-37, 45, 48–49, 80; Бгажба О. Х. Скифы и древние абхазы // Нужная газета. 21 ноября 2000 г. ; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 51–57; Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Проникая в тайны горы Джантух // Газ. «Республика Абхазия». 11–12 августа 2007 г.
[40]Амичба Г. А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). – Сухум . 1999. С. 89; Эрлих В. Р. Указ. раб. Там же.

[41]Следует подчеркнуть, что, хотя, появление на территории Абхазии традиций использования «акинака», по всей видимости, следует связать со скифскими походами, однако большинство ученых склоняется к северокавказской «версии» происхождения этого вида вооружения. Найденные в Абхазии «акинаки» имеют, чаще всего, архаические черты – «почковидное» или «бабочковидное» перекрестие и желобчатую рукоять. В то же время, полагает В. Р. Эрлих, можно уверенно говорить о местном производстве этого оружия, поскольку здесь встречаются акинаки с сегментовидными навершиями с загнутыми вниз концами, неизвестные к северу от Кавказского хребта (См.: Эрлих В. Р. Местные и импортные традиции воинской паноплии Абхазии в античное время // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 366).

[42]Трапш М. М. Труды. Т. I… С. 111, 112, 132 – 138, 139, 141, 166, 197; Эрлих В. Р. Местные и импортные традиции… С. 366.

[43]Иващенко М. М. О местонахождении Диоскурии древних // Известия АБНО. IV. – Сухум. 1926. С. 93–103; Погребова М. Н. Памятники скифской культуры… С. 42–56; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 56.

[44]Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники… С. 134.

[45]Там же. С. 135.

[46]Инадзе М. П. К вопросу о торговле в древней Колхиде… Цит. по: Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии… С. 99.

[47]Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии… С. 31.

[48]Трапш М. М. Труды. Т. I… С. 155–159; Анчабадзе З. В. История и культура… С. 100; Бжания В. В., Габелия А. Н. Поселение позднебронзового века на Бамборской поляне // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск. Вып. XII. 2002. С. 379.

[49]Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии. – Сухум. 2006. С. 41, 310.

[50]Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира…С. 24 и сл. Его же. Селища с «текстильной керамикой» на побережье Западной Грузии // СА. Т. 14. 1950. С. 265–286; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии… С. 96, 98.

[51]Исходя из насыщенности культурных напластований поселений с «текстильной» керамикой и их масштабности,– считает Г. К. Шамба,– они могли быть созданы там, где имелось большое, плотное население, занятое исключительно производственной деятельностью. Этому, очевидно, не противоречат находки (В. В. Бжания и А. Н. Габелия) двух глиняных тигелей для отливки бронзы на кистрикском поселении с «текстильной» керамикой близ г. Гудаута (Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э… С. 7).

[52]Бгажба О. Х. У истоков металлургии железа // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000. С. 95–96; Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 32–33.

[53]Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла… С. 45.

[54] Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии… С. 28.

[55]Там же.

[56]Джавахишвили И. А. Строительное дело и архитектура поселений Южного КавказаV-III тыс. до н. э. – Тб., 1973. С. 358–359.

[57]Соловьев Л. Н. Диоскурия-Севастополис-Цхум // ТАГМ. Вып. 1. – Сухуми. 1947. С. 107. К началу железного века во многих странах Европы и Азии широко распространились особые укрепленные убежища – крепости, боевые башни и т. п., где население спасало свою жизнь и имущество во время вражеских набегов. В целях войны и обороны племена повсеместно стали объединяться в союзы и конфедерации частью родственных, частью неродственных между собой племен (Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества… С. 186–187).

[58]Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. С древнейших времен до I тысячелетия до н. э. – Л., 1949. С. 56; Лавров Л. И. О первобытных войнах // Тезисы докладов годичной научной сессии. 1969 г. – Л., 1969. С. 25–28.

[59]Массон В. М. Пути становления классового общества и государства // Конференция. Причины превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное. Тезисы докладов. – М., 1984. С. 50–56.

[60]Дударев С. Л. Бронзовое оружие Восточно-и Центрально - Закавказского типа в Чечено-Ингушетии (конец II-начало I тысячелетия до н. э.) // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Аннотации). – Тб., 1984. С. 118; Алекшин В. А. Погребения с оружием в древнеземледельческих обществах // КСИА. Вып. 176. 1983. С. 23–28.

[61]Куфтин Б. А. Материалы и археологии Колхиды. Т. I. – Тб., 1949. С. 253; Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI– II вв. до н. э. – Тб., 1978. С. 108–119 (там же см. литературу о домонетных формах денег в Колхиде).

[62]Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии… С. 100.

[63]Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии… С. 29.
[64] Анчабадзе З. В. История и культура … С. 100.
[65]Там же.
[66]Массон В. М. Развитие торговли и обмена… С. 9; Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах… С. 306; Гаглойти Р. Х. Античный мир и Южная Осетия… С. 86.

К этнокультурной характеристике древнеабхазских племен в VI–I вв. до н. э

Территория нынешней Абхазии в античную эпоху входила в состав большой географической единицы, которую античные авторы называли «Колхидой», а все ее население обозначали нередко общим именем «колхи». В науке является общепризнанным существование в древности двух значений термина «колхи». С одной стороны, термин «колхи» – один из этнонимов, употребляемый в узком (этническом) значении и локализуемый «отцом истории» Геродотом (V в. до н. э.) к югу от Фасиса (т. е. Риони)[1] до р. Акампсис (совр. р. Чорохи в Юго-Западной Грузии). С другой стороны, «колхи» – это обобщающее название значительного числа «племен», в античную эпоху заселявших Восточное Причерноморье[2], и состоявшие, главным образом, по-видимому, из абхазо-адыгской этноязыковой группы[3]. В географическом значении, очевидно, следует понимать и локализацию ранними авторами «колхов» на территории между Диоскуриадой (совр. Сухум) и Апсаром (совр. Гонио, на левом берегу Чорохи). Правда, некоторые авторы (М. Инадзе) исходя из цитаты Псевдо-Скилака (IV в. до н. э.) «Колхи. За ними народ колхи и город Диоскуриада…», категорично утверждают, что на территории Диоскуриады проживали западногрузинские племена[4]. Здесь можно возразить, что если даже Диоскуриада находилась непосредственно на земле «колхов» (что, необязательно вытекает из источника), то слова Псевдо-Скилака не могут точно определить этническое происхождение жителей Диоскурии, так как этноним «колхи», как сказано, не всегда может указывать на этническую принадлежность той или иной группы населения Восточного Причерноморья[5]. К тому же еще ранее, беспристрастным исследователем, акад. Г. А. Меликишвили было отмечено: «…когда в качестве северной границы колхов указывается Главный Кавказский хребет или район Диоскурия-Питиунт, термин «колхи» употребляется, несомненно, в его широком (географическом) смысле,

а не в узком (этническом) значении»[6]. Таким образом, «колхов» в широком смысле, как жителей Колхиды, имеет в виду крупнейший историк древности Страбон, когда называя район между Питиунтом и Диоскуриадой «местностями Колхиды», помещает в том же отрезке племена гениохов, соанов и т. д. [7]: античные же авторы обычно не смешивали гениохийские племена и собственно колхов, а упоминают их как два различных народа (в частности, можно отметить Ксенофонта локализующего колхов (в узком смысле слова) в V в. до н. э. в районе Трапезунта до р. Чорохи).

При этом, представленная у античных авторов «сложная картина, демонстрирующая нам наличие даже в таком относительно небольшом регионе как Абхазия нескольких племенных общностей»[8], не является чем-то необычным, так как и в XIX в. например, абхазы, состояли из более чем десяти этнотерриториальных подразделений и «обществ»[9].

С точки зрения употребления античными авторами термина «колхи» в двух значениях, абсолютно не соответствует действительности и утверждения некоторых ведущих грузинских исследователей о том, что античные писатели называют на территории Западной Грузии в VI – IV вв. до н. э. один народ – колхов (О. Лордкипанидзе). Столь же необоснованно утверждение Н. Ломоури: «все античные авторы, описывающие ситуацию в Восточном Причерноморье, называют здесь лишь один народ – колхов»[10]. Поэтому совершенно очевидно, что при выяснении этнической принадлежности того или иного племени никогда не следует упускать из виду двоякого смысла термина «колхи» и безоговорочно зачислять в ряд собственно колхов всякую этническую единицу, о которой какой-либо античный писатель сказал, что она является «колхским племенем»[11].

В раннеантичную эпоху на территории современной Абхазии и далее в юго-восточном направлении древние авторы и географы локализуют как сказано, большое число племен и народностей. Однако, авторы V–II вв. до н. э., а также некоторые более поздние авторы, которые опирались на древние источники, с севера на юг по побережью, среди перечисляемых ими племен, чаще называют

гениохов. Так, Псевдо-Скилак Кариандский (источник которого восходит к VI в. до н. э.) с севера на юг перечисляет такие племена Кавказского Причерноморья как гениохи, кораксы, колика, меланхлены, гелоны, колхи[12]. Помпоний Мела, также опиравшийся на древние источники и создавший свое «Землеописание» около 44 г. н. э., зафиксировал с севера на юг: «… гениохи (на земле гениохов Диоскуриада), фтирофаги, кораксики, шесть Колик, Торетика, Меланхлена»[13]. Дионисий Периегет (II в. н. э.) в своем «Землеописании» поместил на этом секторе побережья гениохов, зигов и затем колхов[14]. Клавдий Птолемей (II в. н. э.) в Восточном Причерноморье называет гениохов и сванноколхов[15].

Страбон по этому вопросу дал довольно отличающиеся друг от друга сообщения: первое он почерпнул у автора второго века до н. э. Артемидора, а второе сообщение у анонимных историков митридатовских войн. Сообщение, восходящее к Артемидору, мало чем отличается от вышеперечисленных: «побережье ахеян, на пространстве пятисот стадиев, далее берег гениохов в тысячу стадиев»[16] (т. е. примерно от совр. Сочи до Сухума). Питиунт (Пицунда) и Диоскуриада (Сухум) помещаются Страбоном на земле гениохов и в то же самое время считаются им крайними северными пределами Колхиды. Здесь же Страбон отмечает, что размещению племен согласно данным историков митридатовских войн следует придавать больше значения: «Но историки митридатовских деяний, которым следует придавать более значения, первыми называют ахеян, за ними зигов, затем гениохов, далее керкетов, мосхов, колхов, живущих над ними фтирофагов и соанов и другие небольшие народности около Кавказа»[17].

Собственно Страбон следующим образом представлял этническую карту Западного Кавказа: «У моря лежит азиатская часть Боспорского царства и Синдика, а за ней живут ахеи, зиги, гениохи, керкеты и макропогоны (длиннобородые). Выше их лежат теснины фтирофагов (вшеедов). За гениохами находится Колхида…»[18]. Из сказанного кстати, следует и то, что если сообщения историков митридатовских войн, Артемидора Эфесского и Страбона действительно отражали реальные изменения в расположении выше-

названных племен, то в первой половине I века до н. э. происходит, вероятно, миграция керкетов и зигов –зихов (т. е. двух различных предков черкесо-адыгов) из Северо-Западного Причерноморья на юг, – в Колхиду, занявших тем самым часть территории гениохов и колхов. С другой стороны, приведенные данные опровергают утверждения грузинских историков о том, что в древнегреческих источниках, якобы, мы не встречаем никакого конкретного упоминания о племенах, которых можно было бы причислить к абхазо-адыгскому этническому миру[19]. Для подтверждения наличия на восточном берегу Черноморья в античную эпоху абхазо-адыгского населения, в кавказоведении приведены достаточно веские аргументы. Прежде всего стоит напомнить, что еще с эпохи раннеземледельческих культур в Восточном Причерноморье бытовали абхазо-адыгские племена, достаточно убедительно засвидетельствованная топо-гидронимами, а также следами материальной культуры[20]. На связь названий Северо-Западного Кавказа в сочинениях античных авторов и Константина Багрянородного с современным адыгским языком впервые было обращено внимание Л. И. Лавровым в его работе «Адыги в раннем средневековье»[21]. С абхазо-адыгскими языками большинство исследователей увязывают фиксируемое в сочинениях Скилака Кариандского, Страбона (I в. до н. э.), Плиния Секунда Старшего (I в. н. э.), - южнее керкетов (по-видимому, на пространстве между нынешними Туапсе и Сочи), племя «ахеи». В слове «ахеи» Н. Г. Волкова усматривает адыгское название моря «хы» с добавлением абхазского аффикса -а- и греческого окончания оі[22]. Локализация античными авторами ахейцев на берегу Чёрного моря может служить подтверждением этой мысли. По заключению автора, если термин «ахеи» связать с адыго-абхазскими языками, то, появится ещё один аргумент в пользу присутствия с IV в. до н. э. на восточном побережье Чёрного моря населения, говорившего на языках адыго-абхазо-абазинской группы народов[23]. Проф. Ш. Д. Инал-Ипа, относит ахейцев к древнеабхазским родоплеменным группам. По мнению автора, это подтверждается данными абхазской топонимии: почти все побережье от Гагры до Адлера в прошлом называлось Аха; в верховьях

р. Бзыбь имеется местность под именем «селища (рода) Ахба», а одна из впадающих в нее речек известна под названием Ахей[24]. При этом нужно иметь в виду и то, что совр. р. Шахэ, впадающая в море севернее Сочи, носила название Ахеунта, упоминаются также сел. Ахея (Птолемей), или Старая Ахея (Арриан), расположенное у р. Топсида (очевидно, р. Туапсе). Поэтому здесь нельзя исключать того, что в топонимах Бзыбской Абхазии, связанных с племенем ахейцев, мы можем иметь следы передвижений и реальность прошлого обитания на указанной территории части черкесских племен. Кроме того, у многих древних авторов, ахейцы, как известно, очень часто упоминаются рядом с гениохами, с которыми они, вероятно, находились в генетическом родстве. Например, в одном письме античного времени сказано: «… будете жить в Синопе, а я в Афинах… вы будете иметь общение с гениохами и ахейцами, людьми из враждебного панэллинам племени…»[25].

Помимо отмеченных в эллинистическую эпоху миграции и передвижении с северо-запада на территорию Колхиду предков адыгов, установлено, что во второй половине IV в. до н. э. имело место проникновением на территорию современной Абхазии (как считают, через перевалы Главного Кавказского хребта), воинского контингента из Прикубанья, с чем было увязывается прекращение жизни на античном городище Гюэнос и появление конских жертвоприношений по меотскому обряду[26]. О каких-то крупных военных столкновениях говорится и во фрагментах надписи из Эшерского городища, относимой к концу IV в. до н. э. [27].

К числу наиболее распространенных этнонимов Восточного Причерноморья в древности относится, как отмечено, гениохи. Известно, что гениохи в несколько ином звучании – иганиехи, зафиксированы в районе озера Чалдыр урартскими источниками (764–735 гг. до н. э.). Исследователи полагают, что иганиехи связаны с гениохами античных источников, упоминающих гениохов как в Абхазии, так и у истоков Аракса и на юго-востоке Чёрного моря, и что гениохи античных источников являются потомками иганиехов урартских царских текстов[28]. Некоторые

же другие авторы (например, М. Х. - Б. Кишмахов, см. его работу «Проблемы этнической истории и культуры убыхов…С. 89) в гениохах и иганиехах усматривают две разные этнические общности, что вряд-ли соответствует действительности. Мы исходим из того, что гениохи населяя когда-то в древности значительную часть Закавказья, позднее были разобщены клином двигавшимися с юга и юго-востока западно-картвельскими племенами. Гениохи, населявшие центральную часть этой территории, по всей вероятности, были ассимилированы. Часть генохийского союза сохранилась на территории нынешней Абхазии и северо-западнее, а другая – на восточном отрезке Южного Причерноморья (в районе совр. Ризе и Атины), где на рубеже новой эры образовала вместе с махелонами единое царство, так называемое «царство гениохов и махелонов», которое упоминается Тацитом, Аррианом и другими авторами. Вместе с тем, источники фиксируют еще одну страну Махелония, связанную с гениохами – на побережье Каспийского моря, с связи с чем нужно указать на близкое созвучие названия гениохи с наименованием народа в Западном Дагестане – гинухи(генухцы)[29]. В этой связи З. Гаджиев полагает, что с середины I в. до н. э. часть племени гениохов мигрировала в зону нынешнего расселения их потомков – гинухов, в свете чего, по его мнению, связи последних с абхазами нуждаются в пристальнейшем внимании[30]. Правда, есть и мнения некоторых абхазоведов, высказываемые в устной форме, о том, что какое-либо переселение из Черноморского побережья к Каспию вряд-ли имело место и в названиях гениохи и гинухи мы имеем лишь простое созвучие, что однако следует еще доказать.

Вопрос о том, кто есть гениохи, упоминаемые древними источниками на северо-восточном побережье Черного моря[31], в том числе на территории современной Абхазии, начиная с середины первого тысячелетия до н. э. и почти до середины первого тысячелетия н. э., представляет собой сложную научную проблему. В разное время ею занимались П. Услар, Н. Марр, И. Орбели, Д. Гулиа и др.[32]. Некоторые авторы этноним «гениох» выводят от профес-

сионального названия возчиков, занимавшихся торговыми перевозками в соответствующих пунктах, и которых античные авторы якобы могли принять за отдельную этническую группу населения[33]. Другие не согласны с этим и считают, что «под гениохами древние авторы понимали, очевидно, не группу профессиональных возчиков, а, по всей вероятности, многоплеменную причерноморскую кавказскую этническую среду»[34].

Специально исследовал вопрос о гениохах проф. Г. Ф. Турчанинов. В своей книге «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа», он пишет: «Слово «гениох» – которое звучало по-абхазски «ганыуаху» показывает род занятий части населения – пиратство. Абхазский компонент этого слова подчёркивает, что гениохи были абхазами»[35].

Известно, что древние греки (как и другие народы) имели традицию называть племена по их месту жительства, по роду занятий или по каким-то иным признакам. Античные источники разных веков упоминают гениохов, в разных регионах Восточного Причерноморья, в частности, в районе современного Сочи, Питиунте, в окрестностях Диоскурии (совр. Сухума), Фасисе (Поти), в районе Трапезунта. Так, в своих комментариях к «Периплу обитаемого моря» Ф. Ш. Шелов-Коведяев по поводу приводимой Скилаком Кариандским информации, локализует гениохов между Диоскуриадой и Фасисом, «а некоторая их часть, возможно, жила и на южном берегу Понта»[36]. На это указывал и Гераклид Понтийский (IV в. до н. э.), согласно которому «по Фасису первоначально жили гениохи…»[37], т. е. город Фасис был основан на земле не грузинских племен (собственно колхов), а гениохов. На проживание предков абхазов по Фазису указывает пояснение В. Латышева к «Истории» Геродота: «Колхи– предки современных абхазцев – жили в рионской низменности»[38]. На это же обстоятельство еще ранее обращал внимание проф. А. К. Глейе[39].

На карте составленной в XVIIIв. по данным античных источников, гениохи также помещены в районе Сочи-Питиунта-Диоскурии (выше Диоскурии – кораксы: колхи – у Фасиса). Локализацию гениохов между Питиунтом и Диоскурадой мы видим, например,

и на карте составленной французским переводчиком Страбона, проф. Лозаннского университета Фр. Лассером (1975г.)[40] (с точки зрения этнического взаимоотношения с гениохами, определенный интерес, возможно, представляет и абхазское родоплеменное название Генаба, вплоть до недавнего времени имевшие распространение как в юго-восточной, так и северо-западной частях Абхазии).

Древнеабхазской этнической принадлежности гениохов (в противовес тем грузинским специалистам, которые считали будто бы гениохи – это прямые предки нынешних сванов или мегрело-чанов)[41], основанную на реальном историческом материале, придерживаются также З. В. Анчабадзе, Ю. Н. Воронов, Ш. Д. Инал-Ипа, О. Х. Бгажба[42] и др. Отрицание принадлежности гениохов, локализуемых античными писателями на территории Абхазии, к древнеабхазским племенам, вряд-ли имеет достоточное научное обоснование, поскольку на этой территории не выявлено каких-либо существенных следов пребывания неабхазского населения. В нашем распоряжении имеется ряд материалов, которые также дают возможность наполнить этноним «гениохи» конкретным этническим содержанием, поскольку,как и в ряде других случаев, в названии «гениохи» выступает скорее всего греческая этимологизация местного наименования.

В связи с тем, что гениохи или политические образования гениохов локализуются у воды, на побережье, нельзя не обратить внимания на то, что в племенных названиях древнейших этнических групп Черноморского побережья – апсилы, адзыхи (зиги // зихи) и другие, наличествуют абхазо-адыгские корни псы, з, (вода, река). Элемент псы, усматриваемое в самоназвании абхазов (апсуаа), справедливо, по нашему мнению, толкуется как «люди страны вод», приморские (прибрежные) жители»[43].

Здесь следует упомянуть об огромном количестве культовых рогатых глиняных рогатых столбиков (обнаруженных на «дюнных поселениях» для добычи соли вдоль всего Восточного Причерноморья, и которые были созданы, скорее всего, гениохами)[44], изображающих антропоморфные фигуры, которые также говорят, по всей вероятности, о культе морского божества в образе быка[45]– Агных. В связи с этим нельзя не обратить внимание на близкое созвучие имени Агных и Гениох. Археолог И. И. Цвинария полагает по этому поводу, что слово «Гениох» прямо связано с «Агных» (ГНХ – агных – агныхуаа), и букв. означает на абхазском «люди, служащие божеству (святилищу) моря, т. е. «Аг-ных-уаа» -аг(ага)-прибрежье (морское), ных (ныха)-святилище (божество), уаа (ауаа)-люди[46]. В таком случае, этноним гениох, надо полагать, может иметь местную древнеабхазскую основу. К обоснованию сказанного, все исследователи «дюнных поселений» Восточного Причерноморья (Н. В. Хоштария, Д. А. Хахутайшвили, А. Т. Рамишвили, Г. К. Шамба, И. И. Цвинария и др.)приходят к единому мнению о том, что многочисленные глиняные рогатые предметы, встречающиеся на этих памятниках, наряду с их практическим использованием, непосредственно имели культовое предназначение в виде рогатого морского божества[47].

С гениохами, как крупным племенным объединением или союзом племен с единой культурно-религиозной общностью[48], исследователи, как сказано, увязывают открытые на побережье Абхазии т. н. «селища с текстильной керамикой», принадлежавшие солеварам[49].

В связи с чем имеется вполне логичное основание не только отождествить термин «Гениох» с традиционным абхазским словом «Агных», но и можно связать с гениохийскими солеварами ныне живущие древние родовые фамилии абхазов Цьыкрба, Агрба, псарба. Семасиологическое значение каждого из них выглядит следующим образом: Цьыкрба = цьык (ацьыка) – соль; рба (арбара - аҭарбара) – выпаривание, высушивание; Агрба = Аг (ага) = берег морской (в абжуйск. диалект. -море)[50], рба (арбара - аҭарбара) – выпаривание, высушивание, Псарба = пса = вода, рба – выпаривание, высушивание[51]. Вся процедура солеварения как экономически жизненная необходимость была связана с вовлечением огромной массы людей в качестве производительной силы, и с освоением необъятного пространства морского побережья, о чем свидетельствуют многочисленные дюнные поселения, раскинутые от реки Псоу (Абхазия) до Трапезунда (Турция). Этнически однородное

большое племенное гениохийское объединение сделало его господствующим над Понтийским морем и древние греки не могли не считаться с этим положением и не засвидетельствовать о нем в своих письменных сообщениях.

В античных источниках рядом с гениохами фигурируют племена кораксов. Скилак Кариандский сообщает: «…за иниохами народ кораксы. За кораксами народ колика»[52]. Более определенную локализацию кораксов приводит римский автор I в. н. э Плиний Секунд, который помещает их вблизи города Диоскуриады[53]. Что касается определения источниками кораксов как «племени колхов» (Гекатей Милетский), то его несомненно следует понимать в том смысле, что этноним колхи, как сказано, являлся собирательным названием значительного числа племен, локализовавшихся на территории античной Колхиды. По аналогии можно, например, указать на схолии (пояснения) к Эсхилу, где сказано, что населяющие север Анатолии халибы, считались «скифским племенем», а сама Колхида располагалась в Скифии. Более того, и сами кораксы Гезихием Александрийским также названы «скифским народом» (перенос названии Колхида и кораксы в Скифию можно объяснить их географической близостью, однако у авторов, слагавших свои исторические произведения во времена архаики, Колхида действительно располагалась в Приазовье!). Поэтому, делать какие-либо выводы об этнокультурной ситуации в Восточном Причерноморье на основании информации подобного характера, разумеется, было бы неверно[54].

В литературе неоднократно высказывалось мнение относительно отождествления реки Коракс (или Корак) Птолемея и реки Кодор [55]. Ряд других авторов[56] придерживаются мнения, что Коракс древних это не река Кодор, а древнее русло р. Бзыбь, и на этом основании помещают кораксов в бассейне последней реки. В частности, по мнению Н. Ю. Ломоури, кораксы локализовались «примерно в Бзыбском ущелье»[57]. Разумеется, не исключено, что и в Бзыбском ущелье могли размещаться представители (или некоторая часть) этого племени, так как между истоками рек Чхалта (правого притока реки Кодор) и Бзыби примерно 2–3 км, а в

радиусе 5–7 км от них находятся истоки рек Амткяла, Восточной Гумисты и Келасура. Здесь же пролегали естественные перевальные тропы, которыми пользовались скотоводы. Там же проходил и Марухский перевальный путь. Серьезным аргументом в пользу подобного предположения служат данные, приводимые Г. К. Шамба, согласно которым, уже с середины 1-го тыс. до н. э. на довольно большой территории, примерно в междуречье Кодор–Гумиста, в верховьях рек прослеживается сравнительно однородная материальная культура, которая могла быть оставлена кораксами [58].

Вслед за большинством исследователей, мы также полагаем, что основное местоположение кораксов располагалось по реке Кодор (по Ю. Н. Воронову в среднем течении Кодора, где находится крепость, сопоставляемая им с Кораксийской)[59]. Кроме того, Птолемей упоминает на реке Коракс населенный пункт Наана, что соответствует современному с. Наа на берегу реки Кодор[60]. Необходимо в этой связи обратить внимание и на то, что абхазы называют Малый Кодор – Кудры вторым наименованием Куараш. А в верховьях Кодора и поныне существует озеро Куараш, и вытекающая из нее одноименная река Куараш – правый приток р. Чхалта. Само название Куараш с абхазского языка переводится как «белокаменный берег». По Д. И. Гулиа, «куара» исторически означало «камень». Он же предполагает, что по названию стены (каменной) греки стали называть и местное племя «кораксиенами»[61]. Таким же образом или по созвучию с этим названием (Куараш) античные авторы, видимо, называли и реку Куараш Кораксом. При этом можно допустить, что отсутствующий в греческом языке звук «ш» мог быть заменен на «с» или на сочетание «кс»[62]. Поэтому, исходя из сказанного, вряд ли должна вызывать сомнение связь названия реки Коракс с племенем кораксов.

Античные историографы начала н. э., писавшие о кораксах, помещают их как в горной полосе, так и на побережье. Так, по Плинию Секунду, «Кир берет начало в Гениохийских горах, которые другие называют Кораксийскими»[63]. Автор первого века н. э. Помпоний Мела сообщает, что часть Кавказских гор называлась Кораксийскими[64]. На цитированной выше карте XVIIIв., состав-

ленной по данным античных источников, выше Диоскурии также указана гора Коракс, часто связываемая с Кодорским ущельем[65]. Упомянутый же выше Плиний Секунд, дающий наиболее конкретную локализацию кораксов, сообщает: «…и кораксы с… городом Диоскуриадою…»[66]. Из чего следует, что «кораксы частично занимали и побережье Абхазии»[67], являясь, таким образом, жителями вообще бассейна реки Кодор. Подтверждением тому может служить и ныне существующая в низовье Кодора местность, которая и сегодня называется неабхазским населением Корас(и), хотя, конечно, следует отдавать себе отчет в том, что использование топонимического материала, когда это касается отдаленного прошлого, требует большой осторожности.

На наличие топонима Кораси в нижнем течении Кодора первым указал проф. Ш. Д. Инал-Ипа, увязав это название с Куараса (Кэараса – по абх» горлица»)[68]. Следует в этой связи еще раз отметить, что в верховье реки Кодор абхазское название гидронима Куараш сохранило свой первоначальный облик, благодаря тому, что иноземцы обычно не селились в предгорной и горной частях Абхазии, тогда как в низовье реки сохранилось название местности в форме Корас(и). Иноэтническое население, которое, как правило, селилось на побережье моря и по нижнему течению рек, переиначивали местные абхазские названия на свои лад. Считаем совершенно справедливым, что Корас(и) в 1996г. постановлением Парламента Республики Абхазия было переименовано в Куараш (ныне село Куараш)[69].

Принадлежность кораксов к древнеабхазской этнической группе не должно, по нашему мнению, вызывать сомнения еще по той причине, что река Коракс (Кодор) у ранних греческих авторов носила название Апсилис[70]. Данное наименование и призводное от него этноним «апсил» звучит и теперь в термине «апсуа» - самоназвании абхазов. В этой связи, трудно не согласиться с заключением, что «за названием гениохийского племени кораксов, скрывались прямые потомки апсилов»[71].

Автор II в. н. э. Дионисий, на территории, где локализуются кораксы (в узком значении) называет «страну тиндаридов»,

в которой видят «милетскую колонию Диоскуриаду»[72], ряд же авторов названия тиндариды, тиндары связывает с топонимом Даранда, Дранда[73]. Поскольку Тиндарей, согласно греческой мифологии, был отцом Диоскуров, «то, надо полагать, под Тиндаридами подразумевалось либо население собственно Диоскуриады и ее хоры, либо одно из окрестных гениохийских племен, скорее всего, кораксы»[74]. Некоторые исследователи не согласны с увязкой Тиндаров-Дандаров с Драндой[75], так как по их мнению, дандарии и кораксы это разные племена, каждый из которых занимал свою территорию[76]. Поскольку к р. Кодор-Коракс привязывается «страна кораксов», то тиндары, согласно этой точке зрения, не проживали в этом районе и вообще на территории современной Абхазии[77].

Действительно, город Тиндариды упоминается и на берегах Фасиса[78](совр. Риони). Но и в этом случае мы должны отметить, что топоним «Фасис» связывается исследователями с абхазо-адыгской языковой средой и рассматривается как свидетельство того, что в древности эта река «протекала не среди имерского(иверского), а пас»ского, т. е. абхазского племени[79]. При этом, гидроним Фасис сопоставляется с этнонимами «абасг» и «апсил», которые легли в основу ныне бытующего самоназвания абхазов «апсуа», и связывается специалистами с названием апешлайцев (во II – начале I тыс. до н. э., населявших северо-восточные районы Малой Азии), сопоставляемое с апсилами(апшилами) античного и средневекового времени[80].

Что касается локализации тиндаридов и на берегах Кодора-Коракса и их увязки с топонимом Дранда, то в данном случае, под тиндаридами мы имеем, как представляется, часть этнического подразделения кораксов или самостоятельную группу, выделившуюся из племени кораксов. Причем, в том, что тиндары помещены источниками в двух разных местах (на берегах Коракса и Фасиса), также нет ничего удивительного, так как по Фасису, как уже отмечалось, первоначально жили гениохи[81], которые, как принято считать в современной науке, относились к абхазо-адыгской этноязыковой среде[82]. Или же мы имеем дело

с перемещением этнонима с одного региона на другой регион Колхиды.

На территории Юго-Восточной Абхазии, рядом с кораксами, некоторые исследователи помещают фигурирующих в источниках, горное племя колов. Например, Г. К. Шамба предполагает, что колы обитали в верховьях р. Аалдзга, в районе Джантухского могильника, где обильно представлены материалы бронзовой и античной эпох[83]. Однако анализ сведении античных писателей приводит к выводу, что колы это племя, явно не имеющее никакого отношения к территории вообще Абхазии. Так, на основе изучения материалов приводимых Плинием Секундом, Ю. Н. Воронов заключает, что нет никаких основании связывать колов с территорией современной Юго-Восточной Абхазии – они совершенно определенно заселяли либо северо-восточную часть Колхидской низменности и прилегающие к ней предгорья, либо области дальше к юго-востоку, соприкасаясь с колхами[84]. Такого же мнения, например, и О. Х. Бгажба, который локализует колов далеко к юго-востоку (в горной части) от кораксов и г. Гиеноса, т. е. за пределами территории современного Галского района Абхазии[85].

Примечания

[1]Геродот. Кн. I, гл. 103-105. См. также: Страбон. География. Книга XI. Текст приводится по изданию: Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. – М., 1994. С. 498; Болтунова А. И. Аргонавты и Колхида. – Тб., 1976, №3. С. 104; Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия. – Сухум. 1998. С. 28-29; Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум. 2005. С. 102, 128.

[2]Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. №3. С. 241–242; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964. С. 131–132. В связи со сказанным нужно отметить, что вообще наименования племен Северо-Западного Кавказа античного периода, часто представляют собой собирательные термины, как, например: «саки» персидской клинописи, «скифы», «савро-маты» и «меоты» греческих авторов (Калнстров Д. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – Л., 1949. С. 26).

[3]Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии с древнейших времен до XX века. – Сухум. 2001. С. 30; Шамба Г. К. Древний Сухум…С. 106.

[4]Инадзе М. П. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // Разыскания по истории Абхазии / Грузия. – Тб., 1999. С. 61–62.

[5]Шамба Г. К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазии / Грузия». – Тб., 1999. // Вестник Академии наук Абхазии. – Сухум. 2005. С. 81.

[6]Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тб., 1959. С. 64.

[7]Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии… С. 63; Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия…С. 29.

[8]Скаков А. Ю. Абхазия в эпоху античности: страна на перекрестке культур и коммуникаций // Материалы первой Международной научной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. – Сухум. 2011. С. 127.

[9]Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе (извлечение сведений о черкесах и абхазах). – Тифлис. 1858. С. 6.

[10]Скаков А. Ю. Абхазия в эпоху античности: страна на перекрестке культур и коммуникаций… С. 126.

[11]Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии… С. 131–133.

[12]Скилак Кариандский. Перипп обитаемого моря. Перевод и комментарии Ф. В. Шелова-Коведяева // ВДИ. 1988, № 1. С. 262; № 2. С. 260–261.

[13]СМОМПК. IV. – Тифлис. 1884. С. 97–98.

[14]Там же. С. 133–134.

[15]Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Ч. 1 // ВДИ, №2. 24. М., – Л., 1948. С. 243–251.

[16]Страбон. География. Кн. XI. С. 499.

[17]Там же.

[18]Там же.

[19]См. напр. Папаскири З. О национально-государственном облике Абхазии/Грузия. С древнейших времен до 1993 г. – Тб., 2003.

[20]Джавахишвили И. А. История грузинского народа. – Тб., 1913. С. 47–48, 54 и сл. ; Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. – Тб.,1976. С. 266–291; Шамба Г. К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов… С. 90.

[21]Лавров Л. И. Адыги в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик. 1955. Вып. 4. С. 32, 33, 55; Волкова

Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973. С. 21–22.

[22]Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа… С. 34; Бетрозов Р. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик. 1991. С. 86.

[23]Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия… Там же.

[24]Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976. С. 188. С «Ахей» ср. также название горного абхазского «племени» ахчипсоу.

[25]Латышев В. В. Известия древних писателей… ВДИ. 1948, №4. С. 298. Вместе с тем не следует, очевидно, исключать и связи причерноморских ахеев с ахеями Греции, возможно, попавшими на Кавказ и затем смешавшимися с абхазо-адыгами. Причем, некоторые исследователи и происхождение самого названия ахей увязывают с греческим языком (См. напр. Кишмахов М. Х. -Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум – Карачаевск. 2012. С. 84 – 86.

[26]Эрлих В. Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. № 1. С. 158–172.

[27]Шамба Г. К. Эшерская древнегреческая надпись и вопрос зарождения государственности в Абхазии // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000. С. 38–42; Скаков А. Ю. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы - раннего железа // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Нальчик. 2006. С. 172–175.

[28]Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии… С. 114, 213, 240; Инал–Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории… С. 182.

[29]Еремян С. Т. Страна «Махелония» надписи Каабаи-и Зардушт // ВДИ. 1967, №4. С. 49–50.

[30]Гаджиев З. Античные и армяно-грузинские источники о происхождении народов Кавказа// Доклад научной конференции, состоявшейся 22 апреля 2007г. на кафедре Истории древнего мира и средних веков Дагестанского Государственного университета .

[31]Латышев В. В. Известия древних писателей…Т. 2. Вып. 1. – Спб.,1893–1906. С. 178–179; Гулиа Д. И. История Абхазии. – Тифлис. 1925. С. 56; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов… С. 185.

[32]Орбели И. А. Город близнецов Диоскурия и племя возниц «гениохи»// ЖМНП. Ч. 33. – С. Петербург. 1911. ; Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М. -Л., 1939. С. 395; Гулиа Д. И. История Абхазии…С. 53–67.

[33]Инал-Ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху // Труды АБИЯЛИ. Вып. 30. – Сухуми. 1959. С. 74.

[34]Инал-Ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии…С. 74.

[35]Турчанинов Г. Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. – М.,1999. С. 14.

[36]Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря. Перевод и комментарии Ф. В. Шелова-Коведяева // ВДИ. 1988. № 1. С. 262; № 2. С. 260–261.

[37]ВДИ. 1947, №3. С. 304.

[38]Латышев В. В. Известия древних писателей…// ВДИ. 1948, №4. С. 298.

[39]См.: СМОМПК. Вып. 37 – Тифлис. 1907; Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Том шестой. – Сухуми. 1986. С. 91-92. С. «Так как весьма невероятно, - писал А. К. Глейе, - чтобы лазы когда бы то ни было могли жить севернее реки Фасиса по соседству с исторической территорией абхазцев, то остается нам только предположить, что местожительство абхазцев в доисторическое время распространялось гораздо дальше к югу и что абхазцы когда-то занимали всю приморскую область между рекой Фасисом и Трапезунтом, одним словом, область древних колхидцев» (Там же).

[40]Гениохи=жане//http://a-sult-h. livejournal. com/473550. html; Реальный словарь классических древностей. Под редакцией Й. Геффкена, Э. Цибарта. — Тойбнер. Ф. Любкер. 1914; Советская историческая энциклопедия.

[41]См.: Орбели И. А. Город близнецов Диоскурия и племя возниц «гениохи»…С. 211, 215; Инадзе М. П. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // Разыскания по истории Абхазии / Грузия… С. 61–62.

[42]Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии… С. 134–137; Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия… С. 30–35; Инал-Ипа Ш. Д. Мореплавание в Абхазии…С. 73–79; Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории // Абхазы. – М., 2007. С. 63.

[43]Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971. С. 377; Дзидзария О. П. Мореходство // Абхазы. – М., 2007. С. 171. Исходя из того, что сомоназвание абхазов – «апсуа», букв. переводится как «поморяне (приморские жители)», название страны абхазов - «Апсны», досл. означает «приморье (побережье)» от «пс» – вода, «ны» – суффикса, указывающего место.

[44]Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии с древнейших времен до XX века… С. 31. Полагают, – пишет со своей стороны проф.

Ш. Д. Инал-Ипа, – что «в свое время гениохи вываривали соль из морской воды и вывозили ее на своих судах для продажи по побережью»(Инал-Ипа Ш. Д. Мореплавание в Абхазии…С. 82).

[45]Цвинария И. И. Поселение Гуандра. (Новый памятник энеолита и ранней бронзы в Абхазии). – Тб., 1978. С. 37. Со слов 115-летнего старожила с Атара, записанном в 1970 г., в древнейшие времена абхазы считали покровителем моря белого быка, который освящал абхазское побережье и всю Абхазию (Из архива М. К. Хотелашвили – Инал-Ипа // Труды АГМ. Вып. VI. – Сухум. 2008. С. 228). Имя божества Ет-ных – Эт-ных, по мнению Ш. Д. Инал-ипа, созвучно «с именем колхидского царя Ээта, сына морской богини» (Инал-ипа Ш. Д. Труды. - Сухуми. 1988. С. 39), из мифа об аргонавтах. По мнению же некоторых исследователей, легендарная Колхида, куда плыл «Арго» за золотым руном, располагалась в пригороде современного г. Гагра, на территории древнего абхазского поселения Колхста (см.: Барцыц Р. М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. - М., 2009). Кроме того, имя созвучное самоназванию абхазов – «апсуа», в мифе носит сын царя Ээта, царевич Апсирт. «Золотое руно» же можно было наблюдать в этой части побережья вплоть до конца XIX века: абхазы устилали бараньими шкурами дно протекающих здесь золотоносных речек (одна так и называется – Хьыпста, то есть «река, несущая золото») и тяжёлые крупинки золота оседали на шкурах (Там же).

[46]Чукбар А. Божество Ет-ных, Аг-ных // СЗМ. № 8–11. 1915; Нюшков В. А. Некоторые соображения по поводу расселения древнеабхазских племен в I тыс. до н. э. // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность: Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. – Краснодар. 2012. С. 202 – 203.

[47]См. напр.: Хахутайшвили Д. А. Приморье Юго-Западной Грузии в эпоху раннего железа. – Тб., 1986. С. 99–101; Апакидзе Д. Б. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы – раннего железа. – Тб., 1991. С. 50.

[48]Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э… С. 7.

[49]Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира//ТАГМ. Вып. 1. – Сухуми. 1947. С. 24 и сл. ; его же. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии// СА. Т. 14. – М., 1950. С. 265–286.

[50]Генко А. Н. Абхазско-русский словарь. – Сухум. 1998. С. 60. Подготовил к печати, снабдил предисловием и комментариями кандидат филологических наук Т. Х. Халбад.

[51] Данное мнение высказано археологом И. И. Цвинария.

[52]Латышев В. В. Известия древних…// ВДИ. Вып. X1X–XXX. – М., 1947. №3. С. 85.

[53]Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии…С. 134.

[54]Скаков А. Ю. Абхазия в эпоху античности… С. 126.

[55]Воронов Ю. Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии // ВДИ. № 3. 1968. С. 140. См. также карту в кн.: Латышев В. В. Известия древних… Т. 11. – Спб., 1904: Бутба В. Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». – Сухум. 2000. С. 82–83; Шамба Г. К. Абхазия в первом тысячелетии до нашей эры. – Сухум. 2000. С. 146–148, и др.

[56]Иващенко М. М. Великая Абхазская стена // Известия АБНО. Вып. 4. Сухум. – 1926. С. 69; Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. – Тб., 1949. С. 102, 104; Ломоури Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. № 4. 1957. С. 106; Инадзе М. П. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // Разыскания по истории Абхазии / Грузия… С. 61–62.

[57]Ломоури Н. Ю. Абхазия в античную раннесредневековую эпохи. – Тб., 1997. С. 8.

[58]Шамба Г. К. Абхазия в первом тысячелетии…С. 147.

[59]Воронов Ю. Н. К вопросу о локализации кораксов…С. 142.

[60]Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов… С. 181. Его же. Труды. В 11 томах. Т. III… С. 326.

[61]Гулиа Д. И. Собрание сочинении. Том шестой… С. 149.

[62]Маан О. В. К вопросу о племени кораксов // XLV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2001.

[63]Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия…С. 35…

[64]Латышев В. В. Известия…Т. II…С. 117.

[65]Гениохи=жане // http:// a-sult-h. livejournal. com/473550. html

[66]Латышев В. В. Известия… Там же. С. 179

[67]Воронов Ю. Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. – М., 1980. С. 147.

[68]Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории…С. 181.

[69]См.:Газ. «Апсны». 30 июля 1996г. (на абх. яз.).

[70]Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. – Тб., 1954. С. 75—76.

[71]Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. К вопросу об автохтонности апсилов // Труды АГУ. Т. 7. – Сухуми. 1989. С. 98–101.

[72]Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия…С. 35.

[73]Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. – М., 1823. С. 295; Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 1913. С. 114; Гулиа Д. И. История Абхазии. – Тифлис. 1925. С. 48 и сл. ; Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. – Сухум. 2002. С. 42.

[74]Воронов Ю. Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум…С. 47.

[75]Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). – Сухум. 2006. С. 163.

[76]Там же.

[77]Там же.

[78]Латышев В. В. Известия древних…//ВДИ. Вып. XIX–XXX…С. 857.

[79]Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М. -Л., 1938. С. 48. По мнению Д. И. Гулиа, Фазис происходит от древнеабхазского псы – вода, которая сохраняется в абхазском слове псыдз – рыба и черкесском псы – вода (Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Том шестой. С. 84).

[80]Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. – Ереван. 1968. С. 12–13 120; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М.,1975. С. 139–140. Его же. Древняя Апсилия…С. 24; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории…С. 130–131. Слово «апсил», «апсыла» на абхазском языке дословно значит «полный», «тучный», «упитанный». А фасианы, писал Д. И. Гулиа, такие и были. В подтверждение этому он приводит слова Иппократа, который говорил: «Фасианы… высоки ростом и чрезвычайно тучны…» (Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Том шестой… С. 100).

[81]ВДИ. 1947. №3. С. 304.

[82]Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории//Абхазы. – М., 2007. С. 61.

[83]Шамба Г. К Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э.… С. 20–21.

[84]Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия…С. 36.

[85]Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии… С. 65.

Из истории судоходства в древней и средневековой Абхазии

В жизни абхазов с древних времен в плане судоходства особое значение имело море. Внутренние же водные пространства Абхазии – реки и озера – в связи с орографией страны в этом уступают морю. Но, тем не менее, имеется немало сведений о том, что люди прежде, чем отваживались выйти в море, пробовали свои силы в реках и озерах. Вода, в значении река в Абхазии непосредственно присутствует в названиях многих мест, например, с. Адзюбжа (Авидзибжара), пос. Адзыбжара (с. Мыку), пос. Адзибжара с. Гума и др.: дословно с абхазского приведенные топонимы означают «междуречье». Поскольку располагавшиеся в низменных районах поселения были отрезаны друг от друга руслами рек и их рукавами, а приморская часть была заболочена, то и сообщение между ними становилось возможным в основном по воде. В результате этого, очевидно, уже в древности возникала необходимость в плавучих средствах передвижения.

Согласно хронологической последовательности развития судов, примерно за 40 тыс. лет до н. э. люди уже пользовались сначала плотом, затем лодкой-однодеревкой, причем отмечается, что это было повсеместно[1], так, следовательно, это относится и к Абхазии, как одному из мест интенсивного общения с морем.

Согласно общепринятому в научной литературе мнению, древнее население Причерноморья, и в частности жители абхазского побережья, обладали достаточно высоким уровнем культурных достижении. Ряд исследователей считает, что история местного мореплавания «началась не с приходом греков или римлян, а ведет нас в далекое прошлое народов Скифии и Кавказа»[2].

Исторические материалы свидетельствуют, о том, что еще финикийцы приплывали к берегам Кавказа и вступали в контакты (торговля, захват рабов и т. д.) с жителями побережья[3]. Последующие изыскания подтвердили мысль о плавании финикийцев

к Кавказскому побережью и их торговых и военных контактах с местным населением[4].

В античных источниках сохранились сведения и о проникновении в Черное и Азовское моря, еще до начала греческой колонизации – карийцев, – сильного морского народа из Эгейды[5]. Возможно, подтверждением факта плавания карийцев далеко на северо-запад через черноморские проливы, могут служить наличие в Причерноморье таких топонимов, как, например, Пицунда, Колхида, колхи, синды и др., которые, по мнению известного специалиста по классической филологии Ю. В. Откупщикова, по своему происхождению связаны с догреческим этнокультурным миром[6]. Однако топонимы, приводимые Ю. В. Откупщиковым нуждаются в дальнейшей аргументации, так как в литературе существуют и иные точки зрения об их генезисе, ряд же ученых думает, что эти названия не являются карийскими.

Крайне важным свидетельством в пользу того, что карийцы и финикийцы плавали в Черное море, являются найденные вблизи болгарского побережья каменные якоря с отверстиями, определенные археологами как критским или финикийским. Количество, величие и возраст найденных якорей показывают, что болгарское Черноморье посещали большие корабли еще в бронзовую эпоху. А раз сюда приходили торговые суда, справедливо полагают К. Матвеев и А. Сазонов, значит, здесь существовали удобные заливы, гавани, где и происходил обмен товарами с местным население[7]. В связи с плаваниями карийцев и финикийцев в Черное море, особенно обращает на себя внимание то обстоятельство, что абхазское название якоря – «апырсал», исследователи считают древним заимствованием и возводят к финикийскому «берзель», что значит «железо»[8]. Можно, однако, полагать, что это слово связано с абхазским названием древнего паруса «Апра» и «сал», т. е. «парусный клин» – останавливающий парус.

Точка зрения о существовании в III – II тыс. до н. э. определенных связей между населением Черного и Средиземного морей была поддержана и другими исследователями. Например, В. Д. Блаватский в своих работах приходит к выводу о том, что в ту эпоху существовали нерегулярные связи эгейского мира с племенами, жившими по берегам Понта[9].

О допустимости мореплавания у древних абхазов в отдаленные районы Черноморья и Средиземноморья свидетельствуют, прежде всего, археологические материалы самого крупного неолитического поселения на Кавказе – Кистрикского селища (вблизи г. Гудаута), показывающие, что специализированным занятием местных жителей было примитивное судостроение[10]. Причем ряд ученых считает возможным использование племенами Кавказа уже в эпоху бронзы силу ветра в качестве двигателя. Это предположение основано на находках из колхских поселений ранней бронзы, в которых, как отмечено Б. А. Куфтиным, выявлено значительное количество остатков отпечатков ткани на керамических сосудах, предметов и орудий текстильного производства. Среди сортов тканей достаточное место принадлежит парусине, которую очевидно, изготавливали для нужд флота[11]. По Л. И. Лаврову, начиная с эпохи неолита племена Северо-Западного Кавказа, плавали в Средиземноморье с торговыми и военными целями. Эти морские экспедиции осуществлялись сильными племенными союзами, еще задолго не только греков, но и финикинян, и без всякого их посредства[12].

Косвенным указанием в пользу данного обстоятельства служит сообщение Луция Септимия, утверждавшего, что до Троянской войны торговые экспедиции скифских купцов были очень частым явлением в Геллеспонте совр. Дарданелы, пролив), где они обменивали товары с местными жителями[13].

Известно, что древнейшие обитатели Восточного Причерноморья и отдаленные предки абхазского народа, выступающие в античных источниках под именем гениохов[14], достигли значительных успехов в мореплавании и большей частью пользовались славой пиратов. Они на своих знаменитых судах – «камарах», которые согласно Тациту, не уступали по своим качествам римским кораблям[15], совершали нападения не только на корабли в открытом море, но даже и на города еще в IV в. до н. э. Однако, вряд ли, гениохи смогли бы добиться больших успехов в слож-

нейшем деле морского судоходства без достаточных предпосылок и древних местных традиций, передаваемых по наследству из поколения в поколение и восходящих, очевидно, своими корнями к эпохе новокаменного века. О том, что традиции морского судоходства у кавказских народов, в том числе у адыгов, уходят в неолитическую эпоху, подтверждается и в исследованиях Л. И. Лаврова[16].

Яркой иллюстрацией связей предков абхазов с цивилизациями древности может служить глиняная модель корабля, выявленного на Тамышском поселении VIII в. до н. э., а также обнаруженная модель многосоставного бронзового якоря в районе Красного маяка юго-западнее Сухума[17].

Основными стимулами к развитию мореходства являлись, конечно, экономические и культурные потребности. Прежде всего здесь следует отметить занятие абхазами морским рыбным промыслом.

Исследования поселений прибрежной полосы Абхазии эпохи ранней бронзы показали, что в хозяйственной жизни их обитателей дополнительным, а возможно, и главным источником пропитания служило рыболовство[18]. Во второй четверти I тыс. до н. э. рыболовство в прибрежных районах Абхазии продолжало занимать определенное место[19]. Во второй половине IV – III вв. до н. э. (время расцвета Диаскуриады) на всей территории Абхазии рыболовство получает большой размах, о чем говорят, в частности, специально изготовленные по античным образцам спицы для вязки сетей и бронзовые рыболовные крючки, обнаруженные как в греческих, так и в туземных поселениях[20].

Рыболовные орудия абхазов по назначению и способу применения подразделяются на 4 основные группы: колющие орудия, крючные снасти, сети, запорные системы. К колющим орудиям относились остроги, гарпуны, багры, стрелы и все виды орудия ударного действия[21].

Из рыболовных орудий предпочтение отдавалось сетям. Об этом свидетельствуют обнаруженные в прибрежных поселениях обилие рыболовных грузил для сетей, сделанных из морской (или

речной) гальки. Были известны закидные сети, сети типа бредней и прямоугольные сети. В открытом море, а также с берега ловили рыбу закидными сетями. А прямоугольные сети расставлялись в прибрежных местах.

Разнообразие рыболовного орудия, которым пользовалось прибрежное население (а ими, по всей вероятности, были гениохи) говорит об определенном уровне развития рыболовства в Абхазии, причем промыслового характера, так как большинство из указанных снарядов были рассчитаны на массовый лов рыбы. Это дает основание предполагать, что, несмотря на заболоченность прибрежной полосы, здесь в древности существовали поселения гениохийских рыболовов, которые выбирали для этого сухие места, продуваемые ветром и лучше защищенные от насекомых. Изобилие лосося в устьях горных рек, которого особенно много было на Кодоре (где так же «нередки усачи»), изобилие форели в Кодорском лимане, Гупской общине (в местности Арасадзых)[22] и других местах, дают основание полагать, что в древности рыболовство в Абхазии было явлением естественным и широко распространенным. Надо полагать также, что рыбные промыслы оборудовались специальными сооружениями для просушки сетей, легкими шалашами, сараями или навесами (по типу солеварен), где жили рыбаки в течение определенного времени (особенно осенью и весной). Такое рыболовство нельзя считать спорадическим. Оно было постоянным, регулярным, использовавшим разнообразную ихтиофауну, а, следовательно, и профессиональным.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что рыбный промысел в эту эпоху, а также в средние века составлял довольно значительный объём. Не исключено также, что античный период из Абхазии, как и из Северного Причерноморья в страны древнегреческого мира вывозили рыбу различной заготовки. Этнографические материалы и письменные источники свидетельствуют, что абхазы, как и их соседи, из морской рыбы изготавливали рыбий жир, который использовали в качестве лечебного средства. Один из церковных документов XVII века, в приморском

с. Галидзга упоминает хозяйственное помещение, где были «поселены рыбаки» и «поставлены котлы». Выясняется, что они нужны были для получения рыбьего жира[23].

То, что рыбаки являлись отдельной категорией жителей прибрежных сел, подтверждают следующие свидетельства. Еще в первой половине XVI века в Искурии (Скурче) патриаршему престолу Западной Грузии принадлежали два рыбацких «дыма» Шамигия (мегрелов, поселенных здесь после захвата мегрельскими правителями из рода Дадиани Юго-Восточной Абхазии). Позже, в 1621 году, патриаршему престолу здесь же принадлежало уже пять дымов крепостных крестьян, обязанных рыбачить и нести морскую повинность на церковь[24]. В середине XVII века Арк. Ламберти писал, что абхазы «рыбы не едят, хотя могли бы ловить» ее «в реках и море»[25]. Тем не менее, и в этот период, несмотря на сокращение морского рыболовства, оно продолжалось в реках, где ловили ценные виды рыб – осетр, форель, лосось, и когда рыба поднималась на нерест, и когда возвращалась обратно в море. О том, что рыболовство в XVII веке у абхазов не прекратилось, свидетельствует и одна из церковных грамот указанного времени, в которой в перечне приношений крестьян в пользу Пицундской церкви упомянуты «осетр или другая рыба»[26].

Рыболовство в Абхазии (с разной интенсивностью продолжалось в течение всего XIX века. Так как для ловли рыбы рыбакам необходимы были лодки, то развитие рыболовства косвенно указывает на строительство челноков и лодок, на которых население плавало в мелководных заливах и на небольших глубинах у морского берега. Более того, необходимо подчеркнуть, что поскольку еще с эпохи неолита, а в особенности энеолита и ранней бронзы основным занятием жителей прибрежной полосы Абхазии являлось морское рыболовство и охота на дельфинов (хорошо описанное в литературе), то эти промыслы, очевидно, также способствовали тому, что гениохи сделались мужественными мореплавателями. Однако самым главным условием развития мореходства была торговля[27], которая в древний и средневековый периоды, нередко сочеталась с морским разбоем и пиратством. А деятельность

пиратов на Черном море вплоть до 30-х – 40-х гг. X1X века почти никогда не прекращалась.

Как собственно прибрежный, так и морской разбой являлся одним из важнейших факторов, непосредственно влиявшим на экономическую жизнь Причерноморья и всего античного и средневекового мира. С одной стороны, морской разбой в понтийском районе являлся значительным источником пополнения рынка рабов и развития торгового капитала[28]. Вместе с тем, пиратство было и одной из главных помех торговому мореплаванию по Черному морю, нарушавшей экономические связи и коммуникации этого района античного мира[29].

Можно вообще предполагать, что морской разбой существовал с различной интенсивностью, во всех приморских странах, являясь неизбежным состоянием общества, при котором на него смотрели как на обычное дело и даже как на род рыцарства[30]. Ни один торговый корабль не пускался в море, не будучи вполне готов к отражению нападения пиратов, а при случае и к захвату чужого имущества. Можно также допустить, что развитие берегового обмена, а также нападения, захват имущества извне положили начало возникновению пиратства и у абхазов. Абхазское пиратство (ашхуарра) – трактуется как морской разбой, чинимый частными лицами против чужой собственности, а также как пленопродавство[31].

Как было отмечено, древние предки абхазов рисуются античными источниками как искусные мореплаватели и морские пираты. Но гениохи, надо полагать, характеризовались не только этими, хотя и основными, качествами. В литературе уже высказывалось мнение о том, что гениохи служили проводниками для купцов и переселенцев[32]. Определенным указанием в пользу этого положения служит тот факт, что в те времена, когда греки, еще не знали пути в Черном море, они за плату приглашали лоцманов – варваров[33].

С другой стороны, предприимчивые «труженики моря», умело сочетали ремесло пирата и купца[34], а в торговле они, также, несомненно, обладали большим опытом.

Обитание предков апсилов-апсуа – гениохов на морском побережье, само собой должно было подталкивать их на путь обмена или же заставлять прибегать к таким сопряженным с насилием способам перераспределения и перемещения материальных ценностей, как пиратство. Указание на то, что пиратство являлось основным в коммерческих отношениях гениохов, можно усматривать и в известном описании Страбоном хозяйства гениохов. Согласно Страбону, гениохи возвращаясь из плавания, живут в глухих лесах, «обрабатывая скудную почву»[35]. Однако этому противоречит сам факт тяготения абхазских поселений к речным долинам (а почвы долин всех без исключения абхазских рек, как известно, отличаются наибольшим плодородием, о чем писал, например, автор XVIIIв. Я. Рейнеггс: «… весь их край (абхазов. – О. М.) очень плодороден, в особенности горные долины и открытые равнины, орошаемые рекой Кодор»[36]. Поэтому правильнее было бы считать, что гениохи «скудно» обрабатывали почву: не было необходимости брать от земли столько сколько от нее можно было взять, так как гениохи профессионально занимались морским разбоем.

Следует подчеркнуть, что широкому расселению гениохов по всему Восточному Причерноморью способствовало, по видимому, именно развитое у них мореходство, пиратство и торговля. Страбон сообщает нам о том, что гениохские пираты вытаскивали свои лодки-камары на берег, и потом уносили их подальше от берега в лес. Не имея стационарных и постоянных мест базирования своего флота они были практически неуязвимы. Тем не менее, гениохи нередко становились объектом нападения, потому, очевидно, снаряжались в поход, так как собирались бы на войну. Именно для того, чтобы способствовать благополучному исходу военно-торговой экспедиции, предки абхазов перед началом похода совершали хорошо описанный в литературе особый религиозный обряд. Гениохийские мореходы и купцы перед выходом в море посещали капище морского божества Аганых (Агных) – в районе сс. Адзюбжа и Калдахуара. Там, абхазские мореходы, просили у божества удачи в походе. И только после этого гениохи отправлялись в путешествие.

Первоначально целью морского разбоя гениохов было не столько захват пленных для работорговли, сколько удовлетворение насущных внутренних потребностей за счет грабежа. Естественно, что подобные «потребительские» действия вызывали отпор со стороны правителей отдельных наиболее развитых районов Причерноморья, в частности, Боспора. Кроме того, для Боспора, скажем, в эллинистический период, особую важность, надо полагать, представляла безопасность торговых путей, связывавших порты государства с их главными экономическими партнерами-городами Средиземноморья и Южного Причерноморья. А эти коммуникации пролегали не вдоль Кавказского берега, а в центральной и западной части Черного моря. Поэтому боспорские правители, в частности, как это следует из известного сообщения Диодора, царь Эвмел вел беспощадную борьбу с гениохами и ахейцами[37]. О масштабах бедствия, причиняемых гениохами торговле, дает представление свидетельство того же Диодора о том, что Эвмел «получил самый лучший плод благодеяния – похвалу не только в своем царстве, но почти во всей вселенной, так как купцы повсюду разнесли молву о его великодушии»[38]. Судя по восхищенному отзыву Диодора, компания Эвмела сравнима с компанией Помпея, он надолго очистил Черное море от пиратов. Однако спустя более 300 лет, эти же племена называет сосланный в Томы Овидий[39], причем в его время ахейцы и гениохи уже не довольствовались охотой у своих берегов, а совершали рейды вдоль всего побережья Черного моря, кроме северной его части. Пиратские рейды гениохов совершались, главным образом, ради захвата людей. Пленников они охотно возвращали за выкуп, извещая об этом их родственников по отплытии. Если захваченный оказывался неплатежеспособным, его продавали в рабство[40], в первую очередь, надо полагать, на Боспор, как наиболее близко расположенное от гениохов развитое рабовладельческое государство. Этим, видимо, объясняется, то обстоятельство, что правители Боспора и их окружение, заинтересованных в приобретении рабов, оказывали гениохам содействие для сбыта награбленного.

Важная информация о торговых связях гениохов с Боспором содержится во «Всемирной истории»: места у Понта, – пишет Полибий, – «доставляют нам скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов»[41]. Так экспорт рабов, обусловленный соответствующими потребностями Средиземноморья, способствовал превращению морского разбоя гениохов в доходный промысел – работорговлю. В обмен на рабов пираты получали товары греческого производства, в первую очередь, оружие, посуду, украшения и иные изделия, удовлетворявшие, главным образом, нужды местной родоплеменной верхушки[42].

Нужно отметить, что пиратские и разбойничьи отряды местных жителей выступали как постоянно действующая отрасль экономики практически в течение всего периода древности и средневековья.

Пиратство давало постоянный и устойчивый доход и результаты этой деятельности быстро реализовывались на большинстве рынков. Кстати, преимущества нападений с моря заключались в том, что они облегчали обеспечить скрытность и анонимность нападений. При этом риск возмездия за нападения кратно уменьшался.

Поскольку пиратство являлось одним из основных источников для накопления богатств и было чрезвычайно широко распространено, оно, несомненно, имело собственную производственную базу, окончательно уравнивающую его, например, с военным делом. Для того чтобы пираты имели корабли, по крайней мере, не уступающие быстроходностью и маневренностью обычным типам торговых судов (чтобы можно было догнать), для этого должны были существовать судостроительные верфи. Такие верфи, как установлено, имелись в Пицунде, Бамборе, Анакопии, Сухуме, Тамыше и других местах. В последнем пункте помимо судоверфи существовал судоходный канал. Это искусственное русло, по мнению Ш. Д. Инал-Ипа, является уникальным гидротехническим сооружением древности на всём Черноморском побережье Кавказа. Как отмечает Ш. Д. Инал-Ипа, ни в одном другом пункте Абхазии нет такого скопления топонимов, связанных с мореходством, как на территории с. Тамыш – в междуречье рр. Дгамыш и Тоумыш: Акра (Маяк), Ашхәацәырҭа (Место тесания судов (лодок), Ашхәаҷаҳәарҭа (Место прикола судов (лодок), Ашхәаҭаныӄәарҭа (Место хождения судов (лодок). Далее Ш. Д. Инал-Ипа называет Тамышские каналы Атхвыш ду – Аҭҳәышь ду (Глубокий ров) и Уанат – (Уанаҭ), которые соединяла река Джамгула. По данным Ш. Д. Инал-Ипа, трасса Тамышского судоходного канала (длина более 2300 м) была прямолинейной, пересекала речки Ошпан и Джамгула, далее по реке Дгамыш выходила к Чёрному морю[43]. Этот канал имел «запасные каналы для стоянок или укрытия судов», о чём свидетельствует сохранившееся их название – Место привязывания судов (Ашхәаҷаҳәарҭа)[44].

Исследования совместной экспедиции института археологии СССР и Абхазского института им. Д. И. Гулиа на Тамышском поселении эпохи бронзы в 1983–1990 гг. показали, что жилые постройки здесь располагались на невысоких естественных холмах, окаймленных сетью проточных речек, возможно искусственных каналов. Следы древней протоки сохранились у восточного края в центральной части поселения, которая вливается, образуя рукав, в устье р. Тоумышь. Экспедиция выявила также следы древних высохших русел небольших речушек, в аллювиальных отложениях которых найдены каменные грузила для рыболовных сетей. Перечень находок, связанных с мореходством, дополняет вышеотмеченная находка керамической модели судна, обнаруженная на одной из культовых площадок поселения. Она представляет собой миниатюрную ладью с высокими бортами, с клиновидной носовой частью, украшенной стилизованным изображением животного, очевидно собаки[45].

Таким образом, археологические исследования подтвердили гипотезу проф. Ш. Д. Инал-Ипа о существовании в древности в районе с. Тамыш судоверфи, сложной системы каналов и стоянки судов. Подобное сооружение, согласно этнографическим материалам, имелось, например, и на территории с. Мгудзырхуа. Так, в бассейне р. Мчишь (Черная речка) в пределах указанного села, встречается местность под названием Анышьҵәахырҭа, т. е. «ме-

сто скрывания (или укрытия) лодок»[46]. А около Пицунды находится небольшое озеро, название которого – Анышьхтцарта – переводится как «место запуска лодок»[47].

Мореплавание, а вместе с ней и торговля на побережье Абхазии в раннеантичное время совершалось каботажным путем. «Торговля, –отмечают в этой связи Л. Н. Соловьев и К. М. Тешев, – совершалась каботажным путем через проливы и далее по западным и северным берегам Черного моря»[48]. Впрочем, следует заметить, что отмеченный выше каботажный путь вдоль западного побережья Черного моря, хотя и являлся наиболее древним, но был одним из трех путей шедших из Эгеиды в Северное Причерноморье. Исключительно каботажным являлся, как сказано, и путь шедший в Северное Причерноморье вдоль южного побережья Черного моря, затем вдоль Колхиды и участка побережья, населенного племенами зихов и ахейцев. Однако этот морской путь считался в древности наиболее опасным не столько из-за штормовых ветров, особенно районе Бат и Торика (совр. Геленджика), сколько вследствие постоянных нападений прибрежных племен[49].

Вместе с тем, вряд-ли при этом следует думать, что морские суда, и в частности, греческие, беспрерывно ходили вдоль черноморского берега и обратно. И хотя греки обладали наиболее совершенными по тем временам морскими(парусными) судами, количество этих судов, очевидно, не было столь велико, а плавание было сезонным. К тому же, каботажному плаванию, как сказано, создавали серьезные помехи пираты, и приходилось думать не столько о торговле, сколько о сохранности груза и самой жизни. А это делало рейсы вдоль черноморских берегов маловыгодными, что заставляло искать более безопасные и короткие пути. К IV в. до н. э., очевидно, относится интенсивное освоение краткого морского пути по прямой через Черное море – от Пафлогонского выступа до Таврического (Крымского) полуострова, – непосредственно соединивший южный и северный берега Черного моря[50]. Однако каботажные плавания вдоль кавказского побережья и после этого сохранили в известной степени свое значение, особенно для городов северо-восточной части Малой Азии (Трапезунт и др.)[51].

Выше отмечалось о том, что судоходство вдоль Кавказского побережья не было столь оживленным и должно было носить сезонный характер. Однако, некоторые исследователи думают, что судоходство, в частности, на Кавказском побережье Черного моря было интенсивным, и исходя из этого, здесь, в том числе например, в Сухумской бухте, могут находиться затонувшие суда[52].

Действительно, в Абхазии, нередко со дна моря сетями поднимают якоря потопленных судов, два из которых, в частности, экспонируются во дворе Абгосмузея. Наилучшими местами для засады был Кодорский мыс и местность в Ашыцра–Аилага Абыку (около Гудауты), где часто ставили ложный маяк. Корабли же, идя на свет т. н. маяка, садились на мель и становились добычей пиратов. Одним из методов нападения в открытом море был и внезапный захват корабля. Нырнув под воду и дыша через тростник, абхазы незаметно подплывали к кораблю и, убрав охрану, захватывали его[53].

Как нами было сказано, у гениохов должны были быть и судостроительные верфи, и опытные корабелы. Согласно имеющимся сведениям, такая же верфь («место кораблестроения») в Абхазии имелась и на Скурче. По материалам С. Броневского, «в лимане реки Согумы (по указанию проф. Г. А. Дзидзария, под этой рекой имеется в виду Кодор, в устье которой, в местности Скурча (Искурия), имеется небольшая бухта), есть корабельная верфь, лежащая на три часа езды от крепости (Сухумской. – О. М.)[54]. Должно быть также отмечено, что с древности и вплоть до первой четверти XIX века в этих местах был невольничьий и обычный рынок, который был «расположен на восток от Кодорского мыса на берегу небольшой бухты (Скурчинской. – О. М.), соединенной узким каналом с маленьким озером, представляющим как бы вторую внутреннюю бухту»[55]. На это же обстоятельство обращал внимание и Н. Ломоури[56].

По описанию Ц. Н. Бжания в с. Тамыш, в местности Ашхәацәырҧа, прежде чем спустить суда и ладьи владетеля Михаила (Хамудбея) в море, их освящала «чистая» (святая) женщина из рода Бжания. Свечу, для молебна изготавливали в человеческий рост.

После освящения, судно спускали в воду, гребцы выйдя в море исполняли ритуальную песню «Ашхәа ашәа» («Песню лодочников») следующего содержания:

«Еҳ-ҳе-ҳеи!
Иашхәари!
Дыҕәа-мыҕәа думгари,
Иашхәари, еҳе-ҳе-ҳеи!»[57].

По материалам Ш. Д. Инал-Ипа, жители с. Тамыш еще в начале XX века выходили к устью р. Дгамыш, неся с собой жертвенные хлебцы и зажженные восковые свечи, и, став перед котелком со свежей морской водой и положив приношения на вышку о 4-х столбиках, молились духу моря, прося его ниспослать на них свою благость.

Исходя из факта значительного развития мореходства у абхазов, абхазские правители, например в период существования Абхазского царства, помимо государственной армии, по-видимому, располагали определёнными морскими силами, по крайней мере, несомненно, держали силы береговой охраны со своими хозяйственно-защитными сооружениями. Письменные источники более позднего времени также дают основание считать, что владетельные князья Абхазии Чачба-Шервашидзе уделяли значительное внимание развитию собственных военно-морских сил. Так, Вахушти Багратиони (1696–1757 гг.) отмечал: «Абхазы по-прежнему сильны на море, по морям ходят на судах «oletcandar», в которые они садятся по 100, по 200 и по 300 человек, и нападают в пути на суда османлисов и лазов-чанов и чаще всего у побережья Одиши (Мингрелии) и Гурии. В боях (на суше) абхазы слабы и быстро уступают, но на море – стойки и могущественны»[58].

Значительную роль сыграл абхазский флот в период длительных абхазо-мегрельских войн XVII века. Так, в результате очередной войны с Мегрельским княжеством в 60–70-х гг. XVII в., пишет С. Хотко, граница Абхазского княжества поднялась до Кодора, но затем абхазы оттеснили мегрелов за Ингур. В 1672 г. Чачба сформировали мощный флот и атаковали в районе Поти флот Дадианов, в результате чего все мегрельские суда были уничтожены[59]. После этого сокрушительного разгрома Дадиани более не предпринимали попыток противостоять Чачба на море.

Тем не менее, отношения Чачба и Дадиани не были исключительно конфронтационными. В 1704 г. наместник Кутаиса сообщал великому визирю: «К восставшему на суше Дадиани на море присоединились Абаза»[60]. В 1705 г. Порта усилила соединение кораблей в Батуми, направив десять специальных судов типа «эшкамфуа» (фрегатов). Сулхан-Саба Орбелиани, возвращаясь в 1714 г. из путешествия по Европе, был вынужден задержаться в турецкой гавани в районе Трапезунда. «Я не могу повести корабль в Гурию, – заявил ему один из корабельных владельцев, – абхазцы пришли в смятение, боюсь, и, если хотите, то поезжайте на маленьких лодках, либо на Гурию, либо на Ахалцихе»[61].

Согласно преданию, недалеко от церкви Мармал–абаа (с. Адзюбжа) абхазы совершали жертвоприношения не только божеству Аганых, но поклонялись и божеству морского ветра – Апшаныхуара (Аԥшаныҳәара). Происхождение моления о ниспослании благополучного ветра связано, несомненно, с парусным мореходством, о чём может говорить и наличие в абхазском языке древнейшего термина для обозначения паруса – апра (аԥра), который, по словам Н. Ҕ. Марра, был заимствован и грузинским языком. Небольшие легкие и узкие лодки гениохов – камары, также, по всей вероятности, были парусными. А одна местность в районе устья Малого Кодора (там, где во второй половине XIX века протекал Большой Кодор), носила название «ашхуапшырта» (ашхәаԥшырҭа), что переводится как «место наблюдения за кораблями». То, что рассматриваемый район служил притоном для пиратов, подтверждается, например, немецким автором середины XIX в. Ф. Боденштедтом, который отмечал, что Анаклия, Дранда и др. были такими же опасными пиратскими гнездами на побережье Абхазии, как Модон и Парга на побережье Албании[62].

В устья рек Абхазии в древности заходили суда и даже поднимались вверх по рекам на определенное расстояние. Сирийский

араб Павел Аллепский, писал: «Имеется шесть рек великих, и ходят на них кораблями. Первая река – Кодор, вторая – Галидзга, третья – Енгур, четвертая – Хоб, пятая – Тихур, шестая – Конская (Цхенис-цкали)»[63]. Эти реки упоминаются как «судоходные» и в других источниках[64]. По свидетельству старожилов, в прошлом, когда Кодор был полноводнее, мореходы, в зависимости от времени года, на различных плавсредствах с моря заходили в реку и приставали поблизости от церкви Мармал-абаа, найдя для этого удобное место. В 1819 году русский офицер Энегольм в кратком описании Западной Грузии и Абхазии, сообщал, что «южный рукав Кодора, имея при устье своем медленное течение, представляет возможность входить в оный небольшими лодками»[65]. Об этом же писал и немецкий путешественник Эйхвальд в 1826 году. В частности, Эйхвальд говорит о «судоходстве» и на другой крупной реке Абхазии – Бзыби. Хотя река Бзыбь не судоходна, пишет он, но черкесы все-таки плавают по ней на своих маленьких лодках, скрываясь у ее скалистых берегов и, улучив момент, нападают на абхазов[66].

Безусловно, Бзыбь и Кодор были реками, наиболее тесно связывавшими абхазов с морем. И все же приоритет в этом принадлежал Кодору, поскольку площадь бассейна Кодора была обширнее и имела выход на Северный Кавказ через три пункта: Марухский, Нахарский и Клухорский перевалы.

О судоходстве на Кодоре говорят и другие материалы XIX века[67]. О пригодности реки для навигации на короткое расстояние и возможности входа в устье Кодора говорит и топоним Баглан (абх. Баглан). Местность Баглан, расположена непосредственно на левобережье устья реки Кодор, где образовался одноименный «мыс Баглан». Это позволяет нам сделать вывод о возможности причаливания к берегам Баглана кораблей различных типов, увозивших из Скурчи корабельный лес, сплавлявшийся прямо к устью реки. В этих же местах устраивались временные стоянки моряков, с которыми общались и местные жители. Такая ситуация в прошлом, позволяет предположить, что топоним Баглан турецкого происхождения, в переводе с которого означает «место привязки»[68] лодок и кораблей. Можно в этой связи отметить и то, что редкость безопасных бухт заставляли жителей Абхазии использовать в качестве гаваней устья почти всех без исключения рек, впадающих в море[69]. По этому поводу Вахушти отмечал, что «места, где реки впадают в море, называются «туали» (букв. «око») и пользуются ими как пристанями. (Сюда) пристают суда и торгуют»[70]. Приведенное здесь определение пристаней у устьев рек как «око» больше подходит к прибрежным озерам (например, Гудава, низовья Кодора, Пицунда), которые наряду с устьями рек, также служили пристанями для морских судов.

Д. Бакрадзе писал, что «для переезда через большие реки (Абхазии – О. М.) вы можете смело довериться маленькому каюку, большей частью сделанному из одного выдолбленного дерева и имеющему сажени три в длину»[71]. В 1877 году, например, корреспондент грузинской газеты «Голос» переправился с берега на берег Кодора на судне местного изготовления. Еще ранее, в 1869 г., имеретинский епископ Гавриил со своей свитой переправлялся на лодке в с. Адзюбжа[72]. В другом источнике за 1877 г. говорится, что в «трех-четырех километрах от берега моря, на каждом из двух рукавов Кодора, у села Адзюбжа, у абхазцев были довольно большие каюки»[73]. Генерал Я. Алхазов (командующий Ингурским отрядом в русско-турецкую войну 1877–1878 гг.) также сообщал, что «абхазцы с правого берега р. Кодор сели на суда у устьев этой реки и удалились к Сухуму»[74].

Согласно опубликованному Э. Такаишвили документу XVII века, в Исгауре и селе Маркула функционировали таможни, здесь происходила морская торговля, взимались пошлины с иностранных судов, причаливавших туда. Кстати, Арк. Ламберти на карте, приложенной к его сочинению «Описание Колхиды,…», прибрежную территорию «между реками Маркула и Мармал», отмечает как значительный населённый пункт и важную гавань. Здесь изображена группа трёхмачтовых судов, довольно высоких и с длинными носами. Ламберти говорит о мастере, «который делал лодку»[75]. Когда купец Шарден в XVII веке из Исгаура направлялся к устью р. Ингур (в Анаклию), то никому не пришло в голову предложить ему продолжить свой путь по суше – Шарден собирался направиться в Ме-

грелию на нанятой им лодке. Но черкесы и абхазы угнали местные лодки, а с ними и ту, которую нанял Шарден[76].

Стимулом к развитию мореходства являлось, как сказано, и занятие морским рыбным промыслом. Согласно документам, крестьяне-рыбаки из Искурии в первой половине XVI века должны были нести морскую повинность и служить на морских судах в пользу владетельного князя или феодала[77]. О мореходстве в этом районе пишет и С. Броневский, который в числе «знатных мест и крепостей» на Черноморском побережье, от Кубани до р. Чорох, называет Скурчу (Искурия) и Дранду (Дандар)[78].

Уже отмечалось о том, что в античный период, когда греки плавали по Чёрному морю, они пользовались услугами местного населения как проводниками судов. Об этом свидетельствует пример абхазского махаджира из села Адзюбжа, осевшего затем в Аджарии, Мамада Бадия, в конце XIX в. установившего рекорд по плаванию, проплыв от Батуми до Поти[79].

По имеющимся данным в детстве Мамад учился плаванию на р. Кодор, откуда из с. Адзюбжа была родом его мать по фамилии Делба. Попав в Турцию, Бадия, в 18–20-летнем возрасте, хорошо изучивший морские течения, сопровождал турецкие суда, вывозившие лес из Абхазии[80].

Во второй четверти XIX века было известно об одном из «выдающихся» пловцов, из поселения Аджбна – Мсоусте Бзаркал. Этот крестьянин, как рассказывают знавшие, брал своих младенцев и, не обращая внимания на сопротивления матери, бросал их в воду, говоря, что для них же будет лучше, если они с детства привыкнут к воде[81]. Вообще же, местное население, плавая в реках и на море, знало многие приёмы плавания[82].

Вплоть до учреждения русскими властями в 30-40-х годах XIX века Черноморской береговой линии у побережья Абхазии осуществлялась контрабандная торговля. Источниками в этот период зафиксировано два нападения пиратов на торговые суда в районе Кодорского мыса[83]. Во втором случае, по свидетельству Дюбуа де Монпере, экипажи двух абхазских галер (в которых находилось 120 человек) «налегли на весла и исчезли в одно мгновение в устье

р. Кодор, куда они, «по своему обыкновению, втянули за собой свои галеры»[84]. Там же, недалеко от современного озера Скурча, имелась местность, которая была более удобной для укрывания пиратских судов. 2 сентября 2003 г. научная экспедиция АБИГИ в составе В. В. Бжания, Д. С. Бжания и автора этих строк, при участии Ю. В. Горлова (Институт археологии РАН) обнаружила следы значительного судоходного канала, (аналогичного тамышскому), идущего от берега моря наискосок вглубь с. Адзюбжа. Его протяжённость в длину доходит почти до 2 км, при ширине около 10 м[85]. В связи с пиратством абхазов интересно и следующее. Согласно полевой информации, житель с. Адзюбжа Ясон Дочия (Мцвацуача), рассказывал о том, что его предки, как и гениохи занимались морскими разбоями («грабили турецкие суда»)[86].

В своём атласе путешествия по Кавказу, Дюбуа де Монпере зарисовал с натуры жилища абжуйского удельного князя Алыбея Чачба (ум. в 1833г.), расположенные на берегу моря в с. Тамыш, изобразил на своей картине лодку, на которой двое подплывают к берегу, и сравнительно большое судно с высокой мачтой, которое было вынесено на сушу и, подпираемое с обоих концов брёвнами, стояло наготове вблизи дома, прикрытое с трёх сторон густой растительностью.

Литература

[1]Ханке Х. Люди. Корабли. Океаны. 6000 лет мореплавания. – М., 1984. С. 23

[2]Писаревский Н. П. Местные традиции кораблестроения и мореплавания в Понте Эвксинском // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980. С. 172; Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков. – Сухум. 2005. С. 12–13.

[3]Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы. – Стоянки Воронцовской пещеры// Труды АИЯЛИ. Т. 29. – Сухуми. 1958. С. 158.

[4]Виноградов В. Б. «Тайны минувших времен». – М., 1966. С. 81; Сниса-ренко А. Б. Властители античных морей. – М., 1986. С. 65.

[5]Откупщиков Ю. В. Карийцы в Причерноморье (Ономастика) // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980. С. 65, 66, 74; Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. – М., 1964. С. 10. Предполагают, что первоначально карийцы участвовали в морских походах на паях с финикийцами (Снисаренко А. Б. Властители античных морей… С. 58).

[6]Там же.

[7]Матвеев К., Сазонов А. Пять жизней Сури. – М., 1989. С. 75–76; Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков… С. 90.

[8]Дзидзария О. П. Указ. раб. Там же.

[9]Блаватский В. Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья // СА, № 2. 1964. С. 13.

[10]Соловьев Л. Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа – Нижне-Шиловское и Кистрик // Труды СГПИ. – Сухуми. 1965. С. 25–26. Правда, тот же автор, исследовавший памятник позднего этапа мезолита – Холодный грот (Хупынипшахуа) считает, что его жители при ловле рыбы уже могли пользоваться однодревками-челноками. Данный факт можно понимать не только как первую попытку использования водных ресурсов, но и как наиболее ранние пробы людьми своих сил в реке, прежде чем отважится выйти в море. Л. Н. Соловьев также предполагает, что лодки могли быть в употреблении и у обитателей Очамчирского энеолитического селища, занимавшихся охотой на дельфинов и ловлей камбалы. В распоряжении населения имелись достаточные средства для строительства лодок: целые серии долотообразных и стамескообразных орудий и примитивные топоры (Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии // Материалы по истории Абхазии. 1. – Сухуми. 1939. С. 52–54; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964. С. 60; Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков С… 25).

[11]Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. – Тб. 1950. С. 291; Дзидзария (Дзари) О. П. Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989. С. 11.

[12]Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АБИЯЛИ. Т. XXXI. Сухуми. - 1960. С. 106–107. Его же: Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа // КЭС. Т. IX. – М., 1989. С. 8. Отдельные исследователи, в частности Эдмон де Молин, отмечает, что «колхидские пеласти» переселяясь из Колхиды морским путем, расселялись в основном в бассейне

Средиземноморья и заложили затем основы всей западной цивилизации (Цит. по: Гожба Р. Х. К истории мореходства у абхазов: мифология, фольклор, история // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004. С. 191). Известный английский исследователь Ф. Петри в свое время также подчеркивал не только о взаимосвязи Кавказа и Египта, но и указывал на определенный приоритет Кавказа. Опираясь на соответствующие мифолого-топонимические сопоставления, он пришел к выводу о зарождении древнеегипетской мифологии на почве Кавказа (См.: Мещанинов И. И. Египет и Кавказ. – Баку. 1927. С. 38). Критически анализируя этот «вызов кавказоведению», брошенный английским ученым, И. И. Мещанинов указывал, что «если это оказалось верным и подтвердилось бы дальнейшими научными исследованиями египтологов и кавказоведов, то взгляд наш на Кавказ изменился бы коренным образом, и нам придется, в таком случае, смотреть на него, как на видный культурный центр, современный Египту (Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976. С. 42.).

[13]Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, № 3. 1949. С. 262.

[14]Гулиа Д. И. История Абхазии. – Тифлис. 1925. С. 9; Инал-Ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху // Труды АБИЯЛИ. Вып. 30. – Сухуми. 1959. С. 79; Шамба Г. К. Эшерская древнегреческая надпись и вопрос зарождения государственности в Абхазии // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000. С. 40.

[15]О мореходных качествах абхазских судов см.: Дзидзария (Дзари) О. П. Морская лексика в абхазском языке… С. 4–16.

[16]Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа…С. 107.

[17]Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум. 2005. С. 74.

[18]Бжания В. В. Поселения Очамчирской культуры в горах Абхазии // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973. С. 65.

[19]Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964. С. 95.

[20]Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. – М., 1980. С. 64.

[21]Маан О. В. Рыболовство в Абхазии // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000. С. 173.

[22]Чочуа А. М. Избранные сочинения. – Тб., 1987. С. 19; Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум. 2003. С. 165.

[23]Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. – Тб., 1989. С. 229–230.

[24]Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 230.

[25]Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией//СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис. 1913. С. 189.

[26]Антелава И. Г. К вопросу о феодальных отношениях в Абхазии в XVII–XVIII веках.//ТАГМ. Вып. 1. – Сухуми. 1947. С. 68

[27]Инал-Ипа Ш. Д. Труды. – Сухуми. 1988. С. 17; Дзидзария(Дзария)О. П. Морская лексика а абхазском языке. – Сухуми. 1989. С. 6.

[28]К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 24. С. 554; Т. 25. Ч. 1. С. 364.

[29]Брашинский И. Б. Понтийское пиратство // ВДИ, № 3 (25). 1973. С. 124–133.

[30]Разбой был настолько обыденным явлением, что, например, в IV в. до н. э. им активно занимались греки – жители Трапезунта, колонии Синопы. Трапезунт административно располагался в стране колхов, но это ничуть не мешало грекам регулярно совершать набеги на Колхиду из окрестных колхидских же деревень, а трапезунтцы предоставляли в их распоряжение свой базар, где можно было без особых хлопот сбыть награбленное. Больше того – они заключили с греками союз гостеприимства, скрепив его дарами, и содействовали заключению аналогичных договоров между греками и ограбленными ими колхами. Позднее они одолжили грекам пентеконтеру и одно 30-весельное судно, и с ними эллины захватывали проплывавшие мимо их лагеря корабли, сгружали товары, а трофейные плавсредства использовали для прибрежного пиратства (Снисаренко А. Б. Властители античных морей… С. 194–195).

[31]Дзидзария О. П. Морская лексика в абхазском языке…С. 32.

[32]Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Т. 6. – Сухуми. 1986. С. 65.

[33]Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, №3. 1949. С. 263.

[34]Кисельников А. Б. Морские перевозки грузов в античное время// Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск. 2007. С. 178.

[35]Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. – Спб., 1890. С. 134.

[36]История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 131.

[37]Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории Боспора. – М., 1964. С. 96; Брашинский И. Б. Понтийское пиратство… С. 126.

[38]Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья. Кавказа и Средней Азии. – Л. 1968. С. 188. Цит. по: Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории … С. 185; Брашинский И. Б. Понтийское пиратство… С. 126.

[39]Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. – М., 1985. С. 169, 231; Снисаренко А. Б. Властители античных морей… С. 206.

[40]Валлон А. История рабства в античном мире. – М., 1936. С. 5–8, 60–63 и др. ; Снисаренко А. Б. Властители античных морей… С. 199.

[41]История Абхазии… С. 40; Безруков А. В. К вопросу о торговых коммуникациях в Южном Приуралье по данным письменных и археологических источников (VI–IV вв. до н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. XIII. 2003. С. 232.

[42]История Абхазии… С. 40.

[43]Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971. С. 194–196.

[44]Там же.

[45]Бжания Д. С. Морское дело по материалам Тамышского поселения эпохи бронзы // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. А. Дзидзария. – Сухум. 2004. С. 20-21.

[46]Инал-Ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии…С. 88–89.

[47]Там же.

[48]Соловьев Л. Н., Тешев М. К. Шапсугское сказание о потопе // Известия АИЯЛИ. Т. XII. – Тб. 1983. С. 69. См. также: Брашинский Б. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI –II вв. до н. э. . – М., 1963. С. 54–55.

[49]Сапрыкин С. Ю. Херсонесские проксении и пути плавания по Понту // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. VIII. 1999.

[50]Максимова М. М. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. –М., 1956. С. 151, 168; Сапрыкин С. Ю. Херсонесские проксении. С. 217–218.

[51]Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии…С. 155.

[52]Фазлуллин С. М., Заремба П. А., Горлов Ю. В., Бжания Д. С. Перспективы исследования подводного исторического наследия Северо-Восточного побережья Черного моря. Доклад, прочитанный на Второй Абхазской Международной археологической конференции, посвященной памяти М. М. Трапша «Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа». 8–12 ноября 2008г. – Сухум. 2008.

[53]Гожба Р. Абхазия – страна древних мореплавателей // Газ. «Республика Абхазия». 1–2 августа 1998 г.

[54]Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX вв. II. 1762–1859 гг. – Сухум. 2011. С. 59.

[55]Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. I. – Сухум. 1934. С. 129.
[56]Ломоури Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ, №4. – М., 1957. С. 104.
[57]Бжания Ц. Н. Из историй хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973. С. 296.
[58]Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М. -Л., 1938. С. 143.
[59]Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. – Тб., 1989. С. 221.
[60]Там же. С. 222.
[61] Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г. А. Амичба. – Сухуми. 1986. С. 66.
[62]Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии (автор, предисловие, комментарии, послесловие – Дениса Чачхалиа). – М., 2002. С. 119.
[63]Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии… С. 237.
[64]Там же.
[65]Энегольм. Краткое описание Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии. Фонд ВУА, №18497. – Тифлис. 1819. С. 36.
[66]Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus, unternommen in den Jahren 1825–1826. Bd. I. – Stuttgart. 1837. С. 321–326.
[67]Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войска в пределах Российской империи и квартирные карты губернии и областей. Абхазия. Составлено про 1-ом отделении департамента Генерального штаба. – 1843. С. 5; Дзидзария Г. А. Труды. Т. 2. – Сухуми. 1990. С. 264; Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела // КСКГ. Вып. VI.… Тифлис. 1872. С. 1.
[68]Турецко–русский словарь. – М., 1977.
[69]Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля… С. 24.
[70]Там же.
[71]Бакрадзе Д. Очерки Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // Газ. «Кавказ». №48. 1860 г.
[72]Дзидзария Г. А. Труды. Т. 2… С. 267.
[73]Там же.
[74]Там же.
[75]Там же. С. 258–259.

[76]Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. – Тифлис. 1902. С. 143; Дзидзария (Дзария) О. П. Морская лексика в абхазском языке. С. 34.
[77]Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля…С. 230.
[78]Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. – М., 1823. С. 295–296.
[79]Легендарный пловец-спасатель. Документы и материалы. Составитель и ответственный редактор: чл. -корр. АН Абхазии Т. А. Ачугба. – Сухум. 2012.
[80]Там же. С. 5.
[81]Газ. «Апсны капш». 31 мая. 1991 г. (на абх. яз.).
[82]Чочуа А. М. Избранные сочинения…С. 30.
[83]Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. – Сухуми. 1937. С. 143; Дзидзария Г. А. Из истории мореходства в Абхазии // Труды СГПИ им. А. М. Горького. Т. XII. – Сухуми. 1958. С. 263.
[84]Дюбуа де Монпере Фредерик. Указ. соч. С. 143–144.
[85]Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии. – Сухум. 2006. С. 307.
[86]Там же.

ЧАСТЬ II.

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АБХАЗИИ

О локализации этногеографических названии в Юго-Восточной Абхазии в позднеантичную эпоху

В античный и раннесредневековый периоды территория Юго-Восточной Абхазии (совр. Галский и Очамчырский районы), согласно источникам, входила в ареал древнеабхазского политического образования Апсилии, с центром в Цебельдинской долине, расположенной на пути к Клухорскому перевалу. Позднее административный центр Апсилии переместился к юго-западу, в средневековый Севастополь – Цхум (древние Диоскуриада – Севастополис)[1].

Как известно, ценные сведения по этногеографической картине Абхазии, в том числе ее юго-восточной части в античную эпоху, содержатся в «Естественной истории» Плиния Секунда (24–79 гг. н. э.), который для описания причерноморских стран, пользовался перилами и дорожниками, составленными Артемидором Эфесским и Исидором Харакским, а также официальными римскими дорожниками, бытовавшими в I в. н. э. [2]. Плинию принадлежит как наиболее конкретная локализация проживавших на территории Юго-Восточной Абхазии племен кораксов, так и первое упоминание апсилов, что является самым ранним свидетельством вообще об абхазах[3].

О кораксах Плиний Секунд сообщает: «… и кораксы с колхийским городом Диоскуриадой… »[4], из чего следует, что, кораксы,

наряду с верховьями Дискуриады, частично были расселены и по морскому побережью, являясь в то же время жителями вообще бассейна реки Кодор. В литературе уже обращалось внимание на то, что абхазы называют Малый Кодор (Кудры) вторым наименованием Куараш (абх. Ҟуараш), по созвучию с которым античные авторы и называли ее Кораксом[5]. Ведя свое перечисление племен с юго-востока в северо-западном направлении Плиний помещает апсилов в следующем контексте: «… через область суанов с Кавказа течет река Хоб. Далее – Раон, область Кегритика, реки: Сигания, Терс, Астелф, Хрисоррой, племя абсилов, крепость Себастополис…»[6].

Таким образом, согласно Плинию, апсилы расселялись в районе Хрисорроя и города Себастополиса. Что касается названия рек, приводимых Плинием, то они, как будет показано ниже, в основном, за исключением ряда гидронимов, более всего интересующих нас, тождественны топонимам Арриана, то есть река Хоб соответствует Ингуру, Сигания (Сингам)– Окуму, Терс (Тарсур) – Мыку (Моква), Астелф (как считают это северное устье Кодора), Хрисоррой (отождествляется с Келасуром или Гумистой)[7].

Основное значение в деле локализации этногеографических названий, располагавшихся вдоль побережья исторической Апсилии, имеют сообщения римского полководца и ученого Флавия Арриана (131 – 137 гг. н. э.), на которого по повелению императора Адриана была возложена задача проверить боеготовность расположенных в Восточном Причерноморье римских укреплении (Апсар, Фазис, Себастополис). О результатах своего путешествия Арриан предоставил императору отчет в специальной докладной записке – «Перипл Эвксинского Понта», содержащей подробный маршрут плавания с перечислением народов Восточного Понта и указанием расстоянии между устьями рек и остановками судов.

Перипл Арриана на протяжении веков (как в начале н. э., так и всего средневековья) служил как бы руководящим справочником-путеводителем для всех, кто только предпринимал с той или иной целью объезд Восточного Причерноморья[8].

Наиболее интересную часть описания Аррианом своего путешествия, путь от Фасиса (Риони) до Диоскурии (Сухума), не раз

была цитирована в литературе, тем не менее, приведем ее и мы, поскольку она имеет непосредственное отношение к рассматриваемым нами вопросам.

Арриан писал: … Отправившись от Фасиса, мы миновали судоходную реку Хариент (расстояние) между ними девяносто стадиев: от берега Хариента (проплыв) еще девяносто стадиев, въехали мы в реку Хоб, где и стали на якоре. После Хоба мы миновали судоходную реку Сингам: она отстоит от Хоба не более чем на двести десять стадиев. За Сингамом следует река Тарсур: между ними 120 стадиев. Река Гипп отстоит от Тарсура на сто пятьдесят стадиев, от Гиппа – (река) Астелеф на тридцать стадиев. Миновав Астелеф, мы раньше полудня прибыли в Севостополь, двинувшись от Хоба, в ста двадцати стадиях от Астелефа…[9].

Л. А. Ельницкий, исследовавший вопросы локализации географических пунктов, упоминаемых Аррианом, считает, что река Хоб должна сопоставляться с современным Ингуром, Сингам – с общим устьем Окума и Эрисцкари, Тарсур – с Мыку (Моквой), Гипп – с Кодором, а судоходный Астелеф – с какой-то речкой западнее устья Кодора[10].

И в дальнейшем В. В. Латышев, М. П. Инадзе, Н. Ю. Ломоури[11], на основе критического анализа сведений Фл. Арриана, а также мнений К. Мюллера, Ф. Дюбуа де Монпере, Ф. Бруна и др. аналогичным образом отождествляют гидронимы Арриана с реками современной Юго-Восточной Абхазии (Хоб – Ингур, Сингам – Окум, Тарсур – Моква, Гипп – Кодор, Астелеф –ручей Дранда, Диоскурия и крепость Севастополь – Сухум)[12]. В сообщении Фл. Арриана, а ранее и Плиния,как нетрудно заметить, в перечне географических объектов Апсилии не упоминается один из наиболее значительных (наряду с Себастополисом и Питиунтом) античных полисов Восточного Причерноморья – Гиенос (совр. Очамчыра). Результатами археологических раскопок, можно считать твердо установленным, что Гиенос в I –II вв. н. э. уже прекратил свое существование, а его возрождение относится к IV–Vвв. [13].

Локализация Аррианом интересующих нас рек в основном соответствует гидронимам Плиния. Но у него перед Себастополисом – Сухумом указывается река Хрисоррой, другими авторами на Кавказе не упоминаемая. Хрисоррой Томашек предполагает идентичной Антемунту или Харесу Страбона, реке, текущей возле города Диоскуриады, и отождествляет ее предположительно с речками Келасур или Гумиста современных карт[14].

«Хрисоррой» с греч. переводится как «золотая»[15]. Богатства Колхиды древние греки связывали, как известно, с добычей там золота, издавна привлекавшей их, и о чем еще в начале н. э. рассказывал Страбон. Проявления золота действительно отмечены в верхнем течении Кодора (по рр. Джампал и Кодор[16]), – у юго-восточного меридионального отрога кавказского хребта (Абхазо-Сванетского) являющегося водоразделом бассейна рек Кодора и Ингура. Поэтому «Хрисоррой», видимо, может быть увязан с Кодором (при этом, «Хрисоррой не обязательно понимать буквально, а в том смысле, что это была вообще река «дающая прибыль», «золотая жила»).

На идентификацию Хрисорроя с Кодором, как будто дает основание думать и следующая цитата из перипла Арриана: «… от Хариента проплыв еще 90 стадиев, въехали мы в реку Хоб, где и стали на якоре. А почему мы остановились и что здесь сделали, это объяснит тебе латинское письмо». Насчет того, чем занимался правитель Каппадокии в устье Хоба – Ингура, существуют различные предположения. Одни исследователи полагали, что Арриан предпринял там строительство нового укрепления и связывали его с упоминаемым в этом районе Птолемеем городом Неаполисом, другие предполагали, что он занялся организацией добычи золота. Второе предположение представляется более вероятным, и Арриан вполне мог организовать здесь добычу золота, так необходимого римской казне[17].

Следуя контексту описания Плиния, вначале он называет р. Хрисоррой, затем апсилов и город Себастополь, что предполагает основное их расселение в районе реки Кодор и г. Сухума. Тогда как, если идентифицировать Хрисоррой с Келасур или Гумистой, то апсилов следует локализовать в районе Келасура – Гумисты и Сухума, что несколько противоречит сообщениям тех же античных

авторов, которые указывают основное географическое местоположение апсилов (а ранее кораксов) в районе Кодора.

Если Плинии перед Себастополисом называет реки Астелф и Хрисоррой, то у Арриана вначале следует Гипп, а затем Астелеф. Л. А. Ельницкий и другие авторы увязывают Гипп с Кодором. Вместе с тем Гипп (греч. «конь») по своему значению соответствует р. Цхенис-цкали, что с груз. яз. переводится как «лошадиная (конская) река».

Указанная река локализуется (протекает к северо-западу от реки Моква (см. напр. «Брульенную карту Абхазии» 1814 г.).

По мнению Ш. Д. Инал-Ипа, название Цхенис-цкали появляется в Абхазии только в феодальный период и имело свой абхазский прототип – Ачдзы (Ачзы), с тем же значением (ачы–«лошадь», адзы – «вода»[18], то есть здесь имело место калька соответствующего абхазского первоисточника. Проф. В. Е. Кварчия утверждает, что населенный пункт Цхенис-цкали у одноименной реки в прошлом назывался Чабырхуа[19]. Предполагается, что по созвучию с Ачдзы, топоним Чабырхуа неправильно был переведен как «конская вода» (Ачдзы), что попало и в греческий как Гипп. Впоследствии, в XVII в., в период прохождения политической границы Мегрелии по нижнему течению р. Кодор, этот топоним (Чабырхуа-Ачдзы) был переведен на мегрельский как Цхенис-цкали[20].

Исследователи, занимавшиеся локализацией топонимов, приводимых Аррианом, определяли длину стадиям указанными в перипле самым различным образом: 157,7м, 178м, 185м, 197м, 200м. Такой разнобой в расстояниях порождал множество различных точек зрения. Использование различных стадий при расчетах, приводило, разумеется, к значительным расхождениям. В настоящее время можно считать установленным, что стадии Арриана равен примерно 157 м[21].

По Арриану река Хоб (Ингур) отстояла от Сингама (Окума) «не более чем на 210 стадиев», что составляет 32–33км. В наше время расстояние по морскому пути от современного устья Ингура до устья Окума доходит до 28 км, то есть у Арриана на 4–5 км больше. От Сингама до Тарсура (Моквы) Арриан дает 120 стадии, что равняется 18–19км. Нынешнее расстояние по морю от устья Окума до устья Моквы также доходит до 18 км. От Тарсура до Гиппа (Кодора?) Арриан дает 150 стадии или 23–24 км. Нынешнее расстояние по дорожной карте и по морю от р. Моква до совр. русла Кодора (у Кодорского шоссейного моста) 26–27км. При этом, если допускать, что Гипп это Цхенис-цкали (к северо-западу от р. Моква), как предлагают некоторые исследователи, от расстояние от него до Астелефа (Скурчи или Кодора) увеличивается на 23–24 км, то есть почти на расстояние, указываемое Аррианом от Тарсура (Моквы) до Кодора. Однако видимо, нельзя допускать столь существенную неточность автора перипла. Тем более, что периплы были основным руководством для мореплавания и содержали в себе сведения, основанные на богатом опыте моряков, накопленном в результате многолетних плаваний. Нет также оснований предполагать о резком изменении береговой линии. На карте «Понт Эвксинский и Кавказ в римскую эпоху» В. В. Латышева, у Кодорского мыса также указан «Hippius»[22].

Отождествление Гиппа с Кодором подтверждается и дальнейшими сведениями перипла Арриана.

За Гиппом-Кодором у Арриана указана река Астелеф. Одни исследователи отождествляют Астелеф (Астелф) с «северным устьем Кодора или «какой-то речкой западнее устья Кодора», другие – «с ручьем Дранды». Действительно, в районе Дранды, т. е. на правобережье Малого Кодора и сейчас протекает речка под названием Скурча, там же, на морском берегу находится и одноименная местность. В то же время, речка Скурча, точнее две речки Скурчи протекают и к востоку от Большого Кодора (здесь же и местность Скурча). «В настоящее время, – писал К. Д. Мачавариани по этому поводу – два разных места носят название «Скурча»: одно из них находится на левом берегу Кодора, а другое – на правом», и у одного и другого места имеются небольшие заливчики»[23]. Таким образом, на правобережье и левобережье Кодора находятся одноименные местности и речки Скурча, чем пользовались, главным образом, жители верховьев Кодора (цебельдинцы) для удобства в торгово-экономических, военных и других целях[24].

Гипп отстоял от Астелефа на 30 стадии, то есть около 5 км (4, 710 км). Расстояние и по суше и по морю между основным (в прошлом) руслом Кодора (Мал. Кодор) и протекающей от нее к западу речкой Скурча (в районе Дранды) составляет около 4 км. Что касается расстояния от устья Мал. Кодора до реки Скурча (к востоку от Кодора – условно Восточная Скурча – 1), по дорожной карте оно доходит почти до 7–8 км. Если плыть по морю, исходя из современного состояния морского берега, это расстояние доходит до 9 км. По сухопутью расстояние от Мал. Кодора до протекающей еще южнее другой реки Скурча (Восточная Скурча – 2), доходит до 11–12 км, а по морю –13 км. Тридцать стадии Арриана соответствует расстоянию между р. Кодором (у современного шоссейного моста) и Восточной Скурчей – 1 (между прочим именно на это русло Скурчи, как на основное на левобережье Кодора, указывал в первой половине XIX века Дюбуа де Монпере – у него это русло называется Мармал или Искурия (Скурча)[25].

В целом, как мы видели, на морском пути от Ингура до Кодора у Арриана расхождения в расстояниях на 4–5 км, что вполне приемлемо учитывая изменчивость русел рек. Следует учитывать и то, что расстояния тогда определялись приблизительно (визуально). Эти незначительные несоответствия, возможно, объясняются и изменением береговой линии[26].

Миновав Астелеф, римский корабль раньше полудня прибыл в Севастополь, располагавшийся в 120 стадиях от Астелефа[27]. По дорожной карте от Кодора до Сухума 22–23 км. Морской путь короче на 3–4 км, то есть от Кодора до Сухума (Беслетки) расстояние составляет около 19км, что соответствует 120 стадиям Арриана.

Таким образом, согласно периплу Арриана, за Гиппом-Кодором следует р. Астелеф – Скурча. Однако природно-географическая ситуация в районе низовья Кодора, свидетельствует, что в действительности речь идет о р. Скурча не к западу, а к востоку от Кодора. Во-первых, р. Скурча на правобережье Кодора, в рассматриваемый период, согласно геологическим данным являлась притоком Кодора, почему ее нельзя отождествлять с самостоятельной рекой. Кроме того, Астелеф как приток Кодора, мореплаватели в то время вообще могли не видеть из-за покрывавшего побережье густого и высокого леса. Тогда как р. Скурча (к востоку от Кодора) напротив была видна с берега, так как она впадала в море (озеро). Чрезвычайно важно в этой связи свидетельство анонимного автора V века, который отмечает, что р. Астелеф в его время называлась «Еврипом», что означает «вход судов». По поводу локализации Астелефа – Еврипа Н. Ломоури пишет, что «Вслед за Гиппом, т. е. Кодором, Арриан называет реку Астелеф (у Плиния, Астефос), которая отстояла от Гиппа всего на 30 стадиев, т. е. около 5 км и, что с первого взгляда кажется непонятным, для чего понадобилось Арриану называть столь незначительную речку… Однако и это обстоятельство находит себе объяснение. Аноним V века отмечает, что река Астелеф в его время называлась «Еврипом», что означает «вход судов»… Это обстоятельство… должно, как нам кажется, указывать на какое-то особое значение этой реки. Поскольку р. Кодор ввиду ее быстрого течения и разветвления дельты не могла быть использована для стоянки судов, Арриан, надо полагать, должен был искать где-либо поблизости пригодное для этой цели место. Таковым могло являться именно устье р. Скурча, речка эта у впадения в море достаточно глубока, и, кроме того, берег здесь образует небольшую, но удобную для стоянки судов бухту»[28]. Наши исследования на Скурче показали, что недалеко расположенное Скурчинское озеро, в которую впадала речка Скурча, могло играть роль внутренней гавани. На озере-гавани вплоть до недавнего времени прослеживались следы соединения канала с морем. Нужно при этом иметь в виду, что под озером-гаванью, соединенным в античную эпоху каналом с морем, следует подразумевать не современное Скурчинское озеро (у мыса Искурия, образовавшееся, по словам старожил, в результате добычи нерудных материалов), а расположенное восточнее и недалеко от него, ныне более маленькое озеро – в центральной части залива. На этот счет имеется и свидетельство А. Фадеева. Указывая, что в этих местах располагался рынок, он далее писал: «Этот рынок был расположен на восток от Кодорского мыса на берегу небольшой бухты, соединенной узким каналом

с маленьким озером, представляющим как бы вторую внутреннюю бухту»[29].

Таким образом, судоходный Астелеф соответствует не «северному устью Кодора» и «речке западнее устья Кодора», а наоборот, р. Скурча к востоку от Кодора – в районе мыса Искурия и Скурчинской бухты. В том, что под Астелефом – Еврипом имелась в виду именно Восточная Скурча свидетельствует то весьма важное свидетельство, что осенью 2003 г., как уже отмечалось в разделе о судуходстве, в этом районе были выявлены следы другого, более значительного судоходного канала, идущего от берега моря вглубь села Адзюбжа (общая ее длина 2 км, ширина около 10 м).

Суммируя вышеизложенное, можно также полагать, что физико-географические условия способствовали тому, что левобережье Кодора и район Скурчинской бухты в античный период являлся первоначально заселенной территорией. Сказанное подтверждается тем, что все архаические поселения известные в районе дельты Кодора, расположены исключительно на левобережье реки: на правом берегу Кодора античные поселения не зафиксированы.

Примечания

[1] Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия. – Сухум. 1998. С. 3.

[2] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, № 2. 1949. С. 856.

[3] При этом следует заметить, что племенное название одного из аборигенов северо-восточной части Малой Азии «абешла», по И. М. Дьяконову, вполне «может быть истолковано как принадлежащее к языку адыгской группы» и сравнивает при этом «а-бешла» с а-псуа„ а-апш-уа, то есть с самоназванием абхазов (Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми 1976. С. 372). Если и имя сына колхидского царя Апсирта – одного из центральных персонажей сказания об аргонавтах связано с самоназванием абхазов (апсуа), то это также дает основание утверждать, что выделение абхазов (в частности апсилов) как отдельного этнического массива со своим особым наименованием произошло, вероятно, еще в доантичную эпоху.

[4] Латышев В. В. Указ раб. С. 858.

[5] См. Маан О. В. К вопросу о племени кораксов // XIV Итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследовании им. Д. И. Гулиа АН Абхазии (24-26 апреля). Тезисы докладов. Сухум. 2001. С. 31–32.

[6] Латышев В. В. Указ. раб. С. 858.

[7] Там же.

[8] Меликсет-Бек Л. М. По следам Перипла Арриана // Труды АИЯЛИ. XXX. – Сухуми. 1959. С. 106.

[9] Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских… Т. 1. Спб. 1890. С. 221; Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия… С. 41. Его же. Колхида на рубеже средневековья. – Сухум. 1998. С. 19–20.

[10] Ельницкий Л. А. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ 1938, № 2 (3). С. 314–315.

[11] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе… С. 396–397; Инадзе М. П. К истории Грузии античного периода (Флавии Арриан и его сведения о Грузии). Автореф. канд. дисс. – Тб., 1953. С. 16; Ломоури Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. 1957, № 4. С. 97–107.

[12] Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 42.

[13] В рассматриваемый период на месте Гиеноса и вплоть до VII в. н. э. находилось небольшое поселение апсилов, связанное с существовавшей здесь стоянкой римско-византийских кораблей (Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. –М., 1978. С. 119).

[14] Латышев В. В. Известия древних… // ВДИ. №2. 1949. С. 290.

[15] Соловьев Л. Н. Диоскурия-Севостополис-Цхум // ТАГМ. Вып. 1. Сухуми. 1947. С. 109.

[16] Соловьев Л. Н. Указ. раб. Там же; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. –М., 1975. С. 70

[17] Латышев В. В. Известия древних… С. 269; Агбунов М. В. Античная лоция Черного моря. – М., 1987. С. 77.

[18] Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум. 1992. С. 99–100.

[19] Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии. Сухум. 2002. С. 104–105 (на абх. яз.).

[20] Там же.

[21] Агбунов М. В. Античная лоция Черного моря… С. 14 –15.

[22] См. карту в кн.: Латышев В. В. Известия… Т. II. Латинские писатели. Вып. 1. – СПб., 1904.

[23] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. –Сухум. 1913. С. 226.

[24] Маан О. В. Междуречье – низовья реки Кодор. – Ростов-на-Дону. 2013. С. 20.

[25] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. – Сухуми. 1937. С. 150.

[26] В настоящее время, как известно, идет общая тенденция наступания моря, хотя этот процесс и не повсеместен; циклически происходит как регрессия, так и трансгрессия. Опускание берега в свою очередь приводит к опусканию базисной линии рек, особенно в устьевой части, что приводит к более интенсивному повышению разрушительной способности рек, и в конечном счете к повышению объема выносимого каменного материала. Другими словами, общая трансгрессивная характеристика береговой линии в устьевой части вызывает обратную реакцию у больших рек, в результате чего опускание берега компенсируется усиленным выносом речного материала или же наблюдается картина регрессии, то есть нарастания берега. Однако подобную тенденцию в устьевой части Кодора приходится исключить по причине того, что огромное количество каменного материала, выносимого рекой, которое могло в некоторой степени компенсировать опускание берега, в основном поглащается подводными каньонами, расположенными у устья реки (здесь находятся шесть каньонов; глубина основного каньона от 20 до 100м (см. карту: Черное море. Кавказский берег. От мыса Пицунда до порта Батуми. Масшт. 1:2000000. Перв. Изд. 17 –III– 1989г.). Поэтому следует согласиться с Л. Н. Соловьевым в том, что в целом береговая полоса, в частности район дельты Кодора, и в особенности ее восточная часть подвержена опусканию (Соловьев Л. Н. Диоскурия-Севастополис… С. 99–100). Следовательно, во времена Арриана судам приходилось следовать более извилистой береговой линии и огибать мысы более значительные, чем в наше время. В целом, для береговой полосы мы должны допускать природно-географические изменения, связанные с повышением уровня моря, в какой-то степени влиявшие на несоответствия между сведениями древних авторов и современными данными. Согласно данным коллективной монографии «Природа Абхазии» «сейчас юго-восточная часть побережья испытывает погружение». Скорость его, например в Очамчире доходит до 4 мм в год (Куфтырева Н. С, Лашхия Ш. В., Мегладзе К. Г. Природа Абхазии. –Сухуми. 1961. С. 65). Согласно же новым данным Управления по геологии, геодезии и картографии Абхазии погружение Причерноморской низменности в год составляет 4-6 мм. Амплитуда

же суммарного погружения прибрежной полосы за последние 2,5 – 3,0 тыс. лет оценивается в 3–4 м (Поротов А. В., Горлов Ю. В., Балабанов И. П., Болиховская Н. С, Кайтамба М. Д. К палеогеографии Восточного Причерноморья в античную эпоху // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск. Вып. XIII. 2003. С. 203). При этом, по мнению покойного геолога М. В. Антелава (устное сообщение) в некоторых местах идет воздымание берега до 2 мм в год. М. В. Антелава не исключает, при интенсивном наступлении моря, возможность через несколько веков соединения моря со Скурчинским озером и образования бухты. Вместе с трансгрессией, географические изменения произошли и в древних дельтах. Здесь еще в древнегреческий период перемещались устья рек, исчезли и появлялись новые рукава. Происшедшие изменения также влекли за собой определенные последствия.

Исходя из 2-километрового выступа Гумистинского мыса в раннеантичное время (Трапш М. М. Труды. Т. 2. Древний Сухуми. – Сухуми. 1969. С. 212–213) геологи полагают, что в тот же период Кодорский мыс вдавался в море на расстояние полутора километров дальше, чем современный берег (устное сообщение Н. Заграчева). Что касается самой реки Гумиста, то она, как известно, в тот же период впадала в море в районе современного Сухума, и постепенно ее русло переместилось на 6 км к западу (Соловьев Л. Н. Диоскурия -Севастополис… С. 100). А река Кодор (основное ее русло) впадала в море западнее (примерно на 5-6 км) ее современного русла. (Согласно «Квартирной карте Абхазии» 1843 г. основное русло Кодора в тот период впадало в море даже западнее Дранды). Следовательно, древние дельты рек Кодора и Гумисты располагались ближе друг к другу, а расстояние между выступами мысов сокращалось до 13–16 км, то есть на расстояние примерно как от нынешнего Сухумского маяка до населенного пункта Агудзера.

[27] На пути от Гиппа вплоть до Астелефа и Диоскуриады, – пишет Арриан, –нам были видны Кавказские горы, по высоте ближе всего подходящие к Кельтическим Альпам: нам показывали одну вершину Кавказа – имя вершины Стробил, – на которой, как передают мифы, Прометей был повешен Гефестом, по приказанию Зевса (Латышев В. В. Известия… // ВДИ. 1948. 1. С. 270–271). Арриановскую вершину Стробил исследователи отождествляют с Эльбрусом, однако, не исключено, что на самом деле мы здесь имеем дело, правда, с более скромной, но значительно лучше

видной с моря при каботажном плавании и воспетой в легендах абхазской вершиной Ерцаху или Панавским хребтом - одним из южных отрогов Большого Кавказа, находящимся на территории исторической Апсилии. У подножья Панавского хребта расположена пещера, где, согласно легенде, был заточен по велению бога абхазский двойник Прометея – Абрскил. По мнению Ш. Д. Инал-Ипа созвучие топонимического названия Стробил с именем Абрскил также, может быть, является не случайным (Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории. С. 231).

[28] Ломоури Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды… С. 104.

[29] Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. –Сухум. 1934. С. 129.

«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ». №1. – МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК. 2009. С. 169–179.

Миграционные процессы в Юго-Восточной Абхазии в средневековье

Территория Юго-Восточной Абхазии (совр. Галский и Очамчырский районы – исторические области Самурзакань и Абжуа) в течение многих веков служила дорогой различных народов и культур, двигавшихся главным образом, как об этом свидетельствует древняя и средневековая история Западного Кавказа, с юга-востока на северо-запад. Данная территория, исходя из своего приграничного положения с Западной Грузией, с давних времен являлась зоной мирных и немирных связей, экономических и политических контактов, родственных взаимоотношении мегрелов и абхазов. Наиболее ярко эти взаимоотношения проявились во взаимных мегрело-абхазских браках.

С другой стороны, тесные связи население Абхазии поддерживало с жителями северного склона Кавказского хребта, который никогда не был для контактирующих этносов непреодолимой преградой. В силу этого, взаимные переселения или переезды отдельных семей или группы людей по разным причинам по обе стороны гор, происходили в истории всегда, причем временами они носили интенсивный характер.

Большинство исследователей считает, что предки абазин, в период зрелого средневековья «переселились» на северную сторону Кавказского хребта, главным образом из северо-западных частей исторической Абхазии. Данное обстоятельство находит свое отражение, как в языке, так и в преданиях самих абазин[1].

Историко-этнографические материалы свидетельствуют однако, и о том, что часть предков нынешних абазин некогда проживала в Юго-Восточной Абхазии и оттуда мигрировала на Северный Кавказ.

Так, по сведениям К. Сталя, абазины выселялись из района Цебельды[2]. С. П. Басария также указывал, что переселение происходило в том числе,возможно, из Цебельды[3]. О выселении части предков абазин из района Цебельды может указывать также ги-

дроним и наименование крепости Клыч, бесспорно восходящий к одноименному подразделению абазин-тапантовцев. Кроме того, версия о выселении предков абазин-тапанта из Кодорского ущелья (имевшее место, кстати, еще с эпохи бронзы) в какой-то мере подкрепляется и местом их теперешнего проживания, которое расположено за кавказским хребтом, почти параллельно району Цебельды, куда легко было переселиться через Клухорский перевал. В свою очередь, Ц. Н. Бжания свидетельствовал о выселении абазин с территории современного Очамчырского района. По его мнению, из анализа абазинских фамилии, в частности, из аула Кубина, явствует, что предки абазин некогда жили, например, в Абжуйской Абхазии[4]. К таким общим абхазо-абазинским фамилиям, представленных как в Юго-Восточной Абхазии, так и у абазин относятся: Абыджба-Биджев, Ахсалба-Ксалов, Абсава-Апсов, Багба-Багов, Бжаниа-Бежанов, Гергия-Гергев, Дзигуа-Дзугов, Кецба-Капов, Кикория-Киков, Когониа-Кагов, Куарчиа-Курачинов, Тхаицук-Тхайцухов, Туква-Тугов (Туков), Хубуа-Хубиев, Чкотуа-Чкатуев (Чикатуев), Шоуа-Шаов и др. Анализ имеющегося материала показывает, что ряд фамилий, которые здесь встречаются, имеются у абазин, но не бытуют в настоящее время среди юго-восточных абхазов. К ним относятся Кешелава (Кешев, Кешаев), Кикава (Киков), Кулава (Кулов), Маткава (Матков), Цеквава (Цеков) и т. д. Ученые указывают также на названия двух сел в Галском районе – Гагида и Сида[5]. В первом случае корень «гаги» соответствует абазинской фамилии Гагиев (Гаги). Название Сид (Сида) по своей форме полностью идентично абазинской фамилии Сид (Сид-Ипа) (в русской транскрипции Сидов, кабардино-черкесской – Сидаков). По данным Л. И. Лаврова, Сидовы (по абхазо-абазински – Сидаа), причисляли себя к роду абхазских князей Маршан[6].

В топонимике Юго-Восточной Абхазии присутствуют десятки других абхазо-абазинских антропонимов. Так, абазинская фамилия Тамби и Там (Тамбиев, Тамов) находит свою параллель в названии села в Абжуа – Тамшь (т. е. община рода Там). Село Мыку (Моква) увязывается с фамилиями Мукба и Мыкба (Муков)[7]; в верховьях р. Кодор-гора Гуагуа идентично фамилии Гогуа (абх.)

и Гвагва (Гогов, абаз.)[8]. Название области Дал (расположенной на пути к Клухорскому перевалу), параллельно абазино-кабардинской фамилии Далов; топоним Лата увязывается с абазинским антропонимом Латов (у адыгов–Лотоко)[9] и др. Небезынтересно также отметить,что проживавшие в нынешнем Галском и Очамчырском районах страны носители фамилии Алан(где их фамилия была видоизменена в Алания и Малания), первоначально носили фамилию Ашуа(Ашэуа), что переводится с абхазского языка как «абазин»: заметим, что и протоиерей Д. Т. Маан (Маргания) среди приводимых им фамилий Галского уезда называет Ашэуа[10].

Данный факт несомненно интересен как свидетельство того, что далеко не все предки абазин покинули в средние века указанную территорию. Хотя приведенный факт пока является в нашем распоряжении единственным, тем не менее можно предположить, что поскольку не все предки абазин Юго-Восточной Абхазии были затронуты миграционными процессами, то этим объясняется и сохранение названии Гагида и Сида в нынешнем Галском районе Абхазии, который подвергся, как известно, главным образом в XIX веке, мегрельской ассимиляции.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и среди абхазо-абазин проживавших в нынешнем Сочи-Адлерском регионе. То, что далеко не все предки абазин покинули эти места в средние века (часть из них, видимо, смешалась с народами, обосновавшимися на их старых владениях: убыхами и шапсугами), объясняет преемственность местных названии, и в частности топонима Лоо. Видимо, несколько абхазо-абазинских обществ не затронули миграционные процессы, и они под именем садзов-джигетов оставались жить на территории нынешнего Центрального Сочи до конца Кавказской войны (1864 г.). После окончания войны джигеты переселились в Турцию, где, по данным Л. И. Лаврова, снова появился топоним с корнем Лоо. Нужно полагать, что с проживанием на территории нынешнего посёлка Лоо в Большом Сочи одной из ветвей абазин-лоовцев, связана также история строительства и функционирования, как культового сооружения, христианского храма, дошедшего до нашего времени в руинах. Кстати, топоним Лоо, как известно,

имеет свою полную параллель и в названии Юго-Восточной Абхазии: с. Члоу (Ч-Лоу), что значит Ачба-Лоу (данная сельская община в феодальную эпоху. действительно представляла собой вотчину рода Ачба). В связи с чем Л. И. Лавров отмечал, что фамилия абазинских князей Лоовых является ветвью абхазского феодального рода Ачба[11]. В целом, от Галского района Абхазии до Северного приюта Карачаево-Черкесской Республики зафиксировано свыше 40 топонимов, большая часть которых интерпретируется на абхазо-абазинских языках[12]. Упомянем и известное в Юго-Восточной Абхазии святилище Кьач-ныха,, т. е. святилище фамилии Кьач аналогичное абазинской Кячев[13]. С. Н. Джанашиа на Севером Кавказе было записано,что настоящей фамилией Кумпылаа (собирательная фамилия одной абазинской семьи в ауле «Улапа»), является Адзынба(Аʒынба)[14].

Среди представителей абхазской этнической общности, мигрировавших на Северный Кавказ, вместе с тем, могла быть и некоторая часть представителей собственно мегрелов, особенно находившихся с самурзаканцами и абжуйцами в родственных или брачных отношениях. На это могут указывать такие, например, антропонимы, представленные у абазин, как: Кулава, Кикория, Маткава, Цеквава, Хубутия и др. Хотя количество мегрелов, переселившихся вместе с предками абазин-тапанта из Юго-Восточной Абхазии, должно было быть незначительным, так как в период примерно до XIV в., имелись еще довольно слабые прямые абхазо-картвельские (мегрельские) контакты, что, по мнению специалистов, прослеживается на примере небольшого объема картвельской лексики в общеабхазском[15].

Тем не менее, приведенные примеры могут говорить о том, что уже в тот период (до переселения предков абазин-тапанта, т. е. в XIV в.) в абхазо-мегрельской контактной зоне, главным образом в Самурзакани и особенно в отдельных пунктах ее прибрежной части, могло наличествовать смешанное абхазо-мегрельское население, которое, однако, не оказывало какого-либо влияния на быт и культуру абхазов. Пришедшее мегрельское население постепенно ассимилировалось с местным населением.

Дополнительным аргументов, говорящим в пользу миграции предков абазин из Юго-Восточной Абхазии является то, что ряд заимствований в мегрельском языке, как считают специалисты, больше напоминают северные, т. е. абазинские, нежели южно-абхазские формы. Ср. мегр. К^{o}ауа маленький топорик», которое как указывает В. А. Чирикба, формально ближе к тап. К^{o}ауа «то же», чем к абж. ajк^{o}ауа, бзып. ajк’^{o}ау. Ср. с этой точки зрения также мегр. расха «плетеная хижина» с ащх., тап. bacg’’a «плетенка», bzi в мегр. ckebzi «ритуальный сыр» с тап. bzivs абх. bzija «хороший». Эти и некоторые другие факты могут, по мнению В. А. Чирикба, указывать на то, что вопреки общепринятому (в основном, в исторической литературе) мнению, согласно которому предки абазин-тапанта мигрировали на Северный Кавказ с территории Западной Абхазии (где исторически зафиксирован исконный для этого региона садзский диалект абхазского, напрямую не связанный с тапантским), представляется более вероятным, что «они проживали прежде именно в юго-восточной части Абхазии на территории либо древней Миссиминии (ущелье реки Кодор), либо Апсилии» (охватывавшей совр. Очамчырский и Галский районы Абхазии), т. е. в любом случае в непосредственном соприкосновении с мегрелоязычным ареалом[16]. Можно предположить, что именно оттуда, из Юго-Восточной Абхазии, предки тапантовцев перешли приблизительно в XIII – XIV вв. через Клухорский перевал… Интересно в этой связи отметить, что тапантский диалект имеет такие мегрельские заимствования, которые отсутствуют как в бзыпском (т. е. центральном), так и в садзском (западном) диалектах абхазского, ср. тап. Ка «да», абж. Ко< мегр. Ко «да».[17]

Мнения специалистов о времени переселения предков тапантовцев как XIV в. подтверждается, как считает З. В. Анчабадзе, наличием в лексике тапантского диалекта абхазо-абазинского языка терминов: куатан (деревянный плуг), происходящим от картвельского названия подобного плуга гутани; аамстаду (большой дворянин), что является букв. переводом древнегрузинского термина «Дидебули азнаури»[18]. Второй термин существовал у грузин до XIV века, следовательно, только до этого времени могли заимствовать

этот термин тапантовцы (что касается слова гутани, то он появляется у грузин в XII в.)*. Это означает, что тапантовцы должны были переселиться на Северный Кавказ не позднее XIV в. [19]. Можно привести примеры и других картвелизмов, относящиеся к этому историческому периоду, которые помимо абхазского присутствуют в тапантском диалекте абазинского языка. К числу таких лексем относятся: адгьыл «земля», аган «сторона», акалт «подол», агьама «вкус», абджар «оружие»[20].

Если в основе миграции абхазов на север видеть недостаток земельных угодий, то таким периодом в местной истории действительно были XIV – XV вв., когда население Абхазии, особенно ее юго-восточной части, в том числе горных долин р. Кодор, вошло в полосу экономического расцвета и резкого демографического подъема, когда под сельское хозяйство использовались все удобные для этого земли и кое-где начались эрозийные процессы[21].

Процессу переселения предков абазин должно было благоприятствовать и обезлюдение значительного пространства на Северном Кавказе, в результате опустошительных походов монголо-татар и Тимура[22].

В то же время, причины социально-экономического порядка являлись, очевидно, не единственной и главной предпосылкой выселения предков абазин из Юго-Восточной Абхазии.

Свою негативную роль в переселенческом движении, надо полагать, сыграли и военно-политические события: нашествие на Абхазию в 1440 г. турок-османов, которое сопровождалось истреблением или порабощением местного населения. Оно повлекло за собой серьезные этно-демографические изменения, преимущественно в Юго-Восточной Абхазии[23]. С этого времени, по мнению Ш. Д. Инал-Ипа, и начинается переселение значительных групп абхазоязычного населения на Северный Кавказ[24]. При этом, наличие абхазо-абазинских параллелей, на что

*Должно быть при этом отмечено, что термин «гутани» общекавказское слово, которое бытует у многих народов Кавказа в разных вариациях, и его появление В. И. Абаев связывает со скифами (Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. – М.–Л., 1958. С. 521.

выше обращалось внимание, объясняется, по-видимому, тем, что некогда часть нынешних абазин из Юго-Восточной Абхазии по перевальным путям ушла на Северный Кавказ именно, возможно, в связи с разгромом абхазо-апсилийских потомков турками в середине XV века[25]. Кстати, вскоре после этих событий, мегрельские князья Дадиани, воспользовавшись ослаблением Абхазии, относительно прочнее обосновались в юго-восточной части страны.

Таким образом, все известные историко-этнографические и языковые данные служат подтверждением миграции предков абазин-тапанта на Северный Кавказ (где впоследствии, с конца XVIII в., произошло формирование абазинской народности) из Юго-Восточной Абхазии, наивысшая активизация которого наблюдалась в XIV – XV вв. Решающее значение для переселения предков абазин из Юго-Восточной Абхазии, как показывают материалы, имели причины экономического и, отчасти политического характера.

Литература

[1] Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум. 1992. С. 23. См. также: Алексеева Е. П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. – Черкесск. 1980. С. 19, 20, 22, 23, 25 и др.
[2] Алексеева Е. П. О происхождении абазин…С. 42.
[3] Басария С. П. Избранные сочинения. – Сухуми. 1967. С. 89.
[4] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. – Сухуми. 1962. С. 75.
[5] Тхайцухов М. С. Очерки истории абазин конца XVIII –XIX вв. – Сухум. 1992. С. 149.
[6] Лавров Л. И. Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII – XIX вв. //»Советская этнография». 1948, № 4.
[7] Лавров Л. И. Абазины // Народы Кавказа. Т. 1. – М., 1960. С. 149.
[8] Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии. – Сухум. 2002 (на абх. яз.).
[9] Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. – Нальчик. 1983. С. 175; Дмитрий Маргания (Маан) – протоиерей- просветитель.

Составление, предисловие и послесловие доктора филологических наук Х. С. Бгажба. – Сухум. 1999. С. 50.

10 Тхайцухов М. С. Указ. раб. С. 150.

[11] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми. 1959. С. 207; Инал-Ипа Ш. Д. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX–XX вв. // «Советская этнография». 1990. №1. С. 127.

[12] Тхайцухов М. С. Указ. раб. С. 150.

[13] Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности…С. 93. Его же. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002. С. 152.

[14] Джанашиа С. Н. Труды. Т. IV. – Тб., 1968. С. 103,104 (на груз. яз.).

[15] Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке // Абхазоведение. Вып. 3. – Сухум. 2009. С. 66–67.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии…С. 251–252: Алексеева Е. П. О происхождении абазин…С. 175.

[19] Там же.

[20] Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. – Сухум. 2002. С. 109.

[21] История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 120.

[22] Алексеева Е. П. О происхождении…С. 43, 45.

[23] Инал-Ипа Ш. Д. О моем народе, его истории и Отечестве // Газ. »Советская Абхазия». 16 сентября 1989г

[24] Инал-Ипа Ш. Д. Ступени…С. 144.

[25] Там же. С. 145.

ЛАВРОВСКИЕ (СРЕДЕАЗИАТСКО-КАВКАЗСКИЕ) ЧТЕНИЯ. «КУЛЬТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ РАЗНЫХ ЭПОХ». 24–26 МАЯ 2010 года. МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ). 2011.

Умолчание – не лучшее средство доказательства. По поводу книги «Гали»

В 1988 году в издательстве «Алашара» на грузинском языке вышла книга В. Зухбая и Х. Зантарая «Гали» (редактор М. Хурцилава). Содержание работы выходит далеко за рамки ее названия, ибо авторы дают систематическое, правда не исчерпывающее освещение географии, истории, этнографии, Гальского района (историческая область Самурзакань), начиная с периода раннего средневековья и по сегодняшний день.

Серьезным недостатком работы следует считать полное отсутствие в ней показа тех этнических процессов, которые происходили в Самурзакани в XIX веке, ибо у читателей создается впечатление, что никаких подобных явлений в регионе не происходило, хотя история Самурзакани требует постановки этих важных вопросов. Известно, что миграция в этот регион в XIX веке значительных масс населения из Западной Грузии (гл. образом из Мегрелии) оказали существенное влияние на ее дальнейшее этнокультурное развитие. Главным стимулом переселений в Самурзакань были такие социально-экономические факторы, как малоземелье мегрельских крестьян, жестокая крепостническая эксплуатация, продажа крестьян, позиция абхазских феодалов, кровная месть и т. д.

Причинами миграции являлись также и стихийные бедствия, чума и голод, охватившие в 1911–1912 гг. многие районы Грузии, неурожаи и т. д. (Подробнее см.: Инал-Ипа Ш. Д. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX вв. Журнал «Советская этнография», 1990, № 1).

Так, в 1868 г. по данным камерального описания в Сухумском отделе (куда в 1865 г. после упразднения Абхазского княжества входила Самурзакань) проживало всего 500 семей мегрелов: и 234 семьи, проживавших там более 10 лет, были причислены к коренным жителям. В 1879 г. в Самурзакани насчитывалось 501 семья (т. е. менее 2–3 тыс. чел), «временно проживающих» мегрелов: в

1880 г. здесь уже «нелегально» проживало до 1300 мегрельских семей (ЦГИАГ, ф. 231, оп. 1, д. 30. лл. 41–42). В 1882 г. в Самурзакани насчитывалось среди «коренных жителей» 222 мегрельских семьи и 5572 семей «самурзаканцев», кроме того, 1570 семей мегрелов жили здесь «временно». В 60-е, 80-е годы XIX в. численность переселенцев из Мегрелии особенно возрастает в прибрежной полосе. Так, в 1885 – 1888 гг. – ежегодно от трех до 8 семей; в Репо-Шешелетскую общину с 1865 по 1870 гг. – ежегодно до 15 семей, в 1880 – 1885 гг. – до 9 семей в год. В 1862 г. в Набакевской общине было 189 семей «временно проживающих»; в Гудауской – 76, в Репо-Шешелетской – 117. К концу XIX в. многие переселенцы были включены в состав коренного населения. Так, только за 1880–1883 гг. в Самурзакани были приписаны к коренному населению 237 семей: в Набакевской общине – 62 семьи; в Гудавской – 47; в Саберийской – 13; в Бедийской – 27 и т. д. (ЦГИАГ, ф. 231, оп. 1, д. 19. л. 94. Цит. по Соловьевой Л. Т. Роль миграционных процессов в этническом развитии Самурзакано // Межэтнические контакты и развитие национальных культур. – М., 1985, с. 53).

В 1913 г. в Самурзакани проживало 3915 грузин (мегрелов), остальное население (33639 чел.) названо «самурзаканцами». По сведениям 1915 г. здесь насчитывалось уже 5299 мегрелов и 36206 «самурзаканцев», т. е. сравнительно недавние переселенцы составляли почти 13 проц. населения.

В результате указанных выше причин, с усилением мегрельского влияния в Самурзакани в XIX в., происходили сложные языковые и культурные процессы, которые вели к постепенной ассимиляции коренного населения, частично к утере ими своего языка, и постепенному изменению их самосознания. Однако население Самурзакани в основном по-прежнему продолжало считать себя абхазами. Так, в 1918 г., когда меньшевистское правительство Грузии попыталось присоединить Самурзакань к Кутаисской губернии, местное население сочло это «территориальным и культурным отторжением от всей Абхазии» и чрезвычайно несправедливым. Через два месяца меньшевики вынуждены были вновь включить его в состав Абхазии (Басария С. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-кале. 1923, с. 103).

А теперь о самом главном. В рассматриваемой работе В. Зухбая и Х. Зантарая мы встречаемся с парадоксальным фактом: нигде в тексте книги, ни в одной из ее глав и разделов совершенно ничего не говорится об абхазах (если не считать упоминания апсилов) и у читателя создается впечатление о полном отсутствии абхазского этнического элемента на данной территории (во всяком случае, в рассматриваемый В. Зухбая и Х. Зантарая период). Авторы подробно рассматривают названия ряда населенных и торговых пунктов, определяют их локализацию, а также излагают свою точку зрения на те или иные вопросы истории Самурзакани (например, авторы считают и не без основания, что край назывался Самурзакано еще до 50-х гг. XVIII в.), но почему не приводится хотя бы один из таких широко известных абхазских топонимов, как Ачгуара (досл. «ограда для лошадей») и др. Но авторы совершенно не рассматривают и не останавливаются на выделении, рассмотрении и определении абхазской топонимии. Вместе с тем, нельзя всерьез думать и о том, что В. Зухбая и Х. Зантарая неизвестно не только о проживании, но и об аборигенности абхазов на территории современного Гальского района. Следовательно, в таком случае совершенно очевидно, что речь идет о вынужденном, по видимому, умалчивании или обхождении этих щепетильных вопросов.

Вероятно, авторам также должно быть известно, что на территории Гальского района существует десятки абхазских топонимов (некоторые из которых они сами приводят в своей книге). Так, в селе Первый Гал одно местечко называется Гал хучы (в переводе с абхазского – «Малый Гал»). В этом же селе другое местечко называется – «Абаажэы » («Старая крепость»), а также «Акуара тбаа» – («Широкая речка») и др.

Предгорная и горная топонимика Гальского раиона и сегодня абхазская. Например – «Аиерг дзышра » – «Озеро Аиерга», «Тенгиз итып» – «стоянка Тынгиза», «Паш итып» – «Стоянка Паша», «Мгуашырхуа» – Холм, «гора Мгуаша», «Арывутаа» – одна из древних, ныне исчезнувших фамилий (Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и

культуры абхазов. – Сухуми. 1962, с. 34). Следует отметить и следы древнеабхазких святилищ в с. Окум – Швджина – ныха, Шьагуанаха (Зхуаа рныха) – святилище рода Зухба (Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976, с. 304).

В окрестностях села Окум и Чхуартал в настоящее время абхазский элемент топонимики очень значительный (Циколия М. Абхазская речь Гальского района. Труды АИЯЛИ. Т. 30. 1959, с. 193). Несмотря на сосуществование в ряде мест одновременно как абхазских, так и мегрельских топомимов (например, по данным 1860 г. в с. Окум одна из речек называлась «Акуараикуа» – абх. »Черная речка» или «Уча-галь» – тоже по мегрельски), следует учитывать, что картвельская топонимия (незначительная по сравнению с абхазской), конечно, связана своим происхождением с относительно поздним, средневековым временем, а также с позднейшим массовым переселением мегрельских крестьян частью рассмотренным выше. В этой связи (в ХХв.) был изменен ряд абхазских гидронимов. Например древнеабхазское название реки Юардзы, означающее мутный поток – вода», сменилось на мегрельское «Ерцкар», Хуажкуара в мегрельское Ходжкуара (Инал-Ипа Ш. Д. Указ. раб., с. 381). А еще в конце Х1Х века известный русский ботаник и исследователь Н. Н. Альбов, которого авторы книги «Гали» даже не упоминают в своей работе, писал, что название гор и речек в Самурзакани «почти исключительно абхазские» (Альбов Н. Н. Этнографические наблюдения в Абхазии. Журнал «Живая старина». Вып. 111. 1893, с. 306).

Другим свидетельством присутствия еще в недавнем прошлом абхазскоого населения на территории современного Гальского района является полная идентичность, например, их духовной культуры с остальной Абхазией, включая миф об ацанах, обряд погребения на вышке пораженного молнией человека или животного, сопровождаемого круговой пляской; обряд вызывания дождя с исполнением песни Дзиуоу; культ божества кузнечного божества – Шашвы и др., бытовавшие у самурзаканцев в конце XIX века (Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Конанитский монастырь. 1898, с. 47–48). Очень важным моментом является и то, что

традиционные религиозные обряды в Самурзакани обязательно должны были проводится на абхазском языке, например, молитву Жини – верховному божеству традиционного пантеона – мог читать только старик, знавший абхазский; молитва обряда вызывания дождя, фамильные моления и другие также произносились на абхазском языке (Альбов Н. Н. Указ. раб., с. 305–342; Мачавариани К. Религиозное состояние Абхазии. – КГВ, 1899, № 14). Однако даже из приведенного краткого перечня данных ничего в книге «Гали» мы не найдем. Авторы обходят эти вопросы полным молчанием. Между тем ни один серьезный и мало-мальски объективный исследователь не должен обходить рассмотрение подобных важнейших вопросов этнокультурной истории Самурзаканской Абхазии. Не будь этих серьезных ошибок, книга могла быть полезной для науки. Дело стало за авторами: при повторном издании исследования, его следует дополнить объективными, существенными данными, о которых выше говорилось.

Газ. «Абхазия». 31 августа 1991г.

По поводу «запоздалой» рецензии

В газете «Апхазетис хма» за 18 октября с. г. была опубликована статья В. Зухбая и Х. Зантарая «По поводу одной запоздалой рецензии», являющаяся ответом на опубликованный мною в газете «Абхазия» (1991 г., 31 августа) критический разбор их работы «Гали» (Сухуми, 1988). Уважаемые авторы не согласны ни с одним из высказанных мною замечаний. Однако их аргументация не убеждает, и это делает необходимым вновь высказаться по ряду принципиальных и ключевых вопросов истории современного Гальского района (абхазская историческая область Самурзакань).

Основной упрек, который авторы предъявляют всей абхазской историографии, заключен в следующем замечании: «Абхазские историки ревностно доказывают, что в Самурзакани в XIX в. превалировало абхазское население и основным разговорным языком был абхазский. Но все дело в том, что это было не так».

Для того, чтобы уяснить этот вопрос еще раз, обратимся к материалам этнодемографической статистики XIX в., сделав при этом несколько предварительных замечаний. Статистические материалы этого периода на территории Самурзакани различают две этнические группы – мегрелов и самурзаканцев. В. Зухбая и Х. Зантарая не раскрывают историко-этнографического содержания последнего этнонима. Между тем так в XIX в. называли коренное абхазское население Самурзакани. Так, в 1859 г. Г. Филипсон (Русский архив, 1884, Кн. 2, с. 208), считая Самурзакань «спорным» между владетелем Абхазии и Мегрелии, писал: «Нет сомнения, что он должен принадлежать Абхазии, так как его жители абхазского племени и ничего общего не имеют с мингрельцами». Подобные утверждения высказаны и в работах Е. Ковалевского (Очерки этнографии Кавказа («Вестник Европы», 1867, 3, с. 46), в книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский монастырь» (М., 1898), К. Д. Мачавариани (газ. «Черноморский вестник», 1899 г., 2 апреля) и многих других.

А теперь обратимся к конкретным фактам. По данным 1881–1882 гг. в Самурзакани на 5794 семейств приходилось 222 семьи мегрелов и временно проживало еще 1570 мегрельских семей. По переписи 1886 г. (Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г., Сухумский округ, Кутаисская губерния. Тифлис. 1893) самурзаканцы составляли 30640 человек. Из них в Гальской общине проживало 4881 самурзаканцев и 19 мегрелов, в Баргебской – 1396 самурзаканцев и 250 мегрелов, в Набакевской – 3975 самурзаканцев, 382 мегрела и т. д. Абхазы составляли большинство и в начале XX века. Так, по Кавказскому календарю на 1 января 1908 г. самурзаканцы составляли 38382 чел., а мегрелы – 3014 чел. (1909 г., с. 459–460). В тех же материалах, на 1909 г. в Смурзаканском участке по общинам значилось: Гальская община – 6339 самурзаканцев и 698 мегрелов, Баргебская – 1299 и 391, Набакевская – 4714 и 300…В 1913г., по К. Д. Мачавариани, из проживавших в Самурзакани 38580 душ абхазы составляли 33639 человек. По сведениям 1915 г., здесь насчитывалось 36206 абхазов и 5299 мегрелов. Эти и другие материалы с неопровержимостью свидетельствуют о преобладании в Самурзакани в XIX в. абхазского населения.

Возражая мне, В. Зухбая и Х. Зантарая в категоричной форме заявляют: «Никакие этнопроцессы здесь (в Смурзакани в XIX в.) места не имели. Жили мегрелы и сравнительно небольшое количество абхазов, которые к концу XIX в. в большинстве были окартвелены». Какое количество абхазов проживало в Самурзакани в XIX в., мы уже частично показали. Что же касается отрицания происходивших в Самурзакани этнических процессов, то это абсолютно неправомерно. Об этнических процессах, происходивших здесь, писали известные кавказоведы Ш. Д. Инал-ипа, Н. Г. Волкова, Л. Т. Соловьева. Кроме того, заявляя, что на данной территории не было никаких этнопроцессов, а была картвелизация, ассимиляция, авторы противоречат себе. В этнографической науке любое изменение того или иного компонента народа является следствием происходящих в нем процессов, и потому квалифицируется как процесс этнический. А ассимиляция (естественная или насильственная) явля-

ется одним из видов, частью этнических процессов. Картвелизация, о которой справедливо пишут авторы, и была тем этническим процессом, который интенсивно протекал в Самурзакани в XIX веке. Это отразилось на языковой ситуации. Но постепенная смена языка не совпадала с этническим самосознанием, ибо подавляющее большинство жителей данной этнографической группы абхазов еще долго сохраняла прежнее этническое самосознание.

Касаясь вопроса аборигенности абхазов, авторы уверенно заявляют: «Кандидат исторических наук, этнограф должен знать, что абхазы не являются аборигенами в современном Гальском районе». Имея в виду известный факт о том, что в конце XVII века владетели Абхазии расширили границы своих владений до р. Галидзга, а затем до Ингура, авторы заключают: «Вот именно тогда переселились сюда (в Самегрело – по терминологии авторов) абхазы из Бзыбской Абхазии на территорию современного Гальского района». Но как же быть с апсилами, о которых авторы пишут: «Есть предположение, что апсилы проживали на территории современного Гальского района в I – II вв. н. э…, но затем они в V –VIII вв. переселились на северо-запад между современными Сухуми и Гульрипшем, так что вопрос об аборигенности абхазов…снимается».

Проживание апсилов на территории современного Гальского района не следует считать предположением.

Науке давно известно, что основную часть населения не только античной Абхазии, но и территории от устья Кубани и Анапы до р. Ингур составляли этнические общности абхазо-адыгского происхождения, включая непосредственных предков абхазов – апсилов, абазгов и др. По мнению академика С. Н. Джанашия (который, отмечая наличие множества абхазских топонимов, считал, что в Гальском районе с древнейших времен проживали абхазы), южные этнографические границы апсилов доходили до р. Хоби, однако для этого он считал необходимым иметь дополнительные доказательства. К таким доказательствам относятся археологические материалы из Чхороцку и Цебельды (II–IV вв. н. э.), которые, по Н. Хоштария, являются принадлежностью апсилийской культуры. Чхороцку Н. Хоштария считает самым ранним и самым се-

веро-восточным пунктом апсилийского населения. Автор пишет, что на левом берегу р. Ингури до сих пор сохранилась фамилия Апшила, а также не так давно еще существовало селение Леапшиле, где имеются развалины церкви, которая связывается с этой фамилией. (Хоштария Н. В. Цихисдзири. Тб., 1962, с. 22). Добавлю, что это положение Н. Хоштария еще никем не опровергнуто.

Предположением поэтому следует считать не факт проживания апсилов на территории современного Гальского района, а их миграцию к северу (М. Инадзе, Г. Меликишвили, З. Анчабадзе). Но у авторов нет и тени сомнения, и они лихо заявляют о перемещении апсилов. Думается, что здесь следует говорить о южных апсилах, не вошедших в политическое образование Апсилии (между современными Сухумом и Гульрипшем). Во всяком случае несомненно, что к этим вопросам следует подходить осторожно. Но если же говорить о перемещении апсилов, то это, безусловно, не снимает вопрос об аборигенности абхазов на данной территории. И вообще создается впечатление, что авторы плохо знают историю Абхазии. Если в античное время территорию современного Гальского района населяли апсилы, то в период Абхазского царства, до XI – XIII вв. – абхазы. Затем этническая ситуация здесь совершенно меняется и до XVII в. территорию современного Гальского района находилась под властью феодальной Мегрелии. С конца же XVII в., с усилением могущества абхазских владетелей восстанавливается историческая граница Абхазии по р. Ингур. А это значит, что абхазы не «впервые появляются» в современном Гальском районе, как это следует из рассуждений авторов.

Обвиняя ряд историков, в том числе и автора этих строк В. Зухбая и Х. Зантарая заявляют: «Переход с той стороны Ингура на эту сторону мегрельских крестьян считается этнокризисом, а вселение абхазов в Самегрело справедливым. Так не должна писаться история». Однако миграция значительных масс населения из Мегрелии, и соответственно усиление мегрельского влияния оказали существенное воздействие на дальнейшее этнокультурное развитие Самурзакани, в результате которых происходили языковые и культурные трансформации, ведшие к постепенной ассимиляции

коренного абхазского населения, к утере ими своего языка и постепенному изменению сознания. Это и есть этнокризис. Авторы пишут о вселении абхазов в Самегрело. Однако если речь идет о Самурзакани, то это не Самегрело, хотя она и часто переходила из рук в руки между владетелями Абхазии и Мегрелии, а часть Абхазии. Свидетельством этому являются и следующие материалы. «Абхазы, читаем в «Новом полном географическом словаре Российского государства, или лексиконе» (Ч. 1), выпущенном еще в 1788 г., – вольный и многотысячный народ, живущий в абхазских горах, язык коих ни с каким другим из известных, как только черкесским некоторое, но и то небольшое сходство показывает. Земля, на которой живет народ сей, на собственном языке Абсне называется… В прежние времена жил народ сей только по западной к Черному морю примыкающей стороне Кавказских гор, по рекам прямо сие море между Кубанью и Ингуром впадающим. Последняя река отделяет его от мингрельцев». Подобные и другие высказывания можно прочесть у Ф. Торнау, М. Селезнева, С. Броневского, Пейсонеля, Ад. Берже, Ф. Дюбуа де Монпере и других.

Далее авторы говорят: «Утвердившиеся в Самурзакани нравы и обычаи, традиции, быт были такие же, как в других районах Мегрелии и Абхазии. Эти традиции были здесь соединены и, естественно, поэтому Самурзакань является проводником мегрело-абхазских черт». В том, что эти традиции здесь были соединены, нет никакого сомнения, ибо Самурзакань, исходя из ее приграничного положения, начиная с отдаленных времен, являлась зоной интенсивных экономических и политических контактов, родственных взаимоотношений двух соседних народов, ярче всего проявляющихся во взаимных браках. Поэтому неудивительно, что здесь сложился локальный вариант мегрело-абхазской культуры.

Но при этом гораздо значимее компоненты бытовой культуры, которые выделяют самурзаканцев именно как абхазов, о которых авторы не говорят. У самурзаканцев в XIX в. ярко сохранились черты культуры, которые зафиксированы только у абхазов. К ним относится миф об ацанах (его следовало хотя бы упомянуть), обряд погребения на вышке пораженного молнией человека или животного, обряд вызывания дождя во время засухи со специальной песней Дзиуоу и др.

Несмотря на постепенную языковую ассимиляцию, религиозные обряды в Самурзакани обязательно проводились на абхазском языке. Эти и другие обычаи и обряды являлись именно теми субстанциями, которые еще выделяли самурзаканцев как абхазов.

После «появления» абхазов в современном Гальском районе 80-х г. XVIIв. и их картвелизации, они стали носить грузинские фамилии, заявляют авторы и перечисляют целый ряд фамилий: Шарашия, Анчабадзе, Акиртава, Лакербаия, Маргания, Акишбаия, Багбаия, Бутбаия, Эзугбаия, Званбаия, Зухбаия, Тарбаия, Иванбаия, Какубава, Лапузбаия, Кавшбаия, Кецбаия, Квацабаия, Киртбаия, Колбаия, Цхуцхубаия, Царагбаия, Цушбаия. Затем В. Зухбая и Х. Зантарая говорят, что отсюда еще несколько фамилий являются сомнительными – абхазского они происхождения или нет? Однако не нужно быть этноисториком, чтобы понять, что, исходя из первоначальных форм этих (и других) фамилий, они являются исконно абхазскими, к которым после мегрелизации были прибавлены распространенные у мегрелов окончания «ия».

Среди населения Гальского района встречаются фамилии Абсава, Арзинба, Балоу, Гваджава, Гогуа, Гергедава, Кардава, Чукуа, Эшба, Дзигуа и т. д. Эти фамилии являются общими для абхазо-абазин. Анализ имеющегося материала показывает, что ряд фамилий, которые встречаются в Гальском районе, имеются у абазин, но не бытуют в настоящее время среди абхазов. К ним относятся Кешелава, Кикава, Кулава, Маткава, Хубутия и т. д. Обращают внимание и названия двух сел в Гальском районе – Гагида и Сида. В первом случае корень «гаги» соответствует абазинской фамилии Гагиев (Гаги). Название Сида в прошлом было известно как фамилия абазинских князей Сида (Тхаицухов, М. 1985).

Что же касается появления «запоздалой», по мнению В. Зухбая и Х. Зантарая, рецензии, то право любого автора высказывать свои взгляды тогда, когда он сочтет это нужным сделать, и никто не должен его упрекать в этом.

Думаю, что работы, подобные данной, трудно расценивать, как позитивные, способствующие нормализации абхазо-грузинских отношений. Это хочется сказать не только уважаемым авторам, но и тем, по чьим рекомендациям В. Зухбая и Х. Зантарая пишут свои работы.

Газ. «Республика Абхазия». № 38. 15 ноября 1991 г.

Из истории семьи и семейного быта абжуйских абхазов (XIX – начало XXI в.)

Проблемы современной семьи и брака постоянно привлекают внимание ученых различных специальностей, в том числе историков и этнологов. И это вполне закономерно. Семья с одной стороны отражает все происходящие в обществе изменения, с другой, выступает фактором сохранения (или изменения) традиции, способствуя стабильности семейно-бытовой сферы, преемственности поколении (Соловьева 2006:158).

Тот факт, что вопросам семьи и брака уделяется очень большое внимание общественности – явление положительное, способствующее укреплению нравственных норм, физическому и духовному здоровью народа. На фоне тех значительных изменений, которые произошли в последние десять лет в Абхазии, эта тема весьма актуальна и для нее.

Значимость данного вопроса для абхазского народа заключается в том, что в республике с конца XX века произошли огромные изменения, особенно после грузино-абхазской войны 1992–1993 гг.

Наиболее пострадал Очамчирский район, являвшийся прифронтовой зоной. Война нанесла ему огромный материальный и моральный ущерб, тяжелые незаживающие раны. Достаточно сказать, что за период боевых действий полностью или частично стертыми с лица земли оказались села прибрежной зоны района – Баслаху, Маркула, Мыку, Цхенцкар, Тамыш, Кындыг, Адзюбжа. Без крова осталось более двух тысяч абхазских семей, в целом по Абхазии разрушено 17200 домов и квартир (Республика 1994).

К изучению различных аспектов традиционной абхазской семьи и семейного быта этнографы обращались неоднократно (см.: Чурсин 1957; Инал-Ипа 1954; Акаба 1955; Смирнова 1955; Джанашиа 1960; Кучуберия 1967; Бжания 1973; Бигвава 1983; Бахия 1986). Однако проблемы современной семьи и семейного быта абхазов недостаточно освещены в научной литературе, поэтому

важным вкладом в изучение данной проблемы стало издание в 2006 г. первого коллективного сборника «Современная сельская Абхазия», в которой на основе преимущественно личных наблюдений авторов изложены материалы по различным вопросам современного этнографического быта, системы жизнедеятельности абхазов (Ямсков 2006).

Сборник положил начало дальнейшему более тщательному исследованию современного этнографического быта и культуры абхазского народа. Этот труд имеет большое значение и для рассматриваемой в настоящей статье вопросов.

Автором настоящей работы в ходе этнографических работ в Юго-Восточной Абхазии в 2005–2007 годах были собраны новые полевые материалы по вопросам семьи и семейного быта абжуйцев. К написанию статьи привлечены также архивные материалы из статуправления Республики Абхазия, демографические данные Очамчирского районного загса, а также материалы, публиковавшиеся в республиканской прессе (газ. «Республика Абхазия», «Эхо Абхазии», «Правда Абхазии») за 1993–2007 гг. Имеющиеся источники позволяют более полно раскрыть семейный быт этой этнографической группы абхазского народа за период XX – начало XXI в., отдельные вопросы семьи и семейного быта которой впервые вводятся в научную литературу.

Полевые этнологические материалы и письменные источники свидетельствуют о том, что в XX в. господствующей формой семьи во всех районах Абхазии была нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары и детей. До конца того же столетия встречались и сложные по своей структуре семьи, насчитывавшие не только родственников по восходящей и нисходящей линиям, но и по боковым (Бигвава 1983:32). В литературе такая сложная по своему строению семья обозначается как «неразделенная семья», а абхазы по привычке называли ее «атаацваду» (досл. «большая семья»), что указывает на существование у них в недалеком прошлом больших семей[1].

Живые свидетельства наличия в Абжуа в XX в. больших семей, или семейных общин, – наблюдаемые здесь патронимические поселения. В конце XX в. в рассматриваемом районе сохранялись поселки родственников-однофамильцев, возникшие в результате распада больших семей. Более того, вплоть до грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. и в первое время после тех событий, сохранялась традиция совместного проживания женатых братьев в одной семье. Так, например, в с. Адзюбжа в семьях Г. Муцба и Ш. Черкезия вместе с родителями жили женатые сыновья со своими детьми; в семье А. Ченгелия вместе с родителями жил женатый сын со своими детьми. Перед самой грузино-абхазской войной 1992–1993 гг. здесь жила неразделенная семья М. Чанба, где проживали родители с младшим женатым сыном Аркадием (погибшим в эту войну) и двумя его неженатыми братьями. И вплоть до 2000 г. сохранялись семьи, которые разделились, но дома женатых сыновей располагались вокруг отцовского дома. Причем, в горных, а отчасти и предгорных селах Абжуа еще в конце XX в. встречались факты проживания нескольких братьев в домах, которые имели общий двор. В одном дворе жили, например, сыновья Гуаджа Ломия в с. Арасадзых, сыновья Пшкана Цвижба в с. Члоу (Там же: 38). Л. Т. Соловьева справедливо указывает, что традиция совместного проживания в одной усадьбе нескольких (двух или трех) семей, члены которых находятся в близком родстве, например, несколько внуков – потомков одного деда, родных или двоюродных братьев, сохраняется в быту абхазов и в настоящее время (Соловьева 2006:162).

Полевые материалы показывают, что соотношение семей различной численности в разных ландшафтных зонах Абжуйской Абхазии неодинаково. Как правило, многочисленные семьи встречались в горных селах. Крупные семьи, численность членов которых превышала 10 чел., вплоть до грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. встречались в горных и предгорных селах Абжуа – Арасадзых, Тхина, Члоу, Гуп, Пакуаш, Кутол.

Например, в 80-х гг. XX столетия из 214 семей с. Арасадзых 15 семей состояли из 10 и более чел., тогда как в приморском с. Тамыш жили только три такие семьи из 246. Если семей из 9 чел. в Тамыше насчитывалось только пять, то в Арасадзыхе их было 15 (Бигвава 1983:43). Аналогичное соотношение численности семей

было и в других горных и приморских селах Абжуйской Абхазии. Сейчас семей, в которых проживает более 10 чел., в тех же горных селах не сохранилось. Надо учесть, что после событий 1992–1993 гг. почти 90% семей с. Арасадзых покинули село и переселились в приморские районы, главным образом в села Уарча, Дранда, частично Гульрипш и в города, в особенности г. Сухум. Что касается административного центра – г. Очамчира, то он в период боевых действий был очень сильно разрушен, потерял основную часть своего населения и до сегодняшнего дня, в отличие от г. Гудауты, не является заметным центром притяжения мигрантов из села или местом их трудоустройства на постоянной основе (Ямсков 2006:83–84).

Основная причина почти полного опустошения с. Арасадзых в том, что, по словам информантов, сельчане «всю жизнь сидели в горах, в неудобных для жилья местах, и были вынуждены оставить село, чтобы мы и наши дети увидели лучшую жизнь».

Оставшиеся в Арасадзыхе дети ходят в школу в соседнее с. Гуп на расстоянии 5–6 км, а автобус ездил из города в село раз в неделю (ПМА 1). Не последней причиной переезда является не всегда, к сожалению, достаточно квалифицированное преподавание в сельских школах района, отсутствие подготовленных кадров учителей, учебников. Вследствие оттока основной части населения сегодня в целом в районе уже нет семей, в которых в одном доме проживали бы два женатых брата.

Совершенно противоположная картина миграции населения наблюдается в приморских селах Тамыш и Кындыг. Почти 90% населения первого села осталось на насиженных местах, хотя именно селу Тамыш в 1992–1993 гг. был нанесен наибольший моральный и материальный ущерб. С окончанием войны тамышцы восстановили сожженные дома и разоренные хозяйства, в селе были сооружены новые жилые и иные строения. В Тамыше и сейчас сильны традиции взаимопомощи, уважительного отношения сельчан друг к другу на основе кодекса морально-правовых норм – «Апсуара», досл. «абхазство» (ПМА 3; ПМА 4).

Что касается с. Верхний Кындыг, то ему в годы войны также был нанесен максимальный ущерб (достаточно сказать, что из

имевшихся там до войны 254 домов лишь 3 остались целыми). Но кындыгцы не переселились в город, а перешли жить в нижнюю часть села (Нижний Кындыг), в покинутые их соседями-грузинами дома.

Тем не менее нужно отметить, что более быстрыми темпами идет миграция населения из Очамчирского района в г. Сухум и другие города и районы Абхазии, нежели в Очамчирский район на постоянное место жительства. По данным статуправления республики, за период с 1997 по 2000 гг. Очамчирский район покинуло 2445 чел. обоего пола, тогда как прибыло 615 чел. обоего пола (Сведения о миграции 1997–2001). Согласно «Демографическим данным Актов гражданского состояния по Очамчирскому загсу в период с 2000 г. по 1-ое полугодие 2006 г. » из района убыло 2030 чел., прибыло всего 399, из убывших – 1507 абхазов (прибыло 340 чел.), русских соответственно 105, 41; грузин – 196,19; греков – 1,1; армян – 122,26; других национальностей – 72,16 (Демографические данные 2000–2006). Причем речь идет об официально учтенных мигрантах, поэтому можно считать немалым и число неучтенного населения, покинувшего район за указанный период времени.

Снижение численности населения в абжуйских селах (Джгярде, Гуаде, Члоу, как и в Арасадзыхе и др.) связано, как становится понятно, с переездом их населения в прибрежные пригородные села, но главным образом – в города, и прежде всего в Сухум (Дубова и др. 2006: 45). Так, из Джгярды в 2000–2005 гг. при населении в 721 чел., 11 чел. выехало на постоянное место жительства, 6 чел. на учебу. Из Члоу в 2000–2003 гг. при населении 1451 чел. выехало на постоянное место жительства 84 чел. и 38 на учебу (Там же: 46), в том числе в Москву и другие города России, причем многие остаются там после окончания вузов. Большинство жителей сел предпочитает ехать в города Абхазии не потому, что их привлекают туда наличие свободных рабочих мест или высокая заработная плата. Напротив, в городских бюджетных организациях она крайне низка и в 2007 г. составляла у служащих обычно 1500–2000 руб. в месяц, а безработица остается серьезной социальной проблемой. Но для людей важна стабильность получения зарплаты в городе.

Кроме того, работа в городе более престижна по сравнению с сельским трудом, а брошенные во время и сразу после войны дома и квартиры были заселены выходцами из села в качестве «трофейных», что стало еще одним мощным фактором урбанизации абхазов (Там же: 47–48; Ямсков 2006: 85–88).

Хотя общее число домохозяйств в указанных селах Джгярда и Члоу сократилась не очень существенно, можно говорить еще об одной особенности в целом по Абхазии: в послевоенные годы имеет место окончательный отъезд из сел. В с. Члоу из 498 хозяйств зафиксировано около 10 полностью заброшенных уже после войны домов и участков; в с. Джгярда – приблизительно 10 дворов из 259 хозяйств. Значительное же большинство жителей, реально и формально переехавших в город, оставляет за собой свои сельские дома и приусадебные участки (Дубова и др. 2006: 48). Число людей, которые теперь живут и работают в городе, но при этом сами или совместно с близкими родственниками постоянно обрабатывают земельные участки в родном селе, в Джгярде, например, в 2005 г. составляло около 12% от численности трудоспособного населения села (Ямсков 2006: 82).

Основой жизнеобеспечения части абжуйских сельских семей (села Члоу, Джгярда, Кутол) являются доходы, получаемые населением от продажи продукции своего приусадебного хозяйства. Средний семейный доход, например, от продажи урожая орехов может составить 30–45 тыс. руб. и более, мандарины могут принести доход до 15–30 тыс. руб. (Там же: 88–89). Приводимые в литературе данные о том, что ныне с экономической точки зрения занятие сельским хозяйством позволяет получать гораздо более значительные доходы, нежели работа в городе (Там же: 101), нельзя отнести к сельским семьям Лашкендара, Кындыга, Тамыша, Атары, сильно пострадавших в период войны 1992–1993 гг. Достаточно сказать, что в с. Лашкендар (бывш. Цхенцкар) из имевшихся до войны 100 дворов из-за отсутствия условий для проживания село покинуло 60 семей (Республика 2006), поэтому только 10% семей указанных сел могут получать со своих хозяйств основной доход (ПМА 3; ПМА 4).

Говоря об источниках дохода сельских семей, нужно отметить, что в большинстве семей есть пожилые люди, и поэтому очень важным источником доходов для общего семейного бюджета становятся российские пенсии. Для сравнения: абхазская ежемесячная пенсия по старости составляла 60 руб. в 2003 г. и 100 руб. в 2004, а российская пенсия, которую выплачивают после оформления российского гражданства, – 600–700 руб. в месяц в 2004 г.

Среди абжуйских абхазов, за редким исключением, бытует христианское оформление брака. Входит в практику гражданская регистрация, хотя в сельских местностях к этому прибегают еще не часто.

Анализ полевых материалов показывает, что в XX в. абхазы женились в возрасте 30 лет, а абхазки выходили замуж в 25 лет. Причиной значительного процента поздних браков среди мужчин было вытекавшее из традиционных представлений стремление сперва познать свет, приобрести знания и опыт, славу и известность своими подвигами, ибо и сама девушка не выходила за человека, ничем себя не прославившего (Чурсин 1957: 159).

Брачный возраст абжуйцев в настоящее время несколько снизился. Опросы информантов показали, что сейчас молодые женятся между 20 и 25 годами. Одни старожилы считают, что молодому человеку следует жениться после окончания службы в армии, но большинство исходит из того, что вступать в брак нужно в 25 лет (ПМА 1; ПМА 2).

При этом в селах живет немало молодых мужчин, перешагнувших 40-летний рубеж и не вступивших в брак. Не последней причиной здесь может быть и то, что они в большинстве своем по-прежнему ориентированы на выезд в город, а свое нахождение в селе считают временным и вынужденным, рассчитывая в последующем найти работу и жилье в городе и переехать туда, и потому не торопятся создавать в своем селе семью (Ямсков 2006: 102). Что касается девушек, то хотя сегодня имеются тысячи «невостребованных» невест вследствие гибели в ходе войны молодых мужчин, они не всегда охотно выходят замуж в село, так как повседневный быт там довольно тяжел из-за необходимости заниматься подсобным

хозяйством. Поэтому младшим сыновьям, которые по традиции должны оставаться в родительском доме и не могут уехать в город, оставив престарелых родителей одних, бывает нелегко найти себе невест (Соловьева 2006: 166–167).

Характерная черта современного брака – свобода выбора молодыми друг друга. Если в прошлом брак становился событием не только для брачующихся, но и для всей общины, то сегодня случается, что брак, прежде всего, становится делом молодых, устраивается сравнительно небольшое застолье. Тем не менее, у абхазов, как и у других народов Кавказа, молодые женихи и невесты как в силу только относительной материальной самостоятельности, так и в силу традиций, психологических стереотипов до сих пор не свободны от волеизъявления родителей. Кроме того, и последние теперь немного чаще считаются с желанием детей (Смирнова 2006: 168).

Статистические данные показывают, что с 1997 по 2001 г. в Абжуйской Абхазии заключено 366 браков. Начиная с 1999 г. количество браков немного возросло (в 1997 г. – 71 брак, в 1998 г. – 62). Если в 1999 г. в районе было заключено 86 браков, то в 2000 – 76, в 2001 – 66, в 2002 – 95, в 2003 г. – 116 браков. В последующие годы, т. е. с 2004 по 2006, их количество сократилось: в 2004 г. – 78 браков, в 2005 – 60, в первом полугодии 2006 г. – 39 браков (Сведения о рождаемости 1997–2001; Демографические данные 2000–2006).

В прошлом разница в возрасте брачных партнеров была значительной – 10 и более лет. Сейчас большая разница в возрасте супругов не типична. Хотя надо отметить, что самая молодая супружеская пара, создавшая зарегистрированную семью, в 2006 г. была такая: девушке – 16 лет, парню – 21. Если по традиции обычно муж был старше жены на несколько лет, то сейчас можно наблюдать обратную картину. Так, в 27 браках, заключенных в 2007 г., жена была старше мужа: соответственно 51 и 34 года, 32 и 24, 37 и 24 и др. (Эхо 2007).

Как и прежде, брачные связи абжуйцев ограничены территориально, т. е. невесту стараются выбрать в родном или соседних селах. Так, примерно со второй четверти XIX в., мужчины с. Адзюбжа брали жен преимущественно из сел Очамчирского района

– Кутола, Кындыга, Атары, реже из Тамыша, Члоу, Отапа и других. В эти же села, в основном, происходило переселение к мужьям и адзюбжских женщин. Мужчины Квициния – по данным Ц. Н. Бжания – брали себе жен из сел Кындыг (преимущественно из фамилии Киут), Джгярда (из фамилии Амичба), Члоу (женясь часто на женщинах фамилии Адлейба). Но бывали случаи привода жен и из других сел, например, Адзюбжи, Тамыша, Кутола, Муку (Моквы). Вышеперечисленные села (кроме Адзюбжи) расположены восточнее Атары. «Восточную» направленность браков, характерную для населения Абжуйской Абхазии, отчасти можно объяснить какой-то спецификой этнического заселения абхазами данного района (Аргун и др. 1987: 76).

Одной из возможных причин предпочтительности браков между жителями определенных сел могло послужить расширение связей за счет общения на свадьбах, похоронах, поминках. Как правило, родственники, выезжая по любому из этих поводов в соседние села, брали с собой соседей. Вместе с тем, после грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. абжуйцы чаще стали приводить жен из Бзыбской Абхазии.

Как отмечалось в литературе, «можно говорить, по крайней мере, для некоторых случаев, о предпочтительности браков между представителями двух определенных, соответствующих друг другу по силе и знатности родов. Так, дуально были связаны между собой следующие фамилии Абжуйской Абхазии: Аршба – Адлейба, Ашуба – Квициния, Амичба – Квициния, Амичба – Адлейба и др. Существует предание, что качая люльку капризного дитя из рода Аршба, мать приговаривала: «Какой бы ты ни оказалась плохой, все равно да возьмет тебя кто-нибудь из рода Адлейба» (Инал-Ипа 1954: 24). Дуальные брачные связи между определенными фамилиями Абжуа частично продолжают сохранять свою силу и в наши дни. Правда, уже нельзя говорить о наличии статистически высокого процента или же целенаправленных брачных связях между определенными фамилиями (ПМА 4; ПМА 5).

Еще в конце XIX в. абжуйские абхазы нередко заключали браки с представителями других народностей. Начало актив-

ных брачных связей абжуйцев с другими этносами относится к первой половине XX в. Так, в самом начале XX в. Н. С. Джанашиа сообщал, что в с. Тамыш один абхаз женат на гурийке и это первый случай женитьбы местного крестьянина на гурийке или имеретинке. Абжуйцы довольно часто брали в жены мегрельских женщин. По Н. С. Джанашиа, «большой радостью считает абхазец выдать замуж свою дочь за мегрельца» (Джанашиа 1902), что объясняется, видимо, более строгими этикетными правилами в абхазской семье.

Активизация абхазо-мегрельских брачных связей относится к периоду с 1926 по 1959 г. Это было связано с созданием в Абхазии мощного курортного хозяйства, развитием горнодобывающей промышленности, а также отрицательным отношением абхазов к работе по найму – в результате чего возрос приток приезжих в Абхазию. Этот процесс особенно усилился после проведения Черноморской железной дороги (Джаошвили 1968: 30). Наряду с естественной миграцией переселение в Абхазию осуществлялось и организованным набором рабочей силы и специалистов (врачей, педагогов, агрономов и т. д.).

Эти специалисты, работавшие, в частности, в селах Джгярда, Гуп, Пакуаш и др., вступали в браки с абхазками, и наоборот, абхазы женились на грузинках (ПМА 1; ПМА 2). Межэтнические браки, количество которых возросло со второй половины XX в., более частыми были в прибрежных селах. Например, в с. Мыку проживали 240 абхазских и 32 грузинские семьи, из них в 8 абхазских семьях мать или невестка по национальности была грузинка, в 5 – русская, в 1– турчанка. А в 9 грузинских семьях наоборот – матери и невестки абхазки. Аналогичная картина наблюдалась и в с. Джал, где проживали 101 грузинская и 20 абхазских семей. Из них в 14 семьях грузины были женаты на абхазках, в 5 семьях – абхазы на грузинках. Так же обстояло дело и в с. Кутол, где из 768 семей 228 было грузинских. Среди абхазского населения этого села 49 семей относились к смешанной в национальном отношении группе, в том числе в 29 семьях абхазы состояли в браке с грузинками, а в остальных – с представителями других национальностей. Приблизительно таким же был удельный вес межнациональных браков и в грузинских семьях (Бигвава 1983: 62).

В предгорных же селах Абжуйской Абхазии национально смешанные семьи составляли незначительное число. Таких в с. Арасадзых проживало 2 семьи, в с. Члоу – 3, в с. Тхина – 2 семьи. Малочисленность межнациональных браков в этих селах объясняется их отдаленностью от городов и других мест, население которых отличается разнородностью этнического состава.

В межнациональных семьях наблюдается двуязычие, в основном абхазо-грузинское (мегрельское), что было характерно для довоенного периода, особенно у потомства от этих браков. В смешанных семьях наблюдаются черты, присущие обеим национальностям. Так, женщины-неабхазки, по прошествии определенного времени нередко хорошо овладевают абхазским языком и усваивают тонкости абхазского национального быта. В связи с трагическими событиями 1992–1993 гг. и последовавшим исходом большей части грузинского населения в исторические места его обитания сфера употребления грузинского (мегрельского) языка в абжуйских семьях значительно сузилась. Соответственно сведены к минимуму в Очамчирском районе в результате военного конфликта брачные отношения с грузинами-мегрелами. В то же время более частыми стали браки абжуйцев с русскими, армянами, с представителями народов Северного Кавказа. Причем не только абхазы женятся на неабхазках, но и абхазки выходят замуж за русских, адыгейцев и т. п. Все это, особенно в сочетании с тем обстоятельством, что многие молодые абхазы уезжают на работу и на учебу в Российскую Федерацию, а также стремятся по возможности уехать из сел и обосноваться в городах Абхазии (Сухум, Гагра, Новый Афон и др.), значительно повышает роль в обществе русского языка (Соловьева 2006: 179).

Как известно, размер семьи находится в прямой зависимости от детности, т. е. количества детей в семье. Как правило, семьи, в которых более 8–10 детей, в конце XX в. встречались только в горных селах. Если в начале XX в. встречались такие семьи, как семья Кадыра Тарба (с. Мыку), в которой было 18 детей, или Джабаси Багателия

(с. Ачампазара) – 11 сыновей и 6 дочерей, то во второй половине того же века не было ни одной семьи, число детей в которой превышало бы 14[2]. Согласно статистическим данным, численность матерей с 11 и более детьми уменьшилась с 53 чел. в середине XX в. до 20 чел. во второй половине того же столетия (Народное хозяйство 1973: 66). В результате почти вдвое уменьшился и естественный прирост населения республики. Сейчас многодетными считаются семьи, в которых трое детей. В 2006 г. в Абхазии в целом насчитывалось 1456 семей, имевших трех и более детей, из них абхазских – 1238 семей. В 161 семье было от пяти до двенадцати детей, в этой категории абхазских семей насчитывалось 129 (Республика 2006).

В настоящее время в абжуйских семьях по 2–3 ребенка. По материалам конца XX в. таких семей, например, в одном из наиболее крупных населенных пунктов Абжуйской Абхазии – с. Адзюбжа было 84 (36%). Многодетных семейств, где свыше 4 детей, здесь насчитывалось около 10, в остальных семьях было не более двух детей (около 70 дворов).

Конкретные выводы об уровне рождаемости в абжуйских семьях с конца XX в. можно сделать из статистических материалов. Так, если в с. Члоу доля детей до 15 лет в 1979 г. составляла 25%, то в последующие годы этот показатель был следующим: в 1990 г. – 22,7%, в 2003 – 13,2%. В с. Джгярда в 1979 г. доля детей до 15 лет составляла 27,1%, в 2005 г. этот показатель снизился до 14,5% (Дубова и др. 2006: 50).

Говоря об уровне рождаемости, нужно отметить, что, в целом количество новорожденных приблизительно повторяет динамику числа браков. В первые послевоенные годы в Абхазии зафиксировано следующее число рождений (чел.): 1994 г. – 321, 1995 – 500, 1996 – 445, 1997 – 467, 1998 – 375, 1999 – 488, 2000 – 460, 2001 – 431. В 2003 г. родилось 509 детей, в 2004 г. – 555; в 2005 г. последовало снижение до 485 и в 2006 г. – до 444 чел. (Эхо 2007).

После войны 1992–1993 гг. были периоды, когда в целом по Абхазии отмечался рост рождаемости. Особенно характерным в этом отношении являлся 1995 г., когда сухумский роддом каждый

месяц принимал более 100 родов, и сейчас также фиксируются некоторые положительные показатели*. Однако в целом трудно говорить о стабильном росте рождаемости, способном изменить негативную демографическую ситуацию (Республика 2007).

Мотивируя свое желание иметь не более двух детей, в абхазских семьях говорят, что на рождение и воспитание ребенка требуется слишком много затрат. По словам заведующего сухумским городским загсом Минюста Абхазии Л. Джопуа, «если проанализировать наши документы, то увидим, что второго, третьего ребенка заводят преимущественно там, где жена – домохозяйка, а у супруга сносная зарплата или он занят бизнесом» (это чиновники, сотрудники разного рода контролирующих органов, коммерсанты, водители «маршруток») (ПМА 5).

Нельзя сказать, что общественность района и республики не озабочена подобным положением. По вопросам семьи и брака и в целом демографической ситуации в республике проводятся «круглые столы», обсуждаются вопросы принятия закона об охране материнства и детей; вопрос об абортах[3]. В июле 2007 г. по Абхазскому телевидению был объявлен конкурс на лучшую публицистическую работу по проблеме демографии. Предлагаются различные пути решения этой проблемы. Особенно активизируется обсуждение в пору предвыборных компаний. Одни видят выход в усилении процесса репатриации – возвращения на родину потомков изгнанных во второй половине XIX в. в Турцию и другие страны части населения Абхазии; другие предлагают приглашать в Абхазию с Северного Кавказа абазин и адыгов.

После завершения боевых действий в Абхазии, в октябре 1993 г., председатель Верховного Совета Абхазии В. Г. Ардзинба в интервью газ. «Северный Кавказ», говоря об очень серьезных политических проблемах, упомянул о необходимости возрождения в Абхазии института свах-«акиахиариа» (Республика 1993)[4].

---

* Так, по свидетельству исполняющей обязанности зав. отделением Очамчырской Центральной районной больницы Э. В. Шурдулава, если за весь 2009 г. в районе родилось 39 младенцев, то только за январь 2010 г. на свет появилось девять чел., а в феврале десять, причем большинство из них – мальчики (Газ. «Республика Абхазия». 5–6 марта 2010 г.).

По мнению председателя Совета старейшин Абхазии П. Х. Адзинба, нужны соответствующие законы, которые «подстегивали» бы молодых людей создавать семьи, к примеру, ввести налог на бездетность с 25 лет, узаконить государственную поддержку матерей-одиночек. Сегодня среди абхазов в основном негативное отношение к факту рождения внебрачных детей. Однако, по словам П. Х. Адзинба «старейшины будут поддерживать женщину, которая по каким-то причинам не создав семьи, будет иметь детей».

Один из существующих в Абхазии демографический благотворительный фонд «Акасыш» («Белый платок») улучшение положения в области воспроизводства абхазского населения видит в открытии клубов знакомств, создании банка данных о людях, желающих вступить в брак и т. д. Причем деятели этого фонда полагают, что в Абхазии «современные семьи не хотят иметь много детей не потому, что беднее наших родителей, а из-за того, чтобы не возлагать на себя дополнительную обузу, из-за стремления жить комфортно» (Республика 2006).

Безусловно, влияет на рождаемость и политический, социально-экономический фон послевоенной жизни Абхазии. Тревоги, неустроенность, а порою и неуверенность в завтрашнем дне дают о себе знать. С этим связано и большое число смертей в молодом возрасте: 50% таких фактов обусловлено болезнями – инфарктом, раком. Специалисты усматривают здесь связь со стрессовыми ситуациями, которые начали проявляться уже с 90-х годов прошлого века. Другая половина горестной статистики связана с несчастными случаями, и в первую очередь с автомобильными авариями (Республика 2007). Вместе с тем, для улучшения демографической ситуации и появления многодетных семей необходимо, как считают родители, улучшение жизненных условий: например, если мать будет получать на каждого ребенка ежемесячное пособие в размере 2000-5000 рублей до достижения детьми возраста 12–14 лет. Так, из 100 семей, опрошенных в г. Сухум, подавляющее большинство – 97 – ответили, что они готовы к увеличению числа детей, но при условии гарантированного в течение нескольких лет получения на них приличных пособий. Что касается авторов отрицательных ответов, то в одной семье супруги пребывают на грани развода, другая испытывает значительные финансовые трудности, а в третьей муж изменяет жене и ее мысли сосредоточены только на этом. (Там же).

Традиционно, нравственным долгом каждого абхаза, достигшего брачного возраста, считалось и считается создание семьи. Людей, не создавших семью, по-прежнему жалеют и одновременно относятся к ним с некоторым пренебрежением. Мужчин, не женившихся до 40–50 лет в Абжуйской Абхазии называют «амажъроу», в Бзыбской Абхазии – «акырмыдж», что значит «не женившийся вовремя». Несемейный не мог наладить полноценное хозяйство: традиции требовали строгого разделения труда между женщиной и мужчиной и поколениями. Мужчины были основой хозяйственного благополучия семьи и общины. Значителен был в семье удельный вес и женского труда. Традиционно женский труд включал в себя все работы по дому (шитье одежды на членов семьи, приготовление пищи, заготовка припасов и т. д.). Словом, женщина мало что делала за пределами дома и усадьбы, зато обслуживала мужчину, помогала ему в хозяйстве по дому, участвовала в некоторых полевых работах (жатве, уборке урожая). Сейчас к участию жены в мужских работах отдельные информанты относятся неодобрительно: «Как можно женщине заниматься прополкой кукурузы и тем более вспашкой поля», – говорит старожил Ал. Капба), считая, что это стыд для мужчины. Большинство же не видит ничего стыдного в участии жены в работах за пределами дома и усадьбы.

В прошлом мужчина считал оскорбительным для себя заниматься женскими работами. В настоящее время, как свидетельствует полевой материал, в городских, а также во многих сельских семьях абжуйцев (особенно в тех, в составе которых нет престарелых родителей или других родственников) произошел отход от традиционного разделения труда по полу. Нередко можно видеть в селах, как мужья помогают женам в различных домашних работах, присматривают за детьми, готовят мамалыгу, ухаживают за скотом (доение же скота по традиции считается у абхазов мужским занятием), чем иногда вызывают осуждение пожилых

односельчан. В то же время многие трудоемкие домашние работы, например, приготовление пищи, уборка, стирка, починка одежды, в большинстве семей по-прежнему остаются специфически женским занятием. Однако и это правило уже нередко нарушается, особенно в городской среде. В целом можно сказать, что теперь почти 50% абжуйцев оказывают помощь женам в домашних работах. Но что касается участия родителей в уходе за детьми, то матери тратят на это в два раза больше времени, чем отцы. Нужно сказать, что разделение труда в семьях на «женский» и «мужской» в настоящее время в Абжуа сохраняется как обязательное среди лиц пожилого возраста.

В области семейно-имущественных отношений (наследования и раздела имущества), в подавляющем большинстве семей имущество уже принадлежит всем взрослым членам семьи. Если семья неразделенная, то же право принадлежит и невестке, у которой такового права не было в конце XIX в. Что касается важных хозяйственных дел, в том числе денежных вопросов, то общесемейная касса находится в ведении мужа и по мере надобности идет на текущие расходы членов семьи. Но теперь нередко средствами семьи распоряжается не только глава семьи, но и его жена.

Многие женщины, владея большим недвижимым имуществом, играют новую для них роль главы семейств. При разводе и разделе имущества жена в некоторых случаях обращается в судебный орган, который, разобрав ее заявление (иск), производит раздел имущества, выделяя ей причитающуюся часть. Однако в большинстве случаев дела по разводу и разделу имущества решаются сегодня по обычному праву на семейном или общественном совете при участии родителей обоих супругов. Таким образом, поступает почти 60% абхазского сельского населения. Иными словами, абхазы по сравнению с иноэтническими группами, проживающими в республике, меньше всех обращаются в судебные органы. Одна из причин этого состоит в том, что считается неприличным выносить бракоразводные и имущественные дела на общественные слушания. Тем не менее в последнее десятилетие абхазы также стали чаще обращаться в

судебные органы для решения бракоразводных и имущественных вопросов.

Если в прошлом по обычному праву при разводе у женщины оставалось только приданое, то сейчас учитывается и доля женщины в приобретенном семьей имуществе за время совместной жизни. Потеряло свою силу и отсутствие права на детей для разводящейся женщины, что было свойственно старому обычному праву абхазов. Сейчас дети (особенно если они малолетние) чаще всего остаются с матерью и очень редко с отцом – таковых около 10% (ПМА 4).

После развода родственная и свойственная связь между фамилиями и семьями, состоявшими ранее в брачной связи не прекращается. В случае смерти кого-нибудь из родственников в семье супруга, бывшая жена в обществе одного-двух сопровождающих ее лиц, является в дом умершего, оплакивает его и вскоре после этого уезжает. В некоторых случаях она участвует в траурной процессии в день похорон (ПМА 1; ПМА 2).

Статистические материалы показывают, что с 1997 по 1999 г. в Абжуа имели место 94 развода (в 1997 – 41, в 1998 – 28, в 1999 – 25). В последующие годы наблюдается тенденция к уменьшению разводов: в 2000 г. – 16 разводов, в 2001 – 14, в 2002 – 27, в 2003 – 13, в 2004 – 8, в 2005 – 5, в первом полугодии 2007 – 5 (Сведения о рождаемости 1997–2001; Демографические данные 2000–2006).

На данном этапе, хотя на положение главы семьи по-прежнему большое влияние продолжает оказывать традиция, тем не менее, власть главы семьи основывается на реальном авторитете среди остальных членов семьи, обусловленном его личными качествами, жизненным опытом и общественным положением. Точнее будет сказать, что главенство сегодня выражается не в проявлении власти над членами семьи, а в организации жизни семьи, в устройстве ее быта. Не всегда теперь главой семьи бывает мужчина или старший по возрасту. И хотя в большинстве семей главой считается старший по возрасту, к которому относятся с должным уважением, признавая его жизненный опыт и в ряде случае советуясь с ним – например, вплоть до конца XX в., по сведениям информантов, даже выделившиеся из отцовского хозяйства сыно-

вья спрашивали у отца совета по поводу продажи дома, скота и пр. (ПМА 1: ПМА 3), в действительности, дом, хозяйство ведут его взрослые дети, труд которых играет основную роль в благосостоянии членов семьи. Члены семьи, в том числе жены, по крайней мере, при посторонних подчеркивают главенство мужей. В семьях, где нет отца, главой хозяйства становится женатый сын, но во всех хозяйственных и семейных вопросах, как правило, советуется с матерью.

Словом, по устоявшейся традиции главой полной семьи продолжают считать старшего мужчину, а не старшую женщину, хотя это не всегда может отражать глубинные отношения в семье.

В настоящее время во всех однопоколенных (муж, жена) и двухпоколенных семьях (муж, жена, дети) главой семьи является муж. За последнее десятилетие в Абжуйской Абхазии стало больше семей, возглавляемых женщиной. В подавляющем большинстве случаев это семьи женщин-одиночек или матери, чьи мужья погибли в период грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. В семье, где нет кормильца (мужа), женщина-мать руководит воспитанием несовершеннолетних детей.

Встречаются в Абжуа и семьи, где живут зятья-примаки (абхаз. «ахатэа», букв. «сидящий на голове»). Примак становится главой семьи только после смерти родителей жены. По традиции, не принято, чтобы муж жил в доме жены или ее родителей, это понижает его авторитет среди односельчан, тем не менее, случаи поселения мужа в доме жены, особенно в городах, в последние годы участились.

Продолжают быстро обновляться как личные отношения в семье, так и их внешнее оформление. Не так много семей, в которых жена встает раньше мужа, чтобы управиться с домашними делами, меньше семей, где жена прислуживает мужу за едой. Замужние женщины в городах уже не покрывают голову платком в присутствии старших; их примеру следуют многие женщины в селах (ПМА 1; ПМА 4).

Традиционно женщина по отношению к мужу и старшим родственникам, а муж по отношению к старшим родственникам жены соблюдали обычай избегания, который вынуждал прежде всего

женщину быть постоянно настороже, следить за своими словами. Для женщины это была не подлежавшая обсуждению норма поведения. Самые сложные взаимоотношения складывались между невесткой и свекром («абхэа»). Невестка не имела права разговаривать с ним (со свекровью ей разрешалось разговаривать) даже тогда, когда сама уже имела женатых сыновей. Согласно полевым данным, в конце XX в. случалось, что свекор через восемь-десять лет после свадьбы через младших членов семьи обращался к ней с просьбой прервать молчание. По этому поводу он созывал соседей, устраивал пир и делал невестке подарок – платье, а в зажиточных семьях – корову, лошадь. По другим данным, свекор говорил невестке: «Спасибо, что уважила меня». Она целовала руку свекра, а тот голову невестки, и с этого дня она имела право общаться, т. е. разговаривать с ним (ПМА 1). Однако в больших семьях такие случаи были чрезвычайно редки. По мнению стариков, снятие запрета приводило лишь к недоразумениям, ссорам и создавало лишнее беспокойство для мужчины, который был бы не в силах переносить беспрерывную болтовню женщин (Смирнова 1955: 122).

В некоторых семьях наблюдаются случаи неуважительного отношения невестки к родителям мужа, хотя в общей массе оно все же довольно редкое явление. В основном отношения между невесткой и родителями мужа можно охарактеризовать как взаимоуважительные и почтительные. Правда, некоторые конфликты случаются в семьях, где живут старые девы «атыджха» (ПМА 1: ПМА 2). В целом же в Абжуйской Абхазии, по сравнению с Бзыбской, по-прежнему сохраняются менее строгие традиции избегания, что видимо, связано с грузинским влиянием (Соловьева 2006:162).

В настоящее время в абжуйских семьях уже нет четкого распределения обязанностей между свекровью и невесткой (как, впрочем, и между матерью и дочерьми). Во многих семьях свекровь и невестка сообща выполняют домашние работы. Если невестка занята на общественном производстве, то большая часть домашней работы падает на плечи свекрови.

Вплоть до недавнего времени, муж с женой при старших и соседях никогда не показывались вместе. В самом начале XX в. Н. С.

Джанашиа был свидетелем тому, как супруги после 29-летней совместной жизни впервые показались вместе представителям своего рода (Джанашиа 1960:101). Согласно обычаю избегания супруги на людях не проявляли заботу друг о друге. Напомнить мужчине, что он женат, даже спрашивать у него о здоровье жены, значило бы его оскорбить. Обычай избегания, как известно, налагал запрет на произнесение настоящего имени мужа (как и всех его родственников). В Абжуа (с. Кындыг) имел место такой случай. В период политических репрессий, в 1937 г., жена одного из осужденных пошла передать посылку своему мужу в Драндскую тюрьму. На вопрос как фамилия, имя и отчество мужа, фамилию она назвала, но имя и отчество мужа, по обычаю избегания, не стала называть. Она вернулась в село, пройдя немалое расстояние, привела в тюрьму свою золовку, которая и назвала имя и отчество брата (ПМА 1).

Невестки, обращаясь к старшим братьям и сестрам мужа, должны были называть их иносказательно (Акаба 1955: 94). Сейчас невестка называет деверя своим братом («сабхунда сашьа иами»), причем заговаривает с ним уже через несколько дней после замужества, но по желанию свекра. С золовками, даже теми, что старше невестки по возрасту, она, как правило, уже не должна соблюдать разговорный запрет (Соловьева 2006:163).

Невестки из Гудаутского района, даже оказавшись в более «либеральной» Абжуйской Абхазии, тем не менее, не отказываются от привычных им порядков. Так, в с. Члоу зафиксирован случай, когда в одной семье, где было четверо братьев, две невестки были из Абжуйской, а еще две – из Бзыбской Абхазии. Невестка старшего брата уже 13 лет не разговаривала со свекром, младшая невестка была замужем 6 месяцев и не начала разговаривать ни со свекром, ни со старшими деверями, хотя свекор уговаривал ее сделать это. Невестки же из абжуйских сел соблюдали этот обычай в течение краткого срока – от одного до трех лет (Соловьева 2006: 163).

Подавляющее большинство абжуйцев сейчас однозначно осуждают существовавший в прошлом неудобный в быту и унизительный для многих обычай избегания. Чаще избегание осуждается женщинами. Отношение к обычаю тем отрицательнее, чем

моложе респонденты. Явственно заметно изживание обычая избегания в отношениях супругов. Сейчас почти половина горожан и 30% сельских жителей из образованных семей, 40% горожанок и 25% сельских жительниц при отсутствии старших называют своих супругов по имени. Почти 40% сельчан на общих основаниях принимают участие в застолье, особенно торжественных, иногда сидя с мужчинами, иногда по разные стороны стола. При этом жена может сесть за один стол с мужем только в семейном кругу, но не садится за стол при старших родственниках. Теперь практически исчезли ограничения на совместное появление молодых супругов в общественных местах (этого обыкновения строже придерживаются люди пожилого возраста). Так, супруги отправляются на свадьбу или похороны вместе, но не вдвоем, а с группой приятелей или приятельниц. Сами женщины проводят свободное время вне дома зачастую не вместе с мужьями, а отдельно от них. Однако можно говорить о постепенном изживании практики публичного избегания между супругами.

То же самое можно сказать об отношениях между мужем и старшими родственниками жены. Наблюдается общая тенденция к более свободному общению мужчин со старшими свойственниками, что видно на примере отхода от запрета есть с ними за одним столом. Однако чаще это относится к горожанам, тогда как сельские молодые люди, особенно в первое после свадьбы время соблюдают традиции избегания. Медленнее отмирает избегание между женой и старшими родственниками мужа.

Практически отмерло также избегание между отцом и детьми. Более половины отцов уже берут детей на руки при старших родственниках или посторонних или же появляются с ними в общественных местах. В большинстве семей уже не считается неприличным первым заговорить с отцом, сидеть в его присутствии, обедать с ним вместе. Во взаимоотношениях младших членов семьи также уже нет резких половозрастных граней; мальчик не стесняется старшего брата, бывает с ним в одной компании и т. д.

Традиционно в детях видели будущих помощников в хозяйстве, опору в старости, продолжателей рода. В абхазской семье

исторически предпочтение дается мужскому потомству, поскольку девочки, подрастая, покидали дом, т. е. выходили замуж. Стремление иметь мужское потомство объяснялось не только условиями крестьянского быта, но и религиозными представлениями о культе семейно-родовых предков. При отсутствии сыновей, некому было бы молиться об умерших, совершать по ним поминки, т. е. считалось, что некому будет помогать им в загробной жизни. Поэтому рождение девочек не праздновалось или праздновалось скромно, рождение же мальчика (в особенности первенца или если его появление на свет много лет ожидали) отмечалось со всей доступной семье торжественностью (Дбар 2000:11).

В настоящее время рождение и мальчика и девочки абжуйцы встречают с одинаково большой радостью. Выражая свою радость по поводу рождения девочки, абжуйцы говорят «дщаҭоуп» (досл. «она основа, корень»), что надо полагать, является вынужденной мерой. Естественно, более радостно встречается рождение девочки в тех случаях, если до нее в доме уже родился мальчик. По традиции нередко родители, потерявшие всех детей, усыновляли кого-либо из родственников. Сейчас на воспитание берут мальчика и из чужого рода (ПМА 1). В таких случаях семьи нередко обращаются за помощью в движение «Матерей Абхазии за мир и социальную справедливость» (Правда 2002). Однако в основном вопросы усыновления сегодня решаются посредством тайных договоренностей. В целом же, согласно статистике, количество семей, усыновивших ребенка с 2000 г., в районе незначительно. В 2000 г. имело место 2 случая усыновления. В 2001–2003 гг. усыновлений не было. В 2004 – 4 усыновления, в 2005 – 3, в первом полугодии 2006 – 2 (всего 11 случаев усыновления) (Демографические данные 2000–2006).

Сегодня в Абжуйской Абхазии нередко можно услышать сетования людей среднего и старшего поколения о том, что «молодежь перестала уважать старших», проявляет непочтительность и фамильярность по отношению к родителям, и это создает в семьях тягостную обстановку, однако для большинства семей это не характерно. В прошлом национальный этикет требовал от

младших скромности и сдержанности, осуждалось выпячивание себя на первый план, хвастливость и даже упоминание о совершенных положительных поступках, что нередко имеет место в наши дни.

Как было отмечено выше, грузино-абхазская война 1992–1993 гг. нанесла тяжелый урон всему населению и народному хозяйству Абхазии. Особенно пострадал за период боевых действий Очамчирский район республики, понесший невосполнимые людские потери. В трудное положение поставила Абхазию и последовавшая за войной экономическая блокада. Народное хозяйство в целом в республике, благодаря помощи РФ постепенно возрождается. В первые послевоенные годы немало было детей, не имевших возможности посещать школы из-за отсутствия материальных средств (покупка школьных принадлежностей, плата за учебу и т. д.). Порой подростки, желая помочь своим бедствующим семьям, шли на правонарушения и невольно втягивались в преступный мир. Часто родители с ранних лет привлекают своих детей к серьезному физическому труду (подростки перевозят через границу с РФ на р. Псоу продукцию своего хозяйства – цитрусовые, хурму, мимозу, орехи, лавровый лист и т. д.), что отрывает их от учебы в школе. Подростки, видя результаты своего труда, понимают, что сегодня физическим трудом можно заработать реальные деньги, и их не беспокоят знания и грамота (Республика 2006).

В условиях тяжелого положения в производстве, социальной сфере молодые люди остаются без работы. Точнее молодежь не хочет выполнять низкооплачиваемую работу: их привлекает в основном высокая оплата. В условиях перехода республики на рыночную экономику не все могут заняться частным предпринимательством. В международные организации, находящиеся в Абхазии под эгидой ООН, с целью урегулирования грузино-абхазских противоречий, где действительно высокие по меркам Абхазии зарплаты, могут попасть не все желающие молодые люди (необходимо знание английского языка, что есть не у всех).

Негативным последствием грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., а также тяжелой экономической ситуации в республике,

безработицы, отсутствия жизненных перспектив, стало то, что в последние десять лет, очень редко, но все-таки встречаются алкоголики и даже наркоманы (Григулевич 2006:150).

Имеется в послевоенной Абхазии и немало случаев суицида. Редко, но случаются самоубийства на почве отказа родителей сыну в женитьбе на представительнице неабхазской национальности.

Условия нынешних реалий экономической и общественно-политической жизни, создавших новый психологический климат в абхазском обществе, оказывает прямое воздействие на семью и семейный быт. Это, в частности, выражается в непочтительном отношении к старшим, непослушании родителям, в злоупотреблении алкогольными напитками. Разумеется, и в прошлом случались поступки, шедшие вразрез с правилами поведения, когда сын (реже дочь) мог проявить непокорность воле родителей, невестка – свекрови и т. д. Но такие случаи не только осуждались, но и сурово карались. Еще в начале прошлого века родитель имел право наказать сыновей по своему усмотрению, например, выгнать из дома, не наделив имуществом. В настоящее время случаи изгнания из семьи касаются главным образом нарушения обычая экзогамии (кровосмешения). По рассказам информантов, в прошлом бывали случаи, когда подобному остракизму люди предпочитали самоубийство (Анчабадзе 1979:139; Соловьева 2006:168).

Во второй половине XX в. за нарушение родственных отношений был изгнан из с. Отап гражданин А., женившийся на своей однофамилице. До конца своей жизни он и его жена оставались в Бзыбской Абхазии. Тело каждого из них как кровосмесителя после смерти в гроб уложено было на бок. В соседнем с. Члоу в рассматриваемое время двух супругов-однофамильцев хоронили, положив ногами к западу в знак нарушения ими ограничения по кровному родству (Кучуберия 1967:128).

Сегодня из-за недостаточного контроля за исполнением приговора со стороны однофамильцев и родственников удаленные из села и фамилии, пренебрегая традицией, через некоторое время иногда возвращаются в свой дом, особенно если в семье нет живых родителей.

По-прежнему у абхазов бытует нетерпимое отношение к измене жены. Если жена была уличена в неверности мужу, в старину ее удаляли из семьи, изгоняли из фамилии, лишали материнства, а также продавали в рабство по приговору суда. Муж имел также право убить и жену, и соблазнителя. В лучшем случае он бросал ее (Инал-Ипа 1954:163). На мужчин этот порядок не распространялся. Вместе с тем, в прошлом имели место случаи, когда осуждению, изгнанию из рода мужчина подвергался и в том случае, если становился соблазнителем беременной женщины. Женщине же создавали необходимые условия для того, чтобы она могла спокойно родить ребенка. Правда, после рождения мать могли лишить дитя, отдав его на воспитание семье, нуждающейся в наследнике (ПМА 3). Теперь измена, совершенная как женщиной, так и мужчиной, приводит обычно к разводу (ПМА 1; ПМА 2; ПМА 3).

Для урегулирования подобных вопросов, в том числе умыкания девушек, воровства скота и пр., по сообщению полковника МВД Абхазии С. К. Джопуа, в Очамчирском районе активизировал свою работу Совет старейшин («Абыргцэа рхеидкыла»), состоящий из знатоков всех тонкостей народной жизни, людей, имеющих безукоризненную личную репутацию, высокий моральный авторитет, способных выполнять посреднические и третейские функции[5].

По традиции старшему полагалось быть по отношению к младшему сдержанным и терпеливым. Поучать или отчитывать младших старшие старались наедине, без свидетелей. Если случалось, что старший оказывался неправым, то для него было делом чести признать перед младшим свою неправоту. Прививаемые детям уважение и почитание старших имели свои оттенки: например, по отношению к отцу оно сочеталось с почтительностью, а по отношению к матери – с нежностью.

В современной семье много внимания уделяется учебе детей, их духовному развитию. Положительную роль в воспитании сыграло исчезновение обычая избегания родителями детей. Большую помощь в воспитании детей оказывает родителям школа. Вместе с тем воспитание индивида в настоящее время, когда традиции и обычаи перестают быть единственной формой регуляции

социального поведения абхазов, достаточно сложное дело. Юноши и девушки сталкиваются в жизни с новыми явлениями, не учтенными традиционной регламентацией.

Изложенный материал свидетельствует, что развитие сельской семьи в Абжуйской Абхазии, как и в целом в республике, породившее новые черты в ее структуре, идет теми же путями, что и у других народов Северного Кавказ, и вообще постсоветского пространства. В условиях общей демократизации семейных отношений, получения женщинами материальной независимости, расширения их культурных запросов, желания родителей дать детям лучшее воспитание и образование преобладающей стала малая форма семьи, роль женщины в ней возрастает, стираются грани между мужским и женским трудом в семье. Число детей в современных абжуйских семьях заметно уменьшилось. Стало характерным существование некоторого разрыва между старым и молодым поколениями в ценностных ориентациях, формах проведения досуга и т. д. Специфика же развития абхазской сельской семьи за последнее десятилетие заключается в том, что на нее существенный отпечаток наложили широкомасштабные боевые действия в 1992–1993 гг.

Как свидетельствуют полевые материалы, именно семейные, а также родственные связи помогали людям в самые тяжелые времена войны, безработицы и безденежья (Соловьева 2006:172). У абхазов сохраняются традиции прочной семьи, играющие большую роль не только сегодня, но и могущие быть таковыми и в далеком будущем.

Примечания

[1] Большие семьи численностью до 50 и более человек в Абжуйской Абхазии существовали вплоть до 30-х гг. XX в. Так, в семье Б. Тания (с. Пакуаш) до семейного раздела в 1937 г. насчитывалось 55 чел. (Бахия 1986:15); в доме Л. Шларба (с. Джгярда) до выдела женатых сыновей (1916 г.) собиралось три поколения – 32 чел., из них семь супружеских пар; в семье Ф. Джопуа (с. Члоу) до раздела (1916 г.) собиралось 70 чел. – представители четырех поколений.

Многолюдные неразделенные большие семьи имелись в с. Атара, например, в семье Б. Квициния насчитывалось 50 чел. (ПМА 1; ПМА 2). Большие семьи жили в длинных «апацхах» – «аганюны» (досл. «дом в ширину») или «апсуа юны» («абхазский дом»). Такие семьи состояли из главы семьи – отца или деда, его жены и всего их потомства, холостых и женатых сыновей с их семьями. Большая семья была основана на принципах коллективной собственности, производства и потребления. Старший мужчина в семье являлся ее неограниченным властелином. В его руках было сосредоточено все имущество и управление хозяйственной деятельностью семьи. Хотя голос старшего на семейном совете был решающим, он все же во всех вопросах, особенно важных, был вынужден прислушиваться как к мнению старших сыновей, так и к мнению женщин, интересы которых представляла старшая женщина. Дети, в том числе и взрослые, всецело находились под властью главы семьи и подчинялись ему беспрекословно. Раздел большой семьи производился лишь в случае чрезмерного разрастания семьи и всегда после смерти старшего (Смирнова 1955:117; Инал-Ипа 1965:466–469; Бахия 1986:14–18; Дбар 2000: 9–10). Как видно, большие семьи в 1930-х гг. встречались в горных и предгорных районах Абжуа, тогда как в низменных районах, особенно в приморских селах, большие семьи считались исключительным явлением. Это в значительной степени объясняется естественно-географическим положением этих районов, которые, в свою очередь, раньше подверглись проникновению экономики, ориентированной на рынок.

[2] Для сравнения укажем, что если до массового выселения абхазов в Турцию в 1878 г. (махаджирство), средняя численность традиционной абхазской семьи составляла 6–7 чел., то уже в 1926 г. – 5,3 чел. (Бигвава 1983:42).

[3] Большинство женщин, прибегающих к абортам, не обращаются в медучреждения, а неквалифицированная услуга нередко приводит к тому, что они уже лишаются возможности иметь детей в будущем. И, к сожалению, тенденция избавляться от плода таким образом возрастает (Республика 2007).

[4] К настоящему времени абхазские свахи способствовали созданию более 280 семей. Инициатива в создании семей исходит от свах, они сами находят и сводят брачные пары.

[5] По свидетельству председателя Совета старейшин Абхазии П. Х. Адзинба, существовавшие ранее Советы в условиях грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. прекратили свою деятельность.

Совет старейшин Абхазии был воссоздан 31 августа 1993 г., в разгар грузино-абхазской войны. По словам П. Х. Адзинба, граждане обращаются к ним со своими жалобами как в последнюю инстанцию. Основная задача Совета в современных условиях – оздоровление морально-психологического климата в республике и районах, преодоление и разрешение возникающих конфликтных ситуаций в роде, семье и установление взаимопонимания между людьми. Главный же акцент в работе районных и сельских Советов старейшин делается на работе с молодежью. В работе Советов старейшин участвуют и авторитетные женщины. О значении и авторитете Советов старейшин Очамчирского района можно судить по следующему примеру. По словам цитированного информанта – полковника милиции С. К. Джопуа, – охранником был застрелен человек, снимавший провода высоковольтной линии электропередач. По решению Советов старейшин убийца был оправдан, и к этому прислушались официальные судебные органы (ПМА 4).

Источники и литература

Акаба 1955 – Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района // Кавказский этнографический сборник (далее – КЭС). Вып. 1. М., 1955.

Аргун и др. 1987 – Аргун Ю. Г., Павленко А. П., Спицына Н. Х. Фамильно-родовая система и брачные ареалы // Абхазское долгожительство. М., 1987.

Анчабадзе 1979 – Анчабадзе Ю. Д. «Остракизм» на Кавказе//Сов. этнография. 1979. № 5.

Бахия 1986 – Бахия С. И. Абхазская «абипара» - патронимия. Тбилиси, 1986.

Бжания 1973 – Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973.

Бигвава 1983 – Бигвава В. Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983.

Григулевич 2006 – Григулевич Н. И. Абхазская модель питания: традиции и инновации // Современная сельская Абхазия. М., 2006.

Дбар 2000 – Дбар С. А. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов. Сухум, 2000.

Джанашиа 1902 – Джанашиа Н. С. Кое-что из быта Абхазии // Иверия. 1902. № 109 (на груз. яз.)

Джанашиа 1960 – Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.

Джаошвили 1968 – Джаошвили В. Ш. Население Грузии. Экономико-географическое исследование. Тбилиси, 1968.

Демографические данные 2000–2006 – Демографические данные Актов гражданского состояния по Очамчирскому загсу в период с 2000 г. по 1-ое полугодие 2006 г. // Очамчирский районный архив загса.

Дубова и др. 2006 – Дубова Н. А., Ямсков А. Н. Социально-демографические особенности абхазских популяций в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия. М., 2006.

Званба 1982 – Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982.

Инал-Ипа 1954 – Инал-Ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.

Инал-Ипа 1965 – Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.

Косвен 1961 – Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

Кучуберия 1967 – Кучуберия Л. Е. К вопросу о развитии брачных обычаев и свадебной обрядности абхазов // Современное абхазское село. Тбилиси, 1967.

Народное хозяйство 1973 – Народной хозяйство Абхазской АССР. Тбилиси, 1973.

ПМА 1 – Полевые материалы экспедиции автора в Очамчирский р-н Республики Абхазия, 2003 г. (села Члоу, Арасадзых).

ПМА 2 – Полевые материалы экспедиции автора в Очамчирский р-н Республики Абхазия, 2004.

ПМА 3 – Полевые материалы экспедиции автора в Очамчирский р-н Республики Абхазия, 2005.

ПМА 4 – Полевые материалы экспедиции автора в Очамчирский р-н Республики Абхазия, 2006.

ПМА 5 – Полевые материалы экспедиции автора в Очамчирский р-н Республики Абхазия, 2007.

Правда 2002 – Правда Абхазии. 2002. Август. № 8.

Республика 1993 – Республика Абхазия. 1993. 30 дек.

Республика 1994 – Республика Абхазия. 1994. 26 янв.

Республика 2006– Республика Абхазия. 2006. 17 апр., 25 мая.

Республика 2007– Республика Абхазия. 2007. 6 июня.

Сведения о миграции 1997–2001 – Сведения о миграции по городам и районам по Республике Абхазия за 1997–2001 г. // Архив статистического управления Республики Абхазия.

Сведения о рождаемости 1997–2001 – Сведения о рождаемости, смертности, браках и разводах по городам и районам Республи-

ки Абхазия за 1997–2001г. // Архив статистического управления Республики Абхазия.
Смирнова 1955 – Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX–XX вв.) // КЭС. Вып. 1. М., 1955.
Смирнова 2006 – Смирнова Я. С. Брак по сговору на Кавказе: формы и эволюция // Этнограф. обозрение. 2006. № 6.
Соловьева 2006 – Соловьева Л. Т. Семейные и фамильные традиции в современной Абхазии // Современная сельская Абхазия. М., 2006.
Чурсин 1957 – Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.
Эхо 2007 – Эхо Абхазии. 2006. 6 марта.
Ямсков 2006 – Ямсков А. Н. Социально-экономическая ситуация в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия. М., 2006.

O. V. Maan. From the History of the Family and Everyday Life of Abzhu Abkhazians (the 20th – Early 2 st Centuries)

The article discusses issues of family and everyday life among the Abzhu (a South-Eastern group of the Abkhaz). Drawing on the latest field and archival data, the author traces the changes the Abzhu people has gone through since the end of the twentieth century, particularly since the Georgian-Abkhaz war of 1992-1993, and examines issues such as the ratio of different types of families in different types of landscape areas, the mode of livelihood, the number of children in the family, the marriage and birth figures and trends, inheritance rights, and others.

Этнографическое обозрение. – М. 2009 г. № 3. С. 101–117

К антропонимии населения Юго-Восточной Абхазии

Юго-восточные области Абхазии (совр. Галский и Очамчырский районы – исторические области Самурзакань и Абжуа) вследствие своего пограничного положения издавна стали зоной активных контактов с Западной Грузией и народами Северного Кавказа. Межэтнические взаимоотношения в этой части Абхазии нашли отражение не только в народных преданиях и языке, но и в усвоении соседними этносами (абхазами с одной стороны, западными грузинами и северокавказцами с другой) элементов материальной и духовной культуры. Особый интерес в этом аспекте представляет влияние межэтнических взаимодействий на образование фамилий юго-восточных абхазов, поскольку культурные и политические влияния во все времена оказывают воздействие на антропонимические процессы.

Историческая антропонимика становится важной вспомогательной дисциплиной в системе гуманитарных наук. Исследователи все чаще пользуются данными антропонимии в качестве определенных свидетельств о социальном и культурном развитии того или иного народа, его политических и этнических связях и контактах (*Цулая* 1991: 116*; Инал-Ипа* 2002: 10–11).

Антропонимию абхазов нельзя считать неизученной – в последнее время издан ряд ценных монографий и сборников, благодаря чему существует определенное историографическое наследие по проблеме образования фамилий у абхазов. В этом плане в первую очередь необходимо выделить монографию Ш. Д. Инал-Ипа «Антропонимия абхазов». В книге рассматриваются общие сведения об антропонимике, история изучения абхазских имен и фамилий, а также дается их классификация в историческом, социальном, локальном разрезах и т. д. (*Инал-Ипа* 2002).

Из работ абхазоведов, посвященных этнографии абхазских фамилий, следует отметить и работу А. Э. Куправа «Из истории абхазской антропонимии», где освещаются вопросы истории преобразования абхазских, в частности самурзаканских, фамилий в

позднее средневековье и в Новое время, как в самой Абхазии, так и за ее пределами (*Куправа* 2003).

Из других авторов, изучающих вопросы антропонимии, в том числе грузино-абхазские параллели, особо отметим исследования Г. В. Цулая (1971, 1991, 1999, 2002), Н. С. Джомидава (1996, 2000), а также публикации Д. М. Дасаниа (2003, 2005, 2006).

В целом в трудах исследователей накоплен значительный фактический материал по абхазским фамилиям, хотя основное внимание уделяется общим вопросам абхазской антропонимии. При этом, несмотря на определенные сдвиги, наиболее слабо изученными как этологами, так и историками остаются проблемы генезиса и особенностей фамильных имен восточных, и в частности абжуйских абхазов. В связи с этим основной целью данного сообщения стало рассмотрение этнокультурных связей юго-восточных абхазов, способов образования фамилий, а также изучение связанных с этим легенд и преданий, относящихся в основном к позднему средневековью, которые в большинстве случаев являются единственным источником информации. Наряду с собственными и полевыми этнографическими материалами использованы литературные источники.

На территории Юго-Восточной Абхазии в течение длительного времени происходило продолжающееся до наших дней активное взаимодействие абхазского «племенного мира» с картвельским (грузинским, мегрельским). По мнению Н. В. Хоштария, юго-восточную Абхазию населяли непосредственные предки абхазов апсилы. Об этом свидетельствуют археологические материалы из Чхороцку и Цебельды (II – IV вв. н. э.), принадлежащие ансилийской культуре. Н. В. Хоштария указывает, что у проживающих на левом берегу р. Ингур сохранилась фамилия Апшила. Там же существовало селение Леапшиле, где остались развалины церкви, связанной с этой фамилией (*Хоштария* 1962:22). Вместе с тем, в продолжение длительного времени под натиском лазов и в связи с другими причинами происходило сокращение территории обитания апсилов: частично они были оттеснены на север, частично подверглись ассимиляции в связи с этническим освоением части

их земель (*Соловьева* 1985; *Инал-Ипа* 1990).

Следствием подобных миграционных процессов, продолжившихся со второй половины XIX в., были взаимопроникновения этих народов, чем, в частности, можно объяснить наличие среди современного населения Абхазии немало «обабхазившихся» мегрелов, а в Грузии – «огрузинившихся» абхазов. Довольно подробные сведения о таких фактах приводятся, в частности, в книге историка Н. С. Джомидава «3000 мегрельских фамильных имен» (*Джомидава* 2000: 13–426). Наиболее типичным показателем стихийных ассимиляционных процессов в прошлом было присоединение грузинского (мегрельского) антропонимического форманта к чисто абхазским фамильным основам (*Цулая* 2002: 85). К таковым относятся мегрелы Самурзакани, где распространены такие в основе абхазские фамилии, как Эзугба-иа, Зухба-иа, Тузба-иа, Абухба-иа и т. д. В Грузии к ярким примерам такого рода фамилий можно причислить, очевидно, Ахобадзе (из абхаз. Ахәба), а также Чачиба-иа (корень абхазского «племенного» названия Чач) и другие, вышедшие из абхазского ономастикона и свидетельствующие об абхазо-грузинских этнических отношениях.

Наличие одинаковых фамилий, вместе с тем, не означает, что их носители состоят между собой в родственных связях. «Фамилии, – пишут в работе «Народные традиции кабардинцев и балкарцев» А. И. Мусукаев и А. И. Першиц, – существующие в настоящее время у всех народов мира, у крупных этносов вовсе не указывают на общее происхождение. Русские Петровы или Кузнецовы, немецкие Петерсы или Шмидты, как правило, не являются, да и не считают себя родственниками. Несколько иначе обстоит дело у народов сравнительно небольших. У них также имеются фамилии, различные ветви носителей которых не состоят в родстве. Так, среди фамилии Кушховых, весьма распространенной в Кабардино-Балкарии, много неродственников. Корни каждой патронимии Кушховых восходили к различным карачаевским, осетинским и балкарским патронимам и фамилиям» (*Мусукаев. Першиц* 1992: 109110).

Из грузино-абхазских одинаковых фамилий издавна привле-

кает внимание одна из наиболее распространенных в юго-восточной Абхазии – Кация. По этому поводу грузинский историк конца XIX в. Дм. Бакрадзе писал: «Слово Кациа существует доселе в Имеретии, Мингрелии как собственное имя человека. «Архонт» Кациа показывает, по моему мнению, что в то время, когда составлена надпись, имя Кациа в Западной Грузии уже было в употреблении» (Абхазия 1898).

В этой связи отметим, что по топонимическим данным, в с. Пакуаш (Очамчирский р-н) и ныне существует пос. Кацихабла, а в низовьях р. Кодор вплоть до махаджирства существовал пос. Кацикыт («село Каца»). В Турции проживают представители фамилии Кацаа (Акац), принадлежащие, по утверждению представителя абхазской диаспоры Орхана Шамба, к этнографической группе абхазов «цвидже», проживавшей до выселения ниже территории племени «ахчипсы», т. е. в ущелье Цвыдзыпсы, притока р. Мзымта. Видимо, не обязательно считать, что мегрельские и абхазские фамилии Кация одного корня, так как они могли образоваться самостоятельно, независимо друг от друга. С разрастанием фамилии из ее древа выделялись отдельные семьи и переселялись на новые места жительства. Одна из отделившихся ветвей фамилии по имени ее родоначальника могла образовать патроним Кац-ипацва, то есть «сыновья Каца» (создание хозяйств и очагов вне пределов родовых владений было достаточным основанием для смены фамильного имени именем главы семьи). Впоследствии название патронима Кац-ипацва превращалось в Кацаа, Кация. Самостоятельное возникновение указанной фамилии у грузин и абхазов доказывается, наконец, не только генеалогическими данными, но и отсутствием каких-либо родственных связей между одноименными фамилиями.

Характерным примером различного этнического происхождения патронимических ветвей одной фамилии могут служить и другие многочисленные антропонимы юго-восточной Абхазии. К их числу относится, например, фамилия Камкия, представители которой живут ныне во многих селах Западной Грузии и юго-восточной Абхазии.

В 70-х годах прошлого века этнограф Л. Х. Акаба записала

рассказ председателя колхоза с. Члоу (Очамчирский р-н) Команды Камкия: «Когда Камкиевы приехали в Абхазию, у них не было никакой аныхи (иконы), и однажды один из них заболел. Пошли к прорицательнице. Она сказала, что надо поехать на прежнее место жительства и пожертвовать Клюшкар-ныхе («икона» в с. Кулишкари Зугдидского р-на Западной Грузии) золотую модель люльки. Они так и сделали. Кроме того, они отдали три рубля серебром и одного поросенка. Камкия (Очамчирский р-н) и Канкия (Гудаутский р-н) – это одна и та же фамилия. Они приехали из Одиши (прадед современных представителей этой фамилии из с. Кулишкари). Они пришли сначала к Маан в Адзюбжу. Затем младший брат отправился в с. Гуп к Маршану. Средний брат отправился в с. Кочара» (ПМАк).

Таким образом, предки названной фамилии, как считает большинство ее носителей, являются выходцами из Западной Грузии. В то же время по некоторым преданиям, записанным нами в с. Адзюбжа от одного из лучших знатоков старины абжуйских абхазов, ныне покойного Шали Теймуразовича Камкия, его дед Осман был выходцем из Садзена и вплоть до 1911 г. носил фамилию Садзба, Садзуа (ПМА 1). Подтверждением данной информации может служить тот факт, что на карте «План имения «Новые Гагры» в Черноморской губ. Сочинского округа доктора Сергея Ниловича Нахимова» значится «земля Петра Камкия» (Материал из фондов Российской Государственной библиотеки).

Ценнейшие сведения по политической истории, географии, этнографии, ономастике и, в частности, по антропонимии средневековой Абхазии содержат древнегрузинские исторические сочинения. Наиболее ранним источником, впервые зафиксировавшим фамильное имя абхазских владетелей из рода Чачба в грузинском оформлении «Чачасдзе» и упомянувшим предводителя абхазских войск Куабулела Чачас-дзе Отаго, является «Летопись Картли» («Матиане Картлиса»), составленная во второй половине XI в., – одно из самых значительных сочинений в своде древнегрузинских летописей «Житие Грузии» («Картлис цховреба») (*Амичба*1986: 68).

Известный грузинский ученый Вахушти Багратиони в своих

работах указывал на происхождение княжеского рода Мачабели от пришедших из Абхазии Анчапидзе (Анчпадзе) и определял их статус «ниже Шарвашидзе» (Абхазия 1988: 115–116). В «Географии Грузии» он упоминает князей Бараташвили, владеющих эриставствами (воеводствами) Гачиани и Гардабани и происходящих от Качибадзе, что «подтверждается гуджарами и сигелями их, пожалованными им царями». Согласно Вахушти, фамилии Капланишвили, Абашисшвили, Зурабисшвили, Иаралисшвили и Солагошвили являются потомками Бараташвили (*Вахушти*1904: 19). Следует добавить, что фамилия Качибадзе, от которой произошли представители рода Бараташвили, – картвельская форма абхазской княжеской фамилии Гечба, о чем, в частности, писал С. Н. Джанашиа (*Джанашиа*1952: 476-481). Историк Д. В. Гвритишвили, в свою очередь, полагает, что «предки Бараташвили прибыли в Картли из Абхазии в X–XШ веках» и что «они носили фамилию Качибадзе» (*Гвритишвили* 1961: 77).

С. Н. Джанашиа приводит материалы об образовании в Восточной Грузии с X в. и других феодальных фамилий, произошедших от фамилий абхазской феодальной знати, например Амаршан-Марушисдзе, Маан-Марганадзе и др. (Цит. по: *Куправа* 2003: 35–38).

Аналогичный процесс происходил и в Абхазии, где встречаются такие в прошлом грузинские княжеские фамилии, получившие абхазское звучание, как Лордкипания (Лорткипанидзе), Чкуан (Чиковани), Абашиа (Абашидзе) и другие.

Ценные материалы по антропонимии средневековой Абхазии зафиксировал турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби. Автор дал конкретные сведения о двадцати пяти приморских и горских «племенах» народа Абазы, под которыми Челеби подразумевал северо-западную Абхазию и сопредельные с нею области страны абазин (*Челеби* 1983: 49). Х. С. Бгажба, например, с одним из перечисляемых Челеби «племенем Чанды» увязывает происхождение фамильного имени Чанба (*Бгажба* 1974: 178). По утверждению старожилки Зинаиды Тычовны Ашуба, она встречала в западной Грузии (в г. Цаленджиха, примерно в 1940-х годах) носителей фамилий Чания, которые знают, что их фамилия происходит от Чанба. Абхазское наименование сванов *ашъануа* легло в идентично звучащую абхазскую фамилию. Ср. мегрельск. Шониа – фамилия из мегрельского названия сванов *(Цулая* 2002: 82). Небезынтересно, что в с. Речхи (Речхо-Цхири), ныне территориально относящемся к Ткурчальскому р-ну, и сейчас проживают три дыма фамилии Асвануа, которые, согласно преданию, в XIX в. вышли с Северного Кавказа (территория современной Карачаево-Черкесии) (ПМА 2).

Семантика мегрельской фамилии Абхазава слишком прозрачна, чтобы нуждаться в специальных этимологических операциях и генеалогическом ее определении. Носители этой фамилии рассеяны на обширной территории от Верхней Мегрелии до Гульрипшского р-на Абхазии. Впервые эта фамилия была зафиксирована в документах первой половины XVII в. *(Джомидава* 1996: 19; *Цулая* 2002: 83; *Куправа* 2003: 60). Первоначальными носителями этой фамилии, как она о себе свидетельствует, должны были быть собственно абхазы *(Цулая* 2002: 83). Фамилия Абхазава ныне в Грузии насчитывает 97 человек *(Джомидава* 2000: 13) Она встречается и в юго-восточной Абхазии (в с. Кындыг).

К грузинским (мегрельским) фамилиям, образованным от абхазских этнонимов, следует также отнести Абазасдзе (очевидно, от «абаза» – общего этнонима для обозначения абхазо-абазинских народов), Апсава–Абсава, Апсандзе—Пасандзе–Абсандзе (в основе лежит самоназвание абхазов – «апсуа»), упомянутую выше Апшилава–Абшилава (от древнеабхазского «племенного» названия «апсил»), населяющие большую часть этнографической Мегрелии *(Цулая* 2002: 82) и др. Абхазскими по происхождению, но образованными по мегрельскому образцу «в результате деятельности мегрельских клерикалов» считает Г. В. Цулая такие фамилии, как Квициния, Хварцкия, Гарцкия *(Цулая* 1971: 74; *Инал-Ипа* 2002: 270).

Вместе с тем во многих случаях трудно говорить о конкретных фактах изменения фамилий, имевших место в далеком прошлом, во-первых, ввиду отсутствия, за редким исключением, соответствующих письменных источников; во-вторых, по той простой причине, что в Мегрелии и других местах Грузии абхазские фами-

лии, как впрочем, и другие иноэтнические имена, часто меняли лексическую основу фамильного имени, т. е. переселенцы до неузнаваемости меняли свои фамилии или присваивали себе новое имя. В этом отношении представляет интерес пример, который привел М. М. Гугушвили: «В нашем роду бытует предание о том, что наш далекий предок Гугу Званбая жил в селе Илори. Совершив здесь убийство, он бежал в Мегрелию. В целях конспирации он присвоил себе новую фамилию Гугушвили, положив в ее основу свое личное имя Гугу. Фамилия Гугушвили получила распространение в Грузии» *(Куправа* 2003: 41).

Несомненный интерес представляют и другие, далеко не единичные факты полной смены самурзаканско-абжуйских фамилий. Родичи некоторых махаджиров, оставшиеся в Абхазии, зачастую после крещения принимали новые фамилии, в то время как их переселившаяся родня продолжала носить свою исконную. К подобного рода примерам, видимо, можно отнести фамилию Сабекиа (ныне проживают в с. Тхина Очамчирского р-на). По словам представителей этого рода, первоначально их фамилия звучала как Апакиа, что дословно на абхазском языке означает «сын добрый, праведный». Кстати, от фамилии Апакиа, как свидетельствовал в 80-х годах XX в. преподаватель Сухумского художественного училища Р. Т. Апакидзе, происходит и его грузинская фамилия. К примерам смены родового имени на новую фамилию относятся и Мирцхулава (с. Цхенцкар, ныне Лашкиндар), которые в прошлом носили фамилию Алхорба. Чхуартальские Сиргинава в прошлом были Цымцба *(Куправа* 2003: 109-115). Жители с. Адзюбжа Бзиава были носителями фамилии Мазлоу, какими и продолжают их считать все соседи. Адзюбжские же Дочия в прошлом были Мцвагуачаа, Цаава – Цахажваа, Яшвили – Адга-ипа, Кутелия – Клыч (ныне проживают в Турции) (*Инал-Ипа* 2002: 146).

На примере генеалогии фамилий юго-восточных абхазов можно проследить и этнические связи с народами Северного Кавказа. Фольклорный материал показывает, что предки многих абхазских родов (Маршан, Ачба, Капба, Инапшба. Адлейба и др.) приходили в Абхазию в основном из-за гор, т. е. с Северного Кавказа (Нхыц), с

целью узнать, что делается в стране, где находятся «корни наших предков (хабацва рджындж)». По мнению Ш. Д. Инал-Ипа, это может говорить о каком-то вынужденном давнишнем перемещении некоторой части абхазского населения на север *(Инал-Ипа* 2006: 236-237).

Имеющиеся материалы также свидетельствуют, что, например, фамилия Черкезия, появившаяся в Абхазии из Западной Грузии, по своему происхождению связана с общим названием, употребляемым для обозначения всех адыгов, – «черкес». Фамильное имя Азахуба (Зухба) связано с этнонимом «азаху», который также восходит к собирательному термину «адыге» («черкесы»). Согласно фамильному преданию, дворянский род Допуа – выходцы из Кабарды и первоначально носили имя Думанаа (Думановы) *(Кварчиа* 1988: 29). При этом следует заметить, что фамилия Допуа, наряду с некоторыми другими, принадлежит, согласно представлениям абхазов, к числу древних абхазских антропонимов. При переселении Думановых на территорию низовья р. Кодор, они, очевидно, приняли фамилию Допуа. Адыгскую лексическую основу, по мнению Г. В. Цулая, имеет и фамилия Бжания: от «бжен» – коза *(Цулая* 1999: 124).

Еще в 1929 г. С. Н. Джанашиа в г. Краснодаре была зафиксирована адыгская фамилия Бжентх («бжен» – коза, «тхалы» – душитель («козу задушивший»)) (*Джанашиа* 1968: 20). В «Новом и полном географическом словаре Российского государства» говорится о черкесском уезде Бжана *(Куправа* 2003: 50). Возможно, Бжана – название племенной территории, образованной, по традиции горцев, от фамилии владетелей.

Абазины (самоназвание «абаза») – ближайший по языку и культуре абхазам народ, как бы его «alterego». Абазины и их древние предки переселялись на северные склоны Кавказского хребта, судя по всему, постепенно (еще с бронзового века). На три наиболее мощных переселенческих потока абхазоязычного населения, особенно из юго-восточной Абхазии, могли повлиять, во-первых, византийско-персидские войны в VIв., в которые были втянуты все племена и народы Кавказа; во-вторых, арабское нашествие в

VIII в., которое опустошило всю Апсилию, но способствовало консолидации абхазов и абазин в единую феодальную народность, ставшую оплотом Абхазского царства; в-третьих, татаро-монгольское нашествие и последовавший за этим распад «царства абхазов и картлийцев» на ряд враждовавших между собой царств и княжеств *(Бгажба, Лакоба* 2006: 184–185).

В связи с упомянутым переселением абхазоязычного населения из юго-восточной Абхазии на север обращают на себя внимание ряд самурзаканских и абжуйских фамилий, представленных у абазин. К таковым относятся: Тхайцук–Тхаицухов, Абсава–Апсов, Гагида–Гаги, Дзигуа–Дзугов, Туква–Тугов (Туков), Хубуа–Хубиев, Чкотуа–Чкатуев,(Чикатуев), Кишмариа–Кишмахов, Абыджба–Биджев, Бжаниа–Бежанов, Гогуа–Гогов, Тамбиа–Тамбиев, Кеч (Киач)–Кечев Куарчиа–Курачинов, Кикория–Киков, Кецба–Капов, Багба–Багов, Шоуа–Шаов и др., а абазинская фамилия Сид (Сид-ипа, отсюда Сидовы), также находит свою параллель в самурзаканском названии местности Сида *(Тхайцухов* 1992: 128–145). По данным Л. И. Лаврова, Сидовы (но абхазо-абазински – Сидаа) причисляли себя к роду абхазских князей Маршан (Марчан) *(Лавров* 1948: 172–173).

По мнению исследователей, наличие таких фамильных и топонимических параллелей объясняется, по-видимому, тем, что некогда часть нынешних абазин проживала на территории юго-восточной Абхазии, а оттуда (возможно, в связи с разгромом абхазо-апсилийских потомков турками в 1440 г.) по перевальным путям ушла на Северный Кавказ.

Говоря об абхазо-абазинских антропонимических связях, следует сказать и о том, что наиболее многочисленная и сильная фамилия абазинских князей Лоовых, как полагает Ш. Д. Инал-Ипа, является патронимической ветвью абхазского княжеского рода Ачба (1990: 127).

По разным причинам происходила постоянная миграция населения из внутренних районов Абхазии в Садзен и обратно. В результате русско-турецких войн XIX в., а затем и Кавказской войны садзы и убыхи оказались в сложнейшем положении. В стране садзов разгорается внутренняя борьба за ориентацию: в ходе военных действий гибнет масса людей; развертывается контрабандная торговля; резко ухудшается экономическое положение народа. Накануне выселения садзов в Турцию возрастает их миграция в Абхазию, среди беженцев оказались в Абхазии и садзские князья и дворяне *(Инал-Ипа* 1995: 147–150).

Немало фамилий садзского происхождения, встречающихся и ныне в юго-восточной Абхазии, иногда выступают под именем своей племенной принадлежности – Асадзба, Асадзуа, Садзба. Эти фамилии (правда, в небольшом количестве) представлены в составе населения Абжуа (села Кутол, Арасадзых, Акуаскьа и Охурей). Согласно историческим материалам, выходцами из Садзена стали также представители фамилии Гвинджия (Там же: 160) и одна из ветвей фамилии Апшцба (обе фамилии происходят из садзских дворян) *(Дзидзария* 1988: 368). В с. Ткурчал выходец из Садзена принял фамилию Хинтба (ПМА 3). Садзами считает себя по происхождению ветвь фамилии Абухба (Абахуба), проживающая ныне в Турции, в с. Тушбурун близ города Акьязы *(Инал-Ипа* 1995: 268). Гораздо больше садзских переселенцев, не сохранивших свои садзские родовые имена, было в юго-восточной Абхазии (Там же. 147).

Отметим, что часть населения юго-восточной Абхазии является по происхождению адыгами, садзами или убыхами. По сообщению В. М. Бганба, в Шапсугии в девственном «священном» лесу находился «склеп Бгане», с чем информатор увязывает происхождение фамилии Бганба (правда, по другому, более распространенному мнению, фамилия Бганба тотемического происхождения и буквально означает «сын волка») *(Инал-Ипа* 2002: 150).

Согласно фамильному преданию, предки ныне проживающего в с. Адзюбжа рода Канхва (Канхуа) переселились в Абхазию в XIX в. по причине кровной мести. Со слов Сурама Быджговича Канхва, его дед Селым Канока – черкес, выходец из с. Джамбачей (ныне относится к Красногвардейскому р-ну Краснодарского края) – вынужден был бежать в Абхазию из-за убийства. Здесь он поменял фамилию Канока на Канхва и записался абхазом *(Тхайцухов* 1992: 126).

Видимо, к этой же группе можно отнести и фамилию Жван,

принявшую, по К. Д. Мачавариани, грузинскую форму Жвания *(Басария* 1990: 30). Эта фамилия, звучавшая по-абхазски как Жениаа (Жаниаа), сопоставима с одним из адыгских (шапсугских) этнонимов жанэ (жанеевцы) – названием племени, некогда жившего в долине Цемезь, примыкающей к Суджук-Кальской (Новороссийской) бухте и вдоль берегов Черного моря до Пшады *(Люлье* 1990: 11). Носители фамилии Жанаа (Жанава), однокоренной с Жениа – также выходцы из Шапсугии, представитель которой Басиат поселился в с. Джгярда в XIX в. и уже тогда говорил по-абхазски. Надо думать, с указанной фамилией связано и название с. Нажанаури (в старогрузинских документах это село носит название Нажанео, т. е. «место поселения рода Жане (Жанаа, Ажанаа)» *(Иналипа* 2002: 267). Некоторые фамилии абжуйской знати убыхского происхождения. Например, в архивном документе от 11 февраля 1874 г. сообщается, что предки дворян Атумаа пос. Падгу Гупской общины Очамчирского р-на «выходцы из племени убыхов… » *(Он же* 1995: 149). Потомками убыхского рода Агхоу являются носители фамилии Агхоуа (Агъхоуа), проживающие ныне в с. Гуада Очамчирского р-на.

Абхазы на протяжении веков поддерживали тесные этнокультурные связи с осетинами. Многовековое территориальное соседство приводило к этническим взаимопроникновениям, частичной этнической инфильтрации и нередко к полной ассимиляции. В научной литературе признано, что такие абхазские фамилии, как Алания, Осия – потомки переселившихся в далеком прошлом в Абхазию групп осетино-алано-сарматского происхождения. Об этом говорят сами фамильные имена: Осиа – от груз., «оси» или абхаз. «ауапс» – осетин; в абхазской среде Осиа оформлена в виде Озба *(Цулая* 2002: 82). Фамилия Алания также этнического происхождения (от «алан»). Как отмечает Г. В. Цулая, в мегрельском языке существовало слово «алан», как эпитет сильного человека (Там же).

От этнического имени Алан происходит встречающаяся в Самурзакании и Абжуа фамилия Малания. При этом носители фамилии Алан, проживавшие в Гальском р-не, где они записались как Алания, первоначально, по сообщению старожилов, носили фамилию Ашуа (Ашъуа), что переводится с абхазского языка как «абазин». Заметим, что и протоиерей Д. Г. Маргания (Маан) среди приводимых им фамилий Гальского уезда называет фамилию Ашъуа *(Маргания* 1999:50).

Генеалогические связи между абхазами и карачаево-балкарцами проявляются в происхождении целого ряда карачаевских и балкарских фамилий из Абхазии и наоборот, а также в распространении в той и другой этносреде однокоренных фамилий. Так, фамилия Качарава, а также Карчава (Карчаа) и Акарач, по всей видимости, связана с названием «карачай» («карачайлыла»–самоназвание карачаевцев). Абхазскими по происхождению являются такие ныне балкарские фамилии, как Джапуев, Апсуваев.

Среди однокоренных фамилий, встречающихся внутри абхазского (самурзаканцев и абжуйцев) и карачаево-балкарского народов, помимо названных выше, наиболее известны следующие лингвистические соответствия: Абазба–Абазаевы, Акушба–Акушуевы, Алтейба–Алтуевы, Асанба–Асановы, Абиджба–Биджиевы, Гемуа–Гемуевы, Гериа–Гериевы, Гергиа–Гергиевы, Гогуа–Гогуевы, Гочуа–Гочуевы, Гулиа–Гулиевы, Гумба–Гумаевы, Кациа–Кацевы, Карба–Караевы, Тамбиа–Тамбиевы, Чанба–Чанаевы, Чегем–Чегембаевы, Чочуа–Чочуевы, Шармат–Шереметовы и др. *(Дасания* 2005: 32). Однако совпадения корневых слов между абхазскими и карачаево-балкарскими фамилиями не всегда указывают на их генеалогическое родство. В то же время, несмотря на противоречивые сведения целого ряда авторов, такие карачаево-балкарские фамилии, как Хубиевы, Хачировы, Биджиевы, Хасановы, Кубановы, Богатыревы, Джатдоевы, Козбаевы, Абазаевы, Абазалиевы, Шереметовы, Тамбиевы, Уртеновы и др., абхазо-абазинские по своему происхождению. Родоначальники этих фамилий, за исключением, быть может, Тамбиевых и Уртеновых, – непосредственные выходцы из Абхазии. Тамбиевы и Уртеновы происходят от абазин, проживавших в Карачаево-Черкесии выходцев из Абхазии (Там же).

Как видно из приведенного материала, фамилии юго-восточных абхазов по своему происхождению неоднородны. Наряду с исконно абхазскими, а также заимствованными мегрело-чанскими,

адыгскими, карачаево-балкарскими, среди них встречаются имена и фамилии арабо-персидского происхождения, которые еще не изучены. Несомненный интерес в этом плане представляет версия о происхождении ныне немногочисленной абжуйской фамилии Хонелия. По свидетельству профессора Абхазского государственного университета (АГУ) Р. А. Хонелия, в апреле 1991 г. один из турецких ученых, преподаватель Босфорского университета, на встрече посланцев АГУ с представителями абхазской диаспоры пояснил, что фамилия Хонелия связана с именем арабского полководца Хан Али, ведущего свою родословную от арабской знати и обосновавшегося в Закавказье в VIII или IX в. на ближних подступах к Абхазскому царству. Позже это имя слилось и стало произноситься Ханали (ср. Джанали или Фахтали) – Хонели-Хонелия (Правда 2007).

Как отмечает А. Г. Гафуров, имя Али арабского происхождения и означает «возвышенный, верховный», а имя Хан («правитель») – тюркского *(Гафуров* 1971: 41, 140, 141, 163, 233). Имя Ханали (возможно, давшее начало фамилии Хонелия) по А. Гафурову – персидского происхождения и означает «повелитель Али». Согласно данным арабских авторов, в закавказских арабских провинциях Арминия, Ширван, Адарбайджан в IX–X вв. персидский язык был не менее распространен, нежели арабский.

Если версия турецкого ученого об арабском происхождении фамилии Хонелия верна, то, как предполагает Р. А. Хонелия, один из Али осел где-то на границе с Абхазским царством. Первый же Хонелия, добравшийся до Абхазии в последней четверти XVIII в., Селим-бен, прибыл из Аджарии, бывшей в далеком средневековье юго-восточной провинцией Абхазского царства (Правда 2007).

Таким образом, современные самурзаканские и абжуйские фамилии позволяют проследить не только развитие родословных, но и географию движения людей, межэтнические связи, контакты, смешения. Изучение родовых имен показывает, как на базе исторических фамилий абхазов происходило преобразование этнических фамильных форм, образование новых фамилий путем изменения этнической корневой основы фамилий или присвоением

другого имени, а также появление совершенно новых абхазских и неабхазских родовых имен.

В заключение отметим, что вопросы антропонимии в современных кавказоведческих исследованиях являются столь же актуальными, как и этноисторические, конфессиональные и т. д. По справедливому замечанию Б. А. Калоева, «изучение происхождения фамилий любого кавказского народа имеет важное значение для освещения проблемы этногенеза» (1983: 20). Ономастические же связи абхазов с другими народами Кавказа представляют особую, еще далеко не изученную область в специальной литературе. Между тем исследование происхождения личных имен и фамилий может внести много нового в историю кавказских народностей при недостатке письменных свидетельств о масштабах этнических связей абхазов с другими народами Кавказа. Исходя из вышеизложенного, главной задачей остается создание систематизированного антропонимического толкового словаря по абхазским фамилиям с привлечением данных различных областей гуманитарных наук.

Источники и литература

Абхазия 1898 – Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Составитель И. Н. 1898.

Абхазия 1988 – Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Тбилиси, 1988.

Амичба 1986 – *Амичба Г. А.* Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сухуми, 1986.

Басария 1990 – *Басария С. П.* Самурзаканцы или мурзаканцы // Материалы по истории Абхазии. Вып. 1. Сухуми, 1990. С. 27–31.

Бгажба 1974 –*Бгажба Х. С.* Этюды и исследования. Сухуми, 1974.

Бгажба, Лакоба 2006 –*Бгажба О. Х., Лакоба С. З.* История Абхазии. Сухум, 2006.

Вахушти 1904 – *Царевич Вахушти.* География Грузии // Зап. Кавказского отд. Императорского Русского географического об-ва. Кн. XXIV. Вып. 5. Тбилиси, 1904.

Гафуров 1971 –*Гафуров А. Г.* Лев и Кипарис (о восточных именах).

М., 1971.
Гвритишвили 1961 – *Гвритишвили Д. В.* Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии. Тбилиси, 1961.
Дасания 2003 –*Дасания Д. М.* Из истории изучения абхазских фамилий (до 1961 года включительно) Абхазоведение. Вып. II. Сухум, 2003. С. 199–209.
Дасания 2005 –*Дасания Д. М.* Генеалогические связи между абхазскими и карачаево-балкарскими фамилиями // XVI Итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследований (АбИГИ): Тез. докл. Сухум, 2005. С. 31–32.
Дасания 2006 – *Дасания Д. М. К* вопросу о происхождении абхазских фамилий Ачба и Чачба // 50-я Итоговая научная сессия АбИГИ: Тез. докл. Сухум, 2006. С. 32–33.
Джанашиа 1952 –*Джанашиа С. Н.* Труды. Т. II. Тбилиси, 1952.
Джанашиа 1968 – *Джанашиа С. Н.* Труды. Т. IV . Тбилиси, 1968.
Джомидава 1996 – *Джомидава Н. С.* Колхские (мегрельские) фамилии. Тбилиси, 1996.
Джомидава 2000 – *Джомидава Н. С.* 3000 мегрельских фамильных имен. Тбилиси, 2000.
Дзидзария 1988 –*Дзидзария Г. А.* Труды. Т. I. Сухуми, 1988.
Инал-Ипа 1967 –*Инал-Ипа Ш. Д.* К абхазо-осетинским этнокультурным связям // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
Инал-Ипа 1990 – *Инал-Ипа Ш. Д.* Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX в. // Сов. этнография (далее – СЭ). 1990. № 1.
Инал-Ипа 1995 –*Инал-Ипа Ш. Д.* Садзы. Историко-этнографические очерки. М., 1995.
Инал-Ипа 2002 –*Инал-Ипа Ш. Д.* Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.
Инал-Ипа 2006 –*Инал-Ипа Ш. Д.* Что рассказывают абхазы о древнейшем населении Абхазии и своем происхождении (материалы с комментариями) // Абхазоведение. Вып. II. Сухум, 2006. *С.* 193–255.
Калоев 1983 – *Калоев Б. А.* Происхождение некоторых осетинских фамилий по народным преданиям // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1979 г. М., 1983. С. 207–214.
Кварчиа 1988 –*Кварчиа В. Е.* Материалы топонимики Очамчирского района Абхазской АССР. Ч. 1. Сухуми, 1988.
Куправа 2003 –*Куправа А. Э.* Из истории абхазской антропонимии. К вопросу преобразования фамильных имен. Сочи, 2003.
Лавров 1948 – *Лавров Л. И.* Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVII–XIX вв. // СЭ. 1948. №4. С. 168–174.
Люлье 1990 – *Люлье Л. Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи // Материалы по истории черкесского народа. Краснодар, 1990. С. 47.
Маргания 1999 – Дмитрий Маргания (Маан) – протоиерей-просветитель / Сост., предисл. и послесл. Х. С. Бгажба. Сухум, 1999.
Мачавариани 1909 –*Мичавариани К. Д.* Очерки и рассказы. Батум, 1909.
Мусукаев, Першиц 1992 –*Мусукаев А. И., Першиц А. И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992.
ПМ Ак – Полевые материалы Л. Х. Акабы. Очамчирский р-н, 1970 г.
ПМА 1 – Полевые материалы автора. Очамчирский р-н, 1998 г.
ПМА 2 – Полевые материалы автора. Ткуарчальский р-н, 2007 г.
Правда 2007 – Правда Абхазии. 2007. Февр. № 2.
Тхайцухов 1992 – *Тхайцухов М. С.* Очерки истории абазин конца XVIII–XIX вв. (этнокультурные связи с народами Северо-Западного Кавказа). Сухум, 1992.
Хоштария 1962 –*Хоштария Н. В.* Цихисдзири. Тбилиси, 1962.
Цулая 1971 –*Цулая Г. В.* Об абхазской антропонимии // Этнография имен. М., 1971. С. 70–76.
Цулая 1991 –*Цулая Г. В.* Из грузинской антропонимии // СЭ. 1991. № 3. С. 121–125.
Цулая 1999 –*Цулая Г. В.* Из грузино-абхазской антропонимии // Этнограф. обозрение (далее -ЭО). 1999. № 1. С. 121–125.
Цулая 2002 –*Цулая Г. В.* Из кавказских связей грузинского ономастикона // ЭО. 2002. № 5. С. 81–90.
Челеби 1983 –*Челеби Эвлия.* Книга путешествия // Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Вып. 3. М., 1983.

O. V. M a a n. On the Anthroponymy of South-Eastern Abkhazia's Population

Keywords: Abzhu Abkhaz, family, migration, livelihood, marriage, birth rate, avoidance custom

The article is a study of a range of anthroponymic issues pertaining to South-Eastern Abkhazia's population, such as the ways of forming family names, the influence of ethnic processes on anthroponymic patterns, and others. Drawing on both archival and field materials,

the author expounds the importance of researching the issues and discusses the idea of developing a systematized anthroponymic dictionary of Abkhazian family names.

Этнографическое обозрение. – М. 2009. № 5. С. 42–51.

ЧАСТЬ III.

ИЗ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АБХАЗОВ

Ахацәа рыҟура акатегориа аҧсуаа рҽы

Аҧсуаа ртрадиция-бзазаратә культураҽы ароль ду ааныркылон (иагьааныркылоит иахьа уажәраанӡагьы) ахацәа рыҟәратә категориаҟәа (ара зыӡбаху ҳамоу: аҵкун, арԥыс, ахатца, абырг, аҭаҳмада уҳәа аихшараҟәа роуп). Ахацәа категориала реихшара имҩаҟәртцон, ртцакы хадыртәаауан ажәлар рыԥсҭазаара, ртцасҟуа, рҟьабзҟуа. Ахацәа рыҟуратә категориаҟуа ирымехаркәеит ауаҩы дании инаркны иԥсҭазааратә мҩа зегьы. Убри аҟнытә ара уажә хыҟәкыс иҳамоу ахацәа рыҟура акатегориаҟуа рҟазшьаҟәак раарԥшроуп. Урҭ рҟазшьаҟәа разгуаҭараан ақәра ахаҭа мацара адагьы, ауаҩы исоциалтә цакы ауп азҽлымхара зҭахыу.

Ақәра акатегориаҟәа ирымоуп анормативтә ҟазшьа, уи иашьашәалоуп жәларык ркультураҽы ишьақәгылахьоу ауаатәыҩса рыԥсҭазаара аихшара.

Аҧсуаа рыҟуратә категориаҟуа рсистема даара акыр еиларсуп, рыхәҭаҟәа рацәоуп. Иара аструктуратә елементкәеи асоциалтә функциаҟәеи атцакы ду рыман, ареалтә хәынҵкарратә мчра иерархиала аихшара аан.

Иарбан қәратә системазаалак ауаа еихнашоит аиҳабацәа, нас аитцбацәа хәа. «Аиҳабыра» еилкаарак аҳасаб ала иамоуп ахәшьаратә социал-статустә цакы.

Аҭцааҩцәа изларыԥхьаӡо ала, ақәра акатегориаҟәа ринститут аԥхьаӡа изыдҳәалаз ауаа ртахракәеи аарыхратә процесскәеи ракән. Уи лтцшәаны иаман аԥсҭазааразы зда ԥсыхәа ыҟамыз аматериалтә

хырҳагақәа. Рымаха-шьахатә лшарақәа инарықәршәаны ролькәас, функциақәас ирымаз ала, ауааҽолар рыԥнутҵқа аиндивидқәа еихшахар ҟалон еиуеиԥшым аҵьатә хқәа ирынагӡаԥцәаны. Хықәкыла иаҳҳәозар, апсуаа рҽы еиҽкаау бҵьарла ахыхьчара жәытә-натә аахыс ихымпадатәны иҟан. Ихьчатәын рынхара-рынтцыра, рыраху-рышәаху, раиагуа-сигуа инхоз рқәларақәа рҟынтәи (апсуаа егьырҭ афеодалтә шьҭрақуа реибашьрақәа раан). Ас еиԥш иҟоу аҭагылазаашьақәа раан аибашьԥы-фырхатца иааӡара, иазыҟатцара, еитцагылаз абиԥарақәа рыԥстазаараҽы дҵа хаданы иҟан. Апсуа уааҽларраҽы атрадициатә ақәратә категориақәа рыла аихшара аҵак ду аиуан ақуларақәа раангьы: зықәра наӡоз арԥыс дазхиазар акун иуаажәлар рыхьчара.

Апсуа қәратә гупқәа рфункциақәа еиҳараӡак ауаԥы илаԥш итцашәартә иҟан, иагьыҟоуп еиуеиԥшым аизарақәа (ачарақәа, апсрақәа апсхәрақәа уб. итц.) рҽы. Усҟан ахацәеи аҳәсеи рықәра ишаҵанакәаз ала рхы мԥаԥыргон, рҽеидыркылон.

Ҳарзаатгылап ахацәа рықәратә категориақәа.

А ҷ к ә н. Раԥхьатәи ахацәа рықәра акатегориа иаҵанакәеит аҷкун (6 — 7 шықәса инадыркны 18 — 20 шықәса рҟынӡа). Ари ақәра аамҭа иалагӡаны ишьақәгылон ауаԥы ииндивидуалтә ҟазшьа, игәникылон ижәлар ртрадиция-бзазаратә кәльтура ихадароу ахәҭақәа. Уи аамҭазы аҷкән иҽаиршьцылон есымшатәи абзазара: ажәлар ргәааанагарала иара маха-шьахала дҭышәынтәалар акәын. Ари ақәра категориа иныкәрԥшны еихыушар ҟалоит х-гупкны:

а) аҷкән-хәҷы –6 – 7 шықуса инаркны 10 – 12 рҟынӡа;

б) аҷкән-ҟата – 10 – 12 инаркны 14 – 15 рҟынӡа;

в) аҷкән – қәԥш – 14 – 15 инаркны –18 – 20 рҟынӡа.

А ҷ к ә н-хәҷы аԥнтәи аусурақәа иҽырылаирхуан, имч зықәхоз аусҟәа наигӡон. Иаҳҳәап «аҷкән-хәҷы» аԥны иацәыхарамкуа араху ихьчон, аанда зшышуаз абыца рыцикәуан, амхқәа рҽы аус зуаз рхәы рызнеигон, иара убас ихала аҽыбга иҽаиршьцылон.

Абзазараҽы «аҷкән-хәҷы», иаҳҳәап, аиҳабацәа рнапыӡәӡәара аан, аӡы рзынаишьҭуан, ампахьшьы рызнеигон. Агәлара дрышьтыр ҟалон еиуеиԥшым адҭа-ссақуа иҭаны. «Аҷкән-хәҷы» 8–10

шықуса анихытцлак инаркны шәарыцара дыргон, иагьидырҭон абна бызшәа, Ажәеиԥшьаа рашәа.

4– 5 шықуса анихытц инаркны иаб, ма иуак дихьыниртәало далагон. 10 шықуса данҭыс нахыс «аҷкән-хәҷы» аҽыкәтәара дашьцы- лон, уимоу ҽыкәбаллагьы дныҟәон. Еиҳа зҽалызкаауаз 10–12 шықәса инадыркны аҽырыԥрақәа ирыладырхәан.

«Аҷкән хәҷы» аиҳабацәа дрыцны дрылахәхар ҟалон еиуеиԥшым арратә усхкқәа. Иаҳҳәап, Далтәи аҭауад Баҭалбеи Маршьан иныҟәарақәа руак аан иԥацәа ԥыцьа (аӡәы 7 шықуса ихытцуан, егьи–14 шықуса) ицын. Усҟан урҭ еилаҳәашьалагьы, бҵьарлагьы, хымԥаԥгашьалагьы реиҳабацәа иузрылкаауамызт (Серебриаков Л. М. Кавказтәи ахытцырҭа хада ала Аҟәантәи Кәбинаҟа ицо амԥа. Морск. сб. 1865, № 6 ад. 96 – 100).

«Аҷкән» икатегориа аԥбатәи агәԥ «аҷкән-ҟата» иаҵанакәеит иныкәрԥшны 10–12 шықәса инаркны 14–15 шықәса рҟынӡа.

Апсуаа рҽы «аҷкән-ҟата» қәратә гәпк аҳасаб ала имаҷноуп ишцәырҭуа. Зны-зынла иуадаԥуп ари агәԥ егьырҭ агупқәа («аҷкән-хәҷи», «аҷкән қәԥши») рылкаара. Иаҳҳәар ҟалоит арҭ агәпқәа зегьы жәпаҵьара инеилатәо (ианеизааигәахо) ыҟоуп ҳәа.

«Аҷкән-ҟата» иқәра иаҵанакәаз аҷкәнцәа рабацәа ирыцхраауан еиуеиԥшым анхамԥатә усурақәа рҽы, избанда ари агәԥ еиднакылоз ауааԥсыра адуцәа рахь ишаҵанамкәазгьы, зынӡагьы ихәҷқәоуп ҳәа иԥхьаӡамызт. Урҭ ахатца ускәа иддыршьцылон аԥнгьы, аԥнынҭытцгьы.

Иаҳҳәап, ацәаҕәарақәа раан аҷкән-ҟата ацәқәа рҵакра, рҵыжьра, апшжәла аҭаԥсара илшозар акәын. Ари ақәраҽы аҷкән ҽыла аӡлагарахь дцар, арахә ихьчар ҟалон. Абас акәын еиҳа-еиҳа ишыуадаԥхоз анхамԥаҽы аҷкән-ҟата ифункциақәа.

Иара убас аҷкәнцәа – ҟатақәа, ахьшьцәа ирыцны ашьха ицон, агуп рҽаладырхәуан. (Ажәытә аԥсуаа рҽы еиуеиԥшым нхытцтәи ажәларқәа лассы-лассы аԥсуаа иахьрықулоз азы арахә зыхьчоз ақәпшцәа бҵьарла еибытан.) Ахьшьцәа хәҷқәа ҷыдала ирзырхәон «агәаҷ» ҳәа.

10 шықәса анырхытц нахыс аҷкәнцәа рхала арахә рыхьчон, ахьчарҭа тыпқәагьы ибзианы ирдыруан.

Ахԥатәи ақәратә гәԥ датԥанакәеит 14 – 15-и – 18 – 20 шықәса зхыҵуаз «а ҷ к ә н-қ ә ԥ ш».

Ари ақәраҽы «аҷкән-қәԥш» еиҳа акрызҵазкәа асоциалтә функциақәа иауан, уи шьҭа дхәҷым ҳәа дрыԥхьаӡон.

Ари агәԥ иатԥанакәаз рзыҳәан 14 – 15 шықәса рынахыс ақәра наӡа аамҭа итагылоуп ҳәа, ауаԥшь иалахәуп ҳәа иԥхьаӡан.

Аҷкән-қәԥш ақәранаӡара данҭала иҽеи икәадыри еиқәдыршәон, аматәа ҽыц изырӡахәан. Абас еиԥш иҟоу ахҭыс аҳаҭыр азы аѡнаҭа еиҳабы асасцәа ааиԥхьон, зегь раԥхьаӡа иргыланы ижәлантәқәа рхатәарнакцәа, иара убас игәлацәа. Асасцәа шыҟоу «аҷкән-қәԥш» абԥьар идыркәан, иҽеы изааганы иртон. Ари аамҭа инаркны «аҷкән-қәԥш» аҽҟазара, ибԥьар кышьа, иҟама нықәгашьа уҳәа иааӡараҽы еиҳарак аҭып аман азеижәтәи ашәышықәса аѡбатәи азбжаӡа.

«Аҷкән-қәԥш» аѡнытә нхамѡаҽы иаб иусқәа имидон (ацәаҕәараҽы, арашәараҽы, аҭагалараҽы уб. егь.). Аҭаацәа акраныр-фоз, ууанӡа аҷкән-қәԥш аҳәсеи ахәҷқәеи ракәзҭгьы дзыдтәалоз, уажәшьҭа ахацәа дрыддыртәалон. Ари аԥсуаа рымацара ирҷыдаразам, егьырҭ Кавказ иқәнхо ажәларқәа еицырзеиԥшуп: ақыртқәа, ақурдқәа, алезгинтә ууажәларракуа уб. егь.

Аҷкән-қәԥш дрылахәхар ҟалон ижәлантә реизара, ачарақәа, аԥсрақәа, аԥсхәрақәа, аныҳәарақәа.

Аѡнаҭа аиҳабацәа анықам иара дцәыртцыр ҟалон ауаԥшь еизарақәа рҿы, итаацәа ма ижәла дырхатарнакны. Аха дахьнеиз дызлагылаз иқулацәа ракән. Ачарақәа рҿы асасцәа рыматц иуан, аѡы инаҳауан. Абас хәҷы-хәҷла ари ақәра иатԥанакәа агәԥ рыуаажәлар ирбо, рыхә ршьо иалагон. Иара убри алагьы «арԥысра» иазхиахон.

18 шықуса дыртысны иԥҳәыс аагарааӡа аҷкән «арԥыс» ҳәа дыԥхьаӡан.

Етимологиала иаххәозар, ажәа «арԥыс» иахылҿиаауеит ажәа аԥыза, иагьаанагоит аԥхьа, аԥхьа игылоу, ар раԥхьа игылоу. Абри ақәраҽы акрызҵазкәа елементны иҟан ахатԥаматәа иахәҭа хадаз аԥсуа маҟа анықәгара. Раԥхьаӡа аԥсуа маҟа арԥыс имҩеитцон инықәрԥшны иаххәозар, 20 — 25 шықәса анихытцуаз.

Аԥсуа иҟәнхәалазар ҟалон аҳәа, аҟама (ажәытәзаӡан ахыци — ахәмпали).

27 – 30 шықәса анихытцуаз арԥыс азин иман аԥҳәыс аагара.

Ари аҷыдара аԥсуа-адыга жәларқәа еицырзеиԥшын (Мафедзев С. Х. Адыг жәлар рцьатә ааӡара аочерккәа. XIX–XX ашәышықәса алагамҭа. Нальчик, 1984, ад. 47). Убри ақәра азыҳәан арԥыс иҽерылаирхәуан аҽеырыѡрақәа, ажәлантә ныҳәарақәа, ақыҭа аусмѡаԥгатәқәа.

Зны-зынла уи даарыԥхьар ҟалон еиҳа атцакы змаз ахҭысқәа рахь, иаҳҳәап, ажәлар реизарахь.

Ажәабжьхәаѡ Грышьа Аиба излаҳаиҳәаз ала, ашәаԥьхәараҽи ачараҳәараҽи абаѡҷыда аазырԥшуаз арԥыс изыҳәан ирҳәон Ажәеиԥшьаа дырѡызоуп ҳәа.

А х а ҭ а. Ахатца ҳәа иԥхьаӡаз, 30 шықуса инаркны 50-нӡа зхытцуаз, аҭаацәа иалалахьаз иакән. Ари акатегориа иатԥанакәаз ауаа имѡаԥыргалар акән зегь реиҳа иуадаѡыз ахатца усқәа. Ишдыру еиԥш, ахатца ус анхамѡаҽы хадара зуа акәны иҟан (адгьыл аус адулара, арахә рныҟәгара, еиуеиԥшым ахыбракәа рыргылара уҳәа итц.). Иара убас ахатца иазирхиалар акән еиуеиԥшым аԥьа ус маругақәа. Уи идын аҭәархра, амҿымца аидкылара, ашәарыцара уб. егь. Хатца усны иԥхьаӡан еиуеиԥшым «азанаатқәа»; ахьчара, аӡлагарахьчара, ашьхымӡахьчара, ажьира, аҳаԥшьаӡра. 40 – 50 шықәса зхытцуаз, аԥҳәыс даазымгац ахацәа амажәроу (абжьыуаа рҿы) ма аҟырмыць (бзыпаа рҿы) ҳәа ирышьтан.

А б ы р г. Аԥшьбатәи ақәра акатегориа иатԥанакәеит 50–80 шықәса зхытцуа аԥҳәыс даазгахьоу ауаа. Абырг ҳәа изышьтоу зажәра инҭагылоу, аха макьана аԥстазаара активла иалахәы иоуп.

Атермин «абырг» еиҳарак ахархәара ахьамоу абзыԥқуа рҿоуп (еиҳа имаҷны– абжьыуаа рҿы). Абыргцәа рроль ҳаракын асоциалтә-кәльтуратә ԥстазааратҿы. Урҭ рхатарнакцәа аритуалтә қьабзқәа реиҿкааѡцәас, рнапхгаѡцәас иҟан (ацуныҳәара, анцәарныҳәара). Аныҳәара ритуалк ахасабала еиуеиԥшым абиԥарақәа традициала еимырдон. Аныҳәаѡцәа ажәлар еицҿакны иалырхәаз, пату зқәрцоз, зыгәра ргоз уаан.

Абыргцәа рнапы ианын аԥсра, абзара, еиуеиԥшым абзазаратә кәаматцамарақәа рымѡаԥгара.

Аиҳабыратә қәрақәа ирытцанакәа ахацәеи аҳәсеи, аҷкәнцәеи аӡгабцәеи раастә еиҳаны, ашәы нықәргон аԥсрақәа иан-

рыҟәшәалак ашьҭахь. Ԝнаҭацыԥхьаза иҟан аиҳабацәа рхала ирызкыз ачысмаҭәа.

Аиҳабацәа ирыман ахәштаараҿы рхатә ҭып. Дара рхаҭа аѳны ианыҟамызгьы рҭып даҽеазәы иааникылар азин имазамызт. Аиҳаб пату иқәтцара еиуеиԥшым ахцәыргашьақәа аман. Шәышықәсалатәи атрадициатә-бзазаратә етикет ианыԥшуан зегьы – ацәажәашьа, ахымѳаԥгашьа. Урҭқәа зызкыз аиҳабы еснагь аԥхьа иргылара, еснагь пату иқәтцара акән. Абыргцәа рус хадақуа ируакны иҟан ажәлар рҿы иҟалалоз аимак-аиҿакқәа рызбара, реилыргара. Абыргцәа еиҿыркаауан аиҳабацәа рсовет (ахеидкыла). Уи органк аҳасабала ахԥша дуззаа аман ақыҭаҿы, аҭыпантәи аиҳабырагьы азыҙырѳлар ахуҭан. Аиҳабацәа рсовет алахәлаѳцәа ажәлар рҭасқәеи ркьабзқәеи еиқәдырхалар, идырҿиалар акән. Урҭ ацхырааразы, абжьагаразы, абжьаҟазаразы ауаа рызнеиуан. Иара убас аиҳабацәа иалкааз ароль ҷыда рыман еиҭагылаз абиԥара ҿыц рааҙараҿы, атрадициатә дыррақәа аҿар рылаазараҿы. Урҭ дара рхатә ԥсҭазааратә ԥышәа рхы иархәаны аҿар адрыԥхьалон аԥьа, ажәлар рҿаԥыцтә ҳәамҭақәа, ретикет уҳәа.

А ҭ а ҳ м а д а – хаз иҟоу қәратә категорианы иуԥхьаҙар ҟалоит. Ҳгуы излаанаго ала, ари акатегориа хыхь ҳазлацәажәаз ақура (абырг) излаѳыудырааша ахатәы ҷыдарақәа аманы ицәыртцуеит. Уи иатцанакәеит 80 шықуса ирҭысхьоу, махашьахала иԥсыҽехахьоу, аха ахдырреи агуалашәара бзиеи змоу ахацәа. Ажәа аҭаҳмада еиҳа ахархәара амоуп абжьыуаа рҿы. Ажәлар ретимологиала ари ажәа иаанагоит «аҭаҳара», «аԥсыҽехара». Хархәашьала ажәа «аҭаҳмада» ажәа «абырг» ианазааигәахо ма ианаԥсах’уа ыҟоуп.

Уимоу, шьоукы-шьоукы ажәабжьҳәаѳцәа зны-зынла арҭ ажәақәа еиѳырдыраазом. Ахаҭа ус назыҙар зылшоз аҭаҳмада изырҳәар ҟалон – абырг ҳәа, ахаҭа ус ззынамыгзоз аҭаҳмада изы ирҳәар ауан – алыгажә ҳәа.

«Алыгажә», «атцлаҳәыста», «аҭаҳмада-қабада» реиѳдыраара уадаѳуп, аха урҭ зегьы аҭаҳмада иатцкыс еиҳау ақәра иатцанакәеит. Урҭ хатәы қәратә категориақәазам, ахацәа маха-шьахала рыԥсыҽехара иаҷыда ҟазшьоуп.

Еиқуҳаԥхьаҙаз ақуратә ѳаҙарақуа рахьтә аритуалтә функциақәа рыла еиҳа иҽаликаауеит «атцлаҳәыста». Уи 90 шықуса дырҭысыр алшон.

«Аҭаҳмада-қабада» хәмаршақә иҳәоу, акрызхытцуа ахаҭа иҟазшьарбагоуп. Уи иныԥшуеит аԥсихофизиологиатә процессқәа ркәадахара, ихдырра аԥсыҽхара. Иҳамоу аматериал анализ ишаҳнарбаз ала, ахацәа рықәратә гәԥқәа ртцакы хадара зуа социалтә институтк аҳасабала ишьақәханы иҟоуп (ҿыԥсахра маҷқәак аманы) иахьа уажәраанҙагьы аԥсуаа рыпсҭазаараҿы. Уи адагьы ақәра критери хадоуп ауаѳы иқурантцыраҿы, ишьақугыараҿы, насгьы аҽааанарԥшуеит аѳнаҭаҿгьы иара убас ауааажәларраҿгьы.

Қурала категориас дызтцазк’уаз иаҽырԥшны ауаѳы ауааажәларраҿы имазар ҟалон ма ани ма ари асоциалтә ҭып. Ақуратә гуԥқуа ирныԥшуеит аҙәы, ма гуԥык рсоциалтә ҭып аҽыпсахракуа.

Аԥсуаа рҿы ақуратә категориақуа рсистема аҭцаара апрактикатә ҷак ду амоуп.

1. Ақуратә категориақуа аҿар рааҙараҿы, аԥышәа рытараҿы иалкаау ароль рымоуп.

2. Ақуратә категориақуа рсистема хытцхырта бзианы иҟоуп ажәлар рсоциалтә еиҿкаареи, рыпсҭазаара азакуан еиқушәаракуеи рытцаараҿы.

Ақурақуа ркатегориақуа имѳақыртцоит ауаѳы изинқуеи иуалԥшьақуеи. Даҽеакала иаҳҳәозар, апсуаа рдоуҳатә ԥкарақуа (аламыс, аԥсуара) ирныԥшуеит итрадициатәу аҭаацәаратәи ауааажәларратәи ԥсҭазаара. Ақуратә категориақуа рсистема ианакузаалак иалкаау аҭып аман аҭаацәарақуеи, ауацәеи, агулацәеи, иара убас асасдкылара иадҳәалаз атцаскуеи атрадициакуеи рыѳнутцка аиҳабацәеи аитбацәеи реизыҟазаашьаҿы.

Ҳаамҭазтәи ауааажәларратәи еиҿкаарақуа инартбааны апропаганда рзыруазароуп аԥсуа жәлар ртрадициа бзиакуа. Акымкуаѳбамкуа абиԥарақуа иаԥыртцаз атрадициатә хымѳаԥгашьа бзиақуа ишақунагоу рхархуара, хымпада, иацхраауеит изызҳауа аҿар амилаҭтә культура аҳәаақуа ирыҭмыжьқуа рааҙараҿы.

«Алашара». № 8. 1989 г.

Аҧсуаа жәлар рыхәмарраҟәа рҧыдараҟәа

Ажәлар ртас, рҟьабз ркультура реиҟәрхараҽы ажәлар рыхәмарраҟәа ирытаркуа рацәоуп.

Атыхәтәантәи аамҭазы ажәлар рыхәмарраҟәа рыҭтаара еиҳа ҷыдала ахшыѡзышьҭра арҭо иалагеит. Ажәлар рыпсҭазаараҽы урҭ тыпс иааныркыло, ҷыдараҟәас ирымаз уҳәа азҭаарақәа акыр ирызҿлымхауп. Уажәрааҥа ари аетнокультуратә елемент аетнографцәа уамак хшыѡзышьҭра арымҭозтгьы, иахьа ажәларқәа ртас, рҟьабз рыҭтаараҽы урҭ атып ҷыда ааныркылоит.

Аҧсуа жәлар рыхәмарраҟәа хшыѡзышьҭра рымҭакәа ирывсит узхәом урҭ тызтааруа. Иазгәаҭазарц ахәҭоуп аетнографцәа еиҳараѡык традициатә гәмырҿыцгак аҳасабала ишахәаҧшуаз, мамзаргьы еиҳарак хәмарраҟәак арратә-хархәаратә ҷакы шрыртоз. Ҳгәанала, ари аетнокультуратә цәыртцра асоциалтәи ауаажәларратәи функциа еиҳа итбааруп.

Еиуеиҧшым атрадициатә хәмарраҟәа зегь рахьтә иалыркааруан инарҭбаау агәҧ, аицлабраҟәа рҟазшьа змаз «аспорттә хәмарраҟәа» ҳәа изышьҭаз. Ажәытәза зны ицәыртцхьаз атрадициатә еиндаҭлараҟәа акыраамҭаза ауаапсыра рҭахраҟәа хадыртәааруан. Иахьа урҭ маҷны итҭааруп.

Иазгәаҭатәуп ҳаамҭазтәи аспорттә хәмарраҟәа еиҳарак шьаҭас ишрымоу ажәлар рыхәмарраҟәа, насгьы иалкаау атып шааныркыло.

Ҳусумҭаҽы хыкәкыс иҳамоуп аицлабратә ҟазшьа змоу ажәлар ртрадициатә хәмарраҟәа рсоциалтә функциаҟәа рыҭтаара. Абарҭкәа раан ирыхәаҧшхоит XIX ашәышыкәсеи XX алагамҭази аҧстазааратә ҷакы змази иара убас урҭ рахьтә ииасхьоу раҳасабала асоциалтә функциаҟәа мацараз еиҟәрхази атцасҟәа.

Аҧсуа традициатә еиндаҭлатә хәмарраҟәа рахьтә ҷыдала иалкаатәу акы ауп арратә-хархәаратә ҷакы змаз ахәмарраҟәа. Аҧсуа жәлар акыр шәышыкәсала ампытцахалаѡцәа ирҿагыланы рхаҟәитреи рхьыпшымреи рзы ианыкәпоз, иаапымтцәаҙакәа аибашьцәа разыҟатцара мѡаҧгалатәын, арратә-хархәаратә ҷакы змаз аҿазыҟатцараҟәа ирҿызар акән, уи иалахәын ауааҧсыра, зыкәра маҷыз инадыркны ахацәа зегьы.

Аҧсуаа зегь раастa ирылатцәаз, бзиа еицырбоз аиндаҭлараҟәа ируакын ҳәа азгәарҭоит аҿырѡра, ҿыла аныҟәара, иара убас еиуеиҧшым аҿырхәмарраҟәа. Убас, С. Басариа иазгәеитоит аҧсуаа зегь раҧхьа иргыланы аҿырѡра бзиа ирбоит ҳәа, аҿы ццышәкәа ахәҷқәа рыкәдыртәоит, ааба-жәаба шыкәса анырхытцуа инаркны ҳәа. Уи ишиҳәо ала, аҧсуа зегь реиҳа иаҳатыр дахзыҙоит, маҙак иадамзаргьы хьымҙгыла ианизныкәа аамҭазы, еимга-еимцарак иалагҙаны ҟамала, мамзаргьы ҟамчыла ишьа иуеит.

Ҿыла аиндаҭлараҽы зегьы реиҳа ирылатцәаз акы акән ҿыхәтцәыла ҳәа изышьҭаз, аҿыбгаҟаза зегь реиҳа алшараҟәа ахьааирҧшуаз ахкы. Ари аицлабраахкы аҽы еитцагылаз ѡыцьа аҿыбгаҟазацәа ҿыхәтцәыла еигудлон, дызҽагылаз ахатца акуадырырҭа дахиҳәарц. Убас еицырдыруаз аҿырхәмарраҟәа ируакын «чараз» ҳәа изышьҭаз аҿы ақәтцәраара, иахьынҙалшо аҿы ағәра аҽакны иқәчаразаауан, еиҳа ироуны зҿышьҭа ашҭа ианхалоз даиааиуан, иара абраҟа аҿы атҟьашьагьы алатцаны. Бзыпаа рҽы ари ахәмарра «қьашьмеи» ҳәа иашьҭан.

Егьырҭ арра-хархәаратә ҷакы змаз аицлабраҟәа рахьтә аҧсуаа ҷыдала ахысра иалыркааруан ҳәа азгәарҭоит ҳаамҭазтәи атҭааѡцәа. С. Басариа излазгәеитоз ала, аҿырѡраҟәеи аиндаҭлараҟәеи раан аҧсуаа аҿыкәтәараҽы иаадырҧшуаз рҟазара анаѡсангьы, рыкәрахь инеиаанҙагьы бзиа ирбоз акы акәны ирыман абџьарла ахысра – «аимҭахара» ҳәа изышьҭаз. Аҧсуаа рыхшара ишхәҷқәаз абџьар нык҃әгашьа ддырҭон. Дара ажәытәза аахысгьы ахысраҽы аҟазара аадырпшуан, адунеи аҽы иреиҕьу хысыѡцәа бзиаҟәаны, ишәарыцаѡцәаны рхы рыпхьаҙоит. Уи шьаҟәрҕәгәо, Ф. Ф. Торнау иазгәеитоит: «Аҧсуаа иреиҕьҙоу хысыѡцәоуп ҳәа ахьҙ-аҧша рымоуп. Ахәҷқәеи ахбыцқәеи рыбжьара ахыци ахәмпали, иара убас калам кыдтца ҳәа изышьҭаз ахки рыла ахысра акыр иҿианы иҟан».

Иара убри адагьы, аҧсуа ҿар ишкәпшу инаркны лабала аисра, уҳәа егьырҭ ахккәа рҽы аиндаҭлараҟәа мѡапыргон. «Аҧсуа

ҽар, - иазгәеиҭоит А. Ламберти – усда бзанҵык итәаны иубаӡом, есымша маха-шьахала рыҕәҕәара иацхрааруа акы иаҿуп, рҽазыӄарҵоит».

Арратә-харҳәаратә ҵакы зыртаз, ихадароу ак акәны иахәаԥшуан ақәԥаразы аиндаҭларагьы. О. В. Ваханиа излазгәеиҭо ала, «аԥсуаа ирыман ақәԥацәа ҕәҕәаӡақәа, знызаҵәыкгьы зыжәѡахыр адгьыл иқәмкьысцыз».

Абасала, аԥсуаа рҿы системак аҳасабала аус ауан ахацәа рзы арратә-баѡртҵәыратә ҽазыӄаҵара, уи еиднакылон атрадициатә арратә хырхарҵа змаз аиндаҭларатә хәмаррақәа еизакыз ркомплекс. Уи иааиԥмырӄьаӡакәа аибашьцәа ганрацәала разыӄаҵара алнаршон, ҽыла шьаӄалатәи аибашьрагьы иазыӄанаҵон. Иаҳҳәаз штабырггыу шьақәиргәҕәон иаҳҳысыз ашәышықәсазы Кавказ аррамаҵура иахысуаз Ф. Торнау.

Ажәытәӡа инаркны ауаажәларратә практикаҿы иалыркааруан еиуеиԥшымыз ахаҭарақәа, иаҳҳәап, амч ҕәҕәа змаз, еилӄьаеилгәыцәыз, еиҿамсыз уҳәа ирацәаны, аибашьраҿы иалыркааруаз рыдагьы, ахшыѡзышьтра хада рыртон аарыхра – нхамѡатә усурақәа ирҿыз, есҽынтәи зыпсҭазааираҿы хьаҳәа-ԥаҳәада знапынҵақәа назыгӡоз.

Арратә хырхарҵа змаз ахәмаррақәа рыдагьы, егьырҭ аԥсуа жәлар реиндаҭларатә хәмаррақәа акыр шәышықәсала традициак аҳасабала ахәҷқәа ацәаѡа бзиа рылараӡон. Ҳаамҭазтәи аҭҵааѡцәа иазгәарҭоит, хыхь зыӡбахә ҳҳәо аҵакала ҳахәаԥшуазар, аҿар рыбжьара ахархәара бзиа шрымаз аиԥхныѡлара, аҵәыргыла ахыԥара, аушәақә аԥара, шьапыкала аԥара, аӡсара, араса лаба арыххара, аидарашьтыхра, аӡықәырс уҳәа ирацәаӡаны. Абарҭ аиндаҭларақәа рхы рыладырхәуан зыкәра зфахьаз ахацәагьы. «Абыргцәа ԥшьынѡажәа инеиҳаны изхытцуазгьы, – иѡуан Т. Лапински ачерӄьесҟәа рзы – иааԥьоушьаратә еилӄьа-еилгәцәа иӄоуп, аиԥхныѡлареи ахысреи рҽырцәырԥхьаркӡом».

Еицымѡаԥыргоз аиндаҭларақәа – «мцы-мца» ҳәа изышьҭаз, амцеиԥш еиҳа иласуаз, мамзаргьы «ахылԥахас», «ахтырпа хәмарра» аколлектив реицхыраара, реилибакаара, реизааигәара ралараӡон.

Ахәмаррақәа раан аԥсуа традициатә хәмаррақәа рзы ишьақәыргылаз аԥҟарақәа реилагара алдыршомызт, насгьы арҭ еилазгоз ауаа ирбо-ираҳауа дахьдырхәуан. Атрадициатә ԥҟарқәа жәлар рыбзазараҿы урҭ рморалтә-етикатә нормақәа рныԥшуан, аицлабрақәа ауаѡра, аԥсыцкьара, азиашара, аѡыза иаҳаҭыркәҵара реиԥш иӄаз ацәаѡақәа рылараӡон.

Атрадициатә еиндаҭларақәа ауаа ирылараӡон иара убас апатриотизмра, ақыҭа излыҵыз абзиабара, ишдыру еиԥш, абрантәи ауп аԥсадгьыл абзиабара ахы ахьакуа.

Аицлабрақәа ирылахәз раҵахара ақыҭа азы дара ихьымӡгны иршьон, егьи аицлабра аӄынӡа иаиааиз ақыҭа аԥхьагылара аманы иршьон. З. Рихтер иазгалтон: «Насып дуӡӡаны иршьоит, насгьы араион зегь азгьы игәадуроуп аҿырыѡраӄны аиқытантәиқәа руазәк аԥхьахә игар ҳәа. О. В. Ваханиа идырратарақәа рыла, аиқәпараҿы аиааира згаз ақыҭа иаланхоз зегь рзын дгәадураны ихәаԥшуан. Иӄалап, ажәытәӡа иааԥымтцәаӡакәа ауаажәларраҿы имѡаԥысуаз аиндаҭларақәа ҵакыс ирымаз анхамѡатә усурақәа иара убас аибашьраҿы ахацәа рымч аԥышәара, еиҳа изыкәгәгшаз реилкааразы акәзҭгьы. Уажә ааигәанӡагьы аԥсуаа рҿы ахаҵа ихәшьара критериас иамаз имч, игәмшәара, иеилӄьара, ииашара, игәаҕьра уҳәа реиԥш иӄаз ацәаѡақәа ракән.

Абасала, атрадициатә еиндаҭларақәа аԥсуаа рҿы ишьақәгылон ахацәа рзы инеизакны ацәаѡақәа рылаӡара иадырганы.

Аԥсҭазаара ицәырнаго атрадициақәа еиуеиԥшым аҭагылазаашьақәа рхылҿиаауеит, урҭ рынагӡаразы иаҵахыуп ауаѡытәыѡса имч-илша, игәаҳәара.

Абарҭқәа ирхьыԥшны ауаажәларра иааиԥмырӄьаӡакәа аинформациа рымазароуп еиуеиԥшым ақәрақәа ирытҵаркуа ахацәа рыбжьара абарҭ хадара злоу ацәаѡақәа рыҿиашьазы, уи ма егьи иаҵанакуа ахацәа рҭагылазаашьазы. Абас еиԥш иӄоу аусуразы ауаажәларра ирылнаршоит ааӡараҿы атрадициатә харҳәагақәа рахьтә еиҳа хаҳара злоу алкаара.

Акыршықәсақәа рнаѡс ауаа агәааанагара роуит изызхәцу аҭагылазаашьа аԥҵара шалшо ауаѡытәыѡса имчи илшареи рпышәагас. Абри аганахь еиҳа аеффект змоу ҳәа иԥхьаӡатәуп жәлар

реиндаҭларатә хәмаррақәа. Абартқәа рҭакала жәлар реиндаҭларақәа ганрацәа ирызнеины, аамҭакала ауааҩәларра рымчи – ргәаҳәареи ирԥышәагоуп.

Ажәлар реиндаҭларақәа аамҭа ҭацә ахархәара аҳасабалашәа иахәаԥшуазаргьы зегь акоуп урҭ традициатә цәыртқраҟәоуп. Урҭ рзы аршаҳаҭгақәа злаҳамоу ала, алкаа ҟауҭар улшоит, аԥсуаа ртрадициатә еиндаҭларақәа ганрацәалатәи ахырхарҭа шрымоугьы, XIX ашәышықәса анҭәамҭеи XX алагамҭеи рзы урҭ еиҳарак аныҳәатә ҭакы рыҭаны, ргәаҳәарақәа хазырҭаауаз акы акәны иахәаԥшуан ҳәа. К. Маҷавариани идырраҭарақәа рҿы иҳәоит, «аҿар еиҳарак агәаҳәара рызҭо ахәмаррақәа иреиоуоп ампыласра, аҩра, аԥара, аҽырыҩра» ҳәа. С. Басариа иакәзар, иаликаауеит «аҽырыҩра, аҽыбгаҟазараҿы аиндаҭларақәа рыдагьы, аԥсуаа рҿы пату ақәуп ҳәа абџьарла ахысра». Иара убас аҽырыҩрақәа ирызкны џьара иазгәеиҭоит: «Ари ахәмарра хкы Аԥсны жәлар омак ала бзиа еицырбоит». Еиуеиԥшым аҭҵааҩцәа аԥсуа жәлар рыхәмаррақәа еиҳарак гәмырҿыгьгак еиԥш ирыхәаԥшуеит. Аԥсуа литература аклассикцәа ҵытҩыкгьы рырҿиамҭақәа рҿы гәмырҿыгьгак аҳасабала иаадырԥшит аԥсуаа ирҟазшьа ҷыдаз атрадициатә хәмаррақәа.

Агәмырҿыгьра афункциа анагҙара хыхь аматериал аҟны ишагоу еиԥш, XIX ашәышықәсази XX алагамҭази аԥсуа жәлар ртрадициатә еиндаҭларақәа ауааҩәларраҿы ароль хадақәа ишыруакызгьы, уи амацара урҭ рхыцәкы нагҙаны иазаарԥшуам. Аҭҵааҩцәа еиҳаракгьы абас агәааанагара зрауз арҭ ахәмаррақәа хыԥхьаҙара рацәала рхы ахьаладырхәуаз ауп.

Аныҳәақәа раан жәлар ртрадициатә еиндаҭларақәа ахәаԥшцәа рацәаҩзаны ирҭаауан. Убас, К. Маҷавариани излазгәеиҭахьаз ала, ахацәа реицлабрақәа раан аҳәса гәахәала ирыхәаԥшуеит урҭ реилҟьа-еилгәцәра, рымч-рылша, ргәмшәара. Н. Џьанашьиа ахацәа реиндаҭлара атәы далацәажәо, иазгәеиҭоит «аԥсуаа ртәыла ссир ахы-аҭыхәа зегь аҟнытә еизоит», «урҭ рыхәаԥшразы мчыбжьык наҟьак русурақәа аанрыжьыр рылшоит» ҳәа. Ахәаԥшцәа есымша дара рганқәа ргәы дыргәгәон, аиндаҭларақәа рҿы аԥынгылақәа еилдыргон, еимаркуан, еиҿаркуан. Ахәаԥшцәа иара

убас аиндаҭларақәа реихшьалақәа рҿы ауааҩәларратә контроль мҩаԥыргон, аицлабра аԥҟарақәа ирышьклаԥшуан, уимоу ахәшьарақәагьы рхы рыладырхәуан. К. Маркс атлетикатә ланарԥшыра ауаҩытәыҩса иара иҿаԥхьа дышьҭнахуеит ҳәа иԥхьаҙон.

XIX ашәышықәса XX алагамҭеи рзы аԥсуаа рҿы еиқәханы иҟан жәлартә қьабзтә еиндаҭларатә хәмаррақәа. Атрадициатә еиндаҭларатә хәмаррақәа рҟны ажәытәҙа есҽнытәи аԥстазааразы рҽыззыҟартҙоз аԥышәа рҳара иашьҭан, аки-аки иузеиҟәмҭхо еимадан ауааҩәларра аритуалтә магиатә формала реиқәршәаразы, уи ацәынхақәа иахьанҙагьы еиқәханы иҟоуп. Иҟалап, ажәытәҙа аԥсуаа ртрадициатә еиндаҭларатә хәмаррақәа реиҳарак ҷыдала ақьабзтә ҭакы рыманы, аритуалтә формақәа ируакызҭгьы.

Абри аганахьала иазгәаҭазар ахәҭоуп, инеиҵыхыу аԥсуаа ртрадициатә еиндаҭларатә хәмаррақәа, пҟарак еиԥш аапынтә ма аԥхынтә календар ныҳәақәа ирыкәдыршәон, иаҳҳәап – мшаԥы, баирам уҳәа адгьылқәаарыхра асезон аан аҽаҩра барақьаҭ аҟалара иадырҳәалон. С. Басариа иазгәеиҭоит «мшаԥи баирами ухаҿы иузаагом ахысратә ҟазараҿы аицлабрада». Иара абри азы О. Ваханиа игәааанагара ихьиҳәо «аԥсуаа мшаԥы азы ахысраҿы аицлабра мҩаԥыргон, иара убас аимҭакьачара», ҳәа азгәеиҭоит. Аетнографцәа бжаҩык абарҭ аицлабрақәа рҿы аҽаҩра акульт ахәҭак адырбалоит ажәытәҙатәи аграртә-магиатә ритуал, аҙыни аԥхыни реиҿагылара иасимволны.

В. Г. Арҙынба игәааанагарала, ажәытә арҭ иреиԥшыз аиндаҭларақәа функциас ирымаз ашықәс аамҭа уадаҩ аан, еиҳарак аапынразы, акосмос аҟнытә еиуеиԥшым ахылтқәа реиҭашьақәыргылареи реидкылареи ракәын. Аха арҭ аиндаҭларақәа аԥсуаа рҿы адгьылқәаарыхра ишадҳәалаз, урҭ шеимадаз азы шаҳатра ауеит аныҳәақәа рыламҭалазы аҽырҩрақәа анымҩаԥыргоз аџьықәреи шыла иалхны акәакәар ҟаҵаны аҽыҩ ҷкән иеихьҙарақәа рзы анцәа иахьиҳәоз. Ажәытәҙа анхацәа рыхдырраҿы иҟан ақыҭа ауааԥсыра рықәҿиарақәа ирцәыԥсхьоу рыԥсцәа рыԥсы иахьыԥшуп ҳәа. Ажәларқәа бжаҩык, А. Окладников иазгәаҭарақәа рыла, аҽаҩра иадҳәаланы аапын имҩаԥыргоз атрадициатә еиндаҭларақәа аԥсыжырҭақәа рҿгьы иацымҩаԥыргон уи ақьабз ишаҵанакәаз ала

иахәҭоуп ҳәа ианырԥхьаӡоз. Абас иҟаз ахәмаррақәа – иазгәеиҭоит уи, – аӡыни аацыни реиҿагылара символра рызнауеит, насгьы адунеи аразра иалагамҭоуп, ицқьам амчрақәа ирҿагылоит, иара убас ауаҩытәыҩса даҽа дунеикахь ииасра иадҳәалоуп, иԥсаҭа бзиахаа-ит ҳәа ирыԥхьаӡон.

Аԥсуаа аԥсхәрақәа рҿы имҩаԥырго аҽыбгаҟазара, иара убас егьырҭ аиндаҭларақәа рзы С. Басариа, Н. Џьанашьиа, О. Ваханиа уҳәа аӡәырҩы ргәаанагарақәа рҳәахьеит. Абарҭ агәаанагарақәа шаҳаҭра руеит хыхь зыӡбахә ҳәоу атрадициатә еиндаҭларақәа ажәытәӡатәи аԥсуаа рхылтцшьҭрақәа ркульт ишахәҭакыу.

Аинтерес рытцоуп иара убас аԥсуаа рчарақәа рҿы имҩаԥырго аиндаҭларақәа, урҭ реилазаашьа. Ш. Д. Инал-Ипа идырраҭарақәа рыла иуҳәозар, «ачара… ақыҭа ԥстазаара зегьы азы ахҭыс дууп, ажәлар бзиа ианырбо рыхәмаррақәа, реицлабрақәа ирҭыԥуп».

С. Басариа иазгәеиҭоит аԥсуаа рчараҿы ахысразы аицлабрада ачара ухаҿы иузаагом ҳәа. Аԥсуаа ртрадициатә хәмаррақәа иреиуоуп ахацәа ркомандақәа ҩба рыла ишьақәгылоу ҳаамҭазтәи ампыл хәмаррақәа (регби) угәалазыршәо, «аимтцакьача» ҳәа изышьҭаз: ахәмарразы аҭаца, ма ҿыц хаҭа ицаз апҳәыс илырхион ампыл. Иара абри ахәмарраҿы рхы иадырхәон атермин «ампыл аҭаца илыршәуеит», уи иаанагоз ампыл асра ахәмарра иалазгалоз аҭаца лакән, ампыл ыршәны ирылҭон. Абри инадҳәаланы аетнографцәа ргәаанагарала, жәлар рныҳәақәа раан ахацәа ҩ-хәҭакны рыҿшаны рыхәмарра ажәытәӡатәи ауааҩәларратә еилазаараҿы ҩ-хырхартак змаз агәԥқәа реиҿкара иахылтцзар ҟалап. Иара абра иазгәаҭатәуп, аицлабра ҩ-гәпк рхаҭарнакцәа – амаҳәи аҭацеи рганахьала – ирацәаҩны егьырҭ ажәларқәа имҩаԥырго ачарақәа рҿгьы иуԥылоит, ауааҩәларра гәпла ҩ-лагамҭакны реиҿкара агенетика аныԥшуеит.

Хыхь иаагоу аматериалқәа рыла аԥсуаа рҿы атрадициатә еиндаҭларақәа еиҳарак акалендартә ныҳәақәа ирыдҳәалан, аҽаҩра барақьаҭ аарыхра, аԥсхәра, ачара уҳәа ақьабзтә хырхартә рыман. Ҳгәаанагарала, амариатә ныррa ҟарцон, аҭас ритуалтә цакы рыман, аҽаҩра беиа аарыхраҿы, анхамҩа аиқәршәараҿы, ууаԥсырала аҿиараҿы ауааԥсыра ахацәа рыхәта, изҩыданы, рхы-ргәы азҭаны реитцааӡараҿы ааӡаратә роль ду нарыгӡон.

Ҳаамҭазы иааизакны жәлар ртрадициатә культуратә интересқәа еиҳа-еиҳа ашьҭытцра ианаҿу аамҭазы урҭ реидкылареи еиҵаҳаны рызныҟәареи ихымпадатәу зҭцароуп. Аусумҭаҿы иаагоу аԥсуаа реиндаҭларатә хәмаррақәа ртцакала уанахәаԥшуа, алкаа ҟоуҭар ҟалоит, зыӡбахә ҳәоу жәлар ркультура ахккәа апрактикаҿы рхархәара ахьынӡалыршоу азҭаара нагӡаны ишҭцаамгьы, хымпада иахьа арҭ ахәмаррақәа жәлар ирылартцәаны, иара убас рбаҩыртцәыратә ааӡараҿы ихырҳаганы рымҩаԥгара алыршалатәуп ҳәа.

Хыхь иаагоу агәаанагарақәа ирҿыԥшны абас аихшьала ҟоуҭар ҟалоит. XIX–XX ашәышықәсақәа рзы жәлартә еиндаҭларатә хәмаррақәа аԥсуаа рҿы инарҭбааны рхы иадырхәон, ҷыдала иҳаракыз астатус рыман, ауааҩәларратә функциақәа нарыгӡон, арратә хархәаратә цакы рыман, иааизакны урҭ адырра иахәҭакны, ахаҭа ауааҩәларра рыҩнутҵқа итып идыруа ишьақәыргылараҿы анырра ҟарцон.

О. Маани, Б. Горбунови еицырыҩит.
Аҟазара. №1. 1998 ш.

Фамильные сходы у абхазов

В этнокультурном наследии абхазов важное место занимают фамильные сходы или братские собрания (аешьара реизара). Они являлись общим сходом лиц, носивших одно и то же родовое имя (фамилию).

Вплоть до середины XIX в. все фамильно-родовые объединения абхазов были территориально локализованы, поскольку члены родственных групп компактно проживали в пределах отдельных родовых поселков-общин (ацута–ахабла). Основная причина компактного расселения представителей одной фамилии заключалась в политически децентрализованном строе Абхазского княжества, слабости владетельной власти и систематических феодальных междоусобицах.

Несколько родов объединялось в одно аешьара (братство). Каждая более или менее многочисленная фамилия подразделялась на отрасли рода-патронимии (абх. абипара) или семьи (абх. атаацэа), отвечавшие общей ответственностью перед другими частями фамилии за поведение каждого сородича с такими же обязанностями хозяйственной деятельности, взаимной защиты (1) и т. п.

Каждое семейство, к какой бы патронимии оно не принадлежало, несло определенные обязанности по отношению к целой фамилии. Члены его внутри братства считали себя происходящими от одного общего предка, имеющими одну кровь, называя друг друга братьями и сестрами. Браки внутри братств были запрещены. Нарушение экзогамии строго каралось обычной для родовых обществ мерой наказания – смертью или изгнанием.

Внутри рода неукоснительно соблюдались нормы родственной взаимопомощи. Случавшиеся в порядке исключения нарушения обязательно влекли за собой порицание и наказание. Наряду с обычаями взаимопомощи одним из наиболее важных проявлений родовой слитности являлся, как отмечалось выше, принцип коллективной ответственности за каждого члена братства.

Небольшие братства часто объединялись в один союз. В условиях децентрализованного экономического и политического уклада Абхазии фамильные союзы выступали единственным гарантом стабильного существования общин. Они служили реальной силой, обеспечивающей выполнение как наступательных, так и оборонительных функций. Часто в «фамильные союзы» входили не только близкие по крови и происхождению члены одного рода, но и люди иного происхождения, которые по той или иной причине в разное время присоединились к данному союзу, отдавшись под его покровительство (2).

Все мужчины – члены союза – были вооружены, военная повинность (аррацара) лежала на каждом взрослом члене союза, каждый должен был в случае необходимости являться с оружием для защиты общей безопасности и действии против общих врагов.

Все дела союзов-родов решались в верховном органе управления родов – народных собраниях (ажэлар реизара), в основе которых лежал, прежде всего, фамильно-родовой принцип. Они представляли собой общий демократический мужской сход сородичей (аибабара), на котором под председательством совета родовых старейшин решалось: в более раннее время – планы походов «за славой» (хьзрацара), в более позднее время – набегов (ақулара), а также конфликтные ситуации в межсемейных, внутри фамильных и межфамильных отношениях. Одним словом, в традиционном быту сходы играли важнейшую социально-регулятивную роль, а его решения признавались непререкаемо всеми однофамильцами. Родовые собрания были местом, где молодежь состязалась в стрельбе, борьбе, а также в ораторском искусстве.

Здесь предварительно можно заключить, что в современных фамильных сходах абхазов мы наблюдаем слабые отголоски отмеченных выше форм патриархально-родовой организации народа – фамильных союзов, форм родственной и коллективной взаимопомощи – ауааҳә, мужских родовых сходов.

Непосредственным истоком фамильных сходов послужили фамильные моления, имевшие огромное значение в жизни досоветского абхазского села. Каждый род (фамилия) имел свой родо-

вой культ, общие кладбища (например, Лейба – Адлейба, Шакрыл, Ампар). Главными обрядами родового моления являлись совместные жертвоприношения и общественная трапеза (3). В процессе исторического развития ритуальная роль фамильных молений потеряла свое главенствующее положение, а затем и утратилась полностью.

С середины XIX в. с вхождением Абхазии в состав Российской империи и собственно в результате массовой эмиграции абхазов в Турцию в 1870-х гг., в годы махаджирства (насильственного переселения), произошло как сокращение численности абхазского этноса, так и изменение однофамильного состава общин, что привело к многофамильности поселений. Следствием чего явилась как потеря родственными группами прежней территориальной общности, так и нарушение в основном прежнего компактного принципа расселения по родам. Однако фамильные и родственные связи у абхазов сохранились, одним из проявлений чего были периодические сходы всех лиц, носящих одно родовое имя.

В настоящее время фамильные сходы проводят более 40 абхазских фамилий, в числе которых Шамба, Лейба, Ладария, Агрба, Смыр, Бжания, Пачулия, Габлия, Аджинджал и др. Сходы проводятся один раз в году, в назначенное однофамильцами время.

Многие фамилии в Абхазии являются полиэтничными, когда одна часть фамильного союза принадлежит к одной национальности (чаще всего мегрелы), а другие его представители – к абхазской. Одной из причин полиэтничности абхазских фамилий являются интенсивные процессы, никогда в Абхазии не прекращавшиеся. Однако до недавнего времени это не мешало однофамильцам иногда собираться вместе для выражения своей общефамильной солидарности.

В качестве примера фамильных сходов в Абхазии и их функций коротко рассмотрим сход, проведенный представителями абхазского рода Агрба в с. Кутол Очамчирского района в 1981 г. (4).

По сведениям информаторов, идея проведения сходов Агрба родилась еще в 1918 г. в г. Гудаута. При одной из встреч несколько Агрба стали интересоваться, сколько дворов их рода насчитывается в Абхазии. Но этого никто не знал. В долине Кубани живут потомки Агрбовцев – Агирбовы. Как известно, представители многих абхазских фамилий некогда переселились на Северный Кавказ в основном из-за обычая кровной мести, от которой виновная сторона обычно спасалась бегством в иноэтничную среду. Один из Агирбовых по имени Халит каждый год в летнее время через перевал совершал визиты в Гудаутский район. Таких примеров общения предков Агрба было немало, но они в последнее время ослабли. Поэтому было решено собрать всех однофамильцев, особенно молодежь, в Гудаутском районе, так как большинство Агрба живут здесь.

Впервые их фамильный сход был проведен в 1921 г. Впоследствии традиция фамильных сходов у Агрба, как и вообще в Абхазии прервалась и вновь возобновилась в основном в конце 1960-х годов. В 1968 г. Агрба провели свой второй сход в сел. Гуп Очамчирского района, а в 1970 г. в сел. Эшера Сухумского района. Начиная с 1977 г. фамильные сходы Агрба стали проводиться систематически. В 1977 г. сход был проведен в сел. Мгудзырхуа Гудаутского района, в 1978 г. – в сел. Джирхуа Гудаутского района; в 1979 г. – в сел. Куланырхуа; в 1980 г. – в сел. Звандрипш; в 1981 г. – в сел. Кутол Очамчирского района; в 1982 г. – в сел. Абгархук Гудаутского района; в 1983 г. – в сел. Дурипш; в 1984 г. – в сел. Лдзаа; в 1985 г. – в сел. Кындыг Очамчирского района; в 1986 г. – в сел. Калдахуара Гудаутского района. Местом проведения схода каждый раз избиралось новое селение, в котором проживают представители данной фамилии.

До начала схода Совет старейшин ставит в известность местные сельские и поселковые советы о времени проведения схода.

В материалах рода Агрба говорится: «Наш символический пароход «Агрба» плывет с берегов времен глубокой древности к берегам современности. Он прошел через бури невзгод, сквозь 300-летнюю турецкую тиранию, унизительное махаджирство. На нем плыли наши предки: Ага, Хабрак, Иордан, Титу, Соуфыдж, Сеидык, Каламат, Хуатхуат, Басят, Хаджим. Ему помогли причалить к берегам Советской власти наши отцы и старшие братья революционеры-киаразовцы во главе с Василием, Акакием, Давидом Агрба» (5).

В роду Агрба составлена генеалогическая таблица каждой семьи. Создана касса или «фонд братства» – делается складчина до тридцати рублей (ранее пять рублей; всё в ценах 1990 г.) от каждого человека, предназначенная для проведения «братских собраний». Из собираемой суммы часть денег расходуется на оформление стендов, плакатов, альбомов, фотовыставок, композиций. На сходе 1981 г. были выставлены стенды: «Они отдали жизнь за свободу и независимость Родины», «Их труд укрепляет могущество Родины», «Гордость нашей фамилии», «Дети – наше будущее» и др. На этом сходе специальный стенд был посвящен революционеру Давиду Агрба (6).

Сход 1981 г. состоял из трех композиционных структур: вступления, основной части и заключения. Председатель Совета старейшин Р. Агрба приветствовал сход гостей, племянников и племянниц, зятьев, детей, родившихся между сходами, поступивших в вузы и другие учебные заведения. Были названы Агрбовцы, ушедшие из жизни за последний год, их память почтили вставанием. Были названы и передовые представители фамилии.

По неполным данным, которыми располагает фамильный Совет, среди сородичей и однофамильцев Агрба было: заслуженных деятелей производства, науки и культуры – 20 чел; с высшим образованием – 85 чел; со средний образованием – 235 чел; членов КПСС – 93 чел; членов ВЛКСМ – 110 чел; студентов – 55 чел; учащихся – более 400 чел. (7).

Важное место на сходах Агрба занимают вопросы социализации молодежи. Наряду с положительными моментами в воспитании на сходе отмечалось, что некоторые молодые люди стремятся уйти от труда, допускают порочные поступки, а несколько человек оказались в заключении. Известны также случаи, когда юноши и девушки плохо относятся к родителям и старшим. В числе методов воспитания молодежи Совет использует беседы на темы морали, как в узком кругу, так и с вызовом на заседание Совета, предъявляя требования исправиться. Совет также изучает многие семьи, в нужных случаях активно вмешиваясь во внутрисемейные дела. Отмечалось также, что некоторые молодые люди, давно достигшие зрелого возраста, не создали семьи (называются имена), слишком увлекаются модой. Отдельные родители позволяют своим детям нигде не работать и не учиться.

В выступлениях многих участников схода о воспитании молодежи говорилось как об одной из важных задач. Например, 90-летний Д. Агрба отметил, что наряду с важностью борьбы с обычаями проведения широких и пышных свадеб, похорон и поминок, необходимо думать о преемственности поколений и передать молодежи лучшие обычаи и традиции. Были названы лица, ведущие праздный образ жизни. Оратор призвал брать пример с лыхненца Т. Агрба, у которого девять детей, и все они отличаются высокой нравственностью (8).

Много внимая на сходе было уделено преодолению внутриродовых конфликтов. Так, старейшина сел. Мгудзырхва Агрба Шмат отметил, что фамильным Советом проделана большая работа по разбору конфликта братьев из села Куланырхуа. Старейшина призвал братьев и сестер быть дружными, соблюдать правила абхазского этикета и аламыса. А внимание молодежи было обращено на то, чтобы не обижаться на критику, быть скромными и уметь сдерживать себя от дурных привычек, к жизни по совести (ламысла) (9).

В выступлениях других участников схода отмечалось, что по сравнению с прошлыми сходами, нынешний стал организованнее, а совет однофамильцев провел значительную работу по формированию у подрастающего поколения нравственных морально-этических качеств.

На сходе молодежь приняла обещание перед старшими однофамильцами:

1. Беречь фамильную честь, выработать в себе лучшие качества человека.

2. Возродить и всячески способствовать развитию положительных абхазских традиций.

3. Взять обещание по самовоспитанию молодого человека, составить письменное обязательство и в течение месяца прислать его Совету.

4. Бороться с вредными привычками: курением и т. д.

5. Проявлять послушание к родителям и старшим. Грубость, дерзость и невыполнение родительского наказа считать преступлением.

6. Всем молодым людям, достигшим зрелого возраста и просрочившим время женитьбы, – пусть годом свадеб будет 1985 г. (10).

После официальной части схода состоялись увеселительные мероприятия. Молодежь Агрба показала свою художественную самодеятельность. Выступали танцоры, певцы, юные музыканты, поэты и поэтессы. Исполнялись исключительно национальные песни и танцы, стихи собственного сочинения и национальных поэтов. Лучшие из участников концерта были награждены грамотами им. заслуженного артиста Грузинской ССР и Абхазской АССР Разанбая Агрба (11). Молодежь также состязалась в национальных видах спорта, много времени отдавая традиционным играм.

Затем был показан кинофильм о прошлой встрече фамилии Агрба 1980 г. в сел. Звандрипш Гудаутского района. Здесь был снят фильм и о нынешней встрече названных однофамильцев в сел. Кутол.

В заключение схода было принято обращение ко всем сородичам, однофамильцам Агрба, а также ко всем трудящимся Абхазии, в котором обращается внимание на приумножение достижений народного хозяйства своим честным трудом, укрепления могущества Родины, призывы беречь уникальную природу республики, экономические основы нашего общества; объявлен бой всему негативному – пьянству, хулиганству, всевозможного рода излишествам, праздной жизни, кумовству. Особое внимание обращено на воспитание молодежи в духе высокой нравственности, активной жизненной позиции (12).

В заключение официальной части тринадцатого по счету схода фамилии Агрба, его участники посадили памятное дерево (секвойю). Эта честь была предоставлена 90-летнему революционеру Д. Агрба и 9-летнему пионеру Б. Агрба (13). Затем все участники и гости были приглашены на фамильный обед, в который большой вклад был внесен жителями сел. Кутол.

Праздничное застолье было проведено по традиционным канонам, с принятыми у абхазов здравицами, благопожеланиями, песнями.

В целом можно сказать, что фамильный сход Агрбовцев в 1981 г. в сел. Кутол, прошедший интересно, динамично, ярко, был притягателен своей жизненностью и одухотворенностью. Каждый присутствовавший был соучастником, сопереживателем торжества, ибо речь шла о его семье, фамилии, родственниках, об их труде и истории.

Фамильные сходы продолжают играть заметную роль и в современной этнической культуре абхазов. Их проведение различными родами в Абхазии не во всех сценариях могут совпадать. Каждая фамилия проводит его по-разному. Но в тоже время есть общие черты, общая структура и функции, объединяющие все сходы. К числу важнейших функций фамильных сходов следует отнести: их важную роль в процессе социализации детей и молодежи, воспитании нравственности, в прививании молодежи этических норм, межпоколенной трансмиссии этнокультурной информации, в совершенствовании семейно-бытовых отношений. Сходы выполняют и важные эстетические функции, содействую одновременно развитию музыкального, хореографического и художественного творчества людей (14). К числу важных функций фамильных сходов относится и потребность в традиционных формах проведения, и проявление традиционного этикета – апсуара (абхазство), следование ему, воспринимаемому как живой кодекс, где носители культуры стихийно или целенаправленно выступают как их активные творцы.

Исследователями уже отмечалось, что одной из задач фамильный сходов является знакомство всех однофамильцев и родственников непосредственно друг с другом, с тем, чтобы исключить браки между ними (15), способствовать установлению тесных связей, закреплению отношений родственной поддержки, выручки, взаимопомощи. Ибо в условиях делокализации фамилии многие не знают друг друга, тем более, что некоторые представители рода могут проживать и вне пределов Абхазии. Запрещение же браков

внутри рода и фамилии (экзогамия) строго соблюдается у абхазов как один из древних и важнейших обычаев народа.

В известном смысле сходы продолжают играть социально-регулятивную функцию. Эта функция основывается на сохраняющихся в этнопсихологических стереотипах современных абхазов ориентациях на общественное мнение, в частности, на мнение родственников и однофамильцев. В своих внешних формах фамильные сходы напоминают традиционные. В этом качестве они выступают в виде так называемых «вторичных форм культуры» (16), как своего рода реминисценция ее традиционных форм.

Примечания

1. Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965. С. 405.
2. Там же. С. 406.
3. Там же. С. 559.
4. Материалы фамильного схода Агрба в сел. Кутол Очамчирского района в 1981 г. были нам любезно предоставлены директором Абхазского Института усовершенствования учителей Р. Агрба, за что автор выражает ему благодарность.
5. Материалы фамильного схода Агрба 1981 г. Материалы хранятся в доме Ремзи Агрба в личном архиве. Материалы состоят из собрания большого количества письменных документов в нескольких разных папках, описывающих проведение фамильных сходов рода Агрба разных лет, а также биографии многочисленных представителей фамилии, наглядных средств: фотографий, плакатов, стендов и т. д. Их учет и систематизация в основном были проделаны Р. Агрба. Наиболее полное описание фамильного схода названной фамилии относятся к сходу, проведенному в 1981 г. (Описания других сходов разных лет неполны и фрагментарны). Поэтому мы решили ознакомиться с ними и дать их описание с небольшими сокращениями.
6. Материалы фамильного схода Агрба. 1981 г. С. 3.
7. Там же. С. 10.
8. Там же. С. 11.

9. Там же. С. 12.
10. Советская Абхазия. 1981г. 5 декабря; Материалы фамильного схода Агрба. Там же. С. 13.
11. Там же. С. 14.
12. Там же.
13. Материалы фамильного схода Агрба 1981 г. С. 14.
14. Закович И. М. Советская обрядность и духовная культура. Киев, 1980. С. 32, 173.
15. Аргун Ю. Г., Павленко А. П., Спицина Н. Х. Фамильно-родовая система и брачные ареалы // Абхазское долгожительство. М., 1987. С. 70.
16. Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры // Расы и народы. 1975. Т. Б. С. 32-41.

Полевые исследования. Новая серия. Том 1. Выпуск 2. – М. 1993. С. 68–76.

Основные черты социального строя

В соответствии с современными научными данными, уже в I–II вв. н. э. на территории современной Абхазии возникают такие политические образования, как царства апсилов, абазгов, санигов и др. В тот период местное население непосредственно соприкасалось с развитыми античными государствами. Это содействовало социально-экономическому и политическому развитию Абхазии, важным этапом которого стало образование Абхазского царства в конце VIII в. (Анчабадзе, 1964. С. 202–207; Инал-Ипа, 1965. С. 385).

В то же время эволюция политического и экономического строя Абхазии осложнялась тем, что в течение всего средневековья и вплоть до XIX в. сохранялись многочисленные и устойчивые остатки и пережитки патриархально-родовых отношений. Исследователи единодушны в том, что общественный строй горских народов Кавказа отличался особым своеобразием. Как отмечал М. О. Косвен, он характеризовался «иногда довольно высокими формами политического устройства, довольно развитыми формами примитивного народоправства, с их особой «вольностью» и вместе с тем весьма устойчивыми общественным порядком… наряду с крайней отсталостью материальной и хозяйственной культуры» (Косвен, 1951. С. 17).

Первая попытка общей характеристики социального устройства народов Кавказа, в том числе и абхазов, была сделана С. Броневским. В основном, он различал две формы общественного строя горцев: феодальную и демократическую, которые, однако, на Кавказе нередко существовали, по его же словам, в «смешении» между собой. Следовательно, говоря об элементах демократизма в феодальном строе горцев Кавказа, С. Броневский отмечал наличие первобытнообщинного уклада в горском феодальном обществе. Эта характеристика в различных вариантах получила широкое распространение в последующей кавказоведческой литературе (Там же. С. 7–9).

П. Д. Краевич, являясь сторонником теории о роде как универсально-исторической начальной общественной форме, многие особенности социального устройства Абхазии XIX в. также объяснял наличием остатков общинного строя в стране. При этом, как и другие представители буржуазно-дворянской историографии он был склонен к идеализации отношений между абхазскими помещиками и крестьянами, чуть ли не сводя их к простым отношениям «покровителей» и «покровительствуемым», доказывая, что земля в Абхазии была всегда достоянием общества (Дзидзария, 1958. С. 145, 183, 210; Инал-Ипа, 1965. С. 386). С учетом этого преувеличения роли исчезавших дофеодальных пережитков, по мнению Ш. Д. Инал-Ипа, в его сочинении содержится по тому времени более верная характеристика общественно-политического быта предреформенной абхазской общины (Инал-Ипа, 1965. С. 387).

Таким образом, Абхазия до середины XIX в. была страной с довольно типичными отношениями так называемого «горского феодализма», в которые крепко вжились элементы родоплеменного строя, а сочетание кровнородственных и феодальных отношений и связанных с ними обычаев и институтов определяло в течение многих веков своеобразие общественного быта горских народов Кавказа.

Основным структурным элементом общественной организации абхазского общества XIX в. являлась сельская (соседская) община – ақыҭа. Этот термин полисемантичен, в зависимости от контекста он обозначает либо село, либо общину и это неудивительно, так как их территориальные и социальные границы полностью совпадали. При этом абхазская община характеризовалась тесным переплетением в ней территориальных, социальных, экономических и родственных связей, объединявших всех ее членов в единое целое, которое некоторые исследователи обозначали даже словом «союз».

Так в «Краткой записке о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани» говорится, что основанием их общественного устройства «служили многие союзы, на которые делилась вся страна, родственные в отношении племенном и состав-

лявшие долгое время одно политическое целое, под управлением владетелей из двух линий фамилии Шервашидзе» (Дзидзария, 1958. С. 142). Члены союза (общины) представляли собой тесно сплоченный коллектив, напоминая своего рода военный лагерь. При слабости владетельской власти, население Абхазии стремилось к обеспечению своих прав и к ограждению себя от внутренней и внешней опасности посредством соединения в союзы или общины. Каждый союз жил своей особой внутренней жизнью, на основании издавна установившихся взаимных отношений между членами общины (Очерк устройства..., 1870. С. 4).

Абхазская община характеризовалась рядом своеобразных черт. Так, в крае не было общинной собственности на пахотные земли, которые находились в посемейной или подворной собственности абхазов. «Каждый поселянин, – писал по этому поводу Н. В. Фон-Дервиз, – имеет свои участки усадебной или пахотной земли, которые закреплены за ним межеванием... Ввиду этого землепользование следует считать подворно-участковым, так как... земли, отведенные в подворное владение, в переделы не поступают» (Фон-Дервиз, 1906. С. 30). Общими же для всех и открытыми для совместного пользования были только пастбища и леса.

Другим цементирующим фактором служило то обстоятельство, что абхазская община объединяла все слои населения – низшие и высшие сословия. Представители последних, постоянно проживая на территории общины, оказывались включенными во все виды социальных связей, структурировавших общественную жизнь ақыҭа, хотя и занимали в иерархической структуре социума более высокую ступень, которая обуславливалась их княжеским – аҭауад, или дворянским – аамсҭа – статусом.

Следующим фактором было аталычество – ааӡара, ахашатәра – обычай, по которому дети дворян и князей с грудного возраста отдавались на воспитание в крестьянские семьи. Вскормленные грудным молоком кормилицы-крестьянки, воспитанные ее мужем-воспитателем – аталыком, молодые княжичи становились молочными сыновьями и братьями для семей своих воспитателей, с которыми в будущем они, как и их родители, поддерживали самые близкие и теплые, фактически родственные отношения. Их крепость и нерушимость обуславливалась высокой ценностью и значимостью, которой обладало молочное родство в традиционной ментальности абхазов. Институт аталычества был также весьма действенным механизмом смягчения сословных противоречий в абхазской общине (История Абхазии, 1991. С. 163).

Следует подчеркнуть, что наличие внешней угрозы (набеги соседних народов, пленопродавство, неприязненные отношения между общинами и привилегированными фамилиями, воровство скота и пр.) еще сильнее связывало высшие сословия с низшими внутри общины. Эта постоянно существующая внешняя опасность оказывала благоприятное влияние на улучшение внутренних отношений в общинном союзе и способствовала «наибольшему утверждению ненарушимости прав каждого со стороны членов общины вообще и привилегированной фамилии в особенности» (История Абхазии, 1991. С. 166).

Наконец, важным элементом существования была взаимная межобщинная и межсословная помощь и поддержка. Это способствовало атмосфере благополучия и создавало необходимый минимум материального достатка для каждого члена общины. Среди абхазов не было ни одного нищего, а институт нищенства как таковой не существовал вообще. Это говорит об относительной социальной эффективности их традиционного общественного устройства (Там же. С. 165–166).

В то же время самостоятельность и автономность общин была не беспредельной. В ряде случаев между ақыҭа существовали некие взаимные договоренности, которые накладывали определенные ограничения на свободную реализацию социальных нужд конкретных общин. Так, известен следующий исторический факт. 18 июня 1866 г. в с. Калдахуара по требованию администрации собрались жители ряда сел Бзыбской Абхазии (Калдахуара, Блабырхуа, Бармышь, Папцва, Шлара) в связи с подготовкой крестьянской реформы. На требования прибывших на сход русских чиновников дать сведения о сословно-поземельных отношениях, крестьяне заявили, что они не могут отвечать на их вопросы отдельно от дру-

гих общин Бзыбского округа, так как «имеют исстари данный обет и присягу ни на какие важные вопросы не давать ответов одной общине отдельно от других» (Инал-Ипа, 1965. С. 409–410).

Очевидно, что подобные ограничения самостоятельности общин – учитывать интересы своих соседей – в целом гармонизировали межобщинные отношения, элиминируя возможные причины конфликтных ситуаций.

Важнейшую роль в структурировании социальных связей в традиционном абхазском обществе играли родственные отношения и связанные с ними общественные институты. Некоторые авторы даже приписывают родственному фактору доминирующую роль в динамике социального процесса. Так И. И. Аверкиев (1870-е годы), придерживавшийся родовой теории, констатировал наличие в Абхазии родового уклада, выдвинул положение о том, что «основание политического строя жизни абхазского племени составлял союз родовой, фамильный» (Косвен, 1955. С. 17). Фактически он отождествлял понятия родовой и сельской/территориальной общины.

Основания для подобного смешения были. С одной стороны, автор не мог не увидеть замкнутого характера жизни абхазской акыта (союза). С другой, он обратил внимание на то, что большинство жителей общины связаны друг с другом реальными кровнородственными отношениями и, очевидно, что с углублением исторической хронологии, родственная гомогенность общины возрастала. Недаром А. Ламберти, автор XVII в., уверенно говорит о фамильно-родовом характере абхазских поселений (Ламберти, 1913. С. 212). Не менее категоричен Л. М. Серебряков, автор середины XIX в., который подчеркивал, что фамильные союзы составляют основание общественного устройства «абхазского племени» (Инал-Ипа, 1965. С. 409).

Едва ли не самые ранние более или менее конкретные сведения об абхазских территориальных подразделениях мы находим у турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби. Описывая Абхазию, он поименно называет несколько абхазских общин, в первую очередь владетельскую фамилию Чач (Чачба), а также Арт

(Аредба), Гечь (Гечба) и др. (Эвлия Челеби, 1896–1897. С. 102–105). Описания Эвлия Челеби, несомненно, фиксируют те общественно-родственные структуры, которые хорошо изучены на этнографических материалах XIX в. и обозначаются в специальной литературе, как фамильные или фамильно-родовые союзы. Абхазы же называют их ажәла (букв.: семя, род).

Ажәла – фамильный союз – наиболее широко очерчиваемая родственная группа. В нее входят все без исключения носители данного родового имени-фамилии. Все его члены считались связанными кровным родством, поэтому брачные отношения внутри круга категорически запрещались. Для него было характерно известное территориальное единство. Как правило, большинство однофамильцев компактно проживало в одном селении, поэтому по родовому имени индивида, можно было почти безошибочно узнать, не только из какой части Абхазии он происходит, но даже из какого он села.

Каждый род имел свою родовую святыню – кузню или священную рощу, где в определенное время регулярно совершались жертвоприношения и фамильно-родовые моления. Члены ажәла были связаны обычаем взаимопомощи. В случае нужды любой родич мог рассчитывать на действенную материальную или моральную поддержку со стороны однофамильцев, в том числе и на вооруженную защиту своих интересов, ибо члены ажәла обязаны были мстить за обиду и ущерб, нанесенные сородичу. Ф. Ф. Торнау, касаясь кровной мести, говорил, что мстить обязаны были самые дальние родственники убитого, что сила и значение рода зависели от числа кровомстителей, которых он может выставить (Торнау, 1864. С. 55). Д. Бакрадзе также свидетельствовал, что в ссоре одной фамилии с другой все однофамильцы берутся за оружие, отложив взаимную вражду и предварительно присягнувши (Бакрадзе, 1860). Л. М. Серебряков писал, что многочисленная цебельдинская княжеская фамилия Марщан образует общий союз, налагающий на каждого ее представителя обязанность взаимной защиты и мести в столкновениях с другими фамилиями, хотя внутри себя она в свою очередь подразделяется на более мелкие, нередко противо-

стоящие друг другу частные родовые союзы. Те же начала патриархального устройства фамильных союзов он отмечал не только в привилегированной, но и в народной среде (Инал-Ипа, 1965. С. 409).

Выражением значения фамильно-родового единства является целый ряд обычно-правовых формул, закрепившихся в народной памяти. «Ты представитель какого рода?» (абхаз.: «Узыжәлада?»), – вот вопрос, который в старину интересовал людей в первую очередь. Ибо одна только принадлежность к тому или иному роду накладывала на человека определенные обязательства и в то же время обеспечивала ему известную гарантию безопасности. Самым сильным проклятием было: «Чтобы сгинул твой род!» (абхаз.: «Ужәла нҵәеит; уԥшь нҵәеит!») (Инал-Ипа, 1965. С. 410).

Фамильный союз особо знатных и влиятельных родов составляли не только члены одного родственного коллектива, родичи в узком смысле слова, ведущие свое происхождение от общего предка, но и те семейства и лица инородного происхождения, которые по той или иной причине примкнули к этому союзу, отдались под его покровительство и защиту. Зачастую для одиноких и малочисленных фамилий и тех, кто оторвался от своей родственной группы, иного пути выживания и не было.

Несмотря на то, что общественно-политическое устройство Абхазии, как и других народов северо-западного Кавказа, характеризовалось, как было отмечено выше, наличием значительных пережитков патриархальных отношений, тормозивших развитие процесса феодализации, для традиционного абхазского общества была характерна глубокая социальная стратификация с четко выделившимися классовыми полюсами.

Феодальная знать Абхазии первой половины XIX в. была представлена сословием князей – аҭауад – дворян – аамсҭа. По сведениям, собранным Сухумской сословно-поземельной комиссией, к 1869 г., высшее сословие составляло до 4 тыс. чел. (Очерк устройства..., 1870. С. 6; История Абхазии, 1991. С. 165). На самой высшей ступени сословной лестницы стояли представители княжеской фамилии Чачба, из которой происходил и сам владетель (в исторической литературе более известна грузинская форма

этой фамилии – Шервашидзе). Кроме того, княжеским званием обладали Ачба (Анчабадзе), Эмхаа (Эмухвари), Марщан (Маршания), Дзапш-ипа, Инал-ипа, Чаабалырхуа, Гечба, Чхотуа, Цанба. Самыми влиятельными дворянскими фамилиями считались Маан (Маргания), Лакрба, Мканба, Званба и Акыртаа (Акиртава), а также Блабба, Барас, Цышвба, Эшба и др. Существовали также категории незначительных дворян, называвшиеся «короткими» – аамсҭа кьаҿ «садовыми» или «лесными» дворянами – акәаҭа аамсҭа. Промежуточное положение между дворянством и высшим слоем крестьянства занимали ашьнаҟәума – телохранители владетеля и других наиболее крупных феодалов (История Абхазии, 1991. С. 165).

Все нити управления страной формально сосредотачивались в руках владетельного князя – аҳ. Он также номинально считался верховным собственником всех земель княжества. По свидетельству Ф. Ф. Торнау, по зову владетеля князья и дворяне были обязаны собираться для защиты края и его самого. Они обязаны были также почитать его подарком, когда он посещает их дома (Дзидзария, 1958. С. 146). В целом авторитет и влияние владетеля не приходится отрицать, о чем, в частности свидетельствует абхазская поговорка: «Пусть меня накажет бог, лишь бы владетель покровительствовал надо мной» («Анцәа сишәиргьы, аҳ дысхылыԥшуандаз»). В то же время его власть не была абсолютной. Она распространялась главным образом на так называемую Большую Абхазию (Бзыбь, Центральная Абхазия, Абжуа и Самурзакан). Отдельные князья находились лишь в номинальной зависимости от Шервашидзе. Горные абхазские общества – Дал, Цабал (Цебельда), Псху, Аибга, Ахчипсы и вообще вся так называемая Малая Абхазия, где всегда сохранялись традиции самоуправления, вообще не признавали владетеля.

По существу в своих действиях владетель находился «в зависимости от сильных князей и дворян, которых ему весьма трудно заставить себе повиноваться». Наказать кого-либо из них за непослушание он мог не иначе как с помощью тех же князей и дворян, но получить их согласие на это стоило больших трудов и издержек. Тем не менее, если кто-либо из князей и сильных дворян пытал-

ся возвыситься над владетелем, возникали серьезные столкновения. Так, в середине XIX в. князь Нарчоу Инал-ипа выказал неповиновение Михаилу Шервашидзе. Последний наказал его с помощью влиятельных дворян Маан (Маргания). Однако, когда авторитетнейший их представитель Кац Маан (Хыбр-ипа Маан Кац, как обычно называли его в народе, то есть Кац, потомок Хыбра), высказал неудовольствие владетелем, то потерпел сильное крушение. Владетель же вновь начал поддерживать фамилию Инал-Ипа. По словам А. Н. Введенского: «…у владетеля слишком много средств для того, чтобы способствовать возвышению одной и падению другой из привилегированных фамилий» (Дзидзария, 1958. С. 150).

Тем не менее, Шервашидзе так и не удалось подорвать политическое влияние и экономическую мощь княжеско-дворянских родов Абхазии. Основу их господства составляла феодальная собственность на землю, в соединении с политическими правами в отношении к покровительствуемому населению.

Почти каждой сельской общине покровительствовали и фактически руководили ею представители проживавшей в ней княжеской фамилии. В пределах своих общин и уделов феодалы стремились быть верховными распорядителями земель, причем общинные владения также находились в зависимости от них.

Обязанности «покровителя» – ахылаԥшɷы – по отношению к населению общины по описанию Сухумской сословно-поземельной комиссии, заключались: «… 1) В ограждении безопасности общины от набегов соседственных народов, что в особенности, относилось до общин, обитавших поблизости границ…, а также в преследовании неприятеля, с целью возвратить награбленное им…; 2) В ограждении занимаемого общиной пространства, в видах пользования лесами и другими угодьями, не состоявшими в чьем-либо частном владении, – главным образом для устройства зимних приютов для скота и для пастьбы его, а также для занятия под новые поселения и пашни; 3) В доставлении удовлетворения по делам кровосмешения…; 4) В содействии к отысканию украденного…» (Дзидзария, 1958. С. 179; Очерк устройства…, 1870. С. 11).

Феодальные кланы стремились укрепить свои позиции путем заключения с другими общинами, народами политических, родственных, брачных, аталыческих и т. п. союзов. Например, владетельный князь Абхазии Михаил Шервашидзе по обычаю аталычества был воспитанником убыхов, поэтому пользовался в их среде влиянием совершенно исключительным. Пользуясь этим обстоятельством, владетель часто использовал убыхов как военную силу, если было необходимо расправиться с княжеской оппозицией внутри Абхазии (Анчабадзе, 1984. С. 154).

Более 90% всего населения Абхазии составляло крестьянство. Значительный удельный вес среди них (2/3 всего населения края) составляло высшее крестьянское сословие свободных общинников – анхаɷы (букв.: «хозяйствующий человек»). Их численность, согласно данным Сухумской сословно-поземельной комиссии, равнялась около 47 тыс. чел. Это, несомненно, древний термин, обозначающий земледельца-крестьянина вообще. Как и полагал автор «Кратких заметок о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыпского округа Абхазии» А. П. Черепов, данное наименование «всего ближе можно выразить словом земледелец» (Дзидзария, 1958. С. 182). С. Смоленский название рассматриваемой категории крестьянства переводил как «поселянин» (Смоленский, 1874. С. 403). Впоследствии термин «анхаюы» закрепляется за одной, а именно высшей категорией крестьянства, не теряя в то же время и общее значение, выражающее понятие вообще крестьян, которое сохраняется и в настоящее время.

За анхаюы следовали более низкие категории крестьянства; среди которых – среднее – амҭуразқәу (букв.: «на ком лежит работа», то есть обязанный работой, прислуживанием, службой). Их количество за 1869 г. составляло всего 1300 чел. За амҭуразқәу следовали – ахәуɷы (букв.: «приготавливающий пищу») слуга или, как передают его буквальное содержание некоторые русские источники, – «работник», «повар», «кашевар». Они были известны и под наименованием агыруа (букв.: «мегрел»). В последнем наименовании нашло отражение то историческое обстоятельство, что пополнение этой категории абхазского крестьянства происходило

во многом за счет выходцев из Мегрелии (Введенский, 1872. С. 16). Численность ахәуҩы к моменту крестьянской реформы в Абхазии составляла около 8 тыс. чел.

Наконец, самую низшую ступень в сословной иерархии занимали домашние рабы – ахашәала (букв.: «прибыль», «то, что досталось», «излишек», «лишний»). Их число накануне крестьянской реформы в Абхазии, по данным Сухумской сословно-поземельной комиссии составляло 1300 чел. Как правило, это были люди, взятые в плен на Северном Кавказе и в Западной Грузии в результате военных набегов. Однако через 2–3 года рабу разрешалось жениться, и владелец, будь то феодал или крестьянин, наделял его землей, предметами хозяйства, и он переходил в условно зависимую низшую категорию крестьянства – ахәуҩы или агыруа (История Абхазии, 1991. С. 166; Дзидзария, 1958. С. 285).

Особую прослойку абхазского общества составляли вольноотпущенники, так называемые азаты. Это были лица, уволенные из различных крестьянских сословий, и не отбывавшие вообще никаких повинностей. Данная категория становилась жрецами, наставниками детей феодалов. В 1869 г. их насчитывалось в Абхазии 2200 чел. (Очерк устройства, 1870. С. 7; История Абхазии, 1991. С. 165).

В XIX в. и ранее основными установлениями, по которым решались все внутренние дела в социуме, были нормы обычного права – адаты. Раздоры между фамилиями или разными их отраслями разбирались судом посредников. Рассмотрев по адату дело о вражде между двумя фамилиями, определяли величину штрафа, который виновная сторона должна уплатить за кровь, насилие, убытки, тяжелую обиду и пр., причиненные потерпевшим. Штраф требовался не от частных лиц, а с фамилии в целом, которая и доплачивала то, чего недоставало у виновного. При этом плату складывали на всю ответственную часть фамилии, то есть между однофамильцами, но в неравных долях, сообразно со степенью родственной близости иждивенцев по отношению к виновному. Таким образом, все члены каждой фамилии были связаны между собою родом взаимного поручительства за сохранение общественного спокойствия (Инал-Ипа, 1965. С. 411).

При рассмотрении судебных дел основной формой доказательства виновности или невиновности служило «соприсяжничество». Заподозренный в преступлении приносил присягу у священной кузни в своей невиновности (Джанашиа, 1960. С. 73–74), а вместе с ним – его соприсяжники; они принадлежали только к тому сословию, к какому принадлежали тяжущие. Если те отказывались стать соприсяжниками, то это служило основанием для обвинения заподозренного. Перед народным судом обязан был предстать каждый. И «никакие сословные преимущества, и никакие родственные отношения не могли служить препятствием в подобных случаях» (Несколько слов о применении народных обычаев, 1871. С. 31; Мачавариани, 1913. С. 315). Иногда прибегали к суду по шариату, особенно это практиковалось в тех случаях, когда дело касалось кровной мести. В Абхазии, по адату, «цена крови» представителей высшего и низшего сословия представляла весьма существенную разницу, но перед судом шариата все были равны (Гожба, 1998. С. 52–53).

«Абхазы». – М. 2007. С. 322–331.

Сословные взаимоотношения традиционного абхазского общества в контексте морально-этических норм Апсуара

Имеющиеся у исследователей историко-этнографические материалы свидетельствуют, что основной силой, оберегавшей устои основы традиционной культуры абхазов «Апсуара» от каких-либо посягательств со стороны, являлось экономически независимое, высшее сословие свободных общинников – «анхаю»[1] (букв. «хозяйствующий человек, или человек, относящийся к хозяйствованию с высокой ответственностью»). Они, т. е. анхаю-цкьа («чистые крестьяне») отличались высоким уровнем социального сознания; являлись хранителями нравственных идеалов доброты, сострадания, совестливости, строгих устоев в семье и т. д. Такие нравственные представления и нормы поведения как трудовая взаимопомощь, поддержка семьи, уважение к старшим, чувство долга и др. вырабатывались у абхазов веками[2]. Анхаю-цкьа, являясь прилежными и рачительными хозяевами, уважали честно нажитый своим трудом достаток, поскольку это соответствовало обычаям и нормам трудового права. Имеющиеся примеры говорят, в частности, о том, что они заботились об охране природных богатств и порицали хищническое к ним отношение. Анхаю жили в гармонии с природой (абх. «апсабара», – букв. «то, что видит душа»), они от нее брали столько, сколько необходимо было для достойного существования индивида, семьи (абхазы исходили еще из представления, что в основе природы лежат некие духовные ценности). По словам старожила с. Члоу, ныне покойного Шали Джопуа, когда его молодые однофамильцы шли в грабовый или каштановый лес за строительным материалом, их сопровождали старшие, следили чтобы рубили лишь необходимое для хозяйственных целей[3]. По дрова ходили в другой лес. В народе хранится память о тех людях, которые и вне своего дома бережно, по-хозяйски относились к природе, растениям и животным. В том же с. Члоу жил старый

крестьянин Ивако Цвижба, который не пускал ретивых мужчин в горы на охоту в неположенный срок: ранней весной, когда у зверей любовные игры и когда подрастает молодняк[4].

В общем, анхаюы-цкьа не несли обязательных повинностей по отношению к помещикам, и в целом же, их обязанности в пользу феодалов не были слишком обременительными. К тому же они не слишком строго соблюдались крестьянами, многие из которых вообще их не выполняли. Современная устная традиция полна сюжетами, подчеркивающими свободолюбие и независимость анхаю по отношению к князьям и дворянам.

Так, согласно фамильному преданию Квициния, в селе Атара-Абхазская, примерно сто лет назад местный князь Чачба потребовал от одного из Квициниевцев уплатить ему дань за много лет и послал за ней своих слуг. Крестьянин отказался отдавать своего быка (именно на него «положил глаз» князь), слуги попытались настаивать на своем, но крестьянин их побил и выгнал. После этого в село приехал сам разгневанный князь, но также получил решительный отпор со стороны крестьянина, считавшего его требования необоснованными[5]. В ряде случаев анхаюы-цкьа являлись владельцами крепостных крестьян и рабов. Говоря, что пленников, захваченных во время набегов, превращали в рабов и продавали, Н. Ладария пишет о своем отце, бзыбском крестьянине: «Каждый состоятельный хозяин, будь он крестьянин, дворянин или князь, мог покупать их и заставлять работать. Мой отец не долго держал рабов: еще раньше освобождения крестьян он освободил своих людей. Но они сами не хотели от него уходить и по-прежнему, как семейные, помогали ему в его работах»[6].

«Чистые крестьяне» наряду с мелким дворянством составляли постоянную стражу владетеля; при помощи анхаю подавлялись внутренние волнения, производимые князьями и дворянами[7]. Поддержка анхаю зачастую решала исход феодальных усобиц, поэтому князья и дворяне стремились укреплять свои связи с наиболее многочисленными и влиятельными крестьянскими фамилиями.

Из анхаю избирали жрецов (аныхацааю) абхазских святилищ, при чем имело значение не только лучшее знание народных обы-

чаев, но и то, что служителем культа должен был быть физически и морально, досл. «душевно чистый» человек (сами святилища (аныхи) также выполняли важную функцию в регулировании социальных отношений внутри абхазского этноса. При помощи святилища решались конфликты между представителями разных слоев феодального общества). Князья и дворяне, по мнению народа, «погрязли в политике и интригах», а потому не были пригодны для жречества. При этом само возникновение и развитие в Абхазии владетельской власти было связано со служителями культа Дыдрыпшского святилища из фамилии Чичба. Став владетельными князьями, Чачба стали назначать на роль жрецов этого святилища своих заместителей родственной или фамильной группировки, именовавшейся Чичба, принадлежавших к сословию ашнакума, которые, как известно, формировались из верхушки анхаю.

Традиционная культура анхаю не была некой «закрытой системой»: она дополнялась демократическими элементами форм обхождения верхушечных слоев населения, идеальными нормами, постулатами и правилами дворянского кодекса чести – «Аамсҭашәара». В свою очередь это способствовало распространению престижных обычаев в самых широких слоях населения.

Для характеристики «Аамсҭашәара» чрезвычайно важным является оригинальное философское учение Мурата Ягана «Аамста Кябзе», представляющее собой органичное соединение элементов христианства, суфизма и абхазской народной мудрости[8]. Аамста Кябзе включает в себя правила вежливости, манеры, социальный этикет, ритуалы, духовные обычаи. Это своего рода общественная, культурная, духовная традиция и вообще образ жизни, при котором человек стремится быть полезным своему сообществу: быть терпеливым, демонстрировать честность.

«Аамста Кябзу» Мурат Яган отводит наиболее высокую ступень в иерархической системе Апсуара[9]. Согласно этому учению, первым уровнем Кябзе является – Алейшэа, т. е. нормы поведения, регулирующие социальные качества человека в обществе в его повседневной жизни. Второй уровень – Кябзе – регулирует знания, необходимые в области управления и администрирования. Третий – высший уровень – Аамста Кябзе – достигается путем продолжительных физических и умственных упражнений, направленных на максимальное развитие нервной системы человека. Термин Аамста, по М. Ягану, обозначает тот физический и духовный уровень, который присущ интеллектуально-этической элите и который достигается в результате специфического воспитания, а также сочетания физических и умственных упражнений. Такое значение термина Аамста отражается также в абхазском термине «Аамсташәара»[10].

Термин «Аамсҭашәара» букв. переводится как «дворяноподобный» и является эпитетом благовоспитанного и достойного человека, джентльмена, рыцаря, характеризовавший первоначально привилегированную часть народа. Основу слова «Аамсҭашәара» – «аамсҭа», Н. Я. Марр объяснял как «…буквально господином даренное», т. е. вассал господина, князя, от слова ах – господин, князь и трактуется им как «от руки идущий – подарок[11]. По мнению Ш. Д. Инал-Ипа, аамсҭара (дворянство) в прошлом фамилии получали за особые заслуги в военном деле, так как аамста было военнослужилым сословием[12]. Согласно М. Ягана, это были представители родовой знати – вожди, – люди благородного происхождения, имевшие особые заслуги, достигшие необходимого совершенства и наделенные мудростью аамста кябзе[13]. В этой связи небезынтересно сообщение М. Медичи, который, говоря о «племенных вождях и этнархах» абхазов, «являющихся судьями народа», пишет: «Главного из них называют чачба, т. е. шах; ачба – бек; налика (видимо Инал-Ипа. – О. М.**)** – феодал (деребей); маан – военачальник (беолюк – баши); чирик – офицер (забит); цумба – унтер-офицер (малый забит); дабо (очевидно, вымершая фамилия. – О. М.**)** – племенной вождь; лакырба – дворянин, сыновья которого также считаются дворянами. Они выбирают своего чачбу – главного бея»[14].

Для аамста главным было не материальное благополучие, а почет, слава, добытая во время защиты своего края или в походе. Аамста не сидел дома, это было бы недостойно для мужчины, он, прежде всего, всадник, воин, обладающий высоким благородством и мужеством. Человек, стремившийся стать достойным

звания благородного, должен был, прежде всего, познать себя как личность[15]. Понятия чести, благородства, мужества, долга, скромности, почитания женщины – все это так или иначе, – пишет Б. Х. Бгажноков, – прямо или косвенно было связано с войной и набегами. Эти занятия «составляли едва ли не весь смысл жизни князей, дворян и, между прочим, части свободного крестьянства тоже»[16]. При этом представители «чистого крестьянства», проявлявшие личное мужество в войне, а также в совершенстве владевшие Апсуара, пополняли дворянское сословие. В условиях постоянной военной опасности только люди, ценившие честь выше жизни, готовые жертвовать личным благополучием и дорожившие правом служить общественной пользе, могли сохранить политическую независимость и культурную самобытность своей родины.

Продолжая тему системы ценностей вообще народов Северо-Западного Кавказа, вновь сошлемся на Б. Х. Бгажнокова, тем более, что все, что сказано им о черкесах, в равной степени относится и к абхазам. Культура князей и дворян, – пишет Б. Х. Бгажноков, – даже в таких ее проявлениях, как этикет была, прежде всего, культурой воинов, рыцарей по духу и происхождению, о чем красноречиво свидетельствует рыцарский моральный кодекс – уэркъ хабзе (то же что «Аамсҭашәара» у абхазов). Бесспорно уэркъ хабзэ оказал определенное цивилизующее воздействие как на феодальную знать, так и на все другие слои общества.

Выступая как устойчивое культурное наследие, уэркъ хабзэ проникал во все сферы жизни феодалов, а также в немалой степени и крестьян. Эталоном личности феодала, эталоном личности вообще оставался вплоть до середины XIX века рыцарь, проводящий жизнь в набегах, в защите собственных земель[17].

Одним словом, в основе набегов (наездничества) лежала аристократическая мораль «жажда славы», стремление приобрести репутацию храброго и щедрого, а значит благородного воина.

Феодалы должны были регулярно отправляться в походы. При этом степень значимости похода зависела от его расстояния. Чем длиннее был маршрут, тем он был престижнее, в связи с чем походы нередко затягивались на длительные периоды. Феодалы,

не участвовавшие в походах, не обладали таким влиянием, как известные наездники[18]. Существует, например, немало исторических фактов и свидетельств о старых абхазских аамста, «водивших в лихие набеги в Закубанье»[19]. Данное обстоятельство, несомненно, нашло отражение в героическом нартском эпосе абхазов, сохранившим смутные воспоминания о нескончаемых и долгих военных походах нартов в дальние страны, для которых абхазами был создан специальный термин – хыдзрацара (хьыӡрацара), что понимается как «далекий поход за добывание ратной славы». Существовало и специальное приветствие воинов, возвращавшихся домой с похода: «Уахьцо уаалеит!», – «чтобы ты благополучно возвращался отовсюду, куда бы тебя не занесла судьба»[20].

Следует еще отметить, что основная часть захваченной во время походов добычи (пленные, скот, имущество) раздаривалось неимущим жителям селений, а также родственникам и друзьям (ср. например: обязанностью западноевропейских рыцарей была и забота о сиротах, вдовах и вообще забота о слабых). Сами же аамста вели относительно скромный образ жизни. А скромность, вместе со сдержанностью, по аристократическим представлениям, составляла один из самых главных принципов «Аамсҭашәара»[21] (поэтому абхазо-адыгские князья и дворяне одевались скромнее, жили тоже в относительно скромных домах).

Отсюда берет начало, в частности, коллективно ориентированное поведение, представляющее сдержанность в проявлении эмоций, этикетность, стремление избегать конфликтов в своей среде[22]. Среди аамста господствовали убеждения, что высокому положению человека в обществе должны соответствовать его высокие нравственные качества. Словом, можно быть по происхождению аамста, но если не оправдал своего звания, не соответствуешь нравственному уровню предков, ничто не сможет тебе обеспечить уважение в обществе. Любого аамста в случае нарушения им норм Аамсҭашәара и Апсуара, по обычаю, могли лишить дворянского звания. Таким образом, звание дворянина накладывало на человека много обязанностей и не давало ему само по себе каких-либо привилегий.

Несомненно, что возникновение термина «Аамсҭашәара» связано с периодом формирования военно-феодальной знати и выделения привилегированных родов. Как можно судить по некоторым сообщениям письменных источников, это происходило в довольно отдаленные времена. По данным византийского историка Прокопия Кесарийского, в VI в. у абазгов уже были и цари, и «самые знатные», а значит и менее знатные, может быть, как считает Ш. Д. Инал-Ипа, уже тогда называвшиеся аамста[23]. Следовательно, термин и понятие «Аамсҭашәара», как характеристика благородного человека, возникает в период раннефеодальных отношений. Другими словами, именно период зарождения и развития феодальных отношений сопровождался процессом выделения из общеабхазского этикета нового – дворянского этикета. Представители высшего сословия тем самым создали себе свой особый этикет, свою особую культуру, которая в целом опиралась на общеабхазский этикет. Вместе с тем, Аамсҭашәара более детализировал систему Апсуара, в результате чего все ее важнейшие требования соблюдались более скрупулезно и более щепетильно, со своими специфическими способами и методами.

По всей вероятности, к указанному периоду относится и развитие сердцевины Апсуара – аламыса – индивидуального высоконравственного абхазского поведения, среди качеств которого на первом месте стоят искренность (ацқьара), мужество (ахатҵара) и благовоспитанность (аамсҭашәара).

Старожилы дают самые различные формулировки аламыса. Некоторыми из них являются: подчинение решению народа, уважительное отношение к человеку, отсутствие зависти, доведение до конца начатого дела, стойкость вообще, самостоятельность, решительность, защита чести. Перечисленные черты позволяют сблизить аламыс с рыцарским кодексом чести на Западе. В связи с эти можно высказать предположение, что абхазский аламыс, как и европейский рыцарский кодекс генетически связаны с арабским намусом, (который в свою очередь идет от древнегреческого «номус» – «честь», «слава»), оказавшим в эпоху крестовых походов определенное влияние на представления европейцев о воинских

доблестях, включающих куртуазное отношение к женщине. Кстати сказать, европейская геральдика имела несомненные связи с арабской и эти связи возникли еще в эпоху арабских завоевании в Европе, т. е. VII–VIII вв. Поэтому, к этому периоду, как полагает Я. В. Чеснов, восходит развитие абхазского аламыса, получившего благоприятную почву в раннефеодальном Абхазском царстве[24].

Выше отмечалось, что походы за славой составляли основу образа жизни не только феодалов, но и части свободного крестьянства. Однако, подражая кое в чем урокам (т. е. дворянам), – пишет Б. Бгажноков, – крестьяне всегда оставались сами собой и сохраняли удивительно чувство собственного достоинства[25]. Гордый и независимый нрав абхаза проявлялся каждый раз, когда он видел, что отношение к нему выходило не просто за рамки Апсуара, но и за общепринятые правила человеческого поведения.

Весьма характерны в этой связи факты, приводимые Г. М. Чачба-Шервашидзе и К. Д. Мачавариани о грубом и надменном отношении царских чиновников к местному населению в период восстания 1866 г. в Абхазии; об издевательстве, в частности, чиновника Черепова «даже над князьями и дворянами», а также «над представительницами женского пола, задевая самые священные чувства населения»[26]. «И вот когда изрубили Черепова, – пишет К. Д. Мачавариани, – абхазцы со своей стороны прибегли к такому же издевательству над его трупом»[27].

В отличии и от Востока, и от Запада кавказцы никогда не имели обыкновения кланяться своим и чужим господам. Чинопочитание и бездумное подчинение должностным лицам были чужды для горцев[28]. Даже князья, стоявшие во главе феодальной иерархии, не могли требовать от своих подвластных чрезмерных проявлений знаков внимания, сопряженных, с одной стороны, с личным самоуничижением, а с другой – вознесением, чинопочитанием княжеского достоинства.

О совершенном отсутствии в абхазах, как писал князь Г. М. Чачба-Шервашидзе, «чувства подобострастия и их ненависти ко всем, кто к ним относится надменно, свысока», говорит и следующий факт. Участковый начальник, некто Измаилов требовал на

сходе, в поле, чтобы ему отвечали, снимая шапку. Один из присутствовавших, дворянин Мканба ответил, что «мы шапки снимаем только в церкви, а святого Измаила мы еще не знаем».

За дерзкий ответ он был арестован и сидел в Сухумской крепости несколько месяцев[29].

Говоря о чувстве собственного достоинства абхазов, нужно отметить и то, что согласно источнику, некоторые из «чистых крестьян», гордясь своим чисто крестьянским происхождением, отказывались от дворянских титулов[30], и во многом, идеализируя легендарное прошлое, отмечали порочность века князей Чачба и прославляли век князей и царей из рода Ачба. Но в большинстве своем представители наиболее сильных в экономическом отношении крестьян пробивались в сословие ашнакума, а некоторые из них даже претендовали на дворянство, что правда, стало наблюдаться с установлением в Абхазии российской власти (при этом отметим, что перейти из одного сословия в другое, и в частности получить дворянство, например в той же Западной Европе, было чрезвычайно трудно, так как для этого требовались особые заслуги).

Весьма важно в связи со сказанным подчеркнуть то, что экономически независимые «чистые крестьяне» и в особенности наиболее почетные лица из этой категории, пользовавшиеся особым влиянием, в том числе и вследствие своих высоких морально-этических устоев, строгого следования нравственным нормам Апсуара, не просто оставались в душе дворянами, но и характеризовались, как «крестьянские дворяне» (анхаԥ-аамсҭа)[31].

Главная обязанность анхаю, – пишет проф. Г. А. Дзидзария, – имея ввиду высшее крестьянское сословие, состояло в подношении своему помещику в праздники «живого товара» (ажьыз), т. е. коровы или козла, а также в работе на него в течение нескольких дней в году. По нормам традиционно-патриархального быта, анхаю являлись воспитателями детей дворян и в качестве аталыков доставляли разные приношения продуктами (ашарцху)[32].

Анхаю, – отмечал учитель А. Иоакимов в 1874г., «не несли никаких особых работ для своих покровителей и «повинности» их об-

разовывались из приношений или оказывания услуг и пособий, или близких обычных отношений по усыновлению и воспитанию»[33].

В данной связи нужно сказать, что доставка крестьянами разных приношений дворянам и князьям по обычаю аталычества, ограничивались одним днем в году – каждым понедельником после пасхи. Но и последние, как известно, щедро вознаграждали аталыка за труды – давали своим воспитателям-крестьянам землю, скот, предметы вооружения, рабов. Что же касается подношения крестьянами своим покровителям в праздники «живого товара», то это также никак не являлось показателем подчиненного положения крестьян, а признаком уважения к вышестоящему по социальной лестнице лицу. Кстати, несение службы или выход на полевые работы «высшего разряда анхаю» в течение нескольких дней в году в пользу помещика, в материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии назывались «почетными»[34].

Представители высшего сословия в рамках Апсуара в свою очередь также придерживались по отношению к свободным крестьянам и других установленных правил поведения. Так, по традиции, тоже восходящей своими корнями к родовым отношениям, на рождество, «князь режет на всех своих анхаю баранов и скот и раздает им… Если же князь получит что-либо в вознаграждение, то он уделяет и своим анхаю»[35].

Продолжая мысль, высказанную в предыдущей цитате, должно быть замечено, что по сведениям источника 70-х гг. XIX в. абхазские «князья и дворяне, в особенности, т. е. которые получили воспитание, вежливы и честны»[36]. В понятие «вежливость» входила благожелательность, уважение к любому человеку, в том числе и незнакомому. Природа этого уважения была, по всей видимости, порождена, как и у всех народов, создавших этикет, двумя основными факторами: во-первых, тот, кто оказывал уважение и знаки внимания другому человеку, имел право требовать с его стороны такого же отношения; во-вторых, каждый человек, будучи постоянно вооружен, имел право для защиты своей чести применить оружие. Многие авторы и путешественники, побывавшие на Кавказе, справедливо полагали, что та вежливость и уважение,

которые были характерны для повседневных взаимоотношений черкесов, были в определенной мере порождены той «умиротворяющей» ролью, которую играло всеобщее вооружение народа[37]. Но нужно при этом отметить, что для абхазов, как уже выше отмечалось, был абсолютно чужд социальный сервилизм – весь их этикет был основан на сильно развитом чувстве личного достоинства. «Абхаз, – повторяет С. П. Басария, – изысканно вежлив… Умением держать себя и, вообще, что называется тактом, абхазы поражали почти всех иностранцев. Рыбинский говорит, что «чисто французской вежливости и предупредительности, как у них – вы нигде не встретите»»[38]. Эти нормы приличия строго соблюдались в первую очередь князьями и дворянами. Именно они были страстными радетелями этих строгих правил вежливости.

Согласно аристократическим представлениям абхазо-адыгов, даже враждующие стороны в общественных местах «остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услужливости»[39]. По свидетельству Хан-Гирея, «достойно замечания то, что все эти обряды вежливости соблюдаются и тогда, когда князья и дворяне друг друга ненавидят, даже и тогда, когда они бывают явные враги, но ежели им случится встретиться в таком месте, где законы благопристойности удерживают их оружие в бездействии, например в доме князя или дворянина, в присутствии женщин, на съездах дворянства и тому подобных случаях, где приличия воспрещают обнажить оружие, и самые враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услужливости, что называется дворянская (то есть благородная) неприязненность или вражда, но затем эти враги являются самыми свирепыми кровопийцами там, где они могут свободно обнажать свое оружие, и тем более вежливость их делает им честь, и народ питает к ним большое за то уважение»[40]. Иными словами, согласно этикету, даже враги уважали достоинство друг друга, например, если они встретились или ожидался поединок, то каждый предлагал противнику первым нанести удар, или стрелять. В связи с чем уместно привести следующий имевший место случай. В старину, между абхазами и грузинами

вспыхнула война. Войска с обеих сторон подошли к реке Егры (Ингур). Вот-вот начнется битва, но старшие решили не дать разразиться кровопролитию и решить весь спор поединком. Абхазы выставили молодого юношу, грузины – опытного воина, с проседью на висках. Вынув шашки из ножен, воины пошли навстречу друг другу. Абхаз, резко замахнувшись, вдруг неожиданно опустил шашку. Его противник остановился и недоуменно спросил, почему он опустил оружие. «Ты старше и поэтому я не могу раньше тебя поднять оружие», – ответил юноша. Они обнялись, как братья… Мир был заключен[41].

Подобные правила поведения, свидетельствующие о высокой культуре и живо напоминавшие куртуазные манеры европейского рыцарского средневековья, были распространены, как видно, во всех слоях абхазского общества, в чем следует видеть и влияние «Аамсҭашәара». Поэтому термин «Аамсҭашәара» в XIX в. семантически соотносился не только с высшим сословием; он понимался и в моральном смысле, как характеристика человека хорошего поведения, строго придерживающегося Апсуара.

То же самое следует из учения Мурата Ягана «Аамста Кябзе», где термин Аамста, хотя и переводится как «аристократический», лишен социального смысла. Такое значение термина Аамста отражается, как сказано, и в абхазском «Аамсҭашәара», обозначающем рыцарский этикетный и ментальный код, который был присущ традиционным обществам горцев Северо-Западного Кавказа (абхазам, абазинам, адыгам, убыхам), называемых Муратом общим термином «черкесы»[42].

В связи с этим уместно сказать, что на Северном Кавказе «законодателями моды» выступали кабардинцы, этикетному поведению и манере одеваться которых, старались подражать. Стиль жизни адыгских (кабардинских) «князей и уорков, – пишет Б. Х. Бгажноков, – долгое время был образцом для подражания в среде феодалов Дагестана, Калмыкии, Осетии, Чечни, Балкарии, Абхазии»[43]. Правда, согласно К. Ф. Сталью «Большая Кабарда имела огромное влияние не только на все черкесские народы, но и на соседних осетин и чеченцев» (в том числе ингушей, у которых, на-

пример, желая похвалить человека, говорили: «Благородный, как черкес или гордый, как кабардинец»). Поэтому в данном случае мы имеем дело, говоря словами Ш. Д. Инал-Ипа, по-видимому, не столько с кабардинским влиянием, которое, вообще говоря, не было столь значительным для Закавказья, а с общностью истоков культуры абхазо-адыгских народов и внутренним развитием самого абхазского общества. Не следует при этом забывать, что в отдельные периоды крайние западные пределы Абхазского царства достигали Туапсе, и в этой связи можно предположить, что в состав этого политического образования входили какие-то зихские племена (абхазоязычные поселения были распространены вплоть до Таманского полуострова на севере и до Малой Кабарды на востоке). В XIII–XVIII вв. Черкесия и Абхазия представляли собой единое этнокультурное пространство, население которого жило одними обычаями, верило в одних богов, носило одинаковую одежду. Обычным явлением для Абхазии было знание адыгского языка»[44]. Поэтому, не случайно, что в средние века не только этикет « адыгский, кабардинский», но и «абхазский» для других народов (например, картвелов, турок-османов) был выражением аристократической изысканности и благородства.

В целом же, ценность личных качеств, нравственных достоинств и следование нормам Апсуара, давало высшему сословию, говоря словами Ф. Торнау, «право на уважение своих соотечественников, не предоставляя между тем никакой власти»[45]. Схожую картину мы наблюдаем в среде адыгских феодалов, в частности, «власть черкесских князей и дворян была ограничена… Подчинение князьям было основано в значительной мере на признании его высоких личностных свойств: храбрости, щедрости, красноречия»[46].

Иными словами, не просто вежливость, снисходительность, а элементарное понимание и социальное признание другой личности в повседневной практике общения, выступало для высшего сословия способом утверждения и поддержания в народе собственного достоинства и уважения.

В самом деле, эталоном этикетного поведения должно было служить поведение знати. По материалам абхазской этнографии,

представители титульной части народа и, в особенности, владетельный князь и его семейство считалось блюстителем обычаев и законов и оно своим поведением должно было подавать пример строгого исполнения Апсуара.

В то же время, абхазская знать, можно не сомневаться, никогда не забывала о своем превосходстве над «низшими» сословиями[47] и стремилось отличить себя от простонародья соблюдением правил поведения, соответствующих статусу благородной личности. Они поддерживали свое «благородное» происхождение хорошими манерами, соблюдением различных форм оказания почета, даже походкой, манерой вести беседу, т. е. во всем они стремились демонстрировать свое отличие и превосходство над «низшими» слоями. Так, представители знати носили одежду красного и белого цвета – символов высшей сословной принадлежности. Праздничной выходной одеждой знати обычно служила белая черкеска. В Кабарде, например, на белую бурку и черкеску существовал запрет ношения для недворянских сословий[48].

Социальные различия в одежде детей также были заметны уже с 4–5 лет. Отпрыски знатных фамилий, а также дети богатых крестьян носили черкески из красного, синего или зеленого сукна[49]. Высшие слои старались отличаться, например, и походкой, в связи, с чем небезынтересно описание, данное В. Соллогубом одному из абхазских (абжуйских) дворян: «Старый помещик с итальянской фамилией, остаток прежнего генуэзского влияния – отправился величаво, как испанский гранд»[50]. То же самое относилось и к представительницам знати – они ходили не спеша, распрямив плечи, не размахивая руками и т. д.

Абхазское дворянство, так же как и адыгское (кабардинское), отличало себя от простого населения и своим особым «языком знати», разговор на котором, в XVIII в. в условиях относительно развитых феодальных отношений, на некоторое время был, по-видимому, и престижным символом высшего общества, куртуазным языком[51]. Хотя, разумеется, существовал общенародный абхазский язык, на котором общались все сословия, но такие, например, изысканные, «великосветские» выражения, весьма ори-

гинальные, но и весьма трудно поддающиеся переводу, как «Да будешь ты жив» (Уара умсит), «Да приму я на себя твои невзгоды» (Уххь згеит), «Да отправлюсь я (на смерть) вместо тебя» (Ухатцкы сцеит) и др., если и не запрещались, то, во всяком случае, по мнению Ш. Д. Инал-Ипа, в разговорной практике «сравнительно редко встречались в речи простых крестьян»[52]. Они, т. е. крестьяне, и сами иногда считали, как бы неудобным для себя пользоваться лексиконом высшего общества, ревниво сохранявшего за собой привилегию не только на своеобразный «высокий стиль», но и на ношение лучших («больших») личных имен (напр.: Алымбей, Зосхан, Татластан, Татыркан, Хьрыпс, Хасан и др.) по существу запретных для основной части народа, носившие «крестьянские имена» (напр.: Куча, Мыча, Тышэ, Лажэ)[53].

Наши историко-этнографические материалы свидетельствуют и о том, что абхазские князья и дворяне, следуя Апсуара, нередко были лояльны и порой весьма внимательны к нуждам крестьян. Односельчане их уважали, нередко обращались к ним за советами, приглашали на различные торжества в качестве почетных гостей. Примеров подтверждающих это положение много. Так, например, адзюбжский дворянин Кычын Маан (Александр Маргания), по сведениям информаторов, для нужд жителей села, на левом берегу реки Кудры (Кодора), рядом с лесозаводом Максимова, построил водяную мельницу (Кычын идзлагара – «мельница Кычына», как называли ее в народе), а также в качестве уполномоченного представителя от сельчан, – вместе с Екупом Делба, Каном Цагуриа и др., – в 1910 г. обратился к владельцу великосветского гагрского курорта принцу Ольденбургскому с письмом, в котором просил «принять участие в постройке начатого нами школьного здания» и «оказать должную поддержку»[54].

Между тем, некоторые абхазы предполагают, что постройкой, например, мельницы, Александр Маргания, возможно, заботился не столько о нуждах жителей села, сколько это было для него источником дохода, расположения к себе односельчан и т. д.

В этой связи обратимся к полевым материалам и некоторым другим источникам. Так, по сообщению старожила Константина

Гумба (1925 г. р.) «Кычын построил мельницу для народа» («Қычын аҙлагара иргылеит ажәлар рзы»), «Кычын уважал народ» («Кычын ажәлар пату рықәитцон»). По сведениям того же К. Гумба, «лишь после того как крестьяне заполняли свои амбары, Кычын брал оброк (абаць)». Просветитель – педагог А. М. Чочуа характеризует Кычына следующим образом: «Мои родные… брали в аренду около трех десятин плодородной земли у соседнего дворянина Маргания, оказавшегося несколько гуманнее других помещиков. Арендная плата выплачивалась натурой из урожая кукурузы, фасоли, гоми (абыста), проса (ашы), винограда и других продуктов, которые делились на четыре равные части»[55].

Вообще же сама личность Александра Сасрыквовича Маргания представляет определенный интерес. По данным Г. А. Дзидзария, А. Маргания являлся одним из «главных деятелей основанного в Кутаисе в 1875 г. революционного кружка – одной из наиболее сильных народнических организаций в Грузии»[56]. В доме Александра Маргания в с. Адзюбжа была обширная библиотека, сохранявшаяся до 1937 г. [57]. В имении Кычына Маан в 1853 г. побывал русский писатель В. Соллогуб, в 1913 – акад. Н. Я. Марр, в 1920-м – проф. из Турции Мустафа Бутба… Библиотекой Кычына пользовался, например, будущий акад. С. Н. Джанашиа.

В имении Кычына бывал и грузинский поэт А. Церетели, с которым тот познакомился еще в годы своей учебы в Кутаисской гимназии. При этом особо нужно подчеркнуть, что одно из абхазских народных преданий, которое поэт слышал в этом имении, легло в основу будущего произведения А. Церетели – «Наставник» – «Абадзей»[58]. Вкратце касаясь этого сказания, отметим, что оно, как известно, повествует о народном кодексе чести – аламысе, а вовсе не о «разложении традиционных моральных устоев в результате новых социальных отношений», как писали некоторые исследователи[59]. В сказании и поэме А. Церетели говорится о том, как воспитатель, не сумевший вырастить достойного человека, пришел к выводу, что казнить за преступление следует не воспитанника, а воспитателя, т. е. себя. Виновник же всего происшедшего остается в живых, что по национальному обычаю

является жестоким наказанием, поскольку в глазах общества он – «живой труп»[60].

В общем, взаимоотношения лиц разного социального статуса были пронизаны духом взаимоуважения, что, кстати, можно отнести и к такому моменту, как работа на помещика в течение нескольких дней в году. В этой связи агроном Г. А. Рыбинский, говоря о «добрых нравах» абхазов, писал, что крестьянин «считает естественным только работать на самого себя, на своей земле, а если помогает в работе помещику, так только в виде одолжения, не иначе как даром»[61]. В другом месте Г. А. Рыбинский снова отмечает: «… абхазский и самурзаканский крестьянин, как мы выше сказали, работает на дворянина не иначе, как только даром, в силу традиционного уважения к своему бывшего патрону»[62]. Между прочим, тот же Г. Рыбинский писал о негативном воздействии мегрелов на нравственные устои и обычаи абхазов. «Насколько абхазцы, – писал он, – поддаются влиянию мингрельцев, лучшей иллюстрацией служит та часть Абхазии, которая теперь носит название «Самурзакань»». Эта часть граничит по р. Ингуру с Мингрелией и подвергалась все время ее воздействию…

Нравы там тоже подверглись сильному изменению и дурно отозвались на сословных отношениях дворян к крестьянам. Последним туго, очень туго пришлось оттого, что абхазские князья и дворяне Кодорского ущелья и Самурзакани стали усваивать высокомерное обращение, какое практикует искони дворянство Мингрелии к своим крестьянам»[63].

К одному из наиболее ярких примеров этого рода, согласно сведениям некоторых старожил, относится явление т. н. «права первой ночи», который является по сообщениям тех же информаторов, заимствованным абхазскими феодалами из Западного Грузии (данный обычай, правда, был широко распространен во многих культурах, а в Европе просуществовал до XVII – XVIII вв.). Этим правом по отношению к невестам зависимых крестьян, действительно, пользовались, преимущественно, некоторые абхазские владетельные князья (право первой ночи широко практиковало, например, и восточночеркесское дворянство). Это неоднократно

вызывало вооруженные выступления крестьян против помещиков. Например, именно на почве этого обычая произошло убийство самурзаканского князя Чачба (Шервашидзе) крестьянином Маджем Кварацхелиа в начале XIX в. Приблизительно в это же время в бзыбских селениях Эмхы и Апцхва за попытку воспользоваться правом первой ночи «были умерщвлены владельцы этих родов мужьями жертв» – крестьянами Дбар и Чанба[64].

Говоря об отрицательном влиянии мегрелов на нравственные ценности абхазов, нельзя, однако, не признать такое же негативное воздействие на добрые традиции абхазов и вообще народов Кавказа политики самой царской администрации. «Политика русской администрации, – пишет, например, В. Зумакулов, – способствовала разложению коренных обычаев и нравственных понятий. Все лучшее, что было в обычаях и нравах горцев, подвергалось коренному изменению. Обычай почтительного отношения к старшим по возрасту превратился в чинопочитание, а из прекрасного обычая гостеприимства и куначества местные владельцы и администрация сделали особую статью дохода…»[65].

Одним словом, в период феодализации общества, с начала XIX в., а в особенности с середины XIX в. (в связи с упадком рыцарской культуры) традиционные правила нарушались. Демократические принципы взаимного обхождения, соблюдавшиеся высшим сословием – пишет Б. Бгажноков – «преобразуются в социальную мимикрию, более или менее удачно используемую в целях сохранения господства над крестьянами и утверждения благоприятных условий для их эксплуатации. Все это нисколько не мешало князьям и дворянам жестоко расправляться с неугодными им крестьянами и рабами», а знать зачастую легко переступала через традиционные моральные требования, приспосабливая их к своим нуждам[66].

Так, «изменения, произошедшие в Абхазии за годы советской власти, – пишет Я. В. Чеснов, – самым решительным образом отвергли те нормы поведения дворянско-княжеской верхушки, которые часто существенно отличались от народных. Изменилось отношение к бытовавшему в прошлом проявлению удали и герой-

ства, заключавшемуся в угоне скота и грабеже. Сам факт скотокрадства решительно осуждается информаторами, сохранившими память об этом явлении. Ими подчеркивается, что инициаторами скотокрадства выступали дворяне и князья (если быть точнее – зачинателями этого явления выступали обедневшие представители высшего сословия, а во второй половине XIX– начале XX века социальной базой скотокрадства (конокрадства) были уже не только дворяне, но и представители крестьянского населения. – О. М.). При всем этом этнограф не может пройти мимо сохранения в описываемом обычае более древнего пласта, относящегося к ритуалу достижения молодым человеком полноправного состояния»[67].

Что касается этикетного проявления подчиненного положения зависимых крестьян, то оно, по мнению Г. А. Дзидзария, проявлялось в следующем. Как правило, «крестьянин не имел права сидеть в присутствии феодала. При встрече с последним, он должен был уступить дорогу и, если на лошади – спешиться, не говоря уже о том, что крестьянин был лишен права открыто въезжать верхом на лошади на Лыхненскую площадь. Точно также на народных собраниях крестьянам, как правило, не разрешалось принимать участия в скачках и других играх верхом на лошади. Крестьянин не мог иметь дом, крытый дранью, а также обладать лучшим, чем феодал, конем, одеждой и ружьем[68]. Существовали также, например, и правила о строгом сословном ограничении браков, и его нарушение со стороны крестьян обычно влекло за собой трагические последствия»[69]. В случае заключения неравного брака дети, рождённые в нём, не обладали правами дворянского сословия и не имели права на наследство. Указывая на это обстоятельство, исследователь Кавказа К. Кох отмечал, что «в Западной Черкесии, конечно, этот предрассудок больше не действует, но на востоке, особенно у кабардинцев и бесленеевцев, на происхождение обращают очень большое внимание»[70]. Такое же положение скорее всего сохранялось в XIX в. и в абхазском обществе.

Как можно заметить, в приведенной выше характеристике о зависимости крестьян, речь идет обо всех крестьянах без деления их на отдельные прослойки, и эта картина по большей части яв-

ляется справедливой. Другими словами, существовала традиция, требовавшая чтобы представителю высшего сословия, независимо от его возраста отдавалось предпочтение перед человеком низшего звания. Но в то же время, наиболее сильные и богатые крестьяне анхаю, в том числе «почетные лица» из этой группы пользовались в абхазском обществе большими привилегиями. В частности, голос старика-крестьянина, заслужившего уважение личными заслугами, достоинством, умом или по своим летам и опытности, стоял выше голоса молодого, неопытного князя[71]. Точно также и у адыгов: «храбрый, решительный, красноречивый простолюдин зачастую имел большее влияние на ход общественных дел, чем трусливый, слабовольный, косноязычный князь»[72].

По словам старожила с. Ткуарчал Хиудара Аргун (1929 г. р.) при встрече князя (дворянина) и крестьянина, и тем более, если последний был из уважаемых людей, оба всадника спешились, ибо не принято было здороваться в сидячем положении. Или же приветствовали друг друга тем, что, приподнявшись в седле на стремена и обратив лица друг к другу, они располагали три сомкнутые вместе пальца на уровне груди, на расстоянии до 15 см от нее[73]. О соблюдении этого обычая, но уже при встрече пеших К. Д. Мачавариани писал: «При встрече гостей мужчины рук не подают и шапок не снимают, а поднимают вверх руку, складывая три пальца – большой, указательный и средний и произносят обычный привет…»[74]. «Эти церемонии соблюдались каждый раз даже и пред князьями, но если крестьянин или дворянин являлся в дом влиятельного князя, то они целовали его в грудь и плечо, а сам князь давал только обычный привет. Точно также соблюдали эту церемонию и женщины»[75].

Что касается участия свободных крестьян в конных состязаниях, то в общеабхазских скачках, проводившихся в воскресные дни, принимали участие наездники независимо от социальной принадлежности. Так, газ. «Сухумский вестник» в одном из номеров сообщала, что «в воскресенье, 26 мая, на городской площади… столпилась огромная толпа народа. Сюда явились, чтобы посмотреть на них (т. е. скачки. – О. М.) или же принять в них

непосредственно участие, со всей Абхазии князья, дворяне и крестьяне…»[76].

Наконец, как было сказано, крестьянам запрещалось въезжать верхом на Лыхненскую площадь, иметь лучше, чем феодал лошадь, дом, одежду и др. Отмеченные ограничения также все же больше касались именно с. Лыхны, где находилась резиденция владетельного князя Абхазии.

Уже говорилось о соблюдении этикета правил общения крестьян– анхаю к вышестоящему дворянскому классу. Представители высшего сословия в свою очередь, как отмечалось, также придерживались традиции уважения, в данном случае старшинства, независимо от социального положения. И хотя, дворяне и князья, пользуясь своим положением, – как пишет Ш. Д. Инал-Ипа, – не всегда утруждали себя традиционным вставанием при появлении человека независимо от его сословной принадлежности[77], по этой культурной традиции, например, молодой дворянин, приветствовал старого крестьянина обязательным вставанием, и садился только с разрешения старика.

Еще Ф. Ф. Торнау, имея в виду абхазов и абазин, подметил: «Лета ставятся у горцев в общежитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан вставать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним, кротко и почтительно отвечать на его вопросы. Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь. Даже старый невольник не совсем исключен из этого правила. Хотя дворянин и каждый вольный черкес не имеют привычки вставать перед рабом, однако же, мне случалось нередко видеть, как они сажали с собой за стол пришедшего в кунахскую седобородого невольника»[78].

Соблюдение такой устойчивой культурной традиции, как почитание человека вставанием – одного из самых распространенных атрибутов приветствия у всех народов, у абхазо-абазин, также, как видно, являлось показателем высокой культуры межсословных отношений. То же самое писал Дюбуа де Монпере об адыгах: «у черкесов уважение ко всякому человеку, который старше по возрасту, таково, что когда он входит, все обязаны встать, будь даже этот человек ниже вас по положению. Это практикуется как среди мужчин, так и среди женщин»[79].

В этнографической действительности абхазов зафиксировано множество фактов, когда старшие по возрасту, представители высшего сословия, как правило, приветствовали вставанием и молодых людей юношеского возраста противоположного сословия. Ряд примеров подобного рода приводятся, в частности, в работе А. Э. Куправа «Вопросы традиционной культуры абхазов».

По нашим полевым материалам, ачандарские князья Ачба, например, при приходе к ним в усадьбу по каким-либо делам даже ахоую или агыруа (низшее крестьянское сословие), оказывали им уважение вставанием.

Здесь же уместно в качестве примера почитания старших привести следующий эпизод, описанный К. Паустовским. По воспоминаниям писателя, Председатель Совнаркома Абхазии Н. Лакоба, увидев старшего по возрасту князя Чачба-Шервашидзе, «остановил свой экипаж и, как младший по возрасту, поцеловал старика в плечо. Такова была сила кавказских традиций. Даже Лакоба был вынужден с ним считаться»[80].

Дополним приведенные выше показания письменных источников еще одним полевым материалом, сообщенным нам Александром Хаджаратовичем Чамагуа (1938 г. р.).

Однажды к князю Бате Ачба, которому принадлежала половина села Ачандара, пришли гости. Он захотел угостить их «хорошим вином», которого у него в тот момент не оказалось. Князь послал одного из своих слуг к Дауту Чамагуа, у которого имелось отменное вино. Самого хозяина дома не оказалось. Слуга объяснил жене крестьянина причину своего прихода. На что она любезно ответила: «Если у Баты нет хорошего вина, то пусть он со своими гостями приходит к нам, и я угощу их». Посыльный сообщил об этом князю. После чего Бата со своими гостями пожаловал в дом крестьянина. Пригласили к столу и одного-двух соседей. Руководство стола взял на себя Бата Ачба. После начала застолья, в доме послышался плач малыша в люльке. Услышав это, князь встал и сказал: «Я думал, что

здесь кроме меня нет старшего, но оказывается, что есть старший в доме»[81].

Приведенные выше примеры говорят, что соблюдение норм Апсуара не было пропорционально высоте общественного статуса. Люди, стоявшие на разных ступенях социальной лестницы, одинаково были щепетильны в вопросах чести и достоинства: то, что являлось оскорблением достоинства, было равномерно обидно как для феодала, так и для крестьянина. Ибо, как заметил проф. Ш. Д. Инал-Ипа, именно человеческое достоинство является верховной ценностью в Апсуара[82]. Умение же сохранить, независимо от социального положения, это типичное качество абхазов, всегда высоко почиталось среди всех сословий в обществе. Тот феодал, – пишет Ш. Д. Инал-Ипа, – который поступал согласно Апсуара со всеми, вне зависимости от социальной принадлежности, пользовался наибольшим уважением, как среди крестьянства, так и среди большинства своего класса[83] (правда, строгое следование всем традиционным предписаниям общения иногда могло вызвать в обществе неадекватную оценку («вы посмотрите, пытается держаться как аамста»). Такое отношение к этой категории местного населения, основательно сглаженное к XIX в., все же оставалось в дворянской среде вплоть до 20–30-х гг. XX в. Поэтому, не оказание уважения, несоблюдение правил приличия, речевого этикета по отношению к старшему по возрасту, женщине или гостю, независимо от социального статуса, было несовместимо с нормами Апсуара. Сказать абхазу: «Апсуара илам, дапсуам» (Ничего абхазского в нем нет, он не абхаз), или «Апсуара изныҟәымгеит» (Он не смог соблюсти Апсуара) – значило нанести ему тягчайшее оскорбление, что могло привести к кровной мести. Такой упрек обычно делали кровосмесителю или изменнику.

Таким образом, приведенные данные дают основание сделать вывод о том, что представители разных социальных групп традиционного обхазского общества, живя по заданным канонам Апсуара, не могли быть свободны от общепринятой эталонной модели поведения, следование которым поддерживало в быту высокий уровень взаимопонимания и самоуважения.

Степень влияния представителей различных социальных групп зависело в первую очередь от личных способностей, заслуженного уважения или следования этикетным нормам Апсуара.

Дворянин или крестьянин, соблюдающие Апсуара имели в обществе несравненно более высокий социальный статус, чем иной князь и наоборот, так что по морально-этическим нормам абхазов, одно только происхождение ни в коем случае не могло предоставлять особого преимущества. Неукоснительное соблюдение принятых форм поведения давали вполне широкий простор для самовыражения личности; человек, в совершенстве владеющий Апсуара, не только не тяготился ею, но обретал благодаря ей «истинную свободу в отношениях с людьми[84].

Апсуара задавала стандарты и каноны всего образа жизни высшего сословия, приводя его к «общему знаменателю»: надо было «вести себя как все», и «жить как все», и чтобы «все было как у всех». Она пронизывала все сферы жизни аамста, буквально до мелочей регламентируя их жизнь. Нормы Апсуара носили характер закона и имели очень сильное воздействие на высшее сословие. Нарушение этих норм рассматривалось как преступление. Суровая строгость Апсуара в абхазском обществе объяснялась тем, что они служили специфическим способом самосохранения высшего сословия, его обособления от крестьянства. Соблюдение правил Апсуара призвано было давать представителю дворянства ощущение собственной исключительности, воспитывать сознание социального превосходства. Передаваясь на протяжении нескольких столетий от поколения к поколению, нормы Апсуара закрепляли существовавшую сословную иерархию на уровне привычных, обычных, повседневных форм поведения.

В социальных отношениях на первое место выдвигалось понятие гуманности (ауаюра), способами реализации которого выступали принципы почтительности, чести, совести, толерантности, что охраняло личное достоинство человека.

Традиционная духовно-нравственная культура Апсуара направляла и упорядочивала установленные в обществе обычно-правовые нормы, негласно контролировала общую ситуацию,

ориентировала на лад, согласие и взаимопонимание в обществе. Если же имели место неприязненные, либо недоброжелательные отношения, их согласно нормам Апсуара, старались не предавать огласке и выясняли мирными способами. Несмотря на наличие социального барьера между «верхами» и «низами», выражавшиеся в ряде запретов (например, в запрете на брак между феодалами и крестьянами), нормы Апсуара в сословных отношениях действовали не на физическом, а на психологическом уровне и исполняли регулирующую роль. Закономерным следствием этого являлось распространение в обществе единой совокупности убеждений, ценностей и идеалов Апсуара, что придавало устойчивость, стабильность как быту и менталитету народа, так и формам общественного устройства абхазского социума.

Примечания

[1]Дзидзария Г. А. Труды. I. – Сухуми. 1988. С. 248; Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми. 1990. С. 13; Авидзба В. Ш. Абхазство и современность // Журн. «Аказара». 1996. №1. (на абх. яз.). С. 3.

[2]Газ. «Черноморский вестник». № 245. 1899 г.

[3]Большинство анхаю, имея крепкие хозяйства и обладая значительными по размерам родовыми земельными угодьями, в советские годы упорно отказывались вступать в колхозы. Чтобы сломить сопротивление анхаю власти год от года увеличивали налоги на «кулацкие хозяйства» и постепенно все больше урезали размеры приусадебных участков, оставляемых за крестьянами после вступления в колхоз (до 0,5–0,25 га) (См.:Крылов А. Б. Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–2000 гг.). – М., 2001. С. 86–97). В проведении коллективизации была заинтересована самая неимущая часть населения– вчерашние батраки, слуги, наемные рабочие из помещичьих хозяйств и т. п., среди которых абхазы составляли незначительное меньшинство.

[4]Чеснов Я. В. Прометоиды. Философско-антропологическая реконструкция долгожительской культуры. Рукопись. 2011г. С. 24.

[5]Крылов А. Б. Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–2000 гг.)… С. 86–97.

[6]Слово «ахьыпшы» переводится из абхазского языка как «подданный», «подвластный», «зависимый» (Генко А. Н. Абхазско-русский словарь. – Сухум. 1988. С. 280). Пополнение категории зависимых крестьян «ахьыпшы» происходило за счет людей, переселявшихся в Абхазию извне (Мегрелия, Северный Кавказ), главным образом, по причине кровной мести.

[7]Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 2009. С. 307.

[8]Мурат Яган. «Я пришел из-за гор Кавказа». – Краснодар. 2002. С. 30–32, 310.

[9]Там же; Чирикба В. А. Абхазский мудрец из Вернона. В кн: Мурат Яган. «Я пришел из-за гор Кавказа»…С. 310–311.

[10]Мурат Яган. Указ. раб. Там же.

[11]Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М –Л., 1938. С. 68

[12]Инал–Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002. С. 163.

[13]Мурат Яган. Указ. раб. С. 17.

[14]Меликсет-Беков Л. М. Pontica Transcaucasica Ethnica. (По данным Миная Медичи от 1815–1819 гг.) // Советская этнография. 2. 1950. С. 171.

[15]Мурат Яган. «Я пришел из-за гор Кавказа»… С. 32.

[16]Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик. 1983. С. 83–84.

[17]Бгажноков Б. Х. Указ. раб. С. 115–116.

[18]Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик. 2007. С. 23–24.

[19]Лакоба С. З. «Крылились дни в Сухум-кале». – Сухуми. 1988. С. 41.

[20]Инал–Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. – Сухуми. 1984. С. 23, 35.

[21]Мурат Яган. «Я пришел из-за гор Кавказа»… С. 30.

[22]Барцыц М. М. К изучению культуры мира и ненасилия в абхазской традиции // XVIX Итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2005. С. 14.

[23]Инал–Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов… С. 152.

[24]Чеснов Я. В. Прометоиды. Философско-антропологическая реконструкция долгожительской культуры… С. 57–58.

[25]Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения… С. 110.

[26]Дзидзария Г. А. Труды. 2. – Сухуми. 1990. С. 30–31.

[27]Там же.

[28]Маллаева З. М. Этнолингвистический феномен Дагестана // Абхазоведение. Вып. 3. – Сухум. 2009. С. 61–62.

[29]Дзидзария Г. А. Указ. раб. Там же.
[30]Лакоба С. З. Очерки политической истории… С. 13.
[31]Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми. 1958. С. 204.
[32]Там же. С. 159.
[33]Газ. «Кавказ». №№ 39, 47. 1874 г.
[34]Дзидзария Г. А. Труды. I… С. 264. Почти все те же правила, между прочим, распространялись и на взаимоотношения удельного князя и дворян, например, из фамилии Званба и Маан. В случае вступления в брак удельного князя или его детей, каждый из этих дворян обязан был привести в дар лошадь, а на праздник св. пасхи лучшую корову из своего стада. Дары эти хотя и были обязательными, но считались почетными, потому что были сопряжены с званием княжеского дворянина (Инал-Ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. – Сухуми. 1954. С. 36–37).
[35]Газ. «Тифлисский вестник». № 98. 1879г. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга II. Составители: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. – Сухум. 2008. С. 7.
[36]Народы России. Черкесы и абхазцы. – С. – Петербург. 1879. С. 38.
[37]Мирзоев А. С. http://circassian. narod. ru/rus/nauka/workhabz. htm.
[38]Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-кале. 1923. С. 73.
[39]Инал–Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете… С. 174.
[40]Мирзоев А. С. Уэркъ хабзэ – кодекс чести черкесского дворянства. http://zihia. narod. ru/uorkhabze. htm
[41]Гуажба А. Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. – Ирвайн. 1999. С. 41.
[42]Чирикба В. Абхазский мудрец из Вернона // Мурат Яган. «Я пришел из-за гор Кавказа»… С. 310; Лавров Л. Из поездки в черноморскую Шапсугию // Советская этнография. 1936. № 4. С. 248
[43]Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения… С. 77–78.
[44]С. Хотко. Черкесский историко-культурный тип. Адыги и народы Кавказа. http://djeguako. narod. ru/xotko/xotko6. html; Инал–Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете… С. 181. Общность происхождения абхазо-адыгов, идентичные формы их этнографического быта, этикета, вели к тому, что поведение в духе Апсуара, адыги воспринимали как «адыгство», и наоборот, абхазы адыгское поведение считали и абхазским. Симон Джанашиа весной и летом 1929 г., находясь в научной командировке на Северо-Западном Кавказе, в с. Нартан познакомился с 72-летним народным поэтом и просветителем Кабардино-Балкарии Бекмурзой Пачевым. Молодой ученый скромностью, обходительностью поистине очаровал кабардинца. Замечая его поведение «он приходит в восторг: адыг он, настоящий адыг, – говорит он» (Уджуху Т. «Черкесские дневники» Симона Джанашия // Кавказский акцент. Ежемесячный общественно-политический журнал. № 2. Февраль. 2010 г. С. 59).
[45]Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. – М., 1976. С. 104.
[46]Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. – Нальчик. 1978. С. 24.
[47]Мурат Яган. «Я пришел из-за гор Кавказа»…С. 99–100.
[48]Акиева Х. М. Комплекс традиционной ингушской одежды как носитель социокультурной информации // Кавказская цивилизация. Сборник материалов круглого стола. – Магас. 2009. С. 25.
[49]Аджинджал И. А., Адзинба И. Е. Материалы по изучению одежды абхазов // ТАГМ. Вып. I. – Сухуми. 1947. С. 239.
[50]Г. С. «Возвращение» // Газ. «Кавказ». № 72. 1852г. ; См. также: Бгажноков Б. Х. Этика и этикет // Адыгская(черкесская) энциклопедия. – М., 2006. С. 569–570.
[51]Инал–Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете… С. 173; Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения… С. 123–130.
[52]Инал-Ипа Ш. Д. Указ. раб. Там же.
[53]Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете…С. 173; Дзидзария Г. А. Труды. I… С. 385; Амичба В. Вопросы антропонимии абхазов. – Сухум. 2007. С. 113–119.
[54]Чочуа А. М. Избранные сочинения. – Тб., 1987. С. 59–60.
[55]Чочуа А. М. Указ. раб. С. 16.
[56]Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми. 1979. С. 85.
[57]Газ. «Эхо Абхазии». № 45. 1 декабря 1998г.
[58]Записано со слов внука Кычына Маан – Хасана Ивановича Маргания осенью 2000 г. Литературовед Ш. Х. Салакая, сравнивая фольклорную основу поэмы А. Церетели «Наставник» с новеллами известного абхазского писателя Михаила Лакербай «Аргун Сейдык» и «Друзья», с рассказом видного адыгского писателя Тембота Керашева «Испытание мужества», заключает, что в основе названных литературных произведений лежат распространенные у абхазо-адыгских народов различные варианты одного и того же фольклорного сюжета (См.: Зухба С. Л. Об абхазо-грузинских литературных взаимосвязях // Известия АИЯЛИ. Т. IX. – Сухуми. 1981).

[59]Газ. «Эхо Абхазии». № 45. 1 декабря 1998г.

[60]Там же.

[61]Газ. «Новое обозрение». № 3042. 1892г. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга II… С. 308.

[62]Там же. С. 309. Сами старожилы, которые выходили работать в поместье помещика и хорошо помнили, как проводились эти работы, относили выполнение всевозможных работ в поместье, как мы выше отмечали, к добровольной взаимопомощи ауааҳə. Так, в с. Атышаду князь Шьмаф Ачба «приглашал» на работу крестьян анхаю из рода Аргун. Все полевые работы у Александра Чачба из с. Атара выполнялись частью крестьян этого села. С помощью крестьян из категории анхаю вспахивал, сеял и убирал свои поля дурипшский дворянин Мырзакан Лакрба.

[63]Хуже же всего, – продолжает г. Рыбинский, – что абхазское дворянство старается забыть, что оно принадлежит к горским племенам, и стало выдавать привилегированные аграрные преимущества мингрельских дворян за свои (Газ. «Кавказ». № 186. 1893 г. // Абхазия и абхазы в российской периодике… Книга II. С. 372).

[64]Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке… С. 394; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 469–470.

[65]Зумакулов В. М. Роль традиции и обычаев в нравственном воспитании (на материалах народов Кавказа). Автореф. канд. дисс. – Ленинград. 1977. С. 13.

[66]Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения… С. 113; Инал-Ипа Ш. Д. Очерки по истории брака… С. 44–45.

[67]Чеснов Я. В. Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении // Полевые исследования института этнографии. 1980 – 1981. – М., 1984. С. 110.

[68]Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения… С. 159; Он же. Труды. I… С. 261, 384–385; Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете… С. 44–45.

[69]Дзидзария Г. А. Указ. раб. Там же. В работе «Особенности правового статуса субъектов обычного права (на материалах Абхазии)» Б. А. Камкия и Ф. Г. Камкия отмечается: «Демократичность обычного права абхазов проявлялось в дозволении заключать браки между представителями разных сословий, только лица, принадлежавшие низшему сословию, не имели права вступать в браки с представителями других сословий» (Камкия Б. А., Камкия Ф. Г. Особенности правового статуса субъектов обычного права (на материалах Абхазии). – Сочи. 2001. С. 69). В другом месте авторы, основываясь на материалах абхазской этнографии указывают, что «нарушения сословного ограничения браков встречались редко…» (Там же. С. 176). В действительности, можно лишь сказать, что браки между высшим и низшим сословием (анхаю) были исключены, правда был известен единичный пример такого рода – сам владетель Абхазии Келешбей вторым браком был женат на женщине из «чистых» крестьян Лейба. Известны были также браки сословия ашнакума с князьями и дворянами, однако и эти отношения не были общим правилом, поскольку подобные связи оскорбляли сословную гордость старой аристократической верхушки, что видно из того, что часть этих браков заключалась по настоянию и при посредстве владетеля (Инал-Ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи… С. 38). Между тем, браки крестьян и в том числе «анхаҩы цқьа» с представителями «чистых» дворян и тем более князей, практически не имели место. Здесь, очевидно, имело значение и существовавшее в народе мнение о том, что крестьяне, с одной стороны, и князья и дворяне, с другой стороны, связаны между собой узами «взаимовоспитания» и что, поэтому, браки между ними недопустимы (Камкия Б. А., Камкия Ф. Г. Указ раб. С 176). На это последнее обстоятельство, между прочим, указывает и следующая абхазская поговорка: «Аҳи-аамсҭеи анхаҩи-еишьцəоуп» (Владетель (Князь) – дворянин и крестьянин – братья).

[70]Koch K. Reise durch Russland und nuch dem Kaukasischen Isthmus in Jahren 1836, 1837 und 1838. Bd. I. — Stuttqart. 1843. S. 349.

[71]Газ. «Кавказ». №№ 82, 83. 1854 г. Можно здесь привести слова Ф. Торнау, который говоря о своем главном проводнике, писал: «Багры уже описан мною; но я сказал слишком мало о Хатхуа, нашем главном путеводителе… Его опытность и верный взгляд на все, касавшееся горной жизни… имели такое значение, что никто не смел спорить с ним, и сам Микамбай (т. е. дворянин Мканба. – О. М.) беспрекословно подчинялся его мнению» (Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. 1. – М., 1964. С. 85, 86, 90).

[72]Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет… С. 24.

[73]Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете… С. 178.

[74]Там же.

[75]Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель… С. 304.

[76] Газ. «Сухумский вестник» 1913. № 173. Цит. по: Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX – начале XX вв. // СЭ. 1981. № 4. С. 109.

[77]Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете… С. 44.

[78]Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера… С. 44.
[79]Бетрозов Р. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик. 1991. С. 153.
[80]Паустовский К. Г. Бросок на юг. Цит. по: Тарба Б. Г. Вопросы нравственного воспитания в абхазской этнопедагогике // Труды АГУ. Т. VI. – Сухуми. 1988. С. 210.
[81]Полевой материал записан в с. Ачандара. 30 января 2010г.
[82]Инал-Ипа Ш. Д. «За выживание» (к изучению абхазского народного «кодекса Апсуара»)//Газ. «Культура и жизнь». №;. 1997 г. ; Бройдо А. Непокорный умирает стоя. – Сухум. 2010. С. 15–16. О гуманности абхазского общества говорит и тот факт, что в Абхазии отсутствовала смертная казнь, как форма наказания. «Был только, – пишет Ф. Завадский, – один пример этой казни во времена Келиш-бея. Владетель этот казнил в Сухум-кале в одно время четырех князей Дзапш-ипа за беспорядки, произведенные в крае и убийства; но это злоупотребление власти, которое впрочем не произвело волнения в народе, потому что народ уважал Келиш-бея за его строгую справедливость» (Завадский Ф. Абхазия и Цебельда // Газ. «Кавказ». 1867г. №№ 59–61, 63 // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX - нач. XX вв.). Книга I. Составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. – Сухум. 2005. С. 351).
[83]Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете… С. 45.
[84]Жуковский В. А. Писатель в обществе. // Собр. соч.: В 4 т. – М. –Л., 1960. Т. 4. С. 393.

ЧАСТЬ IV.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ АБХАЗОВ

Дызусҭада Али-беи?

Еиуеиԥшым аҭоурыхтә мзызқәа ирыхҟьаны зыԥсадгьыл аанзыжьыз аԥсуаа рыхәҭак иахьа аҳәааныркәа инхоит. Атцыхәтәантәи аамҭазы урҭ рҭоурыхи ркультуреи рахь аинтерес уаҩы ибаратәы иазҳаит.

Аҳәааныркәтәи аԥсуаа рҭоурых, адыгь-черкьесцәа рҭоурых еиԥш, адац-ԥашәқәа абжьаратәи ашәышықәсақәа ирыларсуп. Аҳәааныркәа, ахәҭакахьала Мрагылара Ааигәеи Аҩадатәи Африкеи ртәылақәа рҿы, адыгьцәа, аԥсуаа рнеира амзыз хадақәа ируакын атәцәа рыла ахәҳахәтра. Абри Мраҭашәара Кавказтәи ажәларқәа зегьы рҭоурыхтә ҿиара апроцесс ахь итцоурамыз анырра ҟанатцон. Ачерқьес, аԥсуа феодалцәа имҩаԥыргоз ауаа рыла ахәҳахәтра икылнагеит урҭ рҿар рыхәҭак мчыла рыԥсадгьыл рықәцарахь, иара убриалагьы иагьеицакын асоциал-етникатә процессқәа рхатә ҷыдарақәа, ауааажәларратә хдырра. Иааидкыланы абарҭ амзызқәа атцыхәтәаны амилаҭ рлахьынтцашҟа иҿеимыз анырра ҟанатцеит, абри арегион, ахәҭакахьалагьы Аԥсны, ажәларқәа рхыԥхьаҙара амаҷхара, азтцара иацхрааит.

Статиак аҿы изалшом егьырҭ атәылақәа рполитикатә ԥсҭазараҿы акырҙа зылзыршаз аԥсуаа зегьы реиқәыԥхьаҙара. Иаҳҭахуп урҭ рахьтә XVIII ашәышықәсазы Мысра аполитикатә ҭоурых аҿы еиҳа еицырдыруа, иналукааша аԥсуа – амамлиукцәа рсулҭан

Али-беи ҳаизааҭгыларц, ҳгәы иаанагоит уи иҭоурых аинтерес ҷыда аҭоуп ҳәа.

Раԥхьаӡа акәны ачерқьесцәеи аԥсуааи Мысра (Египет), инанагеит IX ашәышықәсазы амамлиукцәа (амамлиук – аррамаҭзура аныҟәгара иазкыу атҟәа) аԥхьатәи ротриад аҿы – Абассидтәи ахалиф Мамун еиҿикааз. Мысра аԥсуаа рхыԥхьаӡара акырӡа ишьҭытцит 1382–1517 шықәсҟәа рзы ачерқьес султанцәа анапхгара аныҟартцоз аамҭазы. Мысратәи аибашьцәа рыхәҭа хада шьақәдыргылон иаархәаз, мамзаргьы уахь иргаз Мраҭашәаратәи Черқьесиеи (Адигеиа) Аԥсни рҟынтәи аибашьцәа. Аԥсуеи ачерқьес бызшәақәа ахьааигәаз аҟнытә абарҭ амамлиукцәа иаку етникатә гәыԥны еилалон. Арабцәа ачерқьесцәеи аԥсуааи рыдыркылон еиҟәшам, еидыхым уааҩәларраны, насгьы урҭ (аԥсуа-адыгцәа) ачерқьесцәа ҳәа акәын ишрышьҭаз. Иара абри ахьӡ ала ауп урҭ аҭоурых изладыруа. Аԥсуааи ачерқьесцәеи XX ашәышықәсаӡа Мысреи, Судани, Туниси, Ливиеи рырхәҭақәа шхадырҭәаац ихадырҭәаауан.

Али-беи иԥстазаареи иусуреи еиуеиԥшымкәа ахәшьара шарҭогьы, уи ҳара ҳҿаԥхьа даагылоит иналукааша ҭоурыхтә хаҭараны, XVIII ашәышықәсазы Мысра зымчхара дууз амамлиуктә султанцәа дыруазәкны.

Али-беи диит Аԥсны 1728 шықәсазы анцәа иматцзыѡы иҭаацәараҿы*. Иаб ихьӡын Дауҭ, Али-беи данырнатуаз Есыф ҳәа ахьӡ иҭан. Али даҽеа ѡыцьа аиҳәшьцәагьы иман. 13 шықәса ихытцаанӡа Есыф Аԥсны дынхон, иқәлацәа реиҳараѡык реиԥш аҽеыбгаҟазара, ахысра, абԥьар ахархәашьа аҭара инапы рылакын. Есыф 13 шықәса анихытц, иѡызцәеи иареи ашәарыцара ишыҟаз, атәцәа рыла ихәҳахәҭуаз дыртҟәеит, дыгьыргеит Константинопольҟа. Уахьынтәи амамлиукцәа рырхәҭақәа рхарҭәааразы Мысраҟа дырҭиит.

Мысра даннарга Есыф аԥсылманра идикылеит, хьӡысгьы иоуит Али ҳәа. Ҧсабаратәла илаз аҟыбаѡ иабзоураны Али ари администрациеи рҿы аматцзурала акырӡа дхало далагеит. Али ирласны инапаҿы иааигеит, аҭара итцеит арратә ҟазара, уи ашьаҭақәа иоухьан Аԥсынгьы.

* Излазгәарҭо ала, Али-беи хылтцшьтрала Лҳаатәын.

Егьырҭ амамлиукцәа рыѡнутҷка гәымшәарала, хаҭарала иҽалкаауа иҿааихан, Али 1750 шықәсазы амамлиуктә отриадқәа руак ахадас дҟаҭан. Иара убри ашықәс азы Али Меккаҟа амѡа иқәыз акараван дацны данцоз еиԥш данааузгьы хыԥхьаӡарала акырӡа идууз, инеиҭаҵ-ааиҭатцуа идәықәз абедуинцәа рырхәҭақәа ҧыххааса иқәитцеит, абри азыхәан хьыӡшьарас иоуит Сина Али. Мысра итәаз аҭырқә султан ихаҭарнак Аҳмеҵ-ҧашьа абри азыхәан Али ҳамҭас иитеит акафтан – агәымшәареи аламыси рсимвол (ҳазхәаԥшуа аамҭазы Мысра Османтәи аимпериа аилазаара иалан). Аамҭақәак рыла Мысратәи адиван (иреиҳаҳоу асановникцәа рсовет) Али ихнатцеит атитул – Беи.

Абасала, Али-беи мамлиук еибашьѡык иаҳасабала имѡа ахы кны, ҿхәара кьаҿк ала ақәҿиара дуқәа илиршеит, 22 шықәса данырҭагылаз Мысратәи апровинциа агубернаторс дҟалеит. Абаѡхатәра змаз аҳәынҭқарратә усзуѡ, активла аѡнутҷкатәии адәныҟатәии аполитика мѡаԥызгоз, 1763 шықәсазы 35 шықәса дшырҭагылаз Али-беи амамлиукцәа рдиван Ашеих-Беллет (атәыла анапхгаѡы) ҳәа далхын. Ишьақәгылаз аҭас ала, аԥашьа Ашеих-Беллет ҿыц иитеит зегьрыла ирхиаз аҽеы.

Али-беи ихаантәиқәа шаҳатра зларуала, уи рацәак даумызт, деинаалан, дхышын, ихы-иҿы аазыхәхәан, иџьымшьқәа еиқәаҭәан, иблақәа ҭбаан, иҿаԥшылара гәкын.

Иара убас ихаантәиқәа иазгәарҭоит Али-беи доуҳала дшыгәҭәаз, анаалашьа бзиа шимаз, дшылахҿыхыз, ахымѡаԥгашьа дшақәшәоз, ацәгьоуцәа рахьырхәра аганахьала аиашареи агәгәареи шааирԥшуаз. Али-беи ихшыѡ ҭарын, игәынкылара бзиан, абжьы цәгьа ихан, дцәажәаѡ бзиан. Уи илшон угәатцанӡа инеиуаз ажәақәа рҳәара, иеибашьцәа ргәы архатцара. Али-беи ажәлар рыѡнутҷка аҳатыр ду иқәын, дагьаԥсан. Уи Каир амѡақәа ҽыла, мамзаргьы шьапыла дырныланы данцоз, ауаа иԥылара иахыццакуан.

Али-беи иҟазшьарбагазы имаҷымкәа аинтерес аҭоуп Екатерина II ҷыдала илшьҭыз, Урыстәылатәи аимпериа ахьӡала Али-беи иҿы арратә еидгылара бжьазҭаз Урыстәылатәи ар алеитенант С. Плешьчеев иантцамҭақәа. Автор иҳәоит аурыс цҳаражәхәаѡи Али-беи хаҭалатәи реиԥылара, уи ирратәи иполитикатәи усу-

ра уҳәа ртәы, иара убас дрылацәажәоит Али-беи иԥшра-исахьа, еилаҳәашьа, дышидикылаз, дшиԥылаз.

Амал иашьцылахьаз Али-беи ишәитҵон зыхә ҳаракыз мрагыларатәи ацәашәҵатәқәа. Ауаа рахь данцәыртҵуаз ихеитҵоз ачалма (ахылпа) еилаарцыруа ихырҷан, иѡежьын, есымша ихеитҵоз ахылпа акәзар, рацәак идумызт, амҵәышә ԥшра аҭаны иҙахын, абырфын иалхыз аԥшшәы рацәа змаз арахәыцқәа рыла ихырҷан. Али-беи аурыс миссиа дшаԥылаз, ишидикылаз аарԥшуа, антҵамҵақәа рҿы иазгәаҭоуп Мысра дасултанны Али-беи данықала, аурыс ацҳаражәҳәаѡцәа ҳаҭыр шрықәитҵоз, асасдкыларазы кавказтәи атҵас азакәанқәа зегьы дышрықәныкәоз.

Антҵамҵақәа рҿы иарбоуп, Али-беи наҟ-ааҟ икәшаны ишгылаз бџьарла еибыҵаз, иара дзыхьчоз амамлиукцәа. Иҟаз зегьы шьамхышгыланы, Али-беи инапы иагәҙуан, Али-беи иԥызеи Екатерина II иналышьҭызи ргәы рнапы адкыланы, егьи рылахь ахь ишьҭыхны, мрагыларатәи аетикет ала ихырхәеит.

Али-беи амчрахь даннеи инаркны аҵак ду аитон амамлиукцәа ҽылатәи рыр аргәгәареи аиҿкаареи. Урҭ ракәын иара мчы хадасгьы имаз. Абри азыҳәан, насгьы егьырҭ амамлиукцәа рганахьала аарҳәрақәа ихы рцәыхьчаразы Али-беи иааихәон, иааҙон хыԥхьаҙара рацәала ҿыц амамлиукцәа, иара убас зхатәгәаԥхарала иара иахь инеиуаз. Али-беи амамлиукцәа рахьтә аҙәык-ѡыцьакгьы аҵара дирҵон, ирҭеитҵон еиҿкааны имаз арратә школқәа. Усҟантәи аамҭазы амамлиукцәа егьырҭ амилатқәа ирыланхомызт, дара-дара ракәын еибагозгьы.

Али-беи ир рхыԥхьаҙара шдузгьы, зыгәра игоз аԥсуеи ачерқьези атриадқәа мацара ракәын. Урҭ иаҳа итакԥхықәраз аҭыпқәа рҿы иргылон. Али-беи ибаѡхатәреи амамлиук-еибашьцәа ргәымшәареи аазырԥшуа акоуп, уи зныкымкәа аиааирақәа ахьигахьаз мчыла еиҳаз иаҵацәа раасҭа. Ахәҭакахьала, аҭырқә ԥашьа ирхәтақәа рабашьрақәа руак аан Али-беи ирхәтақәа рхыԥхьаҙара фнызқьѡык рҟынҙа инаҙон, аԥашьа ирхәтақәа ракәзар, 13 нызқьѡык рҟынҙа.

Аҵа имч ѡынтә рыла ишеиҳазгьы Али-беи имамлиукцәа уи дԥыххааса дықәртҵеит, аҭырқәцәа рырхәтақәа ԥхадырсит. Абри аибашьраҿы Али-беи ицәтахеит 200-ѡык рҟынҙа. Иара убри аамҭазы аҭырқәцәа ирыцәтахеит хә-нызқьѡык рҟынҙа.

Ԥсабарала иаԥсыуаз Али-беи ауаѡы иҿы зегьы иреиҳаны иргылон агәымшәара, ахаҵара, аибашьра азҟазара, ақьиара. Машәыршәа акәзам Али-беи аԥышәа змаз аԥыза ҟазаны данықалагьы, изиҳәоз уи иҟазара акәны ишықоу аҳәа кны аибашьра, ақалақьқәа ирыкәшаны атәара акәмкәа. Али-беи ихы деигҙомызт, ихаҵа джәылон. Уи дызиааиуаз иаҵацәа ҳаҭырқәҵарала дырзыҟан. Ахәҭакахьала Адгьылбжьаратәи амшын аԥшаҳәаҿтәи ақалақьқәа руак аҭатәараан, ақалақь акомандаҟатаѡ хада Гасан-беи дшьын. Али-беи имамлиукцәа ирыдитҵеит уи иԥсыбаѡ ауахәамахь иргарц, ҳаҭырқәҵарала уаҟа анышә дамардарц.

Мысра анпхгаѡыс иҟаз Али-беи еснагь игәалашәон дызхылтҵшьтраз, еиқәирхон имилаҭтә хдырра, ибызшәа, аԥсуаа ркультура. Мысра дшықазгьы, Али-беи ихаиршҭуамызт иани иаби, 1766 шықәсазы уахь инеиԥхьеит иаб Дауҭи, иаҳәшьеитҵби, иаҳәшьа еиҳабы лпеи. Аҵашьа ихаҵа абри Али-беи идиныхҳәалеит. Иҵаххеит иаб иара иахь днеиԥхьарц, иара убас адкылара бзиа изеиҿикаарц. Али-беи иаб дақәиршаҳаҭхеит иаҳәшьеитҵбы Фахәыҭи Али-беи ииааҙаз иҵеи реибагара, избанзар, иара ихаҵа аҵа димамызт. 16 шықәса зхыҵуаз иаҳәшьа еиҳабы лҵа Али-беи иара иҿы даанижьит, дагьалатцан амамлиукцәа рырхәҵа, ѡышықәса рылагьы иагьиоуит атитул Кашиф. Аамҭақәак рыла амамлиукцәа рыѡнутҵка амчразы ақәҵара ҟалеит. Абри иахҟьаны Али-беи Мысра ааниМыжьыр, ҽыцәахра ҳәа Шьамтәылаҟа дымцар ада ҵсыхәа имоуит. Аха 1766 шықәсазы уи ѡаԥхьа Мысра амчра ааникылеит, иагьиргәгәеит, дагьалагеит аҭырқәцәа рҟнытә ахьыԥшымра алыршара, иаахтны иҳәон урҭ шиҭахымыз. Али-беи аҭырқәцәа раҳра атәыла аекономика алаҟәрахь, асоциал-политикатә ргәаҟра аргәгәарахьы ишкылнагаз еилкаауа, иара илшеит ажәа ҟәышла иара иганахь Мысратәи адиван ахьарҳәра. Урҭ рҟнытә адгылара иманы, Ҭырқәтәылеи Урыстәылеи рыбжьара излагаз аибашьра ихы иархәаны, Али-беи 1769 шықәсазы Мысра Ҭырқәтәыла иахьԥшым ҳәа рылеиҳәеит, иара ихаҵагьы 1770 шықәсазы «Мысреи амшынқәа рыѡбагьи рсултан» ҳәа ихьз ҳәан.

Али-беи ихьӡ рҳәон Мысреи Ҳиџьази (Мекка ахьыќаз Аравиатәи адгьылбжьаха аобласт – аџсылманцәа рҭыџ џшьа хада) рџьаамақәа рҽы. Али-беи Каир дықәицеит аҭырқә џашьа, даќәыҭит аҳаза ашәара.

1771 шықәсазы Урыстәыла арратә еиқәшаҳатра анрыбжьартца ашьҭахь, Ҭырқәтәыла даҽагыланы дықәпо, Али-беи иҵазишәеит Шьамтәыла аҭырқәцәа рырхәтақәа рықәцара. Аха аибашьра аилашымҭазы, амамлиукцәа (абеиқәа) рыбжьара амчразы ихәытҵќьаз бџьаршьтыхлатәи ақәпара аан Али-беи датцахеит, насгьы ихәрақәа ирыхќьаны ипсҭазаара далтцит 1773 шықәса маи 8 азы. Али-беи джуп Каир аџьаамақәа руак аҽы асултанцәа ирзыќартцоз аҳатырқәа зегьы иқәтцаны.

Али-беи Мысра напхгара аиҭон фышықәса, усҟан уи ихьыџшымыз ҳәынҭкарраны иќан. Мысра асултан иаҳасабала уи имҩаџигоз анапхгара, ихаантәиқәа шаҳатра зларуала, амамлиуктә Мысра аҭоурых аҽы иаҳа уаҩ илаҧш иҭашәауа адаќьақәаируакуп, уи аполитикатә ҭоурых аҽы акырҙа зҭазкуа ароль ааннакылоит.

Аҭцыхәтәаны иазгәасҭарц сҭахуп аџсуа жәлар рҭоурых аҭцааран даара хәарҭара шалоу агьырҭ аҳәынҭқаррақәа рҭоурых аҽы аполитикатә роль ду аанызкылаз ҳџьынцьтәылатәиқәа рахь ахшыҩзышьтра.

Агазеҭ «Аџсны ҟаџшь». № 59. Март 31. 1990 ш.

Султан Египта и обоих морей

В наши дни значительная часть абхазов (свыше 80 процентов), покинувших свою родину в силу различных исторических причин, проживает за рубежом. История зарубежных абхазов, как и адыго-черкесов, уходит своими корнями в средние века. Одной из главных причин появления абхазов и адыгов за рубежом, в частности, в странах Ближнего Востока и Северной Африки, являлась работорговля, оказавшая негативное воздействие на процессы исторического развития всех западнокавказских народов. Осуществление торговли людьми черкесских и абхазских феодалов приводило к тому, что с родины насильственно вывозилась значительная, причем лучшая часть молодежи, и как результат – искажение самобытных социально-этнических процессов, общественного сознания. Все эти причины в конечном итоге повлияли на национальные судьбы, способствовали уменьшению численности народов этого региона, в частности Абхазии.

Впервые черкесы и абхазы появились в Египте в IX веке в первом мамлюкском (мамлюк – невольник, предназначенный для несения военной службы) отряде, сформированном Аббасидским халифом Мамуном. Численность абхазов в Египте сильно возросла в период правления черкесских султанов в 1382 – 1517 гг. Главную часть египетских войск составляли купленные либо завербованные в Западной Черкессии (Адыгее) и Абхазии воины. В связи с тем, что абхазские и черкесские языки родственны, эти мамлюки фактически сливались в единую этническую общность. Этнонимом «черкесы» они объединялись также в языках иноэтнического окружения (арабов), воспринимавших черкесов и абхазов как нерасчленимую общность. И под названием черкесы они известны на протяжении веков. В значительном количестве абхазы и черкесы продолжали пополнять армии Египта, Судана, Туниса и Ливии вплоть до XX века. Многие абхазы сыграли значительную роль в политической жизни этих стран.

Одной из наиболее известных и крупных фигур в политической истории Египта был абхаз – мамлюкский султан Али-бей. Несмотря на различные оценки жизни и деятельности Али-бея, везде он предстает перед нами как выдающаяся историческая личность и один из наиболее могущественных султанов Египта середины XVIII века.

Али-бей родился в Абхазии в 1728 г. в семье священнослужителя. Предположительно он был выходцем из Лдзаа (Пицунды). Отца его звали Даут, а Али-бей при крещении был наречен Есыфом (Иосиф по-гречески). Али имел двух сестер. До тринадцати лет Есыф жил в Абхазии, любил как и большинство его сверстников, верховую езду, охоту. Но однажды во время охоты он был захвачен в плен работорговцами, увезен в Константинополь, а оттуда перепродан в Египет.

В Египте Есыф был обращен в ислам, ему дано второе – мусульманское – имя Али. Благодаря своим природным дарованиям и незаурядным способностям, Али стал удачно продвигаться по службе. Он выделялся храбростью среди остальных мамлюков, и в 1750 году был назначен предводителем одного из мамлюкских отрядов. В том же году Али, сопровождая караван путешественников в Мекку, сумел разбить численно превосходившие войска кочевников – бедуинов (как на пути в Мекку,так и обратном) за что получил имя Сина Али (Син – Ангел-Хранитель). А наместник турецкого султана Ахмет-паша подарил за это Али кафтан – символ достоинства и чести. (В рассматриваемое время Египет находился в составе Османской империи). А через некоторое время египетский диван (совет высших сановников) присвоил Али титул бея. Так Али-бей начав свою карьеру в качестве мамлюкского воина, за относительно короткое время к двадцати двум годам уже стал Кашифом (губернатором Египетской провинции). Талантливый государственный деятель, проводивший активную внутреннюю и внешнюю политику, Али-бей уже (в тридцать пять лет) был избран мамлюкским диваном Шеих-Беллетом (правителем страны). По установленному обычаю, паша подарил новому Шеих-Беллету богато убранную лошадь.

По свидетельству современников, Али-бей имел величественный вид: выше среднего роста, стройного телосложения, со светлорусыми волосами, продолговато-округлым лицом, остроконечной бородой, с густыми бровями, большими и быстрыми глазами. Источники также сообщают, что Али-бей был силен духом, в обхождении приятен и весел, благородного поведения, весьма справедлив и строг в наказании преступников. Али-бей обладал острым умом, сообразительностью и хорошей памятью, громовым голосом и являлся прекрасным оратором. Он умел произносить зажигательные речи, поднимая боевой дух своих воинов. Али-бей пользовался большим почетом и уважением народа.

Немалый интерес для характеристики Али-бея представляют записки лейтенанта российской армии С. Плещеева, специального посланника Екатерины II, заключившего от имени Российской империи военный союз с Али-беем. Русский посол дает описание как его военной, политической деятельности, так и некоторых этнографических деталей его костюма, приема и встречи. Али-бей имея привычку к роскоши, одевался в дорогие восточные одежды. Парадный его головной убор (чалма), отделанный тонкой кисеей, был желтого цвета, а будничный головной убор, сшитый из красного сукна, конусообразной формы, обернут разноцветными материями из шелка (зеленой с белой или желтой). Описывая встречу и прием русской миссии, автор записок отмечает, что Али-бей, будучи уже султаном Египта, оказал послам любезное обхождение, соблюдая этикет кавказского гостеприимства, исполнение которого «для него являлось вопросом чести».

В записках отмечается, что по обеим сторонам Али-бея стояли вооруженные мамлюкские телохронители. Все присутствующие встав на колени, совершили ритуал целования руки Али-бею, а полководец Али-бея и посланник Екатерины, положив одну руку на сердце, а другую подняв ко лбу, совершили поклон по восточному этикету (См.: Плещеев С. И. Дневные записки путешествий из архипелагского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию в исходе 1772 лета. – Спб., 1778. С. 10–94).

С приходом к власти Али-бей уделял первостепенное значение укреплению и организации своего войска – мамлюкской конницы – главной его опоры и ударной силы. Для этой цели, а также для ограждения себя от возможных переворотов со стороны других мамлюкских беев, Али-бей приобретал и воспитывал в большом количестве новых мамлюков, а также массу завербованных добровольцев, в том числе из Северо-Западного Кавказа. Для это же цели Али-бей давал некоторым мамлюкам образование, устраивая их в свои военные школы. Мамлюки в это время жили изолированной от иноэтнического окружения кастой, заключая, в частности, браки только между своими семьями (Ал-Джабарти Абд ар-Рахман. Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821). – М., 1963. Т. 4. С. 303/Перев. с арабского; Клот-Бей А. Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. Ч. 2. – Спб., 1843. С. 105 и др.).

Али-бей в ходе военных действии, несмотря на крупную численность его войска, доверял только своим абхазским и черкесским отрядам, выставляя их на самые ответственные участки боя.

Показателем полководческого таланта Али-бея и храбрости мамлюкских воинов является то, что он не раз одерживал блестящие победы над превосходящими силами противника. В частности, во время одной из битв с войсками турецкого паши численность войск Али-бея составляла шесть тысяч, а у врага было до тринадцати тысяч воинов. Несмотря на это Али-бей нанес сокрушительное поражение туркам, которые потеряли до пяти тысяч человек, тогда как потери в войсках Али-бея не превышали двухсот человек.

Али-бей превыше всего в человеке ценил храбрость,мужество, искусство воина и благородство. Неслучайно, будучи уже опытным полководцем, он говорил, что искусство его состоит в битвах на чистом поле с саблей в руке, а не в осаде городов. Нередко Али-бей в решающие моменты сам появлялся на поле битвы, приказывая также и своей свите идти в атаку.

К побежденным врагам Али-бей относился с уважением. Когда во время взятия города Яффы на побережье Средиземного моря был убит главнокомандующий города Гасан-бей, он приказал своим мамлюкам отвезти его тело в монастырь и похоронить со всеми почестями.

Являясь правителем Египта, Али-бей всегда помнил о своем абхазском происхождении, сохранял национальное самосозание, язык и культуру родного народа. Не забывал о своих родителях: в 1766 г. по его приглашению в Египет был привезен его отец Даут со своей младшей дочерью и внуком. Сам турецкий паша устроил у себя пышный прием отцу Али-бея.

Али-бей склонил своего отца к браку своей младшей сестры Фахут со своим приемным сыном (у Али-бея не было родного сына). Своего шестнадцатилетнего племянника Али-бей оставил у себя, и тот был принят в число мамлюкского войска и через два года получил титул Кашифа.

Через некоторое время в среде мамлюкской верхушки начались междоусобицы, борьба за власть, в результате которых Али-бей вынужден был оставить Египет и найти убежище в Сирии. Однако в 1767 г. Али-бей вторично захватил власть в Египте и, начал добиваться независимости от турок. Он, понимая, что турецкое господство привело страну к экономическому упадку и усилению социально-политического гнета, сумел склонить египетский диван на свою сторону. Получив поддержку дивана и воспользовавшись началом войны между Турцией и Россией, Али-бей в 1769 г. объявил о независимости Египта от Турции. По этому поводу видный историк-арабист В. Б. Луцкий отмечал: «Этот мамлюк абхазского происхождения (Али-бей. – О. М.), который долгое время симпатизировал России и скрывал свою ненависть к Порте, провозгласил себя суверенным государем, приняв в 1770 г. титул «султана Египта и обоих морей» (Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. – М., 1966. С. 23, 29).

Имя Али-бея произносилось в хутабе (торжественная молитва с упоминанием имени царствующего государя, что служило подтверждением признания его власти) в мечетях Египта и Хиджаза (область на Аравийском полуострове, где находилась Мекка – главная святыня мусульман), которая в том же году была присоединена к владениям Али-бея. Он сумел изгнать из

Каира турецкого пашу, перестав платить газну (дань) в султанскую казну.

После заключения в 1771 году военного союза с Россией для дальнейшей борьбы с Турцией, Али-бей предпринял попытку вытеснения турецкого войска из Сирии. Однако в разгаре войны в результате вновь вспыхнувшей вооруженной борьбы за власть между мамлюкскими беями, войско Али-бея потерпело поражение, а сам он был смертельно ранен, взят в плен и вскоре, 8 мая 1773 г. умер в Каире (Лузиньян. История о возмущении Али-бея против Оттоманской порты. – М., 1789. С. 1–130/ Перев. с нем. ; Луцкий В. Б. Новая история арабских стран…С. 30 и др.).

Современники отмечали, что Али-бей погиб геройской смертью, он сражался с саблей в руке, предпочитая смерть на поле боя сохранению своей жизни. Он был похоронен в Каире в одной из мечетей со всеми султанскими почестями.

Али-бей правил Египтом в течение шести лет, и его правление, по свидетельству современников, являлось одной из наиболее заметных страниц в истории мамлюков Египта.

Изучая историю абхазского народа, думаю следует знать и наших соотечественников, сыгравших яркую политическую роль в истории других государств. А таких немало.

Газ. «Советская Абхазия». 19 июня 1990 г.

Памятник Али-бею в Каире

Хусреб-ҧашьа даҧсыуан….

Абжьаратәи ашәышықәсақәа раангьы аҧсуаа, ачерқьесцәа, иара убас Мраҭашәаратәи Кавказ егьырҭ ажәларқәак Ҭырқәтәылеи, Мрагылара Ааигәеи, Аҩадатәи Африкеи ртәылақәа рахь инанагоз, аҭҟәацәа ҳәа иҧхьаҙан. Урҭ ишыхәчқәаз ишыхбыццәаз 10–14 шықәса ишырҭагылаз абрантәи иҧьычны иргон.

Кавказынтәи атҟәацәа хадаратәла изызкыз арратә маҭзура аныҟәгара акун. Урҭ наргон атәцәа рыла ахәҳахәҭырҭа ацентрқәа рахь, ахәҭакахьала Константинопольҟа, иара убас урҭ уантәи иаахәаны ирҭиуан хадаратәла еиуеиҧшым аҧсылман тәылақәа рахьгьы (ҽыпҧшыс иаагозар амамлиукцәа рырхәҭақәа рхарҭәааразы Египетҟа). Атҟәацәа маҷҩымкәа Константинополь иаанхон, иагьзызкызгьы арратә маҭзура аныҟәгара акун. Егьырҭ атәылақәа рҟны еиҧш, абраҟагьы атәцәа ҧсылманртәуан, ирырҭон аҧсылман хьзы ҽыцқәа. Дара рбаҩхатәра, рылшара, рхаҭара, рқьиара ирыбзоураны атәцәа рахьтә аҙәырҩы нас рхы иақәиҭыртәуан, иреиҳау арратәи аҳәынҭқарратәи ҭыпқәа рахь иқәдыргылон.

Ҭырқәтәыла ргәмшәареи реибашьратә, лшарақәеи ирыбзоураны ачерқьесцәеи аҧсуааи аҭырқә еибашьцәа рааста еиҧуп ҳәа ирыҧхьаҙон, ашьҭахь урҭ асулҭантә гвардиа ахәҭа хада иаларҭон. Иара убас, аҭырқәцәа дара рганахьалагьы рҽеазыршәон Мраҭашәаратәи Кавказ иалтцыз рыла рыр ахарҭәаара, избанзар ирдыруан ахаҭареи, ақьиареи, хьаҳә-хьачарада азиашареи рыла иааҙаз дара рзы ҳәа уаҩы дзықәгәғәаз уасхырны ишықалоз.

Ҭырқәтәыла аматҵ зуаз ачерқьесцәа, аҧсуаа еибашьцәа, арраҧызаҩцәа аҙәырҩы рхаҷсахьала, рхымҩаҧгашьа иалыркаауан. Ретникатә территориа хада анҭытҵ гәҧ-гәпла зҽеидкыланы инхауаз ачерқьесцәа иргәалашәон ретникатә хылшьтра, рыпсадгьыл, еиқәдырхон ретникатә хаҷера, даҽеа бызшәак зҳәоз рыҽерыларыҙҩомызт, насгьы ирҭахы-ирҭахым дара ркультура ахатә ҷыдараҟәа аадмырҧшлар ада ҧсыхәа роуамызт. Аха иагьа ус иҟа-

заргьы, Мраҭашәаратәи Кавказ иалҭыз дара аҕәҕәара аадырԥшуан ирыдыркылаз аԥсылман дини асулҭан изиашареи рганахьала. Асулҭангьы урҭ ибзианы дырзыӄан.

Османтәи аимпериа шәышыӄәсарацәалатәи аҭоурых аѡнутӷа иматҷ зуаз ачерӄьесцәа, аԥсуаа жәларқәа иналукааша рхаҭарнакәа, аимпериа ԥхьаӄацара иацхраауан, ар дырҕәҕәон, акаҳара аамҭақәа раан уи аилаҳара апроцесс ааныркылон.

Ҳаизааҭгылап аԥсуа милаҭ еиуаз, XVIII ашәышыӄәса анҭәамҭеи XIX ашәышыӄәсеи раан еицырдыруаз аҳәынҭқарратә усзуѡы Меҳмед Хусреб-ԥашьа, ҳазаатгылап уи ирратәи иполитикатәи усура. Избанзар уи Ҭырқәтәыла аҭоурых аҿы иаԥсоу аҭып ааникылеит. Рыцхарас иӄалаз, ҳара ҳҟынӡа иааӡеит уи ибиографиа аӄынтәи имаԥны адырратарақәа.

Хусреб-ԥашьа иусура ҷьоумшьарц залшом зхыԥхьаӡара рацәоу афактҟәа рыла. Уи иԥстазаараҿы зегьы ыӄан, ашьҭытҵракәа, акаҳарақәа уаѡы иимбац ахьӡ-аԥша, аиааира дуқәа, аҵахарақәа. Уи иҙбахә ҳалацәажәауа, абарҭ еиқәаҳаԥхьаӡақәазгьы ратәамбара ауам, аха иагьиашахомызт аҵахарақәа рыда акымзаракгьы амбара. Макышьа амам Хусреб-ԥашьа зхаҭара уадаѡыз, хкырацәала еилаз, абаѡхатәра змаз азә иакуны дшыӄаз.

Хусреб-ԥашьа диит 1756 шықәсазы. Егьырҭ ақьырсиан ҵкәынцәа дрылатҵаны Ҭырқәтәылаӄа даннанага, уи асулҭан ихҭынраҿы арратә ҵара бзиа иоуит. Хусерб-ԥашьа ирратәи иполитикатәи кариера зҵазкуа 1792 шықәса ауп, усҟан уи ақаԥдан-ԥашьа (адмирал) Киучиук Хусеин иӄны напхгаѡыс (қьаҳиас) дҟаҵан, уи зыгәра игоз уаѡын.

1800 шықәсазы Хусреб-ԥашьа Мысраӄа (Египет) идәықәтҵаз Киучиук Хусеин акоманда зиҭоз аҭырқәа флот дацын. Игумчи игәымшәареи ирыбзоураны уи Александриа Мысратәи ақалақь командантс дҟаҵан. Аамҭақәак аатҵуаны Хусреб-ԥашьа дҟаҵан Мысра аԥашьас (асулҭан хлаԥшѡыс имаз). Усҟантәи аамҭазы Мысра Оттомантәи аимпериа иҭынчмыз ахәҭақәа ируакны иӄан.

Мысра уи асулҭан имчра арыҕәҕәаразы аусмѡаԥгатә дуқәа мѡаԥигон. Аха 1804 шықәсазы Хусреб-ԥашьа Мысра аанимыжьыр ада ԥсыхәа имоуит, избанзар усҟантәи аамҭазы Мысра иҿеирҕәҕәеит еицырдыруа арԥызаѡ, нас Мысра ԥашьаз иаиуз Мухамед Али. Усҟантәи аамҭазы Хусреб-ԥашьа активла далахун еиуеиԥшымыз ажәларқәа рвостаниақәа, иара убас аимпериа еиуеиԥшым ахәҭақәа рҟны ихәҭкьаз аԥашьацәа рықәгылараҟәа, рыхәаҿра. Ҿырԥштәыс иаагозар, 1808 ш. Измир иӄалаз ақәгылара ихәаҿеит.

1812 шықәсазынӡа Хусраб-ԥашьа аҭырқә империа еиуеиԥшым апровинциақәа рҟны агубернатортә ҭыԥқәа жәпакы ааникылон. Дара иртәыз адгьылқәа рҿы агубернаторцәа амчра зегьы рыман. Хусреб-ԥашьа асулҭан икуша-мыкуша иӄаз рыѡнутҵкагьы иара идгылоз иман.

Хусреб-ԥашьа иполитикатәи ирратәи биографиаҿы еиҳа акырӡа зҵазкуаз шықәсқәан 1812–1817, 1822–1827. Убасҟан ауп уи ақәҿиара дуқәа аналиршаз. Хьыӡхәала абарҭ ашықәсқәа раан Хусреб-ԥашьа ѡынтә акаԥдан-ԥашьас (Отомантәи аимпериа адмирал хада) дҟалахьан, асулҭани авизир дуӡӡеи рышьҭахь аҳәынҭқарраҿы ахԥатәи аҭып ааникылон. Абри аҭып данахагылаз амчра убасҟак иҕәҕәан, адгьыл аҿы авизир дуӡӡа имчра аӄара. Иааидкыланы абас еиԥш амчра ду змаз акаԥдан -ԥашьацәа даара ибеиаз уаан, избанзар аимпериа анапатҵаӄа иӄаз амчрақәа зегьы рҟынтә ахашәалақәа роуан. Адмирал Хусреб – ԥашьа асулҭани авизир дуи рҟнытә хаҭала адҵақәа иоуан. Аимпериаҿы ишьақәгылахьаз аҵас ала арратә аекспедициа ҿыц аламҭалазы адмиралцәа иршәырҵон акафтан ҿыц.

Аҳәынҭқарра аринахысгьы арыҕәҕәараҿы, аѡнутҵкатәи аилаѡынтрақәа раԥыхраҿы аҵак ду ааннакылеит Хусреб-ԥашьа иганахьала аианичарцәа ркорпус ҳәа изышьҭоу ақәгара. Аианичарцәа ибзиаӡаны иазыӄатҵаз аршьаӄауаа ракун, урҭ рзыҳәан акадрқәа хадырҭтәаауан ақьырсиан ҵкәнцәа мчыла реизгарала. Урҭ ԥсылманыртәуан, ишыхәҵқәаз арратә ус ддырҵон, ак аҿаԥхьа ихьамҵуаз аԥсылмантә фанатизм рылараӡон. Урҭ асулҭан изы ҭәатәы шьаӄак иаѡызан. Аха XVII – XVIII ашәышыӄәсақәа рынтәамҭазы урҭ арратә мчык аҳасабала иԥсыхауа еилаҳауа иалагеит, аианичарцәа ақәгылараҳь идырцыхцыхуаз ареакциа иахырҕәҕәарҭаны иӄалеит. Асулҭан дзыӄәгәҕуаз даҿа арратә мчык ахьимамыз аӄнытә аианичарцәа асулҭангьы ашәарҭара дҭадыр-

гылон. Хьыҳҳәала абри аҟнытә 1826 шықәсазы Хусреб-ԥашьа аианичарцәа ҭаирхеит, урҭ ркорпус ықәигеит.

Хусреб-ԥашьа абри ахҭыс алшара инаҭеит арратә реформа амҩаԥгаразы, Европатәи (Пруссиатәи) аҿырԥшала иазыҟатцаз ар реиҿкааразы.

Иҟәшыз ҳәынҭқарратә усзуҩык иаҳасабала Хусреб-ԥашьа еиликааун арратә реформақәа шаҭахыз, избанзар Османтәи арратә еиҿкара еилататаны иҟалеит, аҭырқәцәа рыр рыҩнутҵҟа аҭыԥ рыман аиҿымкаара, анархиа.

1826 шықәса анҵәамҭазы Хусреб-ԥашьа еиҿикааит амшынтә хысыҩцәа рбаталион ҵыда, уи аҭырқәцәа рыр рҿы иҿырԥшыгаз рбаталионқәа ируакны ирыԥхьаҙон.

Хусреб-ԥашьа имҩаԥигоз ареформақәа рыҭҵааразы акыр иаԥсоу аматериалқәа уԥылоит Ҭырқәтәылан Урыстәыла аусҟәа рхаҭарнакгәрага Н. И. Минчаки идырраҭарақәа рҿы.

Уи 1824–1826 шықәсқәа рзы аурыс-ҭырқәатә аекономикатә хәоуеиқәмшәарақәа рҭышәныртәалара инапы алакын. Абри ауаҩ иҟаитцоз адырраҭарақәа руак аҿы иҳәон акаԥдан-ԥашьа Хусреб 1826 шықәсазы иара инапаҵаҟа иҟаз асолдатцәа разыҟаҵаразы дшааиԥхьаз афранцыз афицер Гиеиар, уи Измир дшааз Франциа аконсул хада Давид ирекомендациала. 1827 шықәсазы Хусреб-ԥашьа Европатәи аҿырԥшала ҩаԥхьа еиҿикааз аҭырқә ар ркомандаҟаҵаҩ хадас дықәргылан.

Уи иреформала амшынтә хысыҩцәеи аршьаҟауааи еидҵан. Хусреб - ԥашьа ибзоурала аҭырқә флот рыцқьан иара иреформақәа ираҕацәаз рҟнытә. Абри аҩызатцәкьа ҟаитцеит уи афицерцәа реилазаара аҩнутҵкагьы. Уи шыҟалаз абас ауп: Хусреб-ԥашьа икомандала Дарданел аҭырқә аскадрилиа аныҟаз 1826 шықәса декабр азы еиҿикааит аныҳәа, уахь инеиԥхьеит амшынтә афицарцәагь. Аныҳәа злазхыркәшахаз убри ауп: аианичарцәа ирыдгылоит ҳәа агәҩара зызрымаз 13-ҩык афицерцәа рыхҟәа хҵәан, нас Ҵампыл аианичарцәа ирыдҳәалаз амшынтә аршьаҟауаагьы рыхәҵа иақәиршәеит, убри ашьҭахь Ҵампыл ииаит уи иескадра. Авторцәақәак ргәааанагарала, ибзианы иазыҟатцаз амшынтә аршьаҟауаа 1827 шықәсазы амшынтә хысҩцәа рхыԥхьаҙара иалеитцеит. Абри анаҩсангьы, аршьаҟауаа рырҷәҷәаразыҳәан 1827 шықәсазы уи еиҿикааит артиллериатә хысҩцәа ркорпус ҵыда. Иара убас урҭ рзыҳәан иҟарҵон арратә ҷба ҿыцқәа.

Хусреб-ԥашьа ихаантәиқәа иазгәарҭон уи имаз ахшыҩ ҵари аԥышәеи, аимпериа аиҳабыра рыҩнутҵҟа мацара икәмкәа, ажәларқәа рыблақәа рҿаԥхьа иаҳаҭыр шышьҭырхуаз, имҽхак шдырҭбаауаз. Хусреб-ԥашьа илаз аилҟьа-еилҷәцәреи ахҭысқәа ахрархәашьа дахьрықәшәозои уи дҟарҵон ҳәынҭқарратә усзуаҩы шьахуны.

1833 шықәсазы аурыс ҳәынҭқар Николаи 1 Мысра иаҿагыланы аибашьраҿы Ҭырқәтәыла арратә цхыраара аиҭеит, уахь дишьҭит аинрал-леитенант Н. Н. Муравиов, аибашьра аанкылатәуп ҳәа адҵа иҵаны.

Н. Н. Муравиов Хусреб-ԥашьа иҿы имаз аиԥыларақәа ирыбзоураны уи иазгәеиҵон: Хусреб-ԥашьа рацәак дшаумыз, ихыиҿы шыҟаԥшьыз, аха уи иҿаԥшылара иунаҭоз агәааанагара аҳарҵа-ҩырҵа ыҟамкәа ибжьаҙуан ԥсабарала илаз абаҩхатәра аҿаԥхьа. Хусреб-ԥашьа ишәиҵон ахәдахагыла ҟаԥшьы зҿыкәршаз асолдаҭҭә шьнел иаҵәа. Ижәҩахырқәа ирықән ииаҵәаз ачоуҳатә чынқәа, ихан ахылпа ҟаԥшь. Хусреб-ԥашьа, иазгәеиҵон Н. Н. Муравиов, ҭеиҵԥшла игқәаз шыҟазгьы, дшажәхьазгьы уаҩы ишимбац ала аилҟьа-еилҷәцәра иныԥшуан, длахҿыхын, дыццакын. Уи иажәақәа рыхшыҩцак ҵарын. Хусреб-ԥашьа акы игәы иаланы данықаз аминуҵқәа раан ирҭынчразы днеиуан асулҭан, избанзар уи «еснагь дрыцәшәон Хусреб-ԥашьа иганахьала агәнамҙарақәа».

Автор иазгәеиҵоит «арратә усурақәа анапхгара рыҵара зхьыԥшыз Хусреб-ԥашьа идҵақәа ракун. Уи Ҭырқәтәыла аҳәынҭқарратә усзуҩцәа зегьы рахьтә аҟыбаҩ злаз аҙәы иакән». Хышықәса аатцуаны Пруссиатәи афельмаршал Х. Мольтке иҩуан: уи «реформақәа рпартиа дахаданы, акыршықәса асулҭан Махмуд II ихаҭыԥуаҩыс» дшықаз.

1833 шықәсазы Хусреб-ԥашьа аҭырқә ар ркомандаҟаҵаҩ хада, арратә министрк иаҳасабала Ҭырқәтәыла аганахьала инапы аҵеиҩит Урыстәылеи Ҭырқәтәылеи рыбжьара аҭынчреи, аиҩызареи, аидгылареи рзы Ункиар – Искелесиатәи аиқәшаҳатра.

1836 шықсазынӡа Хусреб-ԥашьа арратә министра афункциақәа змаз аусбарҭа ҽыц хадара азиуан, еидибалон Константинопольтәи аполициа аиҳабы инапынтқаҿа, иара убриалагьы аҳәынтқарра аусқәа зегьы анапхгара риҭон.

Аха 1836 шықәса ҭагалан азы иҟалеит зегьы иԥьаршьашаз ахҭыс. «Зегьзымчыз» Хусреб-ԥашьа игәра рымго иҟалеит, амчрагьы даҟәҭхан, Константинополь зегьы абри ажәабжь алаҵәаны иҟан, уи аӡәгьы агәра игарц иҭахымызт, убысҟак ажәлар дрылаҵәаны дыҟан Хусреб-ԥашьа. Насгьы иҳәатәуп, иара дылбаазҳәаз апартиа ахадараҽы дышгылаз ԥасатәи итәы Ҳалил ҳәа изышьҭаз. Хусреб-ԥашьа уи асулҭанҵәҟьа димаҳәхартә иҟазҵаз иара иоуп.

Хусреб-ԥашьа агәрамгара ицәыӡны Босфор аҽықә аҽы имаз авилла хазынаҽы данықаз, зныкымкәа уи дитааит хыхь зыӡбахә ҳҳәахьоу афельдмарша Мольтке. Хусреб-ԥашьа ихан азааигәара иргылеит ашколи аԥьаамеи, иара убриалагьы ѡаԥхьа аҳәынтқарратә мчрахьы ахынҳәразы уаѡы дзықәгәгшаз амѡа ылихит.

1838 шықәсазы Хусреб-ԥашьа ѡаԥхьа амчрахь днеит, ԥасатәи иаҕа Мысра Мухаммед Али ир ашьраҽы анапхгара ааникылеит. Усҟантәи аамҭазы Хусреб-ԥашьа, мысратәи анаместник дшиҵәымԥызгьы, иԥхьаӡон аҭырқә ар мысратәи ар риааира шрылымшоз, асулҭан агәра иргон дмыццакырц, арратә реформақәа ирыцитҵарц...

1839 шықәсазы асулҭан Маҳмуд II иԥсҭазаара далҵит. Уи иԥсҭазаара даналҭ ашьҭахь аимпериаҽы аполитикатә қәԥара ҵары ҟалеит авизир дуӡӡа (аҳәынтқарратә совет ахантәаѡы, апремиер-министр) иҭыԥахь акандитатурақәа рыкәша-мыкәша. Абри аҭыԥ дандаҭлон аныррa ду змаз Хусреб-ԥашьа. Усҟан 83-шықәса дшырҭагылазгьы, аха маха-шьахала дыԥәҕәан, агәамч иман. Адгылаѡцәа рацәаѡны измаз Хусреб-ԥашьа аиааира игеит, дагьалхын авизир ду иҭып ахь. Султан ҽыцс далхын 16 шықәса зхытцуаз Маҳмуд II иҵкән Абдул Медҷьид, уи ихаан напхгаѡтҷәҟьас иҟаз иара иакән. Авизир ду инапаҵаҟа иҟан аимпериа аҳәынтқарратә ведомствақәа зегьы рхадацәа. Мысра абашьраҽы Ҭырқәтәыла анатҵаха ашьҭахь Хусреб-ԥашьа аҳәынтқарра дуқәа хәба (Англиа, Франциа, Урыстәыла, Австриа, Пруссиа) реиҳабыракәа дрыҳәеит

асулҭан қәԥши аимпериеи ацхыраара рырҭарц. Абри Хусреб-ԥашьа алшара инаҭеит Мысра атерриториатә анажьрақәа мап рыцәкразы, иара ихаҭа иакәзар, хаҭала адгылара аиуразы. Аха настәи иусураан Хусреб-ԥашьа аконсервативтә позициақәа рахь диасуа далагеит 40–50-тәи ашықәсқәа раан Ҭырқәтәылан ареформа ҽыцқәа драҕаны ихы ааирԥшит. Хусреб-ԥашьа политикала иаҕацәаз, ари аѡыза аҿытҵга бзиа анроу, аҵыхәтәан ирылшеит уи ԥхьатәара ишьҭра, асулҭан иуспҟаҽы иазгәаҭан, уи ишахәҭаз еиԥш илмшеит ҳәа аҳәынтқарратә усқәа анапхгара рыҭара. Хусреб-ԥашьа акыр шихытцуазгьы дахьаҵадырхаз данымшәеит, иаҕацәа дырҿагыланы ачарҳәара еиҿикааит, аха уи аарԥшын... Хусреб-ԥашьа иакәзар – дырбаандаѡын, 1840 шықәсазы Родостоҟа дыхҵан, уброуп иахьихигаз иԥсҭазаара аҵыхәтәантәи ашықәсқәагьы. Хусреб-ԥашьа иԥсҭазаара далҵит 1854 шықәсазы 98 шықәса дшырҭагылаз.

Агазеҭ «Аԥсны ҟаԥшь». №197. Октиабр. 1990 ш.

Благодаря дарованию и мужеству

Абхазы и черкесы, а также сыны некоторых других народов Западного Кавказа, которых привозили в средние века в Турцию, страны Ближнего Востока и Северной Африки, были, главным образом, невольниками, захваченными в плен в основном детьми. Одним из главных предназначении их являлось несение военной службы. В центрах работорговли, в частности, в Константинополе, их перепродавали в мусульманские страны. Но значительная часть невольников оседала в Константинополе. Здесь, как и в других странах, их обращали в ислам, давая новые мусульманские имена. Многие из невольников, благодаря своим дарованиям, способностям, мужеству становились впоследствии вольноотпущенными и выдвигались на высшие военные и государственные посты.

Черкесы и абхазы, отличающиеся храбростью и воинственностью, считались лучше турецких воинов, поэтому составляли основную часть султанской гвардии.

Многих черкесских и абхазских воинов, полководцев, служивших в Турции, по словам современников, можно было отличить по чертам лица, по особой манере поведения. Почти все они, объединенные этнонимом «черкес», живя вне своей основной этнической территории небольшими замкнутыми общинами, помнили свое происхождение, родину, сохраняли свое этническое лицо, избегали растворения среди иноязычного окружения, что вольно или невольно толкало к подчеркиванию самобытных черт культуры. Но при всем при том, они были очень тверды в принятой мусульманской вере и преданы султану, обходившемуся с ними весьма благосклонно и милостиво (Муравьев Н. Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 гг. – М., 1869. С. 71).

На протяжении многовековой истории Османской империи выдающиеся и талантливые представители черкесского и абхазского народов, находясь на службе у султана, содействовали прогрессу империи, укреплению армии в период ее подъема, сдерживая процесс его разложения в периоды упадка.

Одним из них был абхаз по национальности, известный турецкий государственный деятель конца XVIII и первой половины XIX века Мехмед Хусреб-паша, занимающий достойное место в истории Турции.

В жизни Хусреба-паши, было, кажется, все: взлеты, падения, невероятная популярность, блестящие победы и горькие поражения.

Он родился в 1756 году. В числе других христианских мальчиков из Абхазии, попав в Турцию, Хусреб-паша получил хорошее военное образование в султанском дворце. Начало военной и политической его карьеры относится к 1792 году, когда он был назначен управителем (кяхъей) капудан-паши (адмирала) Кючюк Хюсеина, являясь его доверенным лицом.

В 1800 г. Хусреб-паша сопровождал турецкий флот под командой Хюсеина в Египет, и там был назначен комендантом Александрии. А через некоторое время он стал пашой в Египте (наместником султана). Египет в это время являлся одной из самых неспокойных частей Оттоманской империи, и Хусреб- паша принимал энергичные меры по укреплению власти султана. Однако в 1804г. он вынужден был покинуть страну (его выслали), ибо в Египте в это время усилился известный полководец, ставший впоследствии пашой Мухамед Али. Хусреб-паша принимал активное участие в подавлении различных восстании, а также мятежей, вспыхивавших в разных частях империи. Например, в 1808г. по поручению султана он осуществил операцию по подавлению мятежа в Измире.

До 1812 года Хусреб-паша занимал ряд губернаторских постов в различных провинциях Турции. Наиболее значительными в политической и военной биографии Хусреб-паши были 1812–1817 и 1822–1827 годы, когда он дважды становится капуданом-пашой (главным адмиралом Оттоманской империи), занимая третье место в государстве после султана и великого визиря. Власть Хусреб-паши на море была столь же сильна, как и власть великого визиря на суше. Вообще капудан-паши, имея такую большую власть, были очень богатыми людьми.

Большое значение в дальнейшем укреплении государства сыграла ликвидация Хусребом-пашой т. н. янычарского корпуса – персонального пехотного войска, кадры которого пополнялись принудительным набором христианских мальчиков. Это позволило ему приступить к проведению военной реформы и организации обученной по европейскому (прусскому) образцу армии. Хусреб-паша как умный государственный деятель понимал необходимость военных реформ, ибо османская военная организация пришла в хаотическое состояние, в армии царили беспорядок и анархия. Он сформировал особый батальон морских стрелков, считавшийся одним из образцовых батальонов турецкой армии. В 1827 г. Хусреб-паша был назначен главнокомандующим вновь организуемой им по европейскому образцу турецкой армии (сераскером). По его реформе морские стрелки были соединены с сухопутной армией. А для укрепления пехоты он образовал корпус артиллерийских стрелков. Строил он и новые военные суда.

Современники Хусреб-паши отмечали,что редкий ум и опытность давали ему значительный вес не только в правительстве империи, но и в глазах народа, а необыкновенная ловкость и умение пользоваться обстоятельствами делали его государственным человеком. Хусреб-паша был невысокого роста, несколько сутуловат, с красным лицом. Но впечатление, производимое его наружностью и старостью, сразу исчезало перед его незаурядными природными дарованиями. Он был необыкновенно деятельным человеком, всегда в движении, быстр и остроумен. В минуты его недовольства сам султан приходил успокаивать его, ибо всегда опасался каких-либо недовольств с его стороны. Ведь все управление военными действиями зависело от распоряжении Хусреб-паши, являвшегося по словам источника, «самым способным из всех государственных деятелей Турции» (Н. Н. Муравьев).

В 1833 г. Хусреб-паша, как главнокомандующий турецкой регулярной армией и военный министр, со стороны Турции подписал т. н. Ункяр-Искелесийский договор о мире, дружбе и союзе между Россией и Турцией. После усмирения первого вооруженного выступления египетского паши, Хусреб-паша провел ряд реформ,

имевших целью укрепить султанскую власть, усилить централизацию государственного управления, ликвидировать злоупотребления администрации и этим способствовать развитию экономики и уменьшению недовольства непокорных народов.

До 1836 года Хусреб-паша также возглавлял новое учреждение с функциями военного министерства, по совместительству исполнял и обязанности начальника константинопольской полиции, управляя таким образом всеми делами государства. Однако осенью 1836 года произошло событие поразившее всех. «Всесильный» сераскер, министр и начальник константинопольской полиции Хусреб-паша попал в опалу и был отстранен от власти.

В 1838 году Хусреб-паша вновь пришел к власти и продолжил руководство в войне со своим старым противником, пашой Египта Мухамедом Али (Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар. – М.–Л., 1947. С. 239). Однако Хусреб-паша считал, что турецкая армия еще не способна одолеть египетскую и убеждал султана повременить и продолжить гражданские и военные рефоромы. Но султан настаивал на продолжении войны. В результате все кончилось тем, что турецкая армия была разгромлена египетской.

После смерти в 1839 году султана Махмуда II в империи развернулась острая борьба вокруг кандидатуры на пост великого визиря. Среди претендентов был Хусреб-паша. Несмотря на то, что ему уже тогда было 83 года, он был еще физически силен и энергичен, и, одержав победу, стал великим визирем. Новым же султаном был избран 16-летний сын Махмуда II Абдул Меджид, при котором Хусреб-паша был фактически единоличным правителем: ведь султаны по традиции находились в многолетней изоляции во дворце и это не способствовало выработке у них способностей к управлению государством.

Помня о своем происхождении, Хусреб-паша часто приобретал и усыновлял кавказских мальчиков, помогал им получать образование и устраиваться на службу. Согласно источникам, 38 приемных детей Хусреба-паши получили титулы османских пашей: некоторые из них породнились с семьями султанов (Розен Д. Г. История Турции от победы реформ в 1826 г. до Парижского

трактата в 1856 г. Ч. 1–2. – Спб., 1872. С. 258, 259, 275, 291//Перев. с нем.; Татары и черкесы в Турции// Славянский сборник. Т. 2. – Спб., 1877. С. 54; Муравьев Н. Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 гг... С. 41; Новичев А. А. История Турции. – Л., 1978. Т. 4. Ч. 3, и др.).

Великий визирь являлся наместником султана по отношению к его светской власти. Таким образом, только великий визирь был настоящим министром, ибо он один имел доступ к султану.

После поражения Турции в войне с Египтом Хусреб-паша обратился с просьбой к правительствам пяти великих держав (Англии, Франции, России, Австрии и Пруссии) «оказать поддержку молодому султану и империи», что позволило Хусреб-паше отказаться от территориальных уступок Египту. Однако в дальнейшем Хусреб-паша перешел на консервативные позиции, противодействуя новым реформам в Турции. Политические же противники, получив хороший повод, в конце концов добились увольнения его в отставку. В султанском указе отмечалось, что Хусреб-паша не смог должным образом руководить делами государства. Однако Хусреб-паша, несмотря на преклонный возраст, не смирился с поражением и организовал заговор против своих противников. Но он был раскрыт и Хусерб-паша сослан в 1840 г. на о. Родосто, где скончался в 1854 году в возрасте 98 лет.

Газ. «Советская Абхазия». 24 ноября 1990 г.

Абазақәа аҳәааанхыцтәи рҭоурых аҟынтә

КАВКАЗ ашьхаруа жәларқәа рыхшара рааҙара атрадициатә система арратә зыҟатцареи махашьахала азѡыдареи хырхарҭас иаман. Уигьы еитцагылаз абиԥара ишқәԥшҙаз, ахатцареи, агәаҕьреи, рыжәлар аколлектив рзы ахаменгҙареи, аиашареи рылааҙара акәын изызкыз. Абарҭқәа рҟынтә Аԥсны амонголцәа раҳреи генуиаа рколонизациеи (XIII–XV ашәышықәсақәа) инадыркны араҟа зуы-зхәа амҽхак зырҭбааз еиуеиԥшымыз атуцьарцәеи атәцәа рыла ахәҳахәҭцәеи аҭыпантәи аҿар еснагь ирызҿлымҳан, рыхәҳара иашьҭан. Атәцәа еилазаарас измаз зыху мариаҙаз аусуцәа зҭиуаз атәыла хадақәа ируакны Аԥсны аҟатцаразы атагылазаашьа аԥыртцон афеодалцәа хаз-хазы реиҟәрҷҷара-реиҟәҭхареи иакыу ацентртә ҳәынтқарра аҟамзаареи. Атәцәа рыла еиҳа активла ихәҳахәҭуаз аҭырқә туцьарцәа ракәын, избанзар, Кавказ Амшын Еиқәа агаҿаҿы хышә шықәса инареиҳаны аҭырқәцәа ахьыҟаз, иахьыхәҳахәҭуаз, иахьеибашьуаз иалтцшәаны аҭыпантәи ауааԥсыра рырратә ҟыбаѡи, ргәмшәареи, рҟазшьеи, рқьабзи уҳәа ибзиаҙаны ирдыруан. Иара убри азакән «аҭырқәцәа аԥсуа тәцәа рыхә дуны иршьоит: аҳәса – уамашәа иахьыпшҙоу азы, аҷкәынцәа дара рдин ахь (аԥсылманрахь) иаииаргалак, аибашьратә ҟазара аныддыртцалак зеиҕьаҭам маҭура уааны, афицарцәаны иахьыҟалоз азы» ҳәа зыѡуаз аҭоурыхѡцәа – аныҟәаѡцәа руаҙәк. Анхаѡцәа рыхшара рнаѡсангьы атәра иташәон аҭауадцәеи адин аматцзуѡцәҽеи рыхшарагьы. Убри аамҭазы Ҭырқәтәылан аматц руан аурыс инапаҵаҟахь инанамгар ада ԥсыхәа шыҟамыз заа ибаны, XIX ашәышықәсазы зхатәы гәаԥхарала амзаҿа атәылахь ицақәаз Аԥсни, Адыгеи, аублеи рҿтәи аҭауадцәа рхаҭарнакцәа. Насгьы абарҭ атәылакқәа рҿынтә афеодалцәа аҙәырѡы аҭырқәа инапаҵаҟахь ҳаиасыр, аҭырқәара шьҭаҳхыр иаҳхьыԥшу, ҳнапаҵаҟа иҟоу ҳцәыҙуеит ҳәа ишәаны ирхьыԥшыз анхацәа хаала-мчыла ирыма Ҭырқәтәылаҟа ацара иалагеит. Убас, ауыблаа рхада Ҳаԥьы Кьарантыхә Берзеқь

инапатцаҟа иҡаз 350 тҙы анхацәа иманы Амармалташьтә мшын аԥшаҳәаҿы иҡоу Родосто дцаны дынхеит.

XIX ашәышықәса аҩбатәи азыбжаан шәнызкьҩыла «ачерқьезкәа» Ҭырқәтәылаҟа ицаны инхеит. Ачерқьезкәа ҳәа рзырҳәон аԥсуаа, ашәуаа, аублаа, адыгьаа, ҟабардаа реиԥш, ачеченқәеи, аингәшқәеи, ауаԥсқәеи, алегинқәеигьы. Аха урҭ иахьҭырқәртәуаз, аҳәса ауадалыкьқәа рахь (агаремқәа) иахьрырҭоз, ачерқьез архәҭақәа ахьеиҿыркаауаз уҳәа ирыхҟьаны Нхыҵ-Кавказынтә уи атәылан инеиз рхыԥхьаҙара иацло иалагеит. Ҭырқәтәылан ачерқьезкәа неины инхон уааҧа рнапаҿы иааргахьаз ауаа ахьынхоз атыпқәа рҟны, убри аҟынтәи урҭ иԥсаҟьаны аҭырқә қытақәа ирылаԥсан. Реиҳараҩык Токати Малатиеи рыбжьара инхоит. Нхыҵ - Кавказаа рахьтә зегьы реиҳа зҿалызкааула ашәуаа роуп ҳәа азгуеиҭоит С. И. Брук («Адунеи ауаапсыра» 1986, ад. 434).

Османтә империаҿы инхоз амилаҭ маҷқәа рхыԥхьаҙареи, реономикатә ҭагылазаашьеи ирызку адырратарақәа умҵыхьашәоит иаҳҳысыз (XIX) ашәышықәсаантәи аматериалқәа рҟны. Убарҭ руак аҭырқә султан инапатцаҟа иҡоу ауаапсыра хыцьара ишаны ѳ-хәҭак хылтцшьҭрала иҭырқәцәаҙам, хадаратәла урт Кавказтәқәоуп — «Черқьезқәоуп», Европатәиқәа ракәзар, славианцәоуп, бырзенцәоуп, албанқәоуп ҳәа аҳәоит. Агазеҭ «Дроеба» акәзар, 1876 шықәсазы иҭытцыз аҩбатәи аномер аҟны абри аиԥш алкаа ҟанатцоит: «Аматериалтә мчхара зегьы урҭ (кавказаа) ирымпытцакуп аха аполитикатә мчра рыцәмаҷуп». Урт аҙәгьы хьаас имам аҭырқә матцурауаагьы ишааргәапхо ирызныкәоит». Аха убри инаваргыланы иазгәаҭатәуп, Османтәи аимпериа шәышықәсалатәи аҭоурых еиуеиԥшым аетапқәа раан Аԥсни Нхыҵ-Кавкази иқәцыз рахьтә аҟыбаѳ бзиа змаз ауаа уаҟа ахәынҭқарратәи арратәи матцзура ҭып дуқәа шааныркылоз (Аԥснытәқәа абжеиҳан абаза ҳәа акәын ишырдыруаз). Насгьы урҭ уи аимпериа аѳнутҟатәии адәныкатәии аполитика анырра ғәгәагьы азыкартцон. Абарҭқәа рзы иааугаша аҿырпштәқәа маҷзам.

Убас, XVI ашәышықәса антцәамтеи XVII ашәышықәса алагамтеи раан деицырдыруан хылтцшьҭрала иапснытәыз османтәи аполитикатә усзуѳы Маҳмед ԥашьа Абаза. Уи авизир дузҙа, Османтәи амшын флот адмирал Халил-ԥашьа дигәараган. Маҳмед-ԥашьа иҟыбаѳи иҿазышәарақәеи ирыбзоураны 1622 шықәсазы Мрагыларахьтәи Анатолиатәи ақалақь – бааш Ерзерум абеилербеи (агубернатор) ититул ианашьахеит.

Абаза-ԥашьа абеилербеи иуалԥшьақәа неигзон 1628 шықәсазынҙа, насгьы аеиалет анапхгаѳы, ахада иаҳасаб ала уи иман аус алацәажәара азин змаз аусбарта — «диван», иаҳҳәап асултан, мамзаргьы авизир дузҙа иреиԥшны. Убри иусбартаҿы, идиван аҟны анапхгараҭареи, аруаа руалафахәы рызшареи, аибашьреи, аҭынчреи уҳәа рызтцаатәқәа дрылацәажәон, иҙбон. Абаза-ԥашьа аҭара бзиа змаз, апостра аҟыбаѳ злаз уаѳын, даарагьы дбеиан. Османтәи аимпериа аҭоурых ҭызтцаауаз анемец ҭарауаѳ Ф. Бабингер ишиѳуала Абаза-ԥашьа иԥҳа Сҭампыл инеины инхаз Магриб ахада Саид Муҳамед ԥҳәысс диитеит. Абаза Ерзерум хадара анаиҭоз аамҭаан Османтәи аимпериаҿы аҭагылазаашьа уадаѳхеит.

1622 шықәса ноиабр азы Абаза-ԥашьа ақәгылара ҟаитцеит, уи Османтәи аимпериа азиатәи апровинциақәа зегьы амҿеханакит (XVII ашәышықәсазы Анатолиа иара усгьы аҭырқәа хытцхыртақәа рҟны «цьелиалитәи аилаѳынтрақәа» ҳәа еицырдыруа ақәгылара дуқәа ирымҿехакын. Уи ақәгылара ҿытцгас, мзызс иаиуз асултан Осман II дылбааҳәаны дшыршьыз ахьраҳаз ауп. Уи иахҟьаны егьырҭ апровинциақәа рԥашьацәа аҙәырѳгьы ус ҟартцеит, аха зегьы реиҳа Абаза-ԥашьа иқәгылара, уи аан атыпантәи аиничарцәа — аруаа ниртцәон.

Абар XVII ашәышықәсаантәи докәментк Абаза иқәгылара иазкны иаҳәо: «Убри аан абасгьы ҟалеит: Абаза-ԥашьа зыхьзыз аҙәы, зылшамҭакуа рыбзоурала Халил-ԥашьа Ерзерум апашьас иҡаитцаз, ианичарцәеи сипахиааи рхамапагьара изымчҳауа акалақь (Ерзерум) абааш дрыцәлан, уа иҡаз агарнизон иҟәаҟәаны, иқәцаны иара иҿышьақуирғәгәеит».

Ақәгылара амҿехак шытбаазгьы, даара ишыгәгәазгьы 1628 шықәсазы Абаза датцахеит, иҿеримҭар адагьы ԥсыхәа имоуит, асултан Мурад IV азнаказы уи датеимцеит, ианаижьит. Ашьҭахь иҡартцаз асултан ҿыцгьы Абаза-ԥашьа дихылаԥшуан, дицхраауан, уи моу Босниаи Силистриаи рбеилербеисгьы дҟаитцеит.

Аха Османтәи аимпериа ахадацәа, ауаа дуқәа иахьизырымуз, дахьумырхәр ҟалом ҳәа ахьидырҭаз иахҟьаны асулҭан Абаза дырбаандаѡтәны дишьит. Аха ҳаҭыр дутҵәкьа иқәтцаны иԥсыжра еиҷикааит, Ерзерум ақалақь аҟны анышә дамаданы, аҳаҭгәын дутҵәкьа ихаиргылт. Докәментк излаҳәо ала атәыла зегьы аҟны ари даара иԥьаршьеит, избанзар, «асулҭан хылтцшьтрала иара изааигәамыз дарбанзаалак аҙәы инышәынҭра абри аиԥш аҳаҭгәын ахаргыланы ианакәзаалакгьы ирымбацызт, ажәытәзатәи рабацәа рҟынтә ирмаҳацызт, ашәҟәқәа рҟынгьы иамыԥхьацызт. Абаза даныршьгьы, «мап, уи иахьауажәрааназагьы дыҟоуп» рҳәан ираҳаз ажәабжь атәыла зегьы аҟны аҙәгьы ихаимҭеит».

Абаза-ԥашьа 1622–1623 шықәсқәа рзынтәи иқәгылара инҭкааны иалацәажәоуп, еиҭаҳәоуп аҭырқә ҭоурыхѡѡы Туга Челеби ихроникақәа рҟны, уи инапѡымҭақәа рыхѡылаа Венеи, Дрездени, Кембриџьи рҽтәи ашәҟәтцәахырҭақәа рҟны ишьҭоуп, итцәахуп.

Османтәи аимпериаҿы еицырдыруаз арратә усзуѡны дыҟан Абаза Хәсеингьы. Арратә ҵара змаз Хәсеин Абаза 1677 шықәсазы аԥхьа Мраҭашәарахьтәи Триполи игылаз ианичартә корпус беикомандаҟатцаѡыс далырхит, ашьҭахь иара убри аобласт хадас, анапхгаѡыс дҟартцеит. Хәсеин абри аматцзура данахадыргыла зуахк уҭаху атцәылатцаѡцәа, ачарҳәаѡцәа, абунтҟатцаѡцәа рықәгыларақәа рыцҳашьарада ицҟьо, аобласт аҟны имчра иргәгәеит, насгьы ԥшьышықәса наҟьак абри аматцура дахагыланы аус уа, аобласт аҟны Османтәи аимпериа апозициақәа шьарда иргәгәеит. Ус дук мыртцыкәа Ливиа аилазаара иалаз Феццен аобласт ахада Хәсеин Абаза аҳаза итәлара мап ацәкны абунт ҟаитцеит. Хәсеин даалаган ар унараԥызаны уцаны абунт ҟазтцаз ҭәгәала иахьырхәны, унапахьы ииаг ҳәа ир рхада Мурад-беи адтца иитеит. Хәсеин Абаза идтца анынаигъа ашьҭахь лакәушәа ибеиахаз Мурад-беи Хәсеин Абаза дызҭахымыз, иҷагылоз зегьы ааидгыланы Мраҭашәарахьтәи Триполи ахадас сҟалароуп ҳәа даақәгылт. Уааныа Хәсеин Абаза Мурад-беи дышицхрааузгьы, уимоу апсра дшацәнирхазгьы уи иҟаитцаз адтцала 1683 шықәсазы Хәсеин Абаза дырбаандаѡны дахыргеит. Аха Хәсеин ихәшьад ҳәаны ѡымш рыла итып ааныскылаз Мурад-беигьы ашьҭахь

ахәшьадҳәара дзацәымцеит - ианичарцәа уи иматцзура дахҳәаны Мраҭашәарахьтәи Триполи далырцеит.

XVII ашәышықәса антцәамҭеи XVIII ашәышықәса алагамҭеи раан Османтәи аимпериаҿтәи иналукааҙаша ахәынтқарратә усзуѡцәа дыруазәкын Осман-ԥашьа Абаза. Уи асулҭан иаҳҭынрахьы днанагеит асулҭан Маҳмед IV инапхгараан (1648–1687 шықәсқәа). Аҳҭынраҿы Осман иреиҧьыз арратә ҵара иоуит. Зтерриториа артбааразы иааиԥмырҟьаҙакәа еибашьуаз аҭырқәцәа ишдыру еиԥш, дызхылтцшьтроу, дзеиуоу ҳәа неилых ҟамҵа аҟыбаѡ бзиа злаз зегьы рыдрыԥхьалон, аибашьратә ҟазара ддыртцон, урҭ рахьтә аҙәырѡы ашьҭахь аԥашьа ҳәа иреиҳаҙаз арратә чынқәа рытан. Убарҭ дыруазәкын Осман-ԥашьагьы. Зеиԥшыҟамыз агәымшәара, хьаҳәаԥаҳәада лак-ѡакрада, гәык-ԥсыкала арра-политикатә дтцақәа рынагҙалара, иҟыбаѡ, иҟәыҧара уҳәа илаз абзиарақәа иаамҭан иналукаашаз ар дырхаданы дҟартцеит. Икьаҿзаргьы Осман изкны даара аинтерес зҵоу адыррақәа ҟаитцоит XVIII ашәышықәсаантәи амолдован ҭоурыхѡѡы Дмитри Кантемир «Османтәи аимпериа аҭоурых аҟнытә алкаа» зыхьҙу иусумтаҿы. Абар уи ииѡуа: «Абаза Осман-ԥашьа даара атцара змоу уаѡуп, ԥсабарала илоу аҟыбаѡ иабзоураны аҭырқәцәа рѡнутҟа деицырдыруа дҟалеит. Османтә еиҳабыра рҿы акырҙа зҵазкуа аматцзура ҭыпқәа дырхагылан. Асулҭан Ахмед III инапхгараан уи иматцзурақәа зегьы имхны анапхгаратә мчра даԥырган. Аха дук мыртцыкәа амчрахь деиҭанеит, насгьы аимперия аобластқәа руак Рекиуба акаимакан (аинрал-губернатор) иматцура дахагылт. Ҷьоукы Осман-ԥашьа хылтцшьтрала Қырҭтәылатәын ҳәа тәамбашақә избахә рҳәоит. Аха урҭ агха ҟартцоит, избанзар, уи даԥсыуатцәкьан. Ачерқьезқәа ирзааигуоу ари амилат еиуоу реиҳараѡык аҭырқәцәа еицырдыруеит».

Ара ҳара зыҙбаху ххәаз аҙәык-ѡыцьак роуп. Аԥсуаа ирхылтцыз аҙәырѡы Ҭырқутәылеи Ааигуатәи Мрагылара атәылақуеи рҟны еицырдыруа аҳәынҭқарратәи арратәи усзуѡцәаны иахьыҟаз атәылақуа рҟны аматериалтәи адоуҳатәи культураҿы рышьҭамҭа шьаху нрыжьит. Убарҭ ирызкны, ҵьара ингулырҭәааны, ҵьаргьы иааҿахтәаны, иркьаҿзаны акузаргьы рбиографиақуеи русурақуеи ртәы зҳәо алитература рацәа ыҟоуп. Убарҭ ҭцаатәуп аматериал еизакны изыргатәуп,

изхылтцыз ажәлар идырдыртәуп. Абас ҟатцазар, урҭ рахьтә еиҳа иналукаашақуа рахьтә аҳәырԥы иаԥсуамызт ҳәа ирҳәақуогьы, ирҟуатцуан, зегь рҭыԥ иқулон, аҭоурыхтә иаша шьақургылахон.

Абарҭкуа рҟынтә абра ианаҳҭоит убри алитература рацәа ахьтә еиҳа уаԥы имԥыхьашәо, ихуарҭоу ҳәа ҳгуы иззаанаго алитература аиқуԥхьаҳа: Дмитри Кантемир. «Османтәи аимпериа атоурых аҟынтә алкаа», 1973 ш., ад. 222; Г. А. Клеиман. «Ари ареформаи. Амодернизациа Османтәи аԥышәа», 1989 ш., ад. 26, 103, 113, 114; Клот-беи. «Египет ԥасатәии уажәтәии иара аҭагылазаашьаҿы», 1863 ш., ад. 214; Кади-бек Иури. «Ҳаамҭазтәи Ҭырқутәыла. Османаа раҳра иазкыу аочеркқуеи ажәабжьқуеи» 1897 ш., ад. 18, 19; 88–89; М. Т. Боԥьелиан. «XIX ашәышықуса 20–30-тәи ашықусқуа раан Османтәи аимпериаҿтәи ареформақуа», 1984 ш. ад. 71; Н. И. Пронин. «Ливиа аҭоурых аамҭа ҿыц аан», 1981 ш, ад. 183; А. О. Диугамель. «Александр Осип-иԥа Диугамель ибиографиа», 1985 ш., ад. 68; «Ҭырқутәыла иазкыу Мольтке исалам шәҟуқуа», «Арратә еизга» № 2, 1977 ш., ад. 138–137; А. Д. Новичев. «Ҭырқутәыла атоурых» 2-тәи атом, 1908 ш. ад. 271– 272; Иара убри ашәҟуы 3-тәи атом, ад. 13; «XVII ашәышықуса аԥхьатәи азбжа алагамҭаантәи Османтәи аимпериа», адокументқуа реизга, 1986 ш., ад. 135, 303; Ҷьалил. «XIX ашәышықуса аԥхьатәи азыбжа алагамҭаантәи Османтәи аимпериа», 1973 ш. ; С. А. Мамедов. «Абаза-ԥашьа ивосстание аерман хытҳхырҭақуа рыла». «Историко-филологическии журнал». №4. Ереван. 1977 ш., ад. 216; «Русскаиа мысль», 1896 ш., ад. 188–197; Т. Хаммер. «Османтәи аимпериа аҭоурых», 1834 ш. 2-тәи атом; М. И. Богданович. «Мрагыларахьтәи аибашьра 1853–1856 шықәсҟәа»: ақтәи атом. 1877 ш. ад. 246 ухәа егьырҭгьи.

Аԥсуа-адыгьтә милаҭқуа иреиҧьу аҳәааанхытцтәи ахәынҭқаратәи арратәи усзуҩцәа ртәы аҳәоит А. Ф. Миллер еицырдыруа «Мысҭафа-ԥашьа Баирактар» зыхьзу ишәҟугьы, 1947 ш. ад. 60; 434; 435; 445.

Агазеҭ «Аԥсны». № 60. Апрель 8. 1992 ш.

От невольников к египетским беям

Как известно, многие лица абхазского происхождения в странах Ближнего Востока, Египте, в силу различных исторических причин становились знаменитыми государственными деятелями, полководцами, учеными, гражданскими чиновниками и благодаря этому попадали в поле зрения исследователей. Не прошли незамеченными и факты, свидетельствовавшие о наличии, начиная с VI века, специальных воинских соединений абхазов (например, в Византийской империи), их участии в различных политических событиях.

Проникновение абхазов и адыгов в страны Ближнего Востока охватывает два периода: первый – с IX до середины XIX века, второй – с середины XIX – до начала XX века, связанный с массовым выселением абхазов и черкесов в Османскую империю после завоевания Северного и Западного Кавказа царской Россией.

Первый период был обусловлен преимущественно двумя факторами – налаженной у абхазов и адыгов эффективной системой военной подготовки и феодальной раздробленностью Северного и Западного Кавказа. Абхазские и адыгские воины, обладавшие хорошими боевыми качествами, превращались в своего рода «товар», который находил спрос в деспотических странах Востока. Главными формами этого проникновения являлись продажа невольников и найм на военную службу.

Первое появление абхазов и адыгов в Египте относится к IX веку. Численность «черкесов», как там называли всех выходцев с Кавказа, в этой стране значительно возросла в годы правления тюркских султанов (1250–1382), которые стали комплектовать из них основную часть войск. Скопление в Египте значительного количества «черкесских» воинов – мамлюков, привело к захвату ими власти в 1382 году. В период правления «черкесских» султанов (1382–1517 гг.) осуществлялся массовый перевоз невольников и родственников мамлюкских военачальников с Северо-Западного Кавказа в Египет.

Первоначально мамлюками именовались в Египте воины особой гвардии, созданной египетскими султанами династии Аиюбидов, основанной знаменитым Салах-ад-дином, состоявшей из молодых рабов, обращенных в ислам и обученных военному искусству. Описание состава и организации мамлюкского войска дал египетский историк XIV–XV вв. Маркизи. Он, в частности, пишет, что мамлюкское войско было смешанным и, кроме «черкесов», в него входили тюрки, туркмены, румийцы (Румский султанат–государство в Малой Азии, в XV в. завоеванное турками). Большей частью это были купленные рабы. Как пишет Маркизи, мамлюкское войско делилось на две части – первая находилась при султане, а вторая располагалась в областях и городах страны. Мамлюкские военачальники именовались эмирами (у мамлюков титул эмира был связан как с командным постом в армии, так и с определенной придворной должностью). Каждый эмир стоял во главе тысячи всадников. За ними следовали «эмиры сорока» или «эмиры с оркестрами» (право иметь своих музыкантов высоко ценилось у мамлюков). Такой эмир командовал 40–70 всадниками. Затем шли эмиры, командовавшие двадцатью всадниками. За гвардией следовало обычное войско.

В войсках была введена суровая дисциплина. Никто из воинов не имел права отлучиться, пока его командир не объяснил бы наместнику перед военным советом причину отпуска, и если воина отпускали, то эмир получал замену. Если у воина погибал конь, то мамлюк должен был представить его труп, как доказательство того, что конь действительно пал, и лишь тогда его заменяли. По заведенной традиции, мамлюкское войско ежегодно получало награды от султана. Высшей наградой воину служила одежда (кафтан).

Как уже отмечалось, в конце XIV века тюркскую династию в Египте сменила династия «черкесских» султанов, при которой господствующее положение в стране постепенно заняли мамлюки – феодалы кавказского происхождения.

Первым «черкесским» правителем Египта был султан Баркук, а в 1516 году на пост египетского правителя был избран последний, 24-й представитель династии «черкесских» султанов Египта Туман-бей. При нем начинается экспансия турков-османов в Египет и другие арабские страны, и Туман-бей начинает войну с турками. Несмотря на проявленное мужество в этой борьбе (из исторических документов известно, что он сам зарубил в бою значительное число османских воинов, включая великого визиря Синан Юсеф-пашу), победить турецкую армию он не смог. Потерпев поражение, Туман-бей был схвачен и в 1517 г. повешен по велению турецкого султана Селима I*. Молдавский историк Кантемир в этой связи писал, что «это зрелище (повешение Туман-бея) обуяло страхом египтян, но в то же время они тайно радовались, что кончилось тираническое господство «черкесов»». Со смертью Туман-бея прекратилась «черкесская» династия египетских мамлюков. Мамлюкская армия и государство были уничтожены, а Египет в качестве пашалыка вошел в состав Османской империи. (Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. – М., 1966. С. 7–8; Хасанов А. А. Социально-политический строй мамлюкского Египта при черкесских султанах (1382–1517). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – М., 1975. С. 108–161; Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран 1516–1574. – М., 1984. С. 7–8, и др.). Однако «черкесская» военно-чиновничья элита сохраняла свое влияние в Египте и в годы османского господства, и в годы правления династии Мухамеда Али, вплоть до конца XIX столетия. Одна из основных причин, приведших к новому возвышению «черкесов» в Египте, состояла в том, что после установления в стране турецкого протектората, турки унаследовали обычай создавать личную гвардию из мамлюков. Турецкие беи назначали своих мамлюков на важнейшие правительственные посты, жаловали им крупные земельные владения. В результате к концу XVIII века две трети всех земель в Египте находились в руках мамлюков (в мамлюкской среде владение землей переходило не от отца к сыну, а от хозяина к его любимому невольнику). Мамлюки стали господствующей прослойкой

*Кстати, именно в это время согласно материалам А. Ш. Кадырбаева, началось правление в Египте будущего «короля эмиров», абхаза Сайф-ад-дин-Хайр-бека (1517–1522), которому османы передали Египет в пожизненное управление.

египетского феодального класса. В результате этого в середине XVIII века в Египте всю власть вновь захватили мамлюкские беи, оттеснившие на задний план турецких правителей. Управление страной перешло в руки самого сильного мамлюкского правителя, который именовался шейх-эль-белед (См.: Вольней К. Путешествие Вольнея в Сирию и Египет, бывшие в 1783, 1784 и 1785 годах. – М., 1791. С. 154,155,271/Перев. с нем.).

Первым мамлюкским правителем Египта в XVIII веке стал «черкес» Ибрахим-бей (1746–1757). Его мамлюки получили хорошее вознаграждение – поместья, посты, многие из них были назначены беями. После смерти Ибрахим-бея завязалась ожесточенная борьба за власть. Победу одержал абхазский мамлюк Али-бей аль-Кабир. В 1763 г. он стал правителем Египта, а через шесть лет провозгласил независимость страны. В 1773 г., после его смерти, власть перешла в руки других соперничающих между собой мамлюков во главе с «черкесами» Мурад-беем и Ибрагим-беем (Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. – М., 1966. С. 23).

В конце XVIII века в Египет вторгся Наполеон Бонапарт. Мамлюкская армия Мурад-бея и Ибрагим-бея оказала ему ожесточенное сопротивление, но победить самую передовую армию того времени не смогла. Тем не менее, Наполеон высоко оценивал боевые качества мамлюков, которые сражались с ним буквально как львы, но подчеркивал их неспособность к массовым организованным действиям. «Два мамлюка, безусловно, превосходили трех французов, – говорил он, – но сто мамлюков были равноценны ста французам, 300 французов обыкновенно одерживали верх над тремястами мамлюками, а тысяча французов уже всегда разбивала полторы тысячи мамлюков» (Наполеон Бонапарт. Экспедиция французов в Египет. – М., 1832. С. 71–205).

Среди египетских мамлюков XVIII века известно много имен абхазов и адыгов, достигших самых высоких почестей и титулов. Так, кроме уже упоминавшегося Али-бея, видными деятелями были Чаргав Осман-бей, Ахмет-бей, Али-Катхода Иахйа, Отман-Селиктер-ага (сабленосец), Яхья Махмуд-бей, Абу-Захаб, Ибрагим-бей, Мурад-бей и др. Большой интерес, в частности, представляет

судьба и жизнь известного мамлюкского правителя Египта XVIII – начала XIX века Мурад-бея.

Мурад-бей родился в 1750 году. В юности он, как и большинство мамлюков, был взят в плен на Западном Кавказе турками, а затем перепродан в Египет. Вскоре Мурад-бей сумел освободиться от рабства и получить титул бея. С 1773 г. он разделил власть в Египте с другим мамлюком – Ибрагим-беем. Ему подчинялся Верхний Египет. В 1798–1799 гг. Мурад-бей организовал борьбу мамлюков против вторгшейся в страну армии Наполеона. В 1800-1801 г. Мурад-бей старался сотрудничать с преемниками Бонапарта – генералами Клебером и Мену, однако в апреле 1801 г. умер от чумы.

Египетский летописец Джабарти оставил описание Мурад-бея. «Мурад-бей, – пишет он, – был светловолос, среднего роста и плотного телосложения, носил густую бороду и имел грубый нос. На лице его был шрам от удара саблей». По сообщению другого современника, Мурад и Ибрагим, как и почти все остальные мамлюки, были неграмотными. В качестве переводчиков с арабского языка им служили копты, а с турецкого – турки. Они имели печати, на которых были выгравированы их имена и которыми они опечатывали бумаги, перед тем как отправить их куда-либо.

Военные способности Мурад-бея высоко оценивал Наполеон: «Природа наделила его величием, блестящим мужеством и проницательностью. Он охватил мысленным взором все поле сражения (речь идет о решающем сражении мамлюков с французами у Пирамид, недалеко от Каира, где Мурад-бей потерпел поражение 21 июля 1798 г. – О. М.) с таким искусством, которое сделало бы честь самому законченному полководцу». Наполеон считал Мурад-бея своим наиболее выдающимся противником во всей Европе. По свидетельству одного из современников Мурад-бея, «Бонапарт придавал большое значение уничтожению Мурада, которого он рассматривал как самого смелого, самого активного и самого опасного из всех врагов в Европе».

В вопросе о национальной принадлежности Мурад-бея нет единого мнения. Так, грузинские историки (В. Мачарадзе, И. Тапа-

гуа) считают Мурад-бея грузином. Армянские ученые допускают мысль о его армянском происхождении. Согласно же общепринятому мнению, нашедшему отражение в бывшей советской исторической литературе, Мурад-бей был «черкесом». Здесь необходимо отметить, что поскольку, судя по историческим документам, в большинстве своем ряды египетских мамлюков в XVIII веке, пополнялись «черкесами» с Северо-Западного и Западного Кавказа и в Египте в этот период находилось множество абхазских мамлюков, то допустима вероятность и абхазского происхождения Мурад-бея.

Газ. «Республика Абхазия». № 127. 11 июля 1992 г.

ЧАСТЬ V.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОЕ СОСТОЯНИЕ АБХАЗИИ В XIX – XX вв.

Гумская Абхазия с XIX века до дня нынешнего

(по историко-этнографическим материалам Гулрыпшского района)

В первой половине XIX в. население Абхазского княжества, по мнению З. В. Анчабадзе и авторов учебного пособия «История Абхазии» (Сухум, 1991), подразделялось на следующие территориальные группы: бзыбцы, гумцы, гулрыпшцы. абжуйцы и самурзаканцы. В горной части Большой Абхазии проживали полунезависимые от владетельской власти общности цабальцев, дальцев, ахчипсуйцев и псхувцев.

Таким образом, по мнению исследователей, гулрыпшцы, наряду с другими, представляли собой самостоятельную абхазскую территориальную единицу, занимая промежуточное положение между гумцами (абжаквинцами) и абжуйцами.

Однако следует отметить, что гулрыпшцы в первой половине XIX в. причисляли себя к гумцам, а территориальная граница Гумской Абхазии (позднее Абхазского общества, куда относились совр. Сухумский и Гулрыпшский районы) на северо-западе проходила по р. Шыцкуара (западнее Гумсты) и на юго-востоке по р. Кодор. Кроме того, гулрыпшцы и после переселения в Турцию также не выделяют себя в качестве отдельной территориальной группы, а относят себя к гумцам. В связи с вышесказанным, не случаен и тот факт, что когда в середине XVIII в. владетельская линия фамилии Чачба была

удалена султаном в Турцию, то эшерские князья Дзапшипа заняли, например, не только Цкыбын (Дранду), но и все пространство между Псырцхой и Кодором. (Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе //Исторический вестник. Т. 7. – Тб., 1957. С. 284).

Все это дает основание считать, что территорию между Шыцкуара и Кодором занимало гумское подразделение абхазов. Поэтому для междуречья Кяласур и Кодор (т. е. территории совр. Гулрыпшского района) можно говорить только о наличии Гулрыпшской общины, как например, и Пшапской общины, Драндской общины и т. д.

В самом начале XIX в. (около 1804 г.) земли междуречья Шыцкуары и Кодора владетельный князь Абхазии Келешбей передал в надел одному из своих сыновей – Гасанбею. После него эти земли наследовали его сын Дмитрий и внук Георгий. Почти во всех княжеских селах были управляющие, в качестве которых иногда становились представители высшего сословия. Таковыми, например, являлись дворяне Званба, которых владетель Келешбей около 80-х гг. XVIII в. (в числе других нескольких угодных ему семейств) поселил в междуречье Кяласура и Кодора и поручил им управлять Цкыбыном – Драндой.

На территории от р. Шыцкуара до р. Кодор и от берега моря до Цебельдинского нагорья в первой половине XIX в. находилось 23 селения: 9 из них приходилось на междуречье Шыцкуара–Кяласур, и 14 сел располагались в междуречье Кяласур–Кодор. На эту последнюю территорию и хотелось бы обратить внимание в данной публикации.

Во многих поселениях междуречья Кяласур–Кодор, при значительных их размерах, население в первой полов. XIX в., как и в 60–70-х гг. того же столетия, было небольшим. Например, если общая площадь территории, занимаемой только селением Гулрыпш (вместе с Агудзера и Цанбейкуара) составляла почти 5 тыс. га, то насчитывалось здесь 19 хозяйств. В других селах населения было и того меньше: в Багбаране насчитывалось 13 хозяйств, Пшапе – 6, Багажяште –11, Бабышире –13 и т. д. Причинами

немногочисленности населения были имевшие место, начиная с 1810 г. несколько этапов махаджирского движения абхазов в пределы Османской империи. Особенно много гумских крестьян было выселено в 1867 г., что видно, например, по селу Мархьаул. В этом имении, пишет А. Пахомов, «жило очень много подвластных князя Димитрия, которые большей частью в прошедшем 1867 г. выселились в Турцию». Коренных мархьаулских крестьянских хозяйств здесь после Лыхненского 1866 г. восстания, осталось 11. Остальные жители Мархьаула (которых, впрочем, очень немного), пишет А. Пахомов, «суть асасы, пришедшие в последнее время». Согласно источникам в 60–70 гг. на указанной территории жили выходцы из Самурзакани, Джигетии, Цабала и других регионов Абхазии в качестве асасов, т. е. зависимых переселенцев. В большом количестве, спасаясь от крепостничества, сюда бежали выходцы из Западной Грузии. По данным 1867 г. почти в каждой абхазской общине проживало от 5 до 15 семейств, переселившихся из других мест.

Наиболее же многочисленным населенным пунктом междуречья Кяласур–Кодор в 60–70 гг. было селение Цкыбын–Дранда, где проживала фамилия Званба.

Здесь насчитывалось до 60-ти только крестьянских хозяйств и почти столько же асасов (это объясняется очевидно тем, что почвы долины р. Кодор вообще отличаются наибольшим плодородием). В отличие от других сел в Цкыбыне жили как подвластные удельного князя Чачба, так и Званба. Последним платили подати 32 хозяйства, а князю Георгию 22 дыма крестьян. Это говорит о том, что дворяне Званба пользовались в Цкыбыне достаточным полновластием. Об этом же может свидетельствовать и то, что внутри имения Цкыбын имелось «село Званба».

По свидетельству С. Стефанова – автора книги «Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе» (Батум, 1906 г.) и некоторых других источников, «село Званба» находилось в трех верстах к югу от Драндского укрепления.

Названия населенных пунктов, гидронимов междуречья Кяласур и Кодор безо всяких документов говорят нам о живших

здесь других фамилиях (нужно сказать, что из зафиксированных в Гулрыпшском районе более чем 757 абхазских топонимов, названий рек и гор, более 120 связаны с антропонимами, т. е. именами и фамилиями проживавшего здесь до махаджирства 1878 года абхазского населения). Так, название Допуакыт, букв, значит «село Допуа»; название Дал (историческая область в верховьях р. Кодора) производно от рода Далаа (у абазин и кабардинцев и сегодня встречается фамилия Далов); Лата – центр общества дальцев. Адыгейский исследователь К. Меретуков происхождение названия Лата увязывает с одноименным антропонимом. Лата у абазин Латаа – пишутся Латовы, у адыгов – Лотоко. Клыч – (ҟлыч) гора и перевал на ГКХ, из антропонима Ҟлыч (пишутся ныне у абазин Ҟлычев); Шьоу – местность в районе с. Ажара, от фамилий Шьоу (пишутся Шоуа); Джаа (Цьаа) – село юго-восточнее Цабала (там же известное Цьаҳашьқьарныха) связано с родом Цьапуа (Джопуа); Хегрипш (в первой половине XIX в. населенный пункт между с. с. Кодор и Дранда, название ныне утеряно) – от антропонима Хегба (Хагба) и рыԥшь «их край»; Пал – в XIX в. населенный пункт из одноименной горы вблизи Джампала – из антропонима Палба; Кутарба – высокогорное пастбище в верховьях реки Кодор; Мачара – по мнению Х. С. Бгажба от родо-племенного имени Мачараа т. е. Мачовы; Багада и Багаа – (название населенных пунктов в первой половине XIX в. (первое располагалось в районе Багадского моста, а второе в районе Цабала) – в их основе имеется дворянское родовое имя Баг, Багаа (множ.); Аргун-Измаил, Аргун-Ислам – села в районе Цабала и Азанты в перв. половине XIX в. – состоят из фамилии и имен жителей этих сел; в с. Лата в настоящее время есть также река и поселок Аргуния (образовано также от антропонима Аргуния); Адзина (в первой половине XIX в. село в междуречье Амткял и Джампал) – образовано от фамилии – Аҙынаа (Адзиновы), ед. число Адзынба; Цанбейкуара – речка впадающая в море между р. р. Багажә икуара и Пшап) – «речка Цанба» (являющаяся по С. Званба сильнейшей джигетской (садзской) княжеской фамилией); Арлан икуара (речка впадающая в другую реку Парнаут недалеко от ж/д полотна) – «река Арлан»; Мархьаул – как считает

языковед В. Е. Кварчия, означает «село Мара (или Маршьан), но как нам кажется, название Мархьаул связано с вымершей фамилией Мархь, Мархьаа и добавления к основе тюркского «ул» – «село» (фамилия Мархьаа приводится в списке абхазских фамильных имен в книге Ш. Д. Инал-Ипа «Антропонимия абхазов»); Амхел (местность в районе с. Багбаран) – от «Амхелиаа», проживавшие до 1878 г. в районе Цабала; Парнаут (ныне один из поселков с. Пшап) связано с родовым именем Ԥарнауҭ, Ԥарнауҭаа (в этой связи отметим, что в одном из документов за 1871 г. фигурирует, например, житель с. Лыхны Решид Ԥарнауҭ-ипа); Баԥажәиашҭа – «усадьба, имение Баԥажәа, Бԥажә, Бԥажәба или Бԥажәниаа (откуда и адыгское Бгажноков); Ԥшьалышь – от фамилии Пшьалиа (до 1878 г. жившие в Цкыбыне); Ҟәамба или Ҟәланба аԥҳаш – «водный поток Куламбовых, Кулановых (эта река берет начало к северу от горы Куламба и впадает в озеро Амткиал с левой стороны. От названия Куланба идет и название села в Гудаутском районе –Ҟәланырхәа. Кулановы считаются ответвлением от дворянской фамилии Лакрба; Бабан – село, существовавшее в первой половине XIX в., на левобережье Кяласура, связано с родовым именем Бабан, Бабанаа, т. е. Бабановы: Аибухәҭа (село в междуречье Кяласура и Мачары в XIX в., соответствует совр. пос. Кяласур в с. Мачаре), - букв, «подгорье Аибовых; Кацикыт – «село Каца». Отметим, что в Турции, по словам покойного Орхана Шамба, а также согласно материалам, представленным в работе В. А. Чирикба «Расселение абхазов в Турции», проживают представители фамилии Кац, Кацаа, Акацба (в селе Хасандере, близ г. Биледжик), которые принадлежали к территориальной группе абхазов - Цвыджьа, занимавшей до выселения в Турцию территорию ниже ахчипсуйцев, т. е. в ущелье притока р. Мзымта–Цвыдзыпсы.

Наконец, укажем на топоним Гулрыпш. По мнению проф. В. Кварчия, это название относится к кругу абхазских топонимов с элементом ԥшь, что означает «край» и дословно переводится как «край Гуловых или Гулиевых» (Кварчия В. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006. С. 154.). Нужно отметить, что представители

фамилии Гулиа, согласно Ш. Д. Инал-ипа, в середине XIX в. жили в селах Яштхуа, Эшера, Куланырхуа, Уарча. В связи с наименованием Гулрыпш обращает на себя внимание и патронимическое имя, фигурирующее в абхазском фольклоре: «Гулрыԥшь-иԥа Сламбақь», т. е. Асламбек, сын, потомок Гулрыпша.

Родовые имена жителей междуречья Кяласур и Кодор сохранились также благодаря некоторым документам XIX в. Из представленного в этих документах населения по отдельным селам отметим фамилии, насчитывавшие в 60–70 гг. XIX в. от 15 до 5 хозяйств. Это Бичваа, Азерба, Пшаа, Читанаа, Маан, Гунджиа, Хакаа, Браскьыл, Жьиба, Плиа. До 60-70-х гг. эти и другие фамилии имели в междуречье Кяласур–Кодора значительно большее распространение.

Кроме перечисленных фамилий, в 1878 г. в Турцию выселились такие фамилии, проживавшие в междуречье Кяласур–Кодор как: Абжьиноу, Алакьаа, Агибаа, Гулиа, Джегелиа, Ермышь, Мкуац, Пешба, Хьыб, Чкотиа, Чух-ипа, Бадиа, Бутба, Званба, Кацба, Микаа, Цанба, Цәызба, Чацба, Чачба, Шьоу, Чрыгба, Кококыр, Гундж-ипа, Трапшь, Бермит, Бгеу, Шьонца, Кучба, Хаябат, Сариа, Тванба, Шалаберия, Шарбалиа, Цхчи, Циба и др.

Почти после полного выселения гумских абхазов (за исключением населения с. Эшера) в Турцию, их традиционная культура подверглась разрушению, в результате чего на сегодня основной пласт материальной и духовной культуры гумцев, в том числе и населения междуречья Кяласур и Кодор в Абхазии оказался практически утраченным. В целом, в 1878 г., по приблизительным данным, в Турцию насильственно было выселено примерно 50 тыс. человек, которые в большинстве своем состояли из гумских абхазов.

Земли, оставленные абхазами-махаджирами, царское правительство, как известно, роздало крупным военным и гражданским чиновникам, в целях усиления колонизации страны. В Абхазии на «свободные» земли были поселены и колонисты различной национальной принадлежности – русские, греки, армяне, немцы, эстонцы, болгары и др. Уместно здесь же отметить, что во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. христианское население Малой Азии и, в частности, армяне и греки, рассчитывая на избавление

от многовекового турецкого господства, принимало русских «с распростертыми объятиями». Командующий корпусом царских войск Лорис-Меликов, учитывая страх христиан за свою судьбу в случае пренебрежения их интересами по заключению мира, считал необходимым переселение их в Россию для сохранения дружественного элемента на случай новой войны с турками. Значительная же часть, главным образом, армяне и греки, переселились в Абхазию.

Наряду с греками и армянами в 80–90-х гг. XIX в. усиливается переселение в Абхазию, и в том числе в современный Гулрыпшский район, мегрелов и других выходцев из Западной Грузии.

Начиная с 20-х гг. XX в. переселение десятков тысяч людей из Грузии, часто насильственно проводилось ее коммунистическими властями. Особого размаха оно достигло в 40-е и 50-е годы, в период правления Сталина и Берия. В последующие годы власти Грузии, в целях увеличения удельного веса грузинского населения в Абхазии, проводили и политику выдавливания из Республики представителей негрузинского населения. Всесоюзная перепись населения 1989 г. показала, что абхазов в своей стране было 93,3 тыс., грузин – 239,9 тыс. Что касается Гулрыпшского района, то по данным той же переписи, здесь проживало 29 тыс. грузин, тогда как количество абхазов составляло чуть более 1 тыс. человек.

После грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., в результате которой большая часть грузинского населения, выполнявшая роль «пятой колонны», покинула Гулрыпшский район, как и всю Абхазию, этническая ситуация в указанном районе существенно изменилась. Это связано, во-первых с тем, что потомки наших соотечественников, выселенных в XIX столетии в Османскую империю получили возможность вернуться на свою историческую Родину и заселять Гулрыпшский район. В настоящее время в районе (в частности, в пос. Гулрыпш) со своими семьями проживают, например, репатрианты, представители следующих абхазских фамилий: Авидзба, Агрба, Акаюба, Анкуаб, Аргун, Бетхуан, Боран, Гечба, Джанбей, Думан, Капба, Копсерген, Мгол, Сагариа, Таташь, Хапат, Хеция, Чкуа и другие. Нужно сказать, что количество представителей нашей

диаспоры, желающих возвратиться на Родину, заметно повысилось с признанием Российской Федерацией независимости Абхазии. К ним, по информации Госкомитета по репатриации Республики Абхазия, в частности, относятся представители известных родов Арютаа и Гечба из Сирии и Иордании – более 70 семей, которые на своих фамильных сходах приняли решение всем вместе переехать на постоянное место жительства в Абхазию. Еще больше желающих переехать в Абхазию из Турции – особенно это касается среднего поколения и молодежи (Газ. «Республика Абхазия». №11. 3 – 4 февраля 2009 г.).

Кроме постепенного возвращения на историческую Родину репатриантов, важной особенностью характеризующей современные этнические процессы в Гулрыпшском районе, является приток сюда жителей Очамчырского и Ткуарчалского районов – как выходцев из сожженных сел, так и из отдаленных предгорных районов. По материалам Администрации Гулрыпшского района за 2009 г., в район на постоянное место жительства из Очамчырского и Ткуарчалского районов переехали около трех тысяч абхазов. В целом же в Гулрыпшском районе, по данным «Учета населения 2003 г. », проживают 4879 абхазов, уступая по численности армянам, количество которых составляет 9374 человек.

Таким образом, происшедшие в Гулрыпшском районе в послевоенные годы процессы, кардинальным образом изменили этническую карту Абхазии. В результате территориальная разорванность абжуйцев и бзыбцев начала понемногу исчезать; в случае же успешного продолжения заселения абхазами центральной части республики (Сухумского и особенно Гулрыпшского районов) может исчезнуть более чем столетняя разобщенность этнической территории абхазов.

Газ. «Дал-Цабал». Август-сентябрь 2010 г.

Из истории курортного хозяйства Абхазии

Принято считать, что история курортно-туристического хозяйства Абхазии начала формироваться после того, как в 1898 г. XII Московский съезд врачей официально признал Сухум и его окрестности «превосходной климатической станцией» (как тогда называли курорты). Однако курортный потенциал Абхазии был известен с античных времен: еще греки и римские легионеры принимали неподалеку от совр. Сухума (Диоскурии-Себастополиса) – на правом берегу р. Басла, в районе с. Бырцху, термальные ванны. Об этом свидетельствуют найденные археологами развалины сооружений со сложной системой труб и бассейнов, наводящие на мысль о существовании в этом районе подобия древнего бальнеологического курорта. О широкой известности минеральных источников, расположенных близ нынешнего Сухума, говорят также надписи на древнеримских картах стратегических дорог, где рядом с Диоскурией стоит отметка: «Счастливые родники[1]. В работе К. Д. Мачавариани «Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу» за 1913 г., подробно описываются развалины этих ванн. По словам автора, минеральный курорт «на лоне роскошной природы», служил «в стародавние времена приманкой даже для изнеженных, разборчивых римских и византийских патрициев»[2].

Спустя тысячелетие Сухум снова упоминается как курортное место. Согласно грузинской летописи, сюда приезжала царица Тамар. Затем, вплоть до конца XIX в., никаких сведений о курортной деятельности в Абхазии не обнаружено, возможно, потому, что войны на Кавказе не давали возможность для лечебного отдыха[3].

…. После присоединения Абхазии к России, в Абхазию прибыла небольшая группа врачей и фельдшеров для изучения климата Черноморского побережья и обслуживания, в основном, военнослужащих, а также для повышения санитарных знаний населения.

В 1872 году в газ. «Кавказ» появилась статья А. О. Заржицкого «О полезности Сухумского климата для чахоточных больных», в которой утверждалась возможность зимнего лечения больных туберкулезом легких в начальной стадии заболевания. Это стало известно широкой общественности. Благодаря этому с конца XIX в. Абхазия была признана климатическим курортом, обладающей высокими лечебными свойствами.

Знаменитый немецкий медик Рудольф Вирхоф, побывавший здесь в 1885 году, утверждал, что сухумский климат вполне сравним с условиями французской Ривьеры, и, если бы не болота, окружавшие в то время Сухум, он посылал бы своих туберкулезных больных вместо Ниццы в Сухум.

В 1895 г., обосновавшийся в Сухуме, крупнейший русский лесопромышленник польского происхождения из Костромы, юрист по образованию, Н. Н. Смецкой, супруга которого была больна туберкулезом, в 2-х км от моря в Гулрыпше, за семь тысяч руб. купил у князя Эристави 1400 десятин земли[4].

Главной своей задачей Н. Н. Смецкой поставил использования прекрасного климата Абхазии для лечения людей[5]. На рубеже XIX–начала XX в. на юго-западных холмах Гулрыпша Н. Н. Смецкой начал строительство «Белого» здания санатория для туберкулезных больных и разбил большой ботанический сад[6]. Это был первый санаторий на Кавказском Причерноморье[7].

Согласно «Иллюстрированному Практическому Путеводителю по Кавказу» Г. Москвича, «в 1900 г. начато строительство, а в 1902 г. в 12 верстах от города открыт грандиозный санаторий Н. Н. Смецкого «Гульрипш»[8].

В указанном 1902 году было закончено строительство «Белого здания», рассчитанного на 110 мест (в советское время – до 200 больных), а в конце того же 1902 г. в него поступили первые пациенты. Хотя «Белое» здание было предназначено для больной супруги, Н. Н. Смецкой стал размещать здесь на льготных условиях малоимущих студентов, страдавших легочными заболеваниями.

Вслед за строительством гулрыпшского санатория, в 1905 г. на берегу моря в Агудзере, меценат построил еще одно санаторное

здание (позже получившее название санаторий «Приморское» – ныне находится на территории Сухумского физико-технического института, которому санаторий и был передан после 1945 года)[9]. «Из своего обширного имения, – как писал К. Д. Мачавариани, – Смецкой выделил вправо от шоссе площадь в 30 десятин засаженных всевозможными субтропическими растениями[10]. В центре участка им построена санатория «Агудзера» (в 10 верст от Сухума)»[11]. На берегу моря Н. Смецким в 1910 г. была построена 15 метровая смотровая башня (маяк) и ныне украшающая агудзерский пляж. Санаторий «Агудзера» начал работать в 1906 г.[12]. Здесь для лечения больных, Смецким назначена была сумма в следующем размере: один больной платил 8 руб., два больных – 12 руб., а три – 15 руб. Санаторий вмещал 100 чел (позднее - 170 чел.)[13].

Осенью 1913 г. было завершено строительство второго корпуса санатория в Гулрыпше[14]– «Красного» здания – самого большого в то время сооружения в Абхазии, также оригинального здания, обращенного фасадом к морю и целый день заливаемого солнцем.

На постройку и оборудование санатории «Гулрыпш» Смецкой потратил 3 млн., а на санаторий «Агудзера» – 2 млн. царских руб. и приглашает работать лучших московских врачей[15]. Кроме того, он на содержание больных в 1901 году израсходовал 750 тыс. руб. Все три санатория вмещали 600 больных[16], а их прием осуществлялся круглогодично. Гулрыпшский санаторий обладал всеми известными тогда удобствами: электричеством, постоянным водоснабжением, ванными, лифтами, почтой, экипажами, театром. Окна были конструированы таким образом, что оставались постоянно открытыми, а зимой воздух, прежде чем попасть в палату, прогревался[17].

В Гулрыпшских санаториях Смецкой принимал больных с открытым процессом, а в Агудзерском санатории помещал больных, у которых был закрытый процесс туберкулеза. Часть санатория была отведена отдыхающим и выполняла функцию дома отдыха. С начала XX века Гулрыпш привлекает к себе внимание как один из лучших климатических курортов Российской империи, в которой отдыхали и поправляли здоровье тогдашние представители российской и европейской знати.

С этого времени в Сухум пароходами из Новороссийска и Батума соотвественно 5 и 4 раза в неделю доставлялась почта. В день прибытия парохода, к вечеру, корреспонденцию получали в Агудзере и Гулрыпше. К. Д. Мачавариани отмечал, что «Агудзера» соединена телефоном с конторой имения «Гульрипш» и Сухумом. Почта и телеграммы доставляются ежедневно»[18].

С восстановлением советской власти все частные пансионаты и санатории, в том числе и Гулрыпшский туберкулезный, первым декретом ревкома Абхазии были национализированы. Гулрыпшский санаторий был переименован в санаторий им. Ленина, хотя местные жители продолжали называть его белым санаторием, так как красный цвет стиля Тюдор выцвел. Он был подобен огромному замку[19].

Уже в 1921 г. в числе других курортов всесоюзного значения: Гагра, Сухум, Псырцха – началось восстановление и Гулрыпшского санатория им. Ленина, который стал заново функционировать 12 декабря 1921 г.[20].

Вообще следует отметить, что советская власть в Абхазии масштабно развила и благоустроила курорты множеством новых домов отдыха, гостиниц, санаториев и пансионатов. Абхазия превратилась в настоящий социалистический рай, способный принимать до миллиона отдыхающих в год. Курортное хозяйство страны было поставлено не только на коммерческую, но и на научную основу – в Абхазии работали курортные учреждения высшей категории, где лечили лучшие врачи СССР, а в Сухуме функционировал Научно-исследовательский Институт курортологии. В 1948 г. он был реорганизован в филиал Института Курортологии и физиотерапии Министерства здравоохранения Грузинской ССР. С 1995 г. здесь функционирует Научно-исследовательский центр курортологии АН Абхазии.

В общем, советская власть и руководители партии и государства уделяли большое внимание развитию курортов Абхазии. Интересно, что весной 1922 г., врачи рекомендовали В. И. Ленину для восстановления здоровья продолжительный отдых и горный воздух. Высказав желание поехать на Кавказ, он просил Г. К. Орджоникидзе подобрать соответствующее место. По свидетельству Н.Н. Смецкого, представитель, командированный В. И. Лениным «для осмотра лечебных заведений побережья» побывал в Абхазии и осмотрев санаторий в Агудзера, «очень его хвалил»[21].

В 1923 г. все «Красное» здание гулрыпшского санатория было отведено для лечения больных членов компартии Советского Союза и комсомола. Контролировал обслуживание этих больных уполномоченный Наркомздрава РСФСР. Бытует мнение, что здесь отдыхали поэт Осип Мандельштам и основатель КГБ СССР Феликс Дзержинский.

Несмотря на известные трудности, курортное дело в Гулрыпше было так хорошо поставлено, что посетители санаториев писали Наркому здравоохранения РСФСР Н.А.Семашко: «Санаторий Гульрипш превосходный, лучше швейцарских. Дело поставлено хорошо. Наркомздрав товарищ Семашко, отношением 15. II – 1923 года за № 710, на имя Главуполномоченного по курортам Абхазии Анчабадзе В. Т., выразил благодарность всему персоналу здравницы и пожелал ему дальнейших успехов»[22].

С началом Великой Отечественной войны в помощь госпиталям и раненым, гулрыпшский и агудзерский санатории были переведены на военный режим.

С августа 1941г. на базе гулрыпшского санатория был организован пехотно-танковый эвакогоспиталь 2456 на 1200 коек. Тогда же в Агудзере, на базе профсоюзной туберкулезной здравницы, был создан авиационно-морской эвакогоспиталь 2457[23]. С августа 1942 года эвакогоспиталь, выполнявший функции полевого, был переорганизован в сортировочный.

Во времена СССР дом отдыха «Агудзера» был значительно расширен. (В 1961 году был образован пансионат «Бабышира» министерства радиопромышленности СССР, а в 1968 г. – пансионат «Пшап» министерства машиностроения СССР). В Агудзере было построено несколько новых корпусов, рассчитанных на 1500 мест.

Отдыхающие размещались в благоустроенных спальных корпусах, в которых палаты были рассчитаны на два человека. Агудзера в те годы была огромным комбинатом, предназначенным для

организованного отдыха и укрепления здоровья советских трудящихся. Здесь имелись медицинский пункт, пляж, а также объекты культурно-массового и бытового обслуживания.

Тогда же был переоборудован и расширен, оснащен новейшей медицинской аппаратурой и санаторий «Гулрыпш». В нем был открыт еще один лечебный корпус на 300 мест (позднее рассчитанный на 550 коек), где туберкулезных больных успешно лечили климатическими факторами в сочетании с антибактериальной терапией, а при необходимости – хирургическими методами. Здесь имелись хирургическое отделение и кабинеты: физиотерапии, рентгеновский, стоматологический, функциональной диагностики, отоларингологии и другие[24]. Санаторий, использовался для лечения легочно-туберкулезных больных преимущественно в осеннее-зимне-весенний периоды (с 15 сентября до 15 июля)[25].

Грузино-абхазской войной 1992–1993 гг. курортному хозяйству Гулрыпша был нанесен значительный урон: в период и после завершения военных действий основные объекты социально-культурного назначения, санатории, каковых в Гулрыпшском районе насчитывалось 9 (в их числе, например, санаторий им. Ленина, База отдыха «Васхнил», Дом отдыха «Агудзера», пансионат «Агудзера», Дом творчества «Литфонд» и др.) – были разграблены и приведены в негодность.

В соответствии с «Проектом программы экономического развития Гулрыпшского района на 2007–2017 годы» в области «Санитарно-курортного комплекса» на территории Гулрыпшского района планируется, в частности, строительство недорогих коттеджей на берегу моря, аквапарков, турбаз и т. д. с привлечением иностранного капитала в эту отрасль[26].

С обретением нашей республикой долгожданного признания своей независимости в 2008 г., вместе с прочными гарантиями дальнейшей безопасности, в Абхазии стала наблюдаться позитивная динамика роста туризма. В следующем 2009 г. правительство Абхазии поставило перед Госкомитетом по курортам и туризму Республики задачу: создания прибывающим на отдых максимально комфортабельных условий, чтобы у них возникло желание посетить Абхазию еще раз. По сравнению с такими популярными местами отдыха, как Турция или Кипр, в Гулрыпшском районе, и в целом Абхазии, есть свои преимущества: чистейшая экология, уникальный природный ландшафт[27], интересные и познавательные экскурсии. И самое главное – вполне умеренные цены. Поэтому, не случайно и то, что за последние годы растет число туристов и отдыхающих, приезжающих в этот благодатный уголок Кавказского Причерноморья.

Примечания

[1]Мачавариани К. Д. Описательный путеводительпо городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 2009. С. 93.

[2]Там же. С. 92.

[3] Инвесторы первой волны // Апсны. Абхазский общественно-политический журнал. № 03. Апрель 2009 г. С. 38 – 42.

[4]Прицкер Л. М. Добрый след на земле // Газ. «Советская Абхазия». 10 января 1980 г.; Агумаа А. С. Н. Н.Смецкой. – Сухум. 2010. С. 63 – 64.

[5]Прицкер Л. М. Добрый след на земле…

[6]В Гулрыпшском субтропическом парке Н.Н. Смецкой посадил 50 видов пальм, 8 видов эвкалиптов, 40 камелий, магнолий, агавы, хвойные деревья, виноград, цитрусовые и коллекцию уникальных кактусов.

[7]Пачулия В. П. Черноморское побережье Кавказа. – М. 1980. С. 152.

[8]Годом позже, в 1903 году, под руководством родственника царя принца А. П. Ольденбургского состоялось торжественное открытие Гагрской климатической станции. Однако, санаторно-оздоровительного значения станция не приобрела. На климатической станции не было метеослужбы, не разрабатывались вопросы влияния местного климата на организм приезжих; не делалось попыток выяснить показания и противопоказания к направлению больных на этот новый курорт. Гагринская климатическая станция вскоре превратилась в место развлечения и увеселения царского родственника и его приближенных. По инициативе А. П. Ольденбургского, с 1904 по 1917 годы, Гагра и ее окрестности были выведены из Сухумского военного округа и подчинены Сочинскому округу. Сам принц незадолго до 1917

года вместе с семьей уезжает в Финляндию, а затем – во Францию, где и умирает в 1932 году. Своеобразные привычки и репутация принца Ольденбургского дали немало поводов для шуток, лучшие из которых приведены в романе Фазиля Искандера «Сандро из Чегема».

[9]Пачулиа В. П. Древняя, но вечно молодая Абхазия. – Сухуми. 1991. Его же. Черноморское побережье Кавказа… С. 152. См. также статью краеведа Н.И. Малых: Человек, сажавший деревья // Газ. «Аҟәа» // Сухум. №№ 3, 5. 6. Март-апрель 2006 г.

[10]Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 1913. С. 111.

[11]Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу… С. 111; Агумаа А. С. Н. Н. Смецкой… С.78 – 82.

[12]Гогохия Ш. Д. Курорты Абхазии. –Сухуми. 1961. С. 16.

[13]Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму… С. 111; Карчава В. И. Из истории Гульрипшского санатория имени В. И. Ленина // ТАГМ. Вып. II. – Сухуми. 1957. С. 175.

[14]Карчава В. И. Из истории Гульрипшского санатория… С. 175.

[15]Общая же площадь декоративных парков, разбитых Смецким на месте малярийных болот составляла 240 га. Такие масштабы мелиоративных работ радикально улучшали экологическую ситуацию в районе Сухума.

[16]Там же.

[17]Газ. «Республика Абхазия». № 16. 14-15 февраля 2009 г.

[18]Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель… С. 112.

[19]Газ. «Республика Абхазия». № 16. 14-15 февраля 2009 г.

[20]Дзидзария Г. А., В. И. Ленин и Абхазия. – Сухуми. 1977. С. 102; Карчава В. И. Из истории Гульрипшского санатория… С.185.

[21]Дзидзария Г. А. В.И. Ленин и Абхазия… С. 102.

[22] Карчава В. И. Из истории Гульрипшского санатория… С. 178.

[23]Прицкер Л. М. История курортов Абхазской АССР. – Тб. 1987. С. 68.

[24]Абхазия. Новый путеводитель. Автор путеводителя Д.М. Дасания. – Майкоп. 2008. С. 172.

[25]Большая Советская Энциклопедия. Т. 13. – М., 1952. С. 193.

[26]Газ. «Дал-Цабал». №3. Апрель 2007г.

[27]В верхней части Гулрыпшского района намечено создание Национального парка «Кодорское ущелье». По оценкам специалистов, в этом районе уникальный лесной массив, не имеющий аналогов на всем Кавказе. В Кодорском ущелье огромные запасы пресной, экологически чистой воды, так как Кодор – крупнейшая горная река Абхазии, берущая начало в ледниках. Специалисты, кроме того, считают, что создание Национального парка «Кодорское ущелье» будет способствовать трансграничному сотрудничеству с такими крупными российскими заповедниками, как Тебердинский и Кавказский биосферные заповедники. Вместе с тем, организация парка создаст единую сеть особо охраняемых территорий по обе стороны Главного Кавказского хребта (Газ. «Дал-Цабал», № 8. Сентябрь 2008 г.).

Лесоэксплуатация в Абхазии в XIX– начале XX вв.

В фундаментальных трудах Г. А. Дзидзария глубоко исследованы вопросы проникновения в Абхазию в XIX в. экономики, ориентированной на рынок. Первые промышленные предприятия, возникавшие в Абхазии, были связаны с эксплуатацией ее лесных ресурсов. По данным Г. А. Дзидзария вывоз леса из страны увеличивается с середины XIX в. После упразднения Абхазского княжества активное участие в продаже леса приняли помещики. В 80-х гг. в деревообрабатывающей промышленности возникает ряд предприятий, применавших паровой двигатель. В 90-х гг. XIX в. возникает «самый грандиозный в своем роде на Кавказе» Кодорский лесозавод В. Максимова. Промышленное развитие Абхазии в тот период определялось ее местом в общей системе российского капитализма, как одного из важных серьевых районов. Поэтому проводники такой политики смотрели на природные ресурсы с чисто колонистских позиции. Ботаник и географ Н. Альбов писал, что «возможность пользования лесным богатством Абхазии явится не раньше, чем будут проведены в стране хорошие дороги, и она заселится более густо и притом населением более культурным, чем настоящее». Дело здесь, конечно, заключалось не в отсутствии культуры у абхазов, а наоборот, в том, что они, следуя выработанной вековой традицией комплексу этических и экологических норм, рачительно относились к своим землям и лесным ресурсам, как к природной среде, в которой они обитали. Исходя из методов освоения лесных богатств Абхазии и технического уровня того времени, наивным было и предположение Альбова о том, что «лесным богатствам Абхазии предстоит блестящая будущность», и, что «Абхазия еще долгое время, если не всегда, будет представлять собою настоящее лесное царство».

В вырубке лесов интересы лесопромышленников и абхазских помещиков переплетались, так как они получали не только значительные суммы денег, но и расчищенные от леса участки земель,

высыхавшие от малярийной заболоченности (которые, как тогда считали, можно было осушить только вырубкой лесов, что было использовано колонизаторами) и в результате становилось возможным их использование под технические культуры. (Вырубка лесов, производившаяся с середины XIX в. не идет, надо думать, ни в какое сравнение с теми ее масштабами, что мы имели в последние, особенно советские годы). Вместе с тем, для экономики того времени, было более выгодным завозить в Абхазию готовые стройматериалы из ценных пород тех же абхазских лесов, ибо на месте вплоть до конца XIX в. не было развито производство по обработке древесины.

Что касается таких предпринимателей, как Максимов или Смецкой, то они объективно выступали поборниками развития промышленности, культуры и прогресса Абхазии, что хорошо понимали передовые люди того времени. Один из авторов конца XIX в. говоря о начале лесопромышленной деятельности Максимова, писал: «Мы желаем этому делу успеха и процветания» (Журн. «Квали», 1898 г.). Предприятие Максимова способствовало техническому развитию страны и ограничивало вывоз лесоматериала на пределы Абхазии для ее переработки. Приводимые же в литературе, на первый взгляд, кажущиеся справедливыми слова «о хищнической вырубке лесов», думается, выражали в основном только узковедомственные интересы.

Тезисы докладов научной конференции, посвященной 90-летию
со дня рождения выдающегося историка-кавказоведа
Георгия Алексеевича Дзидзария. – Сухум. 2004. С. 42 – 43

К изучению религиозных представлений абхазов

Религиозное мировоззрение абхазов относится к той области абхазской этнографии, которая более других привлекала к себе внимание ученых и многочисленных краеведов. Известны имена русских ученых (Г. Чурсин, А. Крылов и др.) и целого ряда абхазских этнографов и религиоведов (С. Званба, Н. Джанашиа, Ш. Инал-Ипа, Л. Акаба, Г. Смыр, Р. Барцыц и др.) в той или иной степени, изучившие дохристианские верования абхазов, их традиционные божества, празднества, обряды. Несмотря на обилие накопленного материала, некоторые элементы дохристианских верований абхазов все же выпали из поля зрения ученых и не нашли до сих пор своего освещения.

Согласно письменным источникам и этнографическим материалам, в Абхазии еще в XIX в., а в некоторых местах – почти вплоть до середины прошлого века имелось обилие действующих традиционных святилищ (аныха) и почитаемых мест, на что обращали внимание многие авторы, писавшие об Абхазии.

Большинство же культовых мест были приурочены к священным рощам или отдельным деревьям, камням. Так, в с. Ткуарчал, местность под названием Абаажэ, где в прошлом была буковая роща, ещё до середины XX в. служила объектом поклонения местного населения. У подножья «священного» дерева жгли свечи, оставляли серебряные монеты[1]. С распространением христианства в традиционных священных местностях стали сооружаться храмы, в декоре которых широко присутствовали элементы дохристанских божеств местного населения, изображения священных животных и растений. Это можно видеть на Пицундской мозаике IVв., резных плитах Анакопийского храма VI в., Бедийского храма X в. [2]. В этой связи интересна найденная возле Драндского собора в 1936 году скульптурная голова быка конца V– первой половины VI века[3], имевшая, несомненно, культовое назначение. По существующему в литературе мнению,

«выбор места для постройки собора (Драндского. – О. М.) пока объяснить трудно – у нас нет никаких данных о существовании там в тот период какого-либо населенного пункта. Не исключено, что место для создания нового христианского центра подобрали тихое, безлюдное и, вместе с тем, заметное, вознесенное высоко над обрывом в сторону Кодора»[4]. Однако, Драндский собор, надо полагать, был возведен на древнем, почитаемом месте, имевшем религиозное значение (видимо, имело значение и то, что эта местность хорошо просматривалась мореходами). Об этом может свидетельствовать и название села с севера – запада перед храмом – Пшап (Пшьап), что в переводе с абх. яз. означает «перед освященным, святым» местом (от «апшьа» – «святыня» и «пы» – «перед, впереди»)[5].

В древности на побережье Западного Кавказа был распространен культ божества Кодош. Исторически у прибрежных абхазов и черкесов он обитал в святых местах, в посвященных ему рощах, на отдельных деревьях, а также в прибрежных реках и море. Название «Кодош», как видно, близко к названию наиболее крупной абхазской реки Кодор. В своей «Истории Понта» М. Медичи, совершивший в начале XIX века объезд восточного побережья Черного моря приводит следующее сообщение: «… прежде река Кодош служила границей Абазгии и Мегрелии, которая в древности называлась Коракс.

Здесь, говорят, находится огромное дерево под названием кодош, к которому ежегодно приходили на богомолье, оказывая ему божеские почести»[6].

Если М. Медичи имел в виду низовья реки Кодор, то это явная ошибка, и справедливо, если имеется в виду современная Пицунда. Во-первых, название Кодор в прошлом носила и река, протекавшая вблизи Пицунды; во-вторых, в том же районе, по некоторым данным, зафиксирован обряд, связанный с божеством Кодош, и, наконец, на немецкой карте за 1810 год район бухты Пицунда прямо указан как «Кодос» (Koldos). Что же касается нижнего течения Кодора, то у нас нет данных, говорящих о почитании божества Кодош жителями этого района. Правда, сведения и представления

об этом божестве, согласно полевым материалам, имели жители соседнего с. Тамыш.

Вплоть до недавнего времени многие фамилии в Абхазии (Допуа, Шакая, Маршан, Амичба, Ашуба, Чанба и др.) совершали свои родовые культы. В 60–70-е годы XX в. эти моления, в отличие от прошлого, совершались уже не каждый год, а раз в три года. Некоторые же из них, например, представители многочисленной в Абжуйской Абхазии фамилии Джопуа, по прежнему проводят свои родовые моления ежегодно.

Интересно отметить, что святилище этого рода под названием Джахашкарныха (или Адагуа-ныха), некогда было расположено в районе горы Адагуа (Сахарная голова), недалеко от входа в Кодорское ущелье. Когда род Джопуа вынудили выселиться из тех мест, один из братьев этого рода перенес часть предмета культа в пос. Аймара с. Члоу. Местом моления выбрали живописную поляну в районе Двабского ущелья. Равнина, на которой возвышается холм, ставший святилищем рода, известна под названием Аныхамтца.

За несколько дней до праздника Пасхи окрестности святыни и единственную тропу, ведущую к ней, молодежь фамилии Джопуа под руководством жреца приводят в порядок. В центре поляны, площадью в 20х20 м, установлен каштановый поминальный столик (аишәа). В день Пасхи, в полдень все однофамильцы Джопуа поднимаются к месту моления. Каждая семья приносит с собой поминальные пироги с сыром и разукрашенные свечи. Когда уже все в сборе, жрец собирает все свечи, зажигает их и, взяв в руки, обращается к Всевышнему с просьбой о приумножении братства, рода, избавлении от несчастий и т. д. Присутствующие коленопреклонно, обратившись лицом к востоку, молча, внемлют молельщику. После окончания моления 4–5 молодых людей взяв со стола пироги, стремительно по тропе направляются к спуску, но знающие об этом перекрывают им путь, но всё же одного, двоих пропускают.

Далее молельщик, во главе присутствующих начинает ходить вокруг стола с возгласами «Гьаргьаласа о-ҳо-ҳо». Затем открывают посвященный кувшин вина. Первый тост произносит молельщик, затем остальные передают его друг другу. После завершения трапезы, все спускаются к подножью святыни, где состязаются в игре в ручной мяч – аимцакиачара, в борьбе, метании камня представители рода Джопуа между собой и другими родами, живущими в пос. Аимара – Инапшба, Сангулия, Джинджал, Кварчия, Лагулаа и др.

В описанном молении фамилии Джопуа, нашло отражение практика совмещения традиционных и христианских культов, что, в частности, видно на примере возгласа «Гьаргьаласа», – которое является ничем иным, как обращением к христианскому св. Георгию.

Во многих абхазских общинах имелись «священные» места и святилища, восходящие своими корнями к культу родовых святынь. Наиболее известными из них являлись: Елыр-ныха – в с. Елыр, Дыдрыпш-ныха –вблизи с. Ачандара, Лашкендар-ныха – в Ткуарчале, Инал-куба –у с. Псху, Киач-ныха – в Джгярдской общине и т. д.

Характерно, что некоторые из «святых сил», по народным представлениям, находились в родственных отношениях между собой. Так, Елыр-ныха и Псху-ныха признавались братьями, в близких связях находились также Псху-ныха с Лашкендаром. Святыня Инал-куба и Абаа-ныха в с. Джгярда также считались «долями» или «частями» Псху-ныхи[7].

В этих же священных местностях, как сказано, с распространением христианства стали сооружаться храмы.

Практика сооружения в Абхазии христианских храмов в местах традиционных святилищ или в непосредственной близости от них, не является исключительным явлением в мировой истории: храмы новых религий, как правило, сооружались вблизи от дохристианских культовых мест. Однако своеобразие вообще абхазской ситуации заключается не в известном расположении, но в одновременном, совмещении и отождествлении традиционных и христианских культов[8].

Так, например, одним из таких мест, в котором уживались христанство и традиционные культы являлся и ныне действую-

щий храм в с. Елыр, посвященный св. Георгию (в настоящее время храм находится под управлением Абхазской православной церкви). Церковь была построена в местности освящённой культом языческих верований местного населения, и можно предполагать, что здесь некогда могло быть архаическое святилище. По имеющимся сведениям, дубовая роща в с. Елыр считалась местом пребывания абхазского «племенного» божества «Елыр-ныха», в честь которого здесь ещё в древности совершались торжественные моления с жертвоприношениями[9].

Согласно нашим этнографическим материалам, абхазское святилище, располагавшееся в дубовой роще с. Елыр, называлось аджра (аҵьра). При возникновении спорных вопросов гражданского и уголовного характера, тяжбующиеся шли в рощу – это называлось аджрахь агара (аҵьрахь агара, т. е. нести в дубовую рощу). Позднее, когда определился характер этого места как святилища, в народе её стали называть елыр (т. е. разборка) или елыргарҭа (место разборки дел)[10]. У соседних сванов сохранилась древнейшая форма наименования этого святилища - Джигра, Джграг, что, надо полагать, является производной от абх. «аджрахь агара». Это название сваны сохранили и после того как Илорская святыня была посвящена Св. Георгию – они до сих пор Св. Георгия называют Джигра, Джграг.

Говоря об отождествлении традиционных и христианских культов в Илорском храме отметим, что под святым Георгием «скрывается абхазский дохристианский Айергь, который покровительствовал скотоводству, лесам, горам, всем силам природы. По своим функциям карателя «Айергь» и св. Георгий Победоносец тождественны»[11].

Наиболее ярким примером взаимопроникновения различных религий (традиционного и христианского) является культовый комплекс на горе Лашкендар близ г. Ткуарчал, включающий в себя почитаемое традиционное святилище Лашкендар и одноименную христианскую базилику IV–VI вв., украшенную рельефными изображениями двух животных, напоминающих собак, стоящих друг против друга. По мнению Ю. Н. Воронова, у входа в храм изображены львы или барсы[12]. В то же время, Лашкиндарский

храм, как видно, носит аналогичное абхазское имя покровителя собак – Алышкинтыра. По-видимому, Лашкендарский храм был воздвигнут на месте древнеабхазского (апсильского) святилища, связанного с культом собаки. При этом по сведениям М. М. Трапш, в сознании местного населения произошло практически полное отождествление обоих сакральных мест, что выразилось и в смешанной обрядности.

Так, сопровождавший М. М. Трапш местный житель – абхаз сообщил, что на гору Лашкендар поднимаются, «чтобы принести жертву и моление при болезни, при принятии присяги и при проклятии врага», что является точным описанием основных функций традиционного святилища. Входя в храм, абхаз, по христианскому обычаю, снял головной убор, затем, в соответствии с традиционными верованиями, разрядил ружье и вместе с шапкой оставил у входа[13].

Приведённые данные свидетельствуют о том, что дохристианские верования, имевшие у абхазов широкое распространение, в реликтовом виде сохранялись среди них вплоть до настоящего времени. И официальная христианская идеология, которая, в качестве общенародной религии была принята в Абхазии в первой половине VI в., так и не сумев искоренить среди абхазов древних народных воззрений, мирно сосуществовала с ней. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что в Северо-Западной Абхазии традиционные верования оказались наиболее развитыми и живучими, с преобладанием количества молитвенных мест, где и сегодня можно ещё обнаружить следы или воспоминания о наиболее древних народных святилищах[14]. В юго-восточной части страны многие, наиболее ранние святилища, очевидно, исчезли с лица земли, не оставив о себе никаких воспоминаний. Это можно объяснить, по-видимому, тем, что, во-первых, в Абжуйской Абхазии воспоминания о древних культах с течением времени стёрлись из памяти: во-вторых, не исключено, что в Бзыбской Абхазии традиционные божества имеют более позднее происхождение, и, в-третьих, тем, что в Абжуйской Абхазии, больше, нежели в Бзыбской Абхазии, влияние имела христианская идеология, хотя имен-

но на северо-западе страны впервые начинает распространяться христианство (представители религиозных центров Пицунды и Анакопии в ранге епископов присутствовали на Вселенских соборах, начиная с Никейского, 325 г.).

Ещё в первой половине XVII в. абхазы официально считали себя православными христианами. Однако в рассматриваемый период в связи с идеологической экспансией турок, происходило постепенное искоренение христианства и распространение магометанского учения, главным образом, среди феодалов, связанных с турками. Остальные сословия, «в своей массе были равнодушны к новой религии, особенно в южных частях страны»[15].

Приверженцем ислама являлся прежде всего владетель Абхазии и его брат князь Гасанбей, которые оказывали покровительство турецким проповедникам. Так, в донесении и. д. начальника VI округа корпуса жандармов ген. -м. Юрьева ген. Реаду от 16-го марта 1854 г. сообщалось, что «в Абхазии, в приморских местечках Очемчиры и Келасуры, проживают в значительном числе турки, которые, под предлогом торговли и ремесел, проповедуют мухаммеданскую религию и внушают ненависть к русским. Владетелю Абхазии кн. Шервашидзе не могут не быть известными пребывание и действия турок, но он ничего не предпринимает для противодействия им»[16].

Воздействие же ислама на абхазов, главным образом на знать, было настолько широким, что оно еще в 70-х годах XIX в. продолжало исповедовать мусульманство. Например, оставшееся в селе Мархяул в 1886 году 7 дворов абхазов-дворян с общим населением 20 человек являлись мусульманами по вероисповеданию. Именно в этом селе, как и в соседней Мачаре (на левом берегу одноименной реки), еще с конца XVIII–первой половины XIX века действовали деревянные мечети (ацаама), выстроенные представителями фамилии Цвызба (Цәыза) и Бырцкыл (Бырцкыла). В этих мечетях публичные молитвы проходили по пятницам. Мусульманство наложило свой отпечаток и на некоторые свадебные и похоронно-поминальные обряды, а также другие стороны народной жизни этого региона. Встречались, например, факты двоеженства

и даже троеженства. В случаях смерти человека приглашали муллу или ходжу (ахуаджа), который читал молитву (ахапхьара) у изголовья покойника в день смерти, а также перед преданием его земле и на поминках. Хоронили покойников в каштановом гробу, без крышки-атаубыт.

На кладбищах феодальных родов нередко встречались мусульманские надгробия, иногда с эпитафиями. Так, в Абхазском государственном музее хранится найденное археологом М. М. Иващенко, в 1927 году близ устья реки Кяласур, монолитное мраморное мусульманское надгробие на могиле Гасанбея Чачба. Оно отбито шарообразной чалмой наверху (работа стамбульского мастера) и по всему лицу высечена религиозного содержания надпись арабским шрифтом. Подобное же надгробие имелось в Латах на могиле дальского князя Баталбея Маршан[17].

Несмотря на распространение в стране ислама, абхазы не испытывали давления в сфере отправления традиционных и христианских культов, измененных в соответствии с требованиями «Апсуара». Хотя принятие ислама, несомненно, поощрялось, но при этом османское государство практически не вмешивалось во внутреннюю жизнь абхазского народа – не изменялось даже административное устройство княжества, сохранялась власть владетелей.

Мусульмане среди абхазов, отмечалось в источнике 1852г., «не имеют духа фанатизма и отличаются веротерпимостью. Веротерпимость там обоюдная между христианами и мусульманами. Те и другие вступают в брачные союзы без различия веры, и хотя впоследствии почти всегда жена принимает веру своего мужа, но это бывает добровольно. В некоторых семействах одни дети следуют христианству, другие – мухаммеданскому учению, без всяких семейных раздоров, и именно тех, в которых муж и жена не одной веры…»[18].

Распространение ислама суннитского толка в Абхазии происходило льготами и поощрениями, путем использования аталычества, молочного братства и семейно-брачных связей[19]. Постепенное принятие абхазской знатью ислама было вызвано, в основном,

меркантильными целями; это давало возможность, в частности, платить меньше налогов, желаниями феодалов занять в государстве какой-либо пост, получить больше привилегий, влияния. Приняв ислам, абхазские феодалы (как и византийские, болгарские, сербские) пополняли ряды османской знати.

В то же время, распространение ислама не везде на территории исторической Абхазии происходило с одинаковой интенсивностью. Так, по свидетельству итальянского монаха Жана де Лукки, который в 1625г. посетил правителя Юго-Восточной Абхазии Путо Чачба (Шервашидзе)(одной из резиденции которого был «Старый Сухум», близ устья Гумсты)[20], князь был христианином (тот даже показал гостю носимый им нательный крест) и что весь его народ, по его словам, – христиане[21]. Лукка также сообщает, что абхазы имели священников[22].

Что касается территорий Северо-Западной Абхазии, то там распространение ислама происходило значительно быстрее и основательнее. Уже в начале XVII в., по словам того же Жана де Лукки, владетельный князь Северо-Западной Абхазии носил чисто турецкое имя – Карабей[23] (по-абх. Карбе).

Многие феодалы – ревностные в мусульманстве, имели даже свои фамильные мечети (например, Маан Кац выстроивший молитвенный дом в Гудауте)[24]. Однако, несмотря на настойчивые попытки обратить большинство абхазов в ислам с помощью различных методов, османы не сумели добиться реальной власти в Абхазии (аналогичная ситуация сложилась и в Черкесии). Они не учли (да и не могли учесть в силу собственных представлений о месте ислама в духовной жизни человека) особенностей психологии абхазов и адыгов, никогда не отводивших религии ведущего места в иерархии духовных ценностей[25].

Распространители ислама во многих случаях поступали не «по-мусульмански», то есть здесь, как было сказано, никому не запрещали традиционных и христианских культов, измененных в соответствии с Апсуара[26].

В то же время в некоторых абхазских селах, прилегавших к большим христианским храмам (напр. Бедиа, Елыр, Мыку), более

заметным было влияние христианства. В предгорных же и горных селах (Джгярда, Члоу, Дал, Цабал), – преобладание получило мусульманство. В сс. Джгярда, Члоу, например, были построены маленькие деревянные мечети (аҵьаама), в которых также по пятницам происходили публичные молитвы[27].

О роли ислама в падении христианской церкви в Абжуйской Абхазии можно судить по материалам обследования храма Киачныха в с. Джигярда, на высоте 1200 м над уровнем моря. Его исследователь И. Е. Адзинба пишет о большой популярности и посещаемости этого храма до прихода турок в Абхазию, после чего он приходит в полное запустение[28].

Кстати говоря, именем святилища Киач-ныхи, проклинали преступников, а некоторые фамилии и после запустения храма, – с распространением ислама, – продолжали совершать жертвоприношения этой иконе[29]. О количестве абхазов, к середине XIX в. подвергшихся исламизации, свидетельствуют статистические материалы того периода. Так, из общего числа населения Абхазии по округам в 1855 г., в Абжуйском округе при общей численности населения 32202 чел., христиан было 12202 чел., тогда как мусульман насчитывалось 20000 чел. В Бзыбском округе наблюдалась обратная картина – из 23769 чел. общего количества населения округа, христиан было 20969, мусульман – 2800 человек [30]. Однако, принятие абхазами мусульманства, как правило, носило чисто внешний характер, и местное население очень слабо придерживалось ритуально-обрядовых установлений ислама.

Кроме того, в Абхазии мусульманство, в отличие от христианства, не оставило следов материальной культуры в виде мечетей и других построек. Вместе с тем в широких слоях абхазского народа ко времени присоединения к России сохранилось уважение к храмам и соблюдение некоторых обычаев, предписанных христианской религией. Об этом свидетельствуют многочисленные авторы как второй половины XVIII, так и первой половины XIX в. [31].

После присоединения Абхазии к России в 1810 г., принимаются активные меры к восстановлению христианства в Абхазии. Различными способами, в том числе с помощью предоставления

льгот, представители русской православной церкви пытались привлечь абхазское население к крещению.

По сообщению источников, если в Абхазии в 1835 г. во всех общинах было по одной церкви, то в общинах Юго-Восточной Абхазии – Саберийской – с. Саберио, Окумской – с. Окум и Адзюбжской общине – с. Адзюбжа было по две церкви и по два священника[32].

В 1854 г. церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы была выстроена в с. Кутол. В 1856 г. в с. Адзюбжа была построена Церковь Рождества Богоматери. Были выстроены также церкви в с. Эшкыт — во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а в Тамыше - во имя Святителя Николая[33].

Позже строились церкви и в других селах[34]. Как видно, в основном строились деревянные церкви во владениях Михаила Чачба-Шервашидзе и его родственников в Абжуйской Абхазии. С 1838 по 1848 годы жена Александра Чачба-Шервашидзе Кесария Дадиани фактически управляла этой частью Абхазии. По свидетельству Карлы Серена, «она осуществляла мудрое правление, старалась посеять в краю семена цивилизации и в особенности способствовать установлению христианства. За эти усилия Николай I наградил ее крестом…»[35].

Наряду с мерами царского правительства для привлечения абхазского населения к крещению, велась и большая просветительская работа. Особенно большая роль в ней принадлежала «Обществу восстановления православного христианства на Кавказе». Несмотря на официальный характер целей, которые преследовались этим обществом, оно сыграло положительную роль не только в деле восстановления христанства, но и в развитии культуры абхазского народа[36].

Таким образом, приведенные материалы дают основание сделать вывод о том, что особенность религиозных верований абхазов в XIX– начале XX в., заключалась в наличий синкретного характера религиозных представлений, в котором гармонично были сплетены автохтонная религия, православное христанство и ислам суннитского толка[37]. (Смешанность в сознании абхазов элементов традиционной религии, христианства и ислама, каждая из

которых в меньшей или большей степени влияет на всю совокупность воззрений личности в наибольшей степени проявляется в настоящее время). Христианство, в частности, весьма своеобразно сплелось с семейно-патрономическими и родовыми обрядами абхазов, которые приспособили ее ее к свои обычаям и традициям через «Апсуара» – основу традиционной культуры абхазов. При этом, сосуществуя с традиционной религией, христианство и ислам во многих случаях уступали ему (хотя, влияние на абхазов мусульманской религии было более поверхностным). В целом, к концу XIX века абхазов официально причисляли к двум конфессиям – христианству и мусульманству. Фактически к началу XX века большинство абхазов, официально признавая себя христианами или мусульманами, и даже справляя определенные требования этих религий, продолжали одновременно придерживаться традиционной религии.

Примечания

[1]Акаба Л. Х. О некоторых религиозных пережитках у абхазов // Современное абхазское село. –Тб., 1967. С. 32.

[2]Барцыц Р. М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. – М., 2009. С. 173.

[3]Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. –Тб., 1980. С. 39.

[4]Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья. – Сухум. 1998. С. 171–172.

[5]Маан О. В. О некоторых местах поклонения святым у абхазов // XLIV Итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. Тезисы докладов–Сухум. 2000. С. 19–20.

[6]Меликсет-Беков Л. М. PonticaTranscaucasiaEthnica. По данным Минная Медичи от 1815–1819 гг. // Советская этнография. № 2. 1950. С. 169–170.

[7]Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957. С. 27–28; Крылов А. Современная религиозная ситуация // Абхазы. – М., 2007. С. 373.

[8]Барцыц Р. М., Бройдо А. И. Традиции религиозного синкретизма и распространение христианства в Абхазии // Кавказские научные записки. – М., 2009. № 1. С. 173.

[9]Кация А. К. Архитектурный памятник в Илори. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. искусств. – Тб., 1968. С. 9.

[10]Маан О. В. Храм «Елыр-ныха» // XXXVII Международный конгресс востоковедов. Тезисы докладов. – М., 2004. С. 824 – 825.

[11]Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973. С. 262. Функция божества Айергь (или семьи божеств, как в виде семьи божеств может выступать и Ажвейпшаа – бог охоты), аналогичны функциям Ажвейпшаа. Есть большая приуроченность цикла Айергьов к Абжуйской (христианизированной) Абхазии. В то же время Айергьи могут рассматриваться как божественное семейство, находящиеся в родственных связях с Ажвейпшаа. Главное, что отличает культ Айергьов от более раннего культа Ажвейпшаа, взгляд на первых как на людей, достигающих святости. «Святой Георгий был простой охотник», – так начинается одно сказание, записанное в XIX веке. В народном представлений Айергь человек, ставший жертвой, – бог у него удалил желудок и Айергь стал святым, помогающим людям (Веснов Я. В. Молодые мужчины в традиционном абхазском обществе // Газ. «Алашара». Вестник Московского общества абхазской культуры «Нартаа». № 1 (14), Январь 1991 г.).

[12]Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М., 1978. С. 127, 129.

[13]Трапш М. М. Труды. Т. 4. Материалы по археологии средневековой Абхазии. – Сухуми. 1975. С. 186; Барцыц Р. М., Бройдо А. И. Традиции религиозного синкретизма… С. 173.

[14]Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976. С. 304.

[15]Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми. 1976. С. 74.

[16]По обе стороны Большого Кавказа. Сборник документов. Т. II. Составители М. Экзеков, Н. Емельянова. – Санкт-Петербург. 2012. С. 378.

[17]Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 584.

[18]Из записки начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова о религиозной ситуации среди абхазов и их веротерпимости // Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX века (1762 – 1859). Сборник документальных материалов. Т. II. Составители: А. Э. Куправа, С. Ш. Салакая, А. Ф. Авидзба. – Сухум. 2011. С. 376–377.

[19]Смыр Г. В. Религиозные верования абхазов. – Гагра. 1994. С. 10.

[20]Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум. 1992. С. 38.

[21]Там же

[22]Там же.

[23]Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа… С. 74.

[24]Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы… С. 583.

[25]Цеева З. А. Отношения Черкессии с Османской империей и Крымским ханством: военный и социокультурный аспекты:70-е гг. XV–XVIII вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Майкоп. 2004.

[26]Смыр Г. В. Религиозные верования абхазов… С. 10.

[27]Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы…. С. 583.

[28]Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. – Сухуми. 1958. С. 92.

[29]Там же. С. 92–93.

[30]Цвижба Л. И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. – Сухум. 2001. С. 71.

[31]История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 149.

[32]Зубов П. Картина Кавказского края. Кн. II. Ч. VII. – Спб., 1835. С. 266.

[33]Чачхалиа Д. Абхазская православная церковь. Хроника. Прибавления. – М., 1997. С. 32.

[34]Квициния М. Б. К вопросу о религиозной ситуации в Абхазии в первой половине XIX века // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН 28 – 31 мая 2001 г. – Сухум. 2004. С. 341.

[35]Карла Серена. Путешествие по Абхазии. –М., 1999. С. 103–104.

[36]Акаба Л. Х. Религия // История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 149; Цимцба А. Л. Деятельность Абхазской миссии Общества восстановления православного христианства на Кавказе: исторические условия, методы и формы робота. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. - Майкоп. 2001. С. 17 – 18, 21, 25, 28, 29,30 – 31.

[37]Барцыц Р. М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике… С. 14 ; Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии. - Сухум. 2006. С. 455.

Наше будущее зависит от нас

Трудности нынешнего развития абхазской государственности самоочевидны. На протяжении веков взаимоотношения Абхазии с другими политическими образованиями оставили глубокий след в ее социально-экономическом, политико-культурном и демографическом развитии.

Сложным будет восхождение к основам демократического устройства Абхазии: от победы в страшной войне, равной для нашего народа по своему значению Великой Отечественной советского народа, до построения процветающего государства предстоит пройти нелегкий путь.

Глубоко прав мудрец, сказавший: «Все познается в сравнении». Каждая страна в своем поступательном движении проходит универсальные законы социально-культурной и экономической эволюционной спирали, и в многообразной палитре мирового развития важно найти правильную аналогию и не повторять чужих ошибок.

Не имея возможности в рамках газеты рассмотреть все аспекты затрагиваемых вопросов, охарактеризую некоторые из них.

Абхазия как развивающаяся страна. Есть определенные критерии, по которым международное сообщество, Организация Объединенных Наций относят те или иные страны к разряду развивающихся, так же как и развитых и слаборазвитых. Критерии эти достаточно многогранны, чтобы сводить их к какому-либо одному показателю. Так, только для определения уровня жизни по разработанной экспертами ООН системе «социальных индикаторов» используются 37 показателей.

К развивающимся, следует относить добившиеся независимости страны со слабым уровнем социально-экономического развития вследствие их длительного нахождения под властью других государств. Этого определения достаточно, чтобы термин «развивающаяся страна» мог быть приложен к любой республике бывшего Союза, как и к Абхазии. К сожалению, история распорядилась так, что мы в течение длительного времени насильно были включены в состав Грузии, страны, где, помимо прочего, исторически отсутствовали цивилизованные, демократические традиции и механизмы разрешения возникающих политических и других проблем. К странам, цивилизованно решающим большинство проблем, относятся, например, Бельгия, Нидерланды или Лихтенштейн. Что нужно сделать (кроме, конечно, стабильности), чтобы Абхазия была ближе к уровню развития, например, Бахрейна или Омана – стран, за одно-два десятилетия совершивших скачок из средневековья в современность?

Евро-азиатская страна. По естественному фактору своего географического нахождения территория Абхазии исторически имела исключительно важное стратегическое значение, замыкая узкую прибрежную дорогу из Закавказья на Северо-Западный Кавказ. Богатые природные ресурсы, климат, преимущества открытого порта и благоприятное место капиталовложений делают ее страной огромных возможностей.

Наша республика расположена на пересечении Европейского и Азиатского миров, поэтому, для нас хорошим примером может служить наш ближайший, после России сосед – Турция, которая в результате успешной реформаторской деятельности по своему уровню приблизилась или приобщилась к благополучным странам Западной Европы. Другие примеры стран, перестроивших народное хозяйство по законам современного рынка, – Кувейт или Саудовская Аравия.

Постколониальная, посттоталитарная страна. Колонизация Кавказа, а вместе с тем и Абхазии, не была одномоментным явлением, происходила длительное время и отнюдь не мирным путем. Однако следует признать, что до окончательного включения Абхазии в состав России она сохраняла внутреннее самоуправление, основанное на характерных для абхазов формах общественных отношений, социальных институтах и принципах общественного поведения. Присоединение же к России определило новые пути политического и социально-экономического развития

Абхазии, оказав глубочайшее воздействие на многие стороны ее этнокультурной жизни.

Казалось бы, очевидно, что государства с демократической властью добиваются наивысших темпов экономического роста и жизненного благосостояния населения. Пример тому США, Канада или Западная Европа. Но, с другой стороны, не меньшего экономического развития добились пиночетовская Чили или коммунистический Китай, королевский Таиланд или Брунейский султанат, не говоря уже о монархических странах Персидского залива. Это говорит о том, что благополучие народа зависит не только и не столько от того или иного вида государственного устройства, но и от действенного участия каждого гражданина страны в решении вопросов хозяйственной, социальной и культурной жизни общества, от того, как каждый человек служит и заботится о своей Родине.

Традиционная страна. Под традиционностью имеются в виду нормы поведения, сложившиеся в давние времена и доставшиеся потомкам от предков. В ответ на угрозу стандартной культуры народы повсеместно стремятся отстоять, развить и подчас даже возродить свои собственные традиции, становящиеся как бы национальными символами. Можно использовать свою богатую и самобытную традиционно-бытовую культуру (при критическом отношении к традиционному наследию, принимая передовое и отвергая архаическое) для позитивного развития абхазского общества, как поступили наиболее приверженные к традиционности и народности Англия и Япония. Но можно надолго остаться в плену консервативности и патриархальщины (Йемен, Бирма или Непал). У абхазов всегда велика была сила традиционалистской, «этнографической» культуры – прочность семейных устоев, уважительное отношение к женщине, забота о госте или идущий из далекого прошлого культ старшинства. Эти культурные традиции должны стать важным фактором прогрессивного развития нашей республики.

Разделенный народ. Одной из острых проблем нашей действительности является репатриация проживающих за рубежом

абхазо-абазин, волею судьбы разметанных по всему свету. Участь соотечественников до сих пор болью отзывается в наших сердцах. С другой стороны, эта разделенность и разбросанность по свету является фактором, стимулирующим потенциальные силы для национального возрождения абхазского народа. Судьба абхазов в смысле разделенности сходна, прежде всего, с судьбой адыго-черкесов, армян, татар, евреев. Период небывало грозных и тяжелейших испытаний войны с Грузией в 1992–1993 гг. особо выявил, что среди зарубежной абхазской диаспоры сильно патриотическое движение. Многие наши соотечественники, проникнутые искренней любовью к Отчизне, оказали ей в решающую пору моральную, материальную и военную поддержку, внеся посильную лепту в победу народов Абхазии над войсками Госсовета Грузии. Сегодня создались наиболее благоприятные условия для возвращения всех абхазов – изгнанников на землю предков. Но далеко не все из них, в силу многих причин, ринутся на историческую Родину. Поэтому здесь, в первую очередь, необходимо принятие государственного закона о репатриации, с предоставлением значительных льгот лицам, возвращающимся на Родину. Наиболее же позитивным шагом является введение двойного гражданства, о чем было заявлено руководством нашей республики.

Завершая заметки, хочу сказать, что вопросы, поднятые здесь, требуют более полных и осмысленных ответов: это, хочется надеяться, будет сделано нашими учеными – специалистами.

Газ. «Республика Абхазия» № 50. 19-12 июля 1994 г.

Старейшие люди Абхазии

Публикуемый ниже иллюстративный материал о старейших людях Абхазии хранился в домашнем архиве Василия Николаевича (Мышьа Мырза-ипа) Маан (1898–1946) – видного абхазского педагога и просветителя*. С конца 1930-х годов он занимался сбором и научным изучением фольклорного материала и, по свидетельству его супруги – Бархударовой Марии Алексеевны, провел учет и жизнеописание более 120 старейших абхазских сказителей и долгожителей (согласно принятой в науке международной практике, долгожителями, как известно, считаются люди 90 лет и старше). На обороте большинства фотографий из архива В. Н. Маан указаны имена, фамилии, возраст, район или село проживания долгожителей, а также год когда были сделаны фотографии. Надписи на фото оставлены нами без стилистических изменений. Те же фотографии помечены указаниями к страницам книги. К сожалению, материалы рукописи, как и весь солидный архив и библиотека В. Н. Маан, после смерти супругов бесследно исчезли (детей у В. Н. Маан не было, сам он проживал по адресу г. Сухум, ул. Калинина (сейчас – Чочуа) д. 17, кв. 2). Из его личного архива сохранились самая малая часть фотографий долгожителей Абхазии. К фотографиям прилагался «Список долгожителей, проживающих на территории Абхазской АССР», на двух машинописных

*Подробнее о нем см.: Мустафа Бутба. «Путешествие на Кавказ» 1920 г. Публикация Р. Х. Гожба // Газ. «Республика Абхазия». 18 апреля 1998 г. ; Гулиа Д. Рождение Абхазского театра (К 15-летию Советской власти в Абхазии) // Газ. «Советская Абхазия». 12 сентября 1936 г. ; В. Н. Маан. Некролог // Газ. «Советская Абхазия». 22 мая 1946 г. ; Дудко А. П. Из истории педагогического образования в Абхазии. – Сухуми. 1961. С. 105; Гулиа Д. И. Сочинения. Т. 4. – Сухуми. 1962. С. 160; Шинкуба Б. В. Избранные сочинения. Т. 1. – Сухуми. 1967. С. 17 (на абх. яз.); Хашба М. В. В весенние дни. Воспоминания // Журн. «Алашара». № 8. Август. 1968 г. С. 65–66 (на абх. яз.); Пачалия Ш. Путь актера. – Сухуми. 1968. С. 18, 39–40 (на абх. яз.); Аргун А. Х. История абхазского театра. – Сухуми. 1978; Маан О. Жизнь, посвященная служению народу (К 100-летию со дня рождения В. Н. Маан) // Газ. «Апсны». 26 февраля 1999 г. (на абх. яз). Его же. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор. – Сухум. 2004. С. 75–78.

страницах, к сожалению, без указания года его составления. В «Списке…» указаны фамилии, имена и отчества, год рождения и адрес. В «Список…» В. Н. Маан также были включены некоторые личности, еще не достигшие 90 лет.

В этом списке значатся, например, следующие долгожители Абхазии: г. Ткуарчал: Пею Константин Панастович – 1832 г. р., с. Джантух, 22, кв. 31; Шакая Иван Павлович – 1829 г. р., Джантух, 8-ми кварт. дом; Шакая Натела Джаковна – 1828 г. р., Джантух, 8-ми кварт. дом; Каленчук Иван Григорьевич – 1816 г. р., Джантух, д. 22 «б», кв. 7; Какубава Евгения Каковна – 1856 г. р., Акармара, д. 38, кв. 37. Гульрипшский район: Царева Елизавета Григорьевна – 1823 г. р., с. Вашловани (совр. с. Бороуху Мерхеулского сельсовета); Шомакия Лука Стефанович – 1843 г. р., с. Квемо-Пшапы (Нижний Пшап); Келичава Елена Андреевна – 1824 г. р., с. Цебельда; Курдикян Гоарик Овакимович – 1827 г. р., с. Земо-Гульрипш (Верхний Гулрыпш); Векуа Гезо Викторович – 1835 г. р., с. Багмаран; Хасая Ганоз Романович – 1845 г. р., с. Багмаран; Нарсавидзе Коста Агович – 1845 г. р., с. Ажара; Герлиани Нина Адисовна – 1818 г. р., с. Напири.

Некоторых долгожителей представлено по два фото. Судя по надписям на некоторых из них, снимки сделаны в 1925, 1930, 1936, 1938, 1939, 1940 гг. Несколько фото оказались без указания района (села) проживания, фамилий и имен долгожителей.

В иллюстративный материал мы включили и фото самого В. Н. Маан, а также фото снятое в 1938 г. во время фольклорно-этнографической экспедиции с участием К. С. Шакрыл и В. Н. Маан в с. Лыхны.

В заключение считаем нужным сказать, что все уцелевшие фотографии в 1996 г. были любезно переданы автору этих строк известным абхазским лингвистом, кандидатом филологических наук, общественным деятелем и правозащитником Тамарой Платоновной Шакрыл*.

* Согласно генеалогическому древу, отец В. Н. Маан – адзюбжский дворянин Мырза Маан был женат на дочери другого местного дворянина, народного просветителя Андрея Георгиевича Курцикидзе – Мине (Нине), родившей ему восьмерых детей (из коих В. Н. Маан был пятым в семье). Сам Георгий Давыдович Курцикидзе (род. в 1824 г.), как известно, участвовал в комиссии И. А. Бартоломея по составле-

Мы публикуем эти материалы как дань памяти с одной стороны – долгожителям, а с другой – Василию Николаевичу Маан, в 1946 году трагически погибшем (утонул в реке Ингур при неизвестных обстоятельствах).

Долгожители с. Бедия.

нию первого «Абхазского букваря» 1865 г. и много содействовал П. К. Услару в составлении «Грамматики абхазского языка». Вторая дочь Андрея Курцикидзе – Чапа (Агафия) была замужем тоже за местным дворянином Жампылом Маан. У Жампыла было трое детей – дочери Химкур, Зина и сын Бекырбей. Зина вышла замуж за Платона Шакрыл – впоследствии известного абхазского педагога, литератора и просветителя. У Платона Шакрыл от этого брака родились сын Варлам (без вести пропал в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. в июле 1941 г.), дочери – Екатерина и упомянутая выше Тамара, которая погибла 12 ноября 2004 г. в ходе гражданского столкновения у президентского офиса в г. Сухум.

Ардзинба Тагу, 105 лет, с. Джгерда. 1930 г.

Киут Хапара, 143 лет. 1930 г.

145 летний старик Тлабган Кецба слушает читку газеты праправнучки своей.

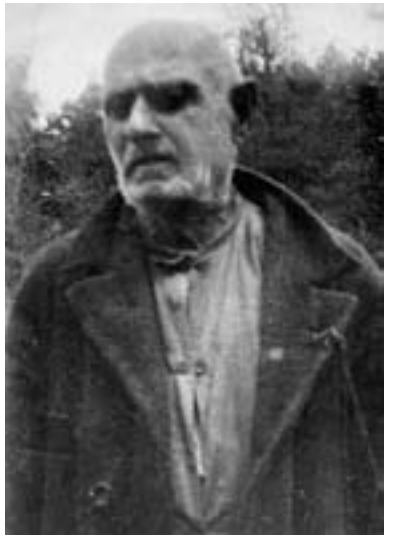
Сестра Сулеймана Аршба – Шамсия Шония-Аршба, с. Царче Гальского района. 1936 г.

Каримхан Шармат, 105 лет, с. Джгерда. 1939 г.

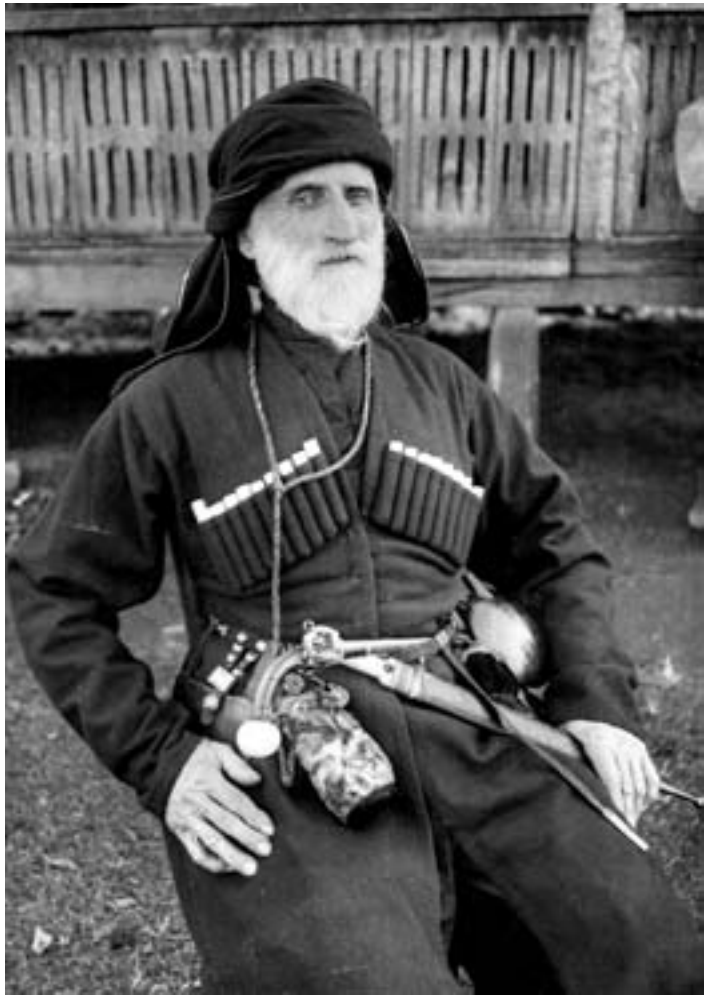

Джидж Шапковский, 150 лет, с. Латы Абхазской АССР. Умер в 1932 г.

Джат Начкебия, 140 лет, с. Пакуаш. 1930 г.

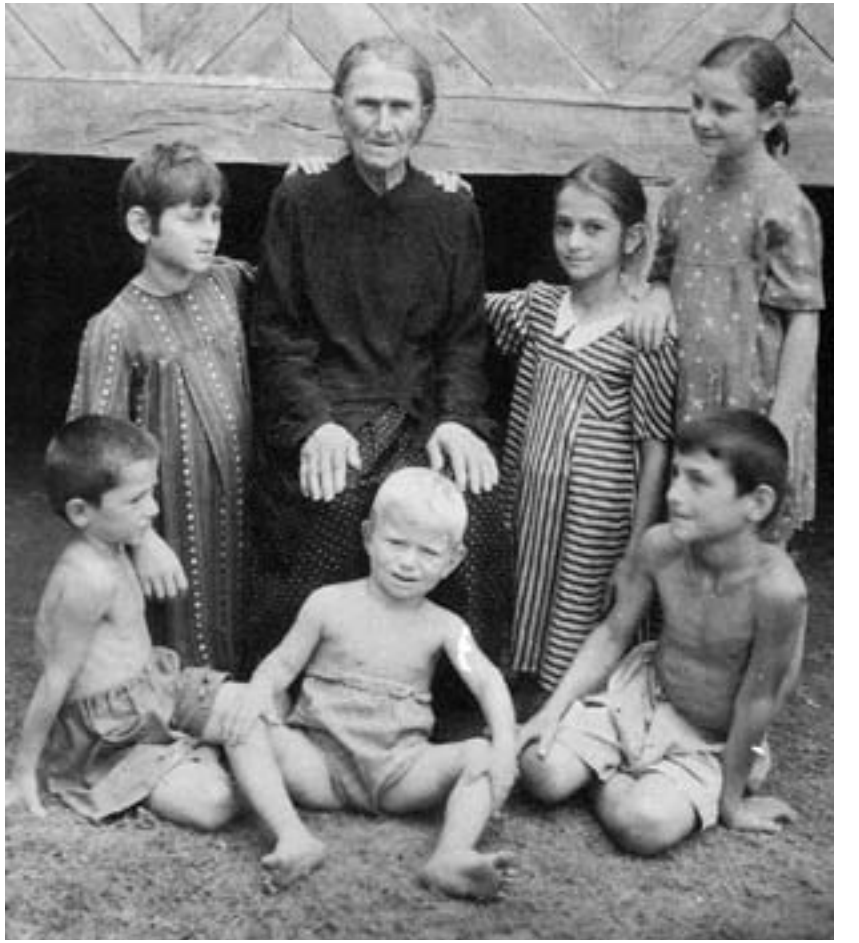

Лука Шария, 98 лет. 1940 г.

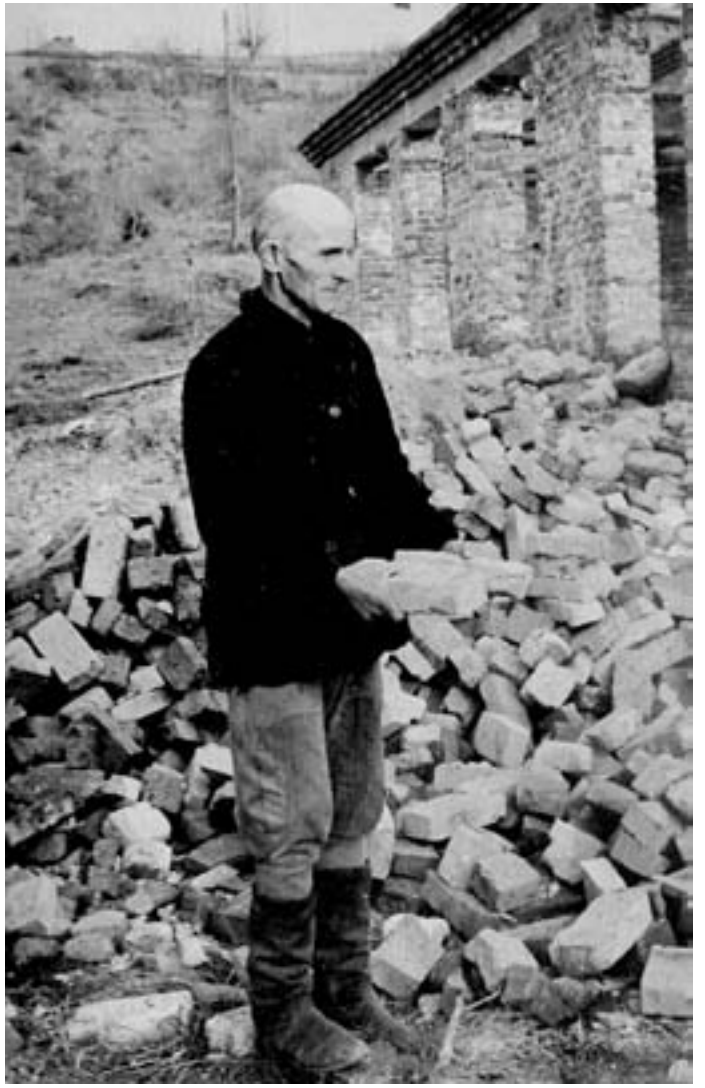

Квициния Бинагу, 105 лет. с. Атара, Абхазская АССР. 1936 г.

Т. Жвания со своими правнучками, с. Окум. 1936 г.

Гварамия Василий

Абхазия славится долголетием своих жителей. Здесь часто можно встретить глубоких стариков, которые продолжают работать. Однако даже для Абхазии представляется исключительным долголетие жителя Гальского района тов. Кецба. Ему исполнилось 132 года!

На снимке (слева направо) тов. Кецба и его 65-летний сын.

Газ. «Известия», 28 марта, 1935 г.

Василий Николаевич Маан – видный деятель просвящения Абхазии. 1930 г.

Первый ряд, сидят слева направо: Константин Семенович Шакрыл,
Тамара Маршания-Шинкуба – жена Баграта Шинкуба,
Василий Николаевич Маан.
Стоят, дети Платона Шакрыл, слева направо: Тамара, Варлам (Вова), Катя.
Фольклорно-этнографическая экспедиция в с. Лыхны. 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора....3

ЧАСТЬ I.
О ранних этапах этнокультурной истории абхазов....5
Древние культурно-исторические взаимосвязи Северо-Западного Кавказа 5
О хозяйственно-обменных отношениях древней Абхазии 25
К этнокультурной характеристике древнеабхазских племен в VI–I вв. до н. э 43
Из истории судоходства в древней и средневековой Абхазии 63

ЧАСТЬ II.
Из истории и культуры населения Юго-Восточной Абхазии....88
О локализации этногеографических названии в Юго-Восточной Абхазии в позднеантичную эпоху 88
Миграционные процессы в Юго-Восточной Абхазии в средневековье 101
Умолчание – не лучшее средство доказательств....109
По поводу «запоздалой» рецензии 114
Из истории семьи и семейного быта абжуйских абхазов (XIX – началоXXI в.) 121
К антропонимии населения Юго-Восточной Абхазии 151

ЧАСТЬ III.
Из этносоциального развития абхазов 169
Ахацәа рыҟура акатегориа аҧсуаа рҿы 169
Аҧсуаа жәлар рыхәаррақәа рҧыдарақәа 176
Фамильные сходы у абхазов 184
Основные черты социального строя 194
Сословные взаимоотношения традиционного абхазского общества в контексте морально-этических норм Апсуара....206

ЧАСТЬ IV.
Из истории зарубежных абхазов 237
Дызуҭада Али-беи? 237
Султан Египта и обоих морей 243
Хусреб-ҧашьа даҧсыуан.... 249
Благодаря дарованию и мужеству 256
Абазақәа аҳәаанхыҵтәи рҭоурых аҟынтә..... 261
От невольников к египетским беям 267

ЧАСТЬ V.
Хозяйственное и политико-культурное состояние Абхазии
в XIX – XX вв. 273
Гумская Абхазия с XIX века до дня нынешнего 273
Из истории курортного хозяйства Абхазии 281
Лесоэксплуатация в Абхазии в XIX– начале XX вв. 290
К изучению религиозных представлений абхазов 292
Наше будущее зависит от нас 306
Старейшие люди Абхазии 310

ОМАР ВЛАДИМИРОВИЧ МААН

Проблемы этнического развития
и традиционно-бытовой культуры абхазов

Редактор *Л. С. Пачулия*
Верстка *Н. Г. Гунба*

Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Тираж 500. Физ. п.л. 20,25. Усл. п. л. 18,83.
Заказ № 1.
РУП «Дом печати». Сухум, Эшба, 168.